

Николай ВОДНЕВСКИЙ

**И ВЧЕРА
СЕГОДНЯ:**

**ЖИЗНЬ –
КАК ОНА ЕСТЬ**

Николай Водневский

**ВЧЕРА И СЕГОДНЯ:
ЖИЗНЬ – КАК ОНА ЕСТЬ**

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

УДК 821.161.1-322.6-97
ББК 84(7Спо=Рос)-44
В62

Николай Водневский

**ВЧЕРА И СЕГОДНЯ:
ЖИЗНЬ – КАК ОНА ЕСТЬ**

Издание четвертое

Директор *П. Давидюк*
Редактор и корректор *Е. Пеннер*
Компьютерная верстка *А. Цорн*

Свидетельство о государственной регистрации,
№ 1 074 107 0004 023994, выдано Шевченковской районной
в г. Киеве государственной администрацией 13.10.09.

Подписано в печать 07.08.14.

Бумага Lux Cream. Формат 84x108/32.

Гарнитура: AcademyC, TimesNewRomanPSMT.

Печать офсет. Усл. печ. л. 21. Тираж 7 000 экз.

Заказ № 571870.

УМО «Світло на Сході», ул. Хорольская, 30,
02090, г. Киев, Украина.

Отпечатано в типографии CPI books GmbH,
Eberhard-Finckh-Straße 61, 89075 Ulm, Germany.

Изд. № 01.205

ISBN 978-966-2089-18-9 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-57-7 (Герм.)

© «Світло на Сході», 2014

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНИГЕ

Что такое жизнь? Не в философском понятии, а в самом обычном.

Разные люди по-разному отвечают на этот вопрос.

Жизнь — это не стеклянный шарик, не резиновый мячик, не искусственный цветок. Все эти предметы в любое время года неизменны, тогда как жизнь — постоянный круговорот событий.

Николай Водневский в одном из своих рассказов сравнивает нашу жизнь с яблоней. Вот она цветет и благоухает весной, наливается плодами в летние месяцы; созревшие плоды снимают с веток и укладывают в корзины. Холодный предзимний ветер срывает с яблони золотые и багряные листья. Зимняя вьюга стегает по ветвям ледяным бичом. Чего только не выпадает на долю яблони в течение года! И все это она покорно и терпеливо принимает как неизбежность, и все это — ей на пользу. Цель ее жизни — приносить плоды, радующие людей.

Я часто думал об этом, когда наблюдал, как создавалась эта книга. Я работал с ее автором шесть лет и видел, как после восьмичасовой работы на фабрике он приезжал в редакцию газеты «Наши дни» почти ежедневно и каждый раз привозил описание новых эпизодов из жизни. Я читал эти заметки как редактор, и меня всегда удивляла способность Водневского подмечать в жизни то, что не останавливает на себе внимание других.

В чем особенность его литературных зарисовок, составивших книгу «Жизнь — как она есть»? В их простоте и правдивости. Они доходчивы, легко читаются.

Есть изречение: «Что исходит из сердца, доходит до каждого сердца». Книга Н. Водневского «Жизнь — как она есть» — подарок вдумчивым, серьезным читателям. В ней много глубоких мыслей и добрых чувств. Многие страницы читатель прочтет несколько раз, потому что эта книга — искренняя. В каждой зарисовке, в каждом рассказе он най-

дет зерно. Не бойтесь попробовать его «на зуб», почувствовать его аромат и вкус. Это зерно — вечная, неизменная правда.

Книга «Жизнь — как она есть» заставляет читателя думать, облагораживает чувства, зовет к горнему и, что дороже всего, указывает на Христа как на единственную надежду мира.

В Америке есть такая игра — «пазлс». Из маленьких ярких картонных кусочков нужно составить картину. Нечто в этом роде делает Н. Водневский: из множества интересных и глубоких наблюдений и зарисовок он складывает яркую и объективную картину времени, в котором мы сегодня живем.

Прозу Н. Водневского легко узнать по ее простоте и человечности, по глубине проникновения в смысл жизни, по ее духовному богатству.

Я не сомневаюсь, что этой книге суждена долгая жизнь. Ее будут читать не только христиане, но и люди неверующие, но искренние, ибо в этой книге много любви к жизни, что дорого каждому человеку.

Родион Березов, 1972 г.

ЧАСТЬ I

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЖИЗНЬ...

Первая страница повести моей жизни начиналась в деревушке Боровке. Свое название она получила от слова «бор» – большого соснового леса на южной окраине Брянской области.

Себя я помню лет с шести, даже раньше. Старший брат настойчиво учил меня азбуке. Помню его объяснение:

– Видишь крючок? Вот это и есть мягкий знак. Тебе шесть лет. Пиши буквами «шесть». Без этого крючка получится «шест», а не «шесть»...

В нашей избе, над кроватью, во всю длину стены висел шест для одежды, и мне хорошо запомнилась разница в написании слов «шест» и «шесть».

Учился я по букварю. Когда отец привез мне из города первую книгу для чтения, – это был большой праздник.

В деревне школы не было. Немногие умели читать печатный текст. Когда же, случалось, кто-нибудь получал письмо, читать его носили в соседнее село. Такою нашу деревню застала революция.

Я родился уже после революции. Тогда много говорили о правах, о свободе, о равенстве, об образовании. В тридцатых годах я ходил в школу в соседнее село, за шесть километров.

Когда леса перешли в ведение местных советов, мой отец стал лесником. Оттого все мое детство связано с лесом. Отец часто брал меня с собой в «обход» по лесным тропинкам и просекам. Он любил природу, любил зверей и, хотя за плечами носил двустволку, стрелял только в крайнем случае. Я не помню, чтобы он подстрелил хоть одного зайца.

От отца не раз влетало мне за шалости. Но один случай, поразивший меня родительской человечностью, я хорошо помню и сегодня.

Мне было лет пять. Начиналась весна. Под окнами в полдень стучали капли, со стрех обрывались сосульки, разбиваясь со звоном, как стекло. На полях уже виднелись

проталины, грустно чернел лес. В избе было тихо, скучно и сонливо. Мой брат, примостившись у порога, вдохновенно мастерил скворечник, а я, взобравшись на шкаф, нашел на полке банку из-под чая. Не без труда открыл ее. Там лежали красиво разрисованные бумажки. Обрадованный интересной находкой, я побежал к соседке — черноволосой, смуглой девочке Нине. У Нины сразу же появилась идея:

— У меня есть ножницы... Будем вырезать картинки и наклеивать на окна...

За этим занятием нас увидела мать Нины. Она вскрикнула:

— Что же вы делаете, окаянные?.. Это же гроши!..

Все деньги оказались изрезанными на куски.

Вскоре пришел отец. Он взглянул на мои дела и ахнул:

— Корову порезали!..

Отец долго копил деньги, чтобы купить корову. Так как бумажных денег я никогда не видел, то изрезал их ножницами, как обыкновенные бумажки.

Поняв весь ужас своего преступления, я заплакал. Отец взял меня на руки и понес домой. Я обнял его за шею и, прижавшись к колючей, небритой щеке, просил:

— Папочка, прости, больше не буду...

— Да больше и денег-то у нас нет, — сокрушенно ответил отец.

Он не наказал меня, простил.

Отец никогда не ходил в церковь, а если заходила речь о религии, говорил:

— В Бога я верю, а к попам у меня веры нету. Нет в их жизни Христовой правды. Пьют самогонку, как и мы, грешные...

Моя мать была очень религиозной. Вся ее жизнь была связана с церковью, с исполнением обрядов, соблюдением постов и праздников. Помню, как однажды, на Пасху, отправляясь в соседнее село ко всенощной, мать взяла и меня. Запах ладана, воска, смолистых еловых ветвей, которыми был устлан пол, блеск икон, мигание свечей, отливающее золотом паникадило, хор и басистый голос священника — все это надолго врезалось в мою память. Мать ставила свечи и долго молилась перед иконами, преклонив

колени. Я прислушивался к ее шепоту, к частым вздохам и начинал понимать, что матери живется очень тяжело, что она жалуется Богу и ждет от Него помощи.

В церкви я познакомился с местными мальчишками. Они пригласили меня в клуб, что стоял напротив церкви. Там в это время шла антирелигиозная пьеса, играла гармошка, пьяные голоса распевали демьяновские частушки:

Цены драл с нас батя тучный,
Мертвым спуску не давал,
А теперь за харч насущный
Скот пасти нам батя стал.

Клуб был переполнен молодежью, облаками плавал махорочный дым, под ногами трещала шелуха от семечек. С большим трудом я выбрался во двор. Там крутили кинокартину: бегали люди, стреляли из пушек, горели дома. Я видел кино впервые и так увлекся, что совсем забыл о матери и о церкви. И только когда вокруг церкви начался крестный ход с пением, когда началась традиционная служба, я вспомнил о матери и не сразу нашел ее в кругу женщин, разложивших пасхальные куличи и яйца для окропления водою.

На рассвете мы отправились домой. Небо постепенно светлело, из-за леса величественно выплывал красный диск солнца, начинали петь пташки. Лошаденка, предчувствуя приближение дома, бежала охотно.

В пути мать меня корила:

— Я тебя в церковь взяла, чтобы ты Богу помолился, а ты, значит, к сатане сбежал... Накажет тебя Бог за это хворобой али чем другим...

— Всех накажет, кто в клубе был? — спрашивал я.

— Всех накажет, всех, конечно. Только не всех сразу, не в одно время, но Бог всех безбожников накажет... Бойся Бога, сынок, бойся...

Мать заметила на моем лице раскаяние и добавила:

— Бог, Он как отец добрый: тех, кто кается, прощает... Вот и ты молись Богу, а Он смилостивится и простит твой грех.

— А как молиться, мама? — спросил я.

— Молись так: «Отче наш, иже еси на небесех...»

- А что такое «иже еси», мама?
- Об этом только бабушка знает..
- Почему же ты у него не спросила?
- Да разве можно, сынок, знать все про все?

Обычно на Пасху деревня спала до обеда. В полдень она оживала. Шумливая детвора высыпала на улицу, как цыплята из лукошка. Начинались игры.

На второй день Пасхи к нам приезжали гости: зять Степан, дядя Егор, большой, лысый, с умными глазами, и его взрослые сыновья – Андрей и Митрофан. На столе появлялась четверть крепкого синеватого самогона, окорок, куличи, яйца. Все становилось в ряд перед иконами, и дядя Егор читал «Отче наш», широко осеняя себя крестом. Начинался обед.

Отца я никогда не видел пьяным. Пил он хитро, небольшими глотками, но любил угощать других. Наш зять, по-детски застенчивый, тихий, кроткий и слабосильный человек, после первого стакана сразу менялся. Каждое неосторожное слово собеседника могло его обидеть и вызвать гнев. Он становился придирчивым, лез ко всем драться, бил посуду и ругался. Для таких случаев отец всегда припасал веревку. Он зорко следил за поведением зятя, и как только его буйство переходило границы, подавал сигнал сыновьям дяди Егора. Те клали его на пол и вязали веревкой, в то время как зять бился головой о пол, кусался, плакал и превращался в невероятно сильного человека. Связать его стоило немалых трудов. Потом он погружался в крепкий сон. Утром просил у всех прощения, застенчиво улыбался и краснел, когда говорил отцу:

– Простите, больше этого не будет. Даю зарок не пить...

Конечно, обещаний он не исполнял.

Бывало, за столом кто-либо из гостей затягивал старинную грустную песню. Ее подхватывали другие. Изба сотрясалась от мощных мужских голосов. В песне выливалось все народное горе. Потом отец брал скрипку, настраивал ее, поднеся к самому уху и, взмахнув смычком, начинал свою любимую песню:

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит,

В той степи глухой
Умирал ямщик.

Подстраиваясь под скрипку, песню подхватывали все, включая женщин, а я, выглядывая из-за печки, смотрел, как широко открывался беззубый рот дяди Егора, и как, склонившись над столом, грустными и мутными глазами смотрел в окно Степан.

В праздничные дни в деревне много пили. Рождество, Крещение, Пасха, Троица никогда не проходили без драки. Дрались отчаянно и хлестко, иногда из-за пустяков, пуская в ход не только кулаки, но и бутылки, и колья.

На другой день, после похмелья, примирились, и снова начиналась мирная, трудовая жизнь деревни.

Так было в годы нэпа.

Разгульную, буйствующую Русь, прозванную святой, ожидали тяжкие времена. И они пришли.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

В январе 1929 года в наших краях стояли лютые холода. Суровые морозные ветры и обильные снегопады держали людей в избах. Чтобы не затеряться и не замерзнуть на дальней глухой дороге, я в школу в эти дни не ходил.

Однажды утром к нам кто-то постучал. Мать открыла дверь. В избу вошел высокий человек в полушубке, с густо заиндевелой бородой. Он снял шапку, отряхнул у порога снег. На худощавом лице его, с глубокими умными глазами, мелькнула виноватая улыбка.

— Мир вам, христиане, — проговорил он внятным певучим голосом. — Нельзя ли у вас обогреться?..

Мы охотно дали ему место у железной печки.

— Устал, сердечный? — спросила мать участливо. — Может, выпил бы чаю?

Незнакомец согласился.

Это был странствующий сапожник, как он рассказал нам о себе. Он шел из села в село, останавливался там, где для него находилась работа. Нашлась она и у нас.

— А о плате не спрашивайте, — заявил он, заметив, что мать ищет повода заговорить о цене. — Я живу не для себя, а для бедных людей. Кто что даст, то и хорошо.

Он прожил у нас неделю; работал, примостившись у окна, где было больше света. Нам нравился его веселый, общительный характер, а больше всего то, что он не курил и не ел мяса. Он был интересным, увлекательным рассказчиком. В долгие зимние вечера наша изба наполнялась соседями, которые приходили послушать бывалого человека.

Сапожник быстро познакомился со мною. Он интересовался, чему и как нас учат в школе. Я тогда ходил во второй класс.

Мать не без гордости рассказывала сапожнику обо мне полупрошепотом:

— Он у нас дюже смышленный. Читать научился до школы. Тянет его к книжкам, как к меду...

Однажды сапожник спросил меня:

— Льва Николаевича Толстого читал? Слышал о таком писателе?

— Как же, «Хаджи Мурата» читал, «Корнея Васильева» читал, как он из дому ушел, а потом опять вернулся. Очень хороший рассказ. Так было с нашим соседом...

— Еще что читал?

Ничего больше вспомнить я не мог.

В тот же вечер я читал под копящей, с разбитым стеклом лампой рассказ Толстого «После бала» из хрестоматии для старших классов. Пришли соседи. Слушали внимательно. Сапожник часто прерывал чтение и пояснял:

— Вот как оно было на Руси святой... Хамелеоны какие... На балу — герой, рыцарь, ручки дамам целует, а с людьми — кат.

— Кто такие «хамелеоны»? — спросил кто-то из соседей.

— Это маленькие ящерицы, умеющие быстро менять окраску. Они могут быть и зелеными, и коричневыми, и даже черными. В Африке водятся.

— Так оно и теперь. И всегда так было, — дополнил сосед.

Когда я читал о наказании солдата шпицрутенами, сапожник меня остановил и сокрушенно проговорил:

— Вот так и Христа били. А за что? За то, что Он принес

человеку свет, учил его любить ближнего. А Его люди положили на крест и гвоздями прибили.

— Это евреи сделали, они и отвечать будут, — подал кто-то голос.

— А мы-то лучше евреев, что ли? — возразил другой. — Добрым людям и теперь нет на земле места: не убьют, так в Сибирь сошлют.

— Да, евреи тут ни при чем, — заметил сапожник. — Христа распяли наши грехи.

— Что же дальше было? — спросил я, захваченный историей Христа.

Сапожник продолжал:

— Шесть часов висел Он на кресте. И умер. Сняли Его с креста и похоронили в пещере Иосифа...

— Потом, на третий день, Христос воскрес, — вмешалась в разговор мать.

— Он воскрес в духе и истине, — пояснил сапожник. — Его идеи и теперь живут.

Долго рассказывал сапожник об учении Христа. За окном бушевала вьюга. Скованные морозом окна постепенно оттаивали — весь вечер в железную печь подбрасывали дрова. Старый кот с порыжевшей от огня шерстью дремал возле печки, водил ушами, будто прислушивался к тихой речи бородатого незнакомца.

Одно матери не нравилось: перед сном сапожник творил про себя молитву, но не крестился, будто иконы стояли в углу не для него. Мать не решалась спросить, что это значит, но в семейном кругу решили, что он какой-то сектант. Это слово было для меня загадкой.

Мы ложились спать поздно. Я долго не мог уснуть. Иногда ветер стучал ставнями, шумел и завывал в трубе. Я думал о сапожнике. Мне он казался таинственным человеком, и его одинокая, бесприютная жизнь вызывала во мне жалость. Засыпал я незаметно, а когда просыпался, сапожник уже сидел перед окном за небольшим верстаком. Он постукивал молотком или делал дратву и тихо напевал, проникновенно выводя слова:

Выхожу один я на дорогу,

Сквозь туман кремнистый путь блестит.

Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

У печи хлопотала мать. Яркое пламя разгоревшихся дров освещало ее усталое, покрытое преждевременными морщинами лицо. Пение сапожника ей нравилось, она вслушивалась в слова песни, осторожно передвигая ухватом горшки.

Однажды сапожник оборвал песню и, обращаясь к матери, спросил:

— Вот вы, Ксения Васильевна, говорите, что всю жизнь думаете о спасении души, о Царстве Божьем. А знаете ли вы, что Царство Божье внутри вас есть? Смотрю я на вашу жизнь и думаю: святая у вас душа, а сами того не знаете.

— Где уж нам до святых? Дня того нет, чтобы без греха прожить. Не делом, так словом согресишь, не словом, так помыслом.

— А разве святые безгрешны? В Евангелии сказано: «Любовь покрывает множество грехов». Так что главное — в любви. Если она есть в сердце, значит, и Царство Божье там же, — наставническим тоном говорил сапожник.

Я прислушивался к его речам, не все понимая. Но я знал, что говорил он о важном, о нужном каждому человеку, говорил о Боге.

Прошла неделя. Однажды вечером, когда вся работа была уже сделана, сапожник попросил у меня лист бумаги. Несколько минут он сосредоточенно думал, как бы что-то решая, а потом вытащил из кармана огрызок карандаша и начал писать.

Утром, перед тем как с нами проститься, он дал моей сестре исписанный лист бумаги. По его лицу скользнула тень грусти:

— Ну, прощайте... Иду на юг и с вами, верно, на земле не встречусь. Но вот важное письмо. Читайте и храните. Старайтесь жить так, как здесь написано. Перепишите его и дайте другим.

Мать подала ему узелок с едой и несколько рублей.

— Нет, нет! — сказал сапожник. — Я богат, живу верою...

Мать настаивала на своем. Сапожник взял деньги и пересчитал их.

— Это много. Один рубль возьму, на всякий случай, а остальные раздайте нищим во имя Христово.

— Возьмите хоть вот это... Холода-то какие, простудитесь, — мать предлагала ему шерстяной шарф. Но и от шарфа он отказался.

Мне было жаль расставаться с сапожником. За неделю я успел к нему привязаться. Немного погодя я вышел на улицу. Снова занималась метель, снежная поземка заносила пустынную дорогу.

Позднее мы узнали, что таинственный незнакомец был странствующим толстовцем. В соседней деревне он провел месяц. Там он больше рассказал о себе, об учении Христа. Но о письме, подобном тому, что он оставил нам, никто не упоминал. А написал он вот что:

«Уходя от нас, Иисус Христос заповедал нам любить Бога и ближнего своего, как самого себя. Христа люди распяли на кресте за добрые дела, но Его пример остался живым на все времена, для всех людей. И я вам говорю: не сердитесь, не клянитесь, не лгите, прощайте обиды, помогайте тем, кто беднее вас, и вы сподобитесь быть сынами человеческими. Ваше счастье — в вашем сердце. Поэтому берегите сердце от греха. Любите и милуйте. Если будут бить вас, не уклоняйтесь от ударов. Побеждайте зло добром. Свет побеждает тьму, а истинный свет — учение Христа, Его Евангелие».

Так я узнал о существовании Евангелия. Я много думал об этой книге и готов был все отдать, чтобы ее прочесть.

Прочесть Евангелие мне довелось пятнадцать лет спустя.

ПАМЯТНЫЕ ДНИ

Да. Детство ранено навьлет.

Остановись в лесу, шепни:

— Зачем они березы пилят

И выкорчевывают пни?

(Иван Елагин)

Низкое серое небо висело над почерневшим лесом, над деревушкой, приютившейся среди низкорослого березняка. Рябоватые болотца, порыжевшая осока, мелкий кустар-

ник и клочки убранных картофельных полей — вот ноябрьский пейзаж наших мест.

Был тоскливый, серый и холодный день. Я шел из школы лесом, напрямик, по приметным стежкам, сокращая длинную дорогу. В лесу было тихо и по-осеннему скучно. Бледно-желтые листья густо припорошили сырую землю, беззвучно опадая с уснувших деревьев. После дождей по обочинам дорог, у пней, проросли опята. Я снял рубашку, завязал рукава и наполнил ее грибами.

Вечер наступил внезапно. Осенняя темень быстро спустилась на деревню, во дворах лениво лаяли собаки, пахло дымом, сеном, свежим молоком и навозом.

Старшая сестра встретила меня со слезами. Ее близорукие от рождения глаза опухли и покраснели — весь день плакала. Она растерянно металась по избе и, чтобы не тревожить больную мать, говорила полусшепотом:

— Боже, Боже, что же нам делать? Откуда беда такая?

Я стоял у кровати и смотрел на неподвижно лежащую мать. Маленькая коптящая лампа освещала ее изменившееся до неузнаваемости лицо. Она тяжело дышала и безразлично смотрела в низкий, почерневший потолок. Видно, ее мучили боли.

— Иди к председателю, проси коня. Мать надо везти в больницу, — распорядилась сестра.

Председатель колхоза Калина Налигацкий, полный, плечистый, лет сорока пяти, с грубым, словно топором вытесанным лицом, сидел в прокуренной канцелярии, о чем-то думал, нервно барабанил пальцами по столу. Его воспаленные глаза остановились на мне.

— Что тебе надо? — спросил он скрипучим с похмелья голосом.

— Мама больна... Надо отвезти в больницу, — начал я нерешительно.

— Никакой больницы! У нас нет свободной тягловой силы...

Я расплакался:

— Мама умрет, что мы будем делать?..

Налигацкий начал просматривать газету.

— Сестра на работу не выйдет, — пробовал я угрожать.

— Выйдет! Еще как выйдет! — отвечал он, не поднимая головы. — Я раз сказал — и кончено. Кто я тебе? Председатель али нет?

Налигацкий был партийным. Его прислали из района, чтобы наладить развалившееся колхозное хозяйство. Председателя боялась вся деревня. Не сказав больше ни слова, я ушел домой.

Матери стало лучше, но она заметно волновалась и пыталась нас утешить:

— Не беда, дети. Без доктора обойдусь. Если Богу угодно — выживу, а если нет — на то Его воля. И никакой доктор не поможет. Вот только бы селедочки кусочек. Соленьенького хочется...

В ту пору во всей деревне селедки ни у кого и в помине не было.

Рано утром, когда деревня еще спала, я ушел в город, припрятав в кармане трехрублевую бумажку — подарок старшего брата, отбывавшего воинскую повинность в Красной армии.

Шестнадцать километров до города я шел без отдыха. Хотелось угодить больной матери, сделать ей приятное — купить селедку. И каково было мое разочарование, когда во всех известных мне лавках не оказалось не только селедки, но вообще никакой рыбы. Рыбные магазины торговали уксусом и спичками.

Может быть, это было и к лучшему: соль для матери, страдавшей воспалением почек, была крайне вредна.

Возвратился я домой поздно вечером. Мать говорила мало. О селедке больше не вспоминала.

— Где же ты, сынок, был? — спросила она, с трудом выговаривая слова.

Я ничего не ответил, чтобы не говорить неправду.

Через несколько дней матери стало еще хуже. Опухли ноги, руки, лицо, она стала неузнаваемой.

— Подойди, сынок, ко мне, — сказала мать однажды утром. — Умру я... Не выживу, — прошептала она. — А ты не плачь, сынок... Я тебя вымолила у Бога...

Она с трудом подняла руку и положила мне на плечо. В ее больших, наполненных любовью глазах, стояли слезы.

— Об одном прошу тебя, сынок, молись Богу, — говорила она едва слышно. — Он поможет... Он...

Мать закрыла глаза и впала в забытье. Я смотрел на нее сквозь завесу слез, и никогда мне мать не казалась такой дорогой, близкой и нужной, как в эту минуту.

Сестра спешно снарядила меня к тетке, которая жила на хуторе, в трех километрах от нас:

— Скажи, мама умирает... Пусть скорее придет.

Я не верил этому и с такой вестью пошел неохотно.

Падал мокрый снег. Он падал мне за ворот и слепил глаза. На поляне, за деревней, где стоял большой развесистый дуб, неожиданно прямо передо мною упала ворона, но, едва коснувшись земли, взмахнула крыльями, испуганно каркнула и улетела в лес. Я принял это за плохое предзнаменование.

В первый раз я с ужасом подумал: что же буду делать, если мама умрет? Куда я пойду? Кто будет со мною?..

Домой я вернулся с тетей. Мать, одетая в серое платье, которого я никогда не видел у нее раньше, лежала на широкой скамье. У ее изголовья бледно мерцал огарок свечи. Непривычно пахло воском и нафталином. На щеках матери еще не угас предсмертный румянец. Опухли на лице как будто не бывало. Я долго всматривался в родные черты, и мне казалось, что она вот-вот откроет глаза и скажет:

— Ну как, сынок? Устал? Полежай-ка на печь, обогрейся...

Но мать умолкла навеки. Спазм перехватил дыхание, я вышел в сарай, где у нас были сложены дрова, и, забившись в темный угол, впервые по-детски, искренне и слезно, помолился Богу:

— Боже, помоги мне, сироте... Я теперь один...

От собственных слов я еще больше расплакался.

На следующий день, утром, изба наполнилась соседями. К вечеру приехали дальние родственники. Каждому хотелось выплакать и свое горе. Не плакал только товарищ председатель колхоза. Он, как обычно, ходил по деревне пьяный. К нам не зашел.

У матери была предсмертная просьба: похоронить ее по православному обычаю, со священником. Но исполнить ее

просьбу нам не удалось. Единственный на всю округу священник, отец Василий, тихий, отзывчивый, добродушный человек, отказался приехать на похороны.

— Опять меня посадят, — говорил он в оправдание. — И так налогами душат, нет спасения, а поехать к вам, в другую деревню, — тогда поминай, как звали...

Еще одна беда: не было досок, чтобы сбить гроб. К исходу второго дня где-то обнаружили две осиновые доски, из которых и смастерили гроб.

Хоронили мать в непогоду. Небо плакало дождем и снегом. Темно-серые тучи низко плыли над кладбищенскими деревьями. Я стоял у гроба матери и глотал слезы, но они не были солеными. Может быть, потому, что их было много.

Ночью я не мог уснуть. На дворе завывал ветер. Мне было больно от сознания, что в могиле, где похоронена мать, темно, холодно и нет воздуха.

Несколько дней спустя я видел сон: мать стояла у дверей в том же сером, неношеном платье. Я хотел было броситься ей навстречу, но не мог: что-то удерживало меня на месте.

— Мне хорошо, очень хорошо, сынок, — сказала мать глухим, неестественным голосом. — У нас всем хорошо...

Я проснулся внезапно. Гулко стучало сердце. Жалел, что не запомнил лица матери и не сказал ей ни слова. А сказать было что.

Так начиналась жизнь.

ВХОЖДЕНИЕ В МИР

*Кто не помнит прошлого,
Тот живет без будущего.
(Восточная мудрость)*

Самые светлые наши воспоминания связаны с детством — и не потому, что тогда жизнь лучше была, а потому, что мы сами были лучше.

Когда мой отец ушел из деревни искать лучшей доли, я оказался выброшенным на улицу. В то время в поисках куска хлеба бродило много беспризорных. По совету старшей сестры я нанялся в подпаски к пастуху Ануфричу.

Кормили нас всем миром, колхоз начислял мне полтрудодня, и я гордился своим собственным заработком.

Тяжело было просыпаться по утрам. Сон был настолько крепок, что сестра не раз лила мне воду на голову. Я вставал, на ходу протирал глаза и плелся за стадом, мокрый до пояса от обильной росы.

Летние дни у пастухов очень длинные. О времени судили по солнцу. Я много раз измерял свою тень. Когда тень уменьшалась в два моих шага, стадо направляли к Горелому болоту на стойло. Там Ануфрич раскладывал костер и подбрасывал в него сырые сучья: дым был верным средством от назойливых полчищ слепней, оводов и комаров.

Обед приносили нам из деревни, каждый двор поочередно: горшок теплого картофельного супа, зажаренного луком, несколько ломтей хлеба и кувшин молока.

Осенив себя крестом, Ануфрич шептал молитву, потом привычно разламывал хлеб и, подавая мне добрый ломоть, никогда не забывал сказать:

– Бери, что Бог послал. Подкрепляйся, парень.

– Как же Бог послал, когда нам люди принесли? – спросил я однажды.

Старик сурово посмотрел на меня и сказал:

– А Бог как посылает? С неба кусками бросает, что ли? Вот так, через добрых людей и кормит бедных...

– А богатых кто кормит? – спросил я.

– Кто же у нас богатый? Вишь, теперь у нас равенство: все бедные.

– Все, да не все, – возражал я Ануфричу. – Вчера директор МТС в колхоз приезжал на автомобиле. Весь блестит, как новый. Директор – не бедный...

– Ну, дружок, это люди особой статьи, партийные. Не нам чета.

Ануфрич не любил моих вопросов, был со мной неразговорчив и часто сердился. После обеда он выбирал место под деревом и укладывался спать. Я наскоро проглатывал свой обед, потом ложился на спину и долго, порой до слез, всматривался в загадочное голубое небо.

Смотреть в небо было моим излюбленным занятием.

Стадо пряталось от жары в кустах, и я мог подолгу лежать и предаваться своим думам.

Птичий хор, несмотря на полуденный зной, пел свои песни не умолкая. Вблизи, полуоткрыв беззубый рот, храпел Ануфрич. Монотонно, как ослабевшая струна, гудели оводы.

Как все красиво устроено на Земле! — думалось мне. А кто знает, как появилась Земля и первый человек на ней? Что было вначале? Павел Демьяныч, местный учитель, говорил: «Не верьте поповским сказкам. Землю создал не Бог, потому что Бога нет. Земля произошла от Солнца, а Солнце само собой произошло. Наукой доказано...»

Но почему же теперь ничего не происходит само собой? — возникал неразрешимый вопрос. Вот, допустим, моя ложка. Она сама собой не произошла. Ее кто-то сделал. А как же такая огромная и красивая Земля, а на ней цветы, луга, леса, реки, горы — как все это могло произойти само собой?

«Человек произошел от обезьяны, — говорил учитель. — Англичанин Дарвин доказал это».

Допустим, это так, — размышлял я. От кого же обезьяна произошла? От более простого животного. А то, простейшее животное, оно от кого произошло? Из живой клетки.

О клетке я имел тогда очень смутное представление, но мои мысли на этом не останавливались, а шли все в том же направлении:

«А та, живая клетка, как появилась? Как она произошла?» — «Из воды и воздуха», — объяснял учитель. — «А вода и воздух как произошли?» — «Вода и воздух всегда были», — говорил наставник.

Ответ учителя меня не удовлетворял. Я понимал, что здесь что-то не так. Если первая клетка возникла из воды и воздуха, то почему теперь не возникают эти живые клетки из воды и воздуха?

Лежа на спине и глядя в небо, я старался припомнить каждое слово, сказанное учителем. В моей голове назрело много вопросов. Они стояли передо мной, как непоборимые великаны. Я с нетерпением думал о том дне, когда оставлю стадо и снова пойду в школу.

Все мои размышления обрывались на живой клетке.

Дороги дальше не было. Я знал о существовании микроскопа, но никогда его не видел, и мне хотелось взглянуть на это таинственное создание — живую клетку, как на великое чудо, начало всех начал.

Пастух Ануфрич с белой, как капустный лист, окладистой бородой, не мог удовлетворить мою любознательность. Растягивая слова, он повторял охрипшим от простуды голосом одно и то же:

— Испортился народ. Совсем испортился...

Строго, с укором поглядывая на меня, говорил:

— Молоко на губах не высохло, а вишь куда тебя тянет! Скажи ему, сколько лет Земле? Чудак ты, парень! Да разве это кому ведомо?

Старик прищуривал и без того узкие, всегда опухшие глаза, утопавшие под густыми седыми бровями, и поднимал лицо к небу, будто искал там ответ на мой вопрос.

Через минуту он многозначительно говорил:

— Богу все ведомо. А мы кто? Нам много знать не положено.

На этом наш разговор заканчивался. Ануфрич неохотно вставал, лениво разминал ноги, отряхивал рваную одежду и, как бы в заключение, выводил слова с особой певучей интонацией:

— Тебе, милоч, поговорить бы с нашим священником. Вот светлая голова! Умница. Тот все знает, он говорил мне: «Вся земля Словом сотворена». А каким словом? На это ответ не дает, боится...

— Кого боится? — спросил я.

— Начальства... Дело его гиблое. Пчеловодом заделался. Вот такое оно, времечко, пришло. Держи, милоч, язык за зубами — больше проживешь.

Иногда я уносился мыслями в неведомые мне большие города, где живут всезнающие, ученые люди.

Неожиданно обстоятельства сложились самым удивительным образом, и я, после окончания школы-семилетки, попал в город. Там я был принят на рабфак.

Это были тяжелые годы. Мне платили стипендию — срок рублей в месяц, но чтобы прожить на эти деньги, надо было отказаться от завтрака, а на обед обходиться фунтом

хлеба и щепоткой сахара. Два раза в неделю я мог позволить себе зайти в студенческую столовую, чтобы купить тарелку горячего супа и стакан киселя.

Не лучше обстояло дело и с одеждой. Даже позднее, когда стипендии выдавали сто рублей в месяц, я в одной рубашке-косоворотке проходил весь учебный год. Когда она начинала блестеть от грязи, я снимал ее перед сном, стирал под рукомойником почти без мыла, потому что мыло стоило дорого. За ночь рубашка высыхала, я разминал ее руками, а утром она была снова на моих плечах.

Томительными были последние часы занятий. От мысли о еде рот наполнялся слюной, в животе появлялась боль, тошнило. На одном из таких уроков я смотрел на доску, где учитель решал геометрическую задачу, а думал о другом: как и где сегодня пообедать? До получения стипендии оставалось еще несколько дней, а в кармане было только тридцать копеек. У друзей я уже был в долгу.

Учитель математики, хромой, неопределенных лет человек, с женоподобным, но строгим лицом, всегда чем-то недовольный, по глазам умел читать мысли студентов. Он вызвал меня к доске:

— Водневский, продолжайте решение задачи!

Я шел к доске, как будто на казнь. Я покрылся испариной, решение продвигалось медленно, урок затягивался, а учитель сидел с такой гримасой, словно во рту у него был уксус, и молча смотрел на меня. И это меня еще больше смущало. Наконец он встал и неторопливо произнес:

— Удивительно способный юноша, но ужаснейший лентяй.

На последних словах он сделал особое ударение.

Прозвенел звонок.

Знал ли учитель, что в ту минуту серая рублевая ассигнация была для меня заветной мечтой? После урока в шумном многолюдном коридоре учитель подошел ко мне, положил руку на плечо и заглянул в лицо сочувствующим взглядом.

— Вороне Бог послал кусочек сыру, — сказал он шутливым тоном и что-то сунул в мой карман. — Я был немножко не прав, — добавил он смущенно.

Когда он скрылся за дверью учительской, я обнаружил

в своем кармане небрежно свернутую пятирублевую бумажку.

Вспомнил пастуха Ануфрича и согласился с его словами: «Через добрых людей Бог бедных кормит...»

ДОБРАЯ ДУША

В студеные декабрьские дни 1939 года, когда заледеневшие окна не оттаивали по нескольку дней, я оставил угрюмое и холодное студенческое общежитие и снял дешевую комнатуху в отдаленном и глухом районе города.

Старый сторбившийся домик из двух комнат и нескольких каморок стоял, занесенный снегом, в глубине сада. Весной там буйно цвела черемуха.

Хозяйка дома, Прасковья Ивановна Ветковская, одинокая, всеми забытая старушка, с искренним, добродушным взглядом, в платке, прикрывавшем лоб почти до бровей, предложила мне одну из каморок – с кроватью, столиком и двумя стульями. Плата была мне по карману.

Прасковья Ивановна любила подолгу сидеть у самовара, разговаривать с кошкой и пить душистый липовый чай. Когда утром, очистив дорожки от снега, я собирался в институт, она приносила мне чашку сладкого чая и, ласково улыбаясь, говорила:

– Согрейся, парень. Чаек этот пользительный, лекарственный. Я вот всю жизнь пью и к докторам дороги не знаю.

Как-то, во время лекций, я почувствовал себя плохо. Вернувшись с занятий раньше времени, я уже на крыльце услышал молитвенное пение. Оно доносилось, словно из подземелья. Слабые старческие голоса пели нестройно. Слова были неразборчивы. Пели в комнате моей хозяйки.

Я осторожно вошел в свою комнатуху и прилег на кровати. Пение будило во мне воспоминания, трогало сердце, а частые повторения «Господи, помилуй» напомнили о той церковной службе, на которой я был когда-то в детстве.

В городе к тому времени уже не оставалось ни одной действующей церкви, хотя десятки куполов без крестов все еще возвышались над серыми однообразными домами, над

редкими рошицами и садами. Церковные здания использовались для нужд народного хозяйства, для «культурной и просветительской работы», под склады, клубы, избы-читальни, музеи и т. п.

За оттаявшим окошком виднелся тихий, заснеженный сад. Пичужки беззаботно прыгали по веткам. Деревья бесшумно роняли иней. День незаметно угасал, багряное солнце косыми лучами скользило по крышам соседних домов. К ночи подморозило.

Весь день я ничего не ел, настроение было унылое. Я предался размышлениям. За стеной люди молятся Богу. У них есть вера, есть какая-то надежда, пусть несбыточная, но есть. А у меня что?

Я принадлежал к категории молодых советских людей, считавших религию, по выражению Ленина, «опиумом для народа». Но бывают в жизни минуты, когда душа вдруг чувствует себя опустошенной, смертельно одинокой, несчастной и никому не нужной. Не с кем поделиться переживаниями, мыслями. Каждый живет своей жизнью, у каждого свои слезы, свое горе. И тогда человек невольно начинает задумываться о смысле жизни.

В сенях закрипели двери. Гости Прасковьи Ивановны начали поодиночке расходиться. Минуту спустя хозяйка постучала в мою дверь:

— Что с тобой, дружок? — спросила она участливо, по-матерински нежно взглядываясь в мое лицо. — Не заболел ли?

— Немножко... Простудился... Температура... — ответил я.

— Это не беда. У меня потогонная травка есть. Сразу как рукой снимет. А мы вот, Николаша, Богу молились, — сказала Прасковья Ивановна, меняя тему разговора. — Что ты на это скажешь?

Хозяйка хорошо знала, что домашние богослужения противозаконны, что за это ее могут наказать. Но на ее порозовевшем лице я не заметил ни страха, ни смущения. Напротив, оно светилось миром и радостью.

Я молчал, не находя ответа.

— И за тебя я молилась, чтобы Бог милостивый помог тебе в жизни, в учении. Тебе ведь тоже тяжело живется. Да,

все эти студенты — мученики. Сколько я их видела — все они страдальцы. Как же о вас не молиться Богу?..

— Спасибо, Прасковья Ивановна. Я как раз в этом нуждаюсь. Приболел вот немного. От отца ничего не слышно... Есть о чем Бога просить, — ответил я.

— А разве ты веришь в Бога? Вас ведь теперь учат, что Бога нет. Вместо Бога нашли какую-то материю. В магазинах никакой материи не найдешь, а вам только про нее и говорят.

— Может быть, Бог и есть, но я Его не знаю. Никто Бога не видел.

Хозяйка стояла передо мной, сложив на груди руки, и спокойно слушала. Потом она присела на край стула и наставительно начала:

— Сынок, да разве мы, грешные, можем видеть на Земле Бога? Видеть Его нам не дано, а верить дано, потому и сказано: «Блаженны не видевшие, а поверившие».

С этими словами Прасковья Ивановна вышла, но вскоре вернулась, держа в руке старую, порыжевшую от времени книгу и медную иконку.

— Вот, даю тебе образок Божьей Матери, заступницы. Обо всех она печется, всем помогает. А вот здесь (она раскрыла книгу) есть молитва. «Достойно есть» зовется. Послушай меня, старую, как мать. Не плохому учу, хорошему. Перепиши эту молитву и заучи ее хорошенько.

Внимательно взглядываясь в мои глаза, как бы читая в них, она добавила тихо, почти шепотом:

— Если хочешь от Бога милость получить — молись. А «Отче наш» ты знаешь?

Я утвердительно кивнул головой и в доказательство прочел молитву без запинок.

— С детства знаю. Мать когда-то научила...

— Вот хорошо, — сказала хозяйка, воодушевляясь. — И «Отче наш» читай, осеняя себя крестом. Сам Христос учил этой молитве.

Немного помолчав, она продолжала:

— Только смотри, сынок, не всем про то сказывай. Сам знаешь, какой народ нынче пошел. Родному брату не верь... — и, как бы в подтверждение, добавила: — Так и в святых кни-

гах написано: «Восстанет народ на народ, и сын будет против отца». Так оно теперь и есть.

— Но как же вы, Прасковья Ивановна, мне доверяете? — спросил я.

— Я знаю, ты не доносчик. Да и я ведь не враг власти. А в Бога все равно буду верить, хоть убей. И не одна я такая. Вера, сынок, большое дело, неоценимое. Твоя ведь мама тоже верила?

— О, да! — отвечал я. — Она верила. Всем сердцем верила. Только что из этого? Всю жизнь, до советской власти, прислугой была, расписаться не умела. Верила, верила, а жизни так и не видела. Видно, Бог и от верующих отказался...

— Неправда это, — возмутилась Прасковья Ивановна. — Бог от людей не отказался. Люди от Него отказались. Оттого и беда на земле. Подумать страшно, ведь не только у нас, а и за границей люди с голоду умирают.

И тут же, меняя тему разговора, Прасковья Ивановна сказала:

— А вчера читала я твои стихи о матери и слезу не удержала. Сама покатила, непрошенная.

И по морщинистому лицу хозяйки, словно в подтверждение, вновь покатались непрошенные слезинки. Она смахнула их ладонью и ушла к себе.

На медной иконке, величиной со спичечный коробок, покрытой синева-зеленым налетом, была изображена Дева Мария с Младенцем у груди. Я спрятал ее в письменный стол и переписал молитву «Достойно есть». Смысл церковнославянских слов был мало понятным и далеким от моих переживаний. Как большинство людей, склонных, скорее, к суеверию, нежели к вере, я смотрел на все это с сомнением.

Прасковье Ивановне, очевидно, казалось, что я интересуюсь религией, и она усердно старалась меня приобщить к православию, к почитанию святых, к посту и молитве. Иногда я слушал ее подолгу, особенно в выходные дни, когда из-за безденежья сидел дома.

— Ничего, Николаша, не унывай, — ободряюще говорила Прасковья Ивановна. — Бог тебя не оставит. Только верь. «Падут возле тебя тысячи и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизится».

В действительности же я интересовался религией в той мере, в какой она была связана с историей России. Историю я любил так же, как и литературу. Но к диалектическому материализму, философии ленинизма и политэкономии я не прикасался до зачетов, а потом старался за два-три вечера наверстать упущенное.

Чистой исторической науки фактически тогда не существовало. К высказываниям таких историков, как Платонов и Костомаров, подходили довольно осторожно. Даже Соловьев и Ключевский на семинарах подвергались критике, точнее, их оценка некоторых исторических событий. О Покровском запрещалось даже упоминать. Во всем надо было придерживаться строго партийного взгляда. Поэтому многое, особенно в религии, оставалось скрытым, неясным и вызывающим сомнения.

Может быть, как раз это и располагало меня к разговорам с Прасковьей Ивановной о старине. Ее мать знала барщину. Бабушка была продана известным в нашей округе палачом-помещиком. Эти рассказы вызывали у меня чувство негодования к правителям России, недоверие к церкви, к ее служителям, которые шли в ногу с богатым классом. Но Прасковья Ивановна рассказывала о подвижниках веры, и я думал об этих людях, как о героях.

Вместе с теплыми, утешительными словами хозяйка ежедневно приносила мне тарелку горячих вкусных щей. Она присаживалась у моего стола и начинала свои рассказы о праведных старцах, о чудесах, о жизни патриархов Израиля. Тогда я впервые услышал историю о прекрасном Иосифе, сыне Иакова, и потом не раз подумывал написать об этом поэму.

Иногда я вступал в разговор, приводил общеизвестные факты о недостойной жизни священнического сословия, и тогда Прасковья Ивановна искала другую тему или уходила в свою комнату. Видно, и она знала об этих больных местах, которые атеисты умело использовали в своей борьбе с религией.

Как только я приходил с занятий, хозяйка неизменно появлялась в моей комнатухе с какой-нибудь просьбой, а после, угощая меня обедом, начинала все тот же разговор о

Серафиме Соровском, о Сергии Радонежском и о других подвижниках православия.

— Каким же образом, — спросил я ее однажды, — люди, уходившие в пустыни и отрицавшие материальные ценности, основывали монастыри и сами становились крупными собственниками лесов, пашен, рек и даже деревень? Выходит, они противоречили тому, чему учили?

— На моем веку этого не было, — оправдывалась Прасковья Ивановна. — Да, монастыри были у нас богатые.

И Прасковья Ивановна переходила в наступление:

— Много знать — скоро состариться. Зачем оно тебе? Теперь много знают, а вот сегодня два часа за килограммом хлеба в очереди стояла. Наказал Господь Русь за грехи тяжкие. Бывало, в Карховском соборе звонят, а у нас слышно, как колокола переливаются. Почитай, десяток верст будет. А теперь и душу усопшего помянуть негде. Хоронят людей, как животных...

Эти рассказы волновали меня. Жалобы Прасковьи Ивановны были основательными. Я чувствовал эту верующую, добрую и загнанную душу. Мне было жаль ее, и я, не замечая того, принимал ее сторону.

— Мне с тобой поговорить, как чаю попить, — говорила она, уходя спать. — Родной ты мне стал. Вот посижу у тебя — и душу отведу. На сердце легче станет...

Хозяйка не сделала меня религиозным человеком, но вызвала во мне интерес к духовности, заронила сомнение в том, что душа человека смертна и что нет загробной жизни. «Кто-то есть выше человека», — думал я.

Весной, когда цвели клены, а солнце пригревало землю, я часто уходил в сад готовиться к зачетам. В дом возвращался усталым, как всегда, голодным и раздраженным. Прасковья Ивановна знала это и не беспокоила меня своими разговорами, но перед экзаменом научила еще одной молитве: «Моли Бога о мне, святой угодниче Божий Николае, яко аз усердно к тебе прибегаю, скорому помощнику и молитвеннику о душе моей».

И я твердил эту молитву перед дверьми строгого доцента.

Однажды, знакомясь с первоисточниками периода собирания Руси, я был глубоко потрясен жизнеописанием

царя Иоанна Грозного. Он был религиозным, набожным человеком и в то же время совершал казни, занося имена казненных в «поминальные синодики» — огромные книги. Потом рассылал их по монастырям. Некоторые из этих «синодиков» сохранились до наших дней как исторические памятники. Один из таких списков-синодиков был приведен в хрестоматии: число жертв «религиозного» царя доходило до четырех тысяч. Братия поминала их за особые поминальные вклады, что и было одним из важнейших источников обогащения монастырей, да и церкви вообще.

Нарушая общее правило, я вынес этот сборник материалов из библиотеки, чтобы прочесть Прасковье Ивановне и убедить ее, что религия — нечто сложное и противоречивое. Как это можно было: убить человека, а потом молить Бога о спасении его души?!

Я читал Прасковье Ивановне об Александровском монастыре, где Иоанн Грозный избрал братию — триста опричников, а князя Афанасия Вяземского облек в сан келаря. Братию он одел в монашеские скуфейки и черные рясы, а сам взбирался на колокольню звонить к заутрене, потом читал и пел на клиросе и долго коленапреклоненно молился.

Прасковья Ивановна слушала неохотно, со слезами, и не находила доводов, чтобы оправдать поступки таких «правовверных» царей. И я читал ей из Ключевского: «Когда после обедни за трапезой веселая братия монахов упивалась и объедалась, царь за аналоем читал поучения отцов церкви о посте и воздержании, потом обедал сам; после обеда любил говорить о законе, дремал или шел в застенки присутствовать при пытках заподозренных».

Эти факты, да и много других, отталкивали меня от религии, но где-то глубоко в душе я сознавал, что выше религии — Бог, Творец, Которого мы, люди, не знаем.

Найти правду о Боге стало моей заветной мечтой.

БОЖИЙ ЭКЗАМЕН

Воскресенье, 22 июня 1941 года, было теплым и погожим. Я гостил в деревне у моих друзей, в семи верстах от

города Новозыбкова. После ночного дождика небо голубело, словно умытое. Я вышел на луг, к небольшой, но быстрой речушке, прихватив с собой потрепанные конспекты по новой истории. Через два дня мне предстоял последний экзамен.

К полудню погода изменилась. На горизонте появились облака. Они плыли с запада, заметно темнея.

Я уже был на пути в деревню, когда из-за кустов выбежал мне навстречу сын моей хозяйки, мальчик лет семи.

— Дядя, война началась! Война!.. Немцы идут... Бросают бомбы... — возбужденно тараторил он. — Молотов сказал.

— Где же ты видел Молотова? — спросил я.

— Не видел, а слышал по радио, в клубе. А людей там!.. Все село! Поди скорей, посмотри!

Тяжелое предчувствие подступило к сердцу. Я пошел в деревню через огороды, напрямик. У сельсовета толпилось множество народа.

— Вот они, договора эти! — выкрикивал подвыпивший колхозник. — Обьегорил нас немец. Теперь попробуй, остави его, когда он, елки-палки, уже до Минска дошел. Того и гляди, завтра здесь будет...

— Ты, старина, помалкивай! — прикрикнул кто-то на мужика. — Контрреволюцию не разводи.

В клубе, утопавшем в табачном дыму, надрывался радиоприемник. Войти было невозможно. Народ теснился в коридоре, под окнами. Сквозь людской гомон слышался хрип репродуктора, стук морзянки. Завклубом настроил волну, и на волю вырвалась песня:

Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать.
Как невесту, родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать.

Я зашел к друзьям проститься. Хозяйка плакала: старшему сыну Семену посыльный принес повестку. Приказывали немедленно явиться в райвоенкомат с продуктами на три дня и сменой белья.

— Выпьем на прощанье, — сказал Семен. — Припас поллитровку на всякий случай. Может, в последний раз выпьем.

Его отец, лысый рыжебородый старик с одним глазом, известный на всю округу рыбак, после второй рюмки развязал язык:

— Скажу вам, хлопцы, по секрету: жаль мне вас. Гонят народ на убой, не иначе. А что война началась — ничуть не жалею. Может быть, пертурбация будет, из тюрем людей выпустят...

Старик задумался. Из его единственного глаза выкатилась слеза.

— Нагрели мы много... Теперь, поди, расплата приходит.

Старик опрокинул еще одну чарку, понюхал корку хлеба.

— Посмотрим, чья возьмет, кто выдюжит! А пострадать народу все равно придется, во искупление грехов, — добавил он.

— Значит, война нам вроде Божьего наказания? — спросил я.

— Вот, вот, так оно и есть, сынок. В точности так.

Я простился с Семеном, сел на свой старенький велосипед и через полчаса был в городе.

У райвоенкомата, вдоль улицы, уже стояли подводы. Мобилизация шла полным ходом. У широко раскрытых ворот толпились люди с котомками за плечами, и все говорили об одном: немец бомбит наши города. Вражеские дивизии быстро продвигаются на восток. Кое-где голосили женщины, рыдали гармошки. Пьяные голоса выводили песню:

Последний, нонешний ден-е-е...чек

Гуляю с вами я, друзья...

Сидевшая на возу рябоватая подкрашенная молодка кричала:

— Окаянные, пожить не дали! И мово тоже забирают...

Во дворе военкомата строились группы новобранцев. Начальники выкрикивали фамилии, считали и отправляли колонны через весь город на вокзал.

Продажу спиртных напитков запретили, но люди, словно очумелые, выискивали спекулянтов и жадно набрасывались на водку.

На базарной площади, напротив памятника Ленину, я встретил земляка, тракториста МТС. Он обнял меня, облобызал, прижался мокрой от слез щекой и, тяжело дыша водочным перегаром, зашептал в ухо:

— Братуха, каша заварилась не на шутку. А за что идти воевать, пес их подери? За то, что отца сгноили на Соловках?..

А рядом толпа людей окружила веселого плясуна — колхозного парня. Шлепая разбитыми лаптями по мостовой (новобранцы одевались как можно хуже), он ухарски хлопал в ладони и под гармонику бросал слова:

И пить будем,
И гулять будем,
А смерть придет —
Помирать будем!

На другой день в клубе пединститута состоялось экстренное студенческое собрание. Выступали активисты, яростно клеймили немецких захватчиков, призывали защищать Родину, не шадя жизни. Местные поэты успели написать патристические стихи, не забыв упомянуть о великом Сталине. Сразу после собрания начали формироваться бригады добровольцев. Записался и я.

В райвоенкомате после прохождения поверхностной медицинской комиссии мне сказали:

— Направляем вас в Воронежское военное училище связи. Закончите — будете лейтенантом-связистом.

Двадцать девятого июня я был в Воронеже, на Студенческой улице, в главном управлении училища. Просмотрев мои документы, дежурный улыбнулся:

— Студент? Тут тебя промнут как следует. Пыль выбьют...

После вольной студенческой жизни училище с железной дисциплиной казалось мне каторгой. С шести часов утра до десяти вечера каждая минута была расписана. Занятия проходили по ускоренной программе, с таким расчетом, чтобы к весне сделать выпуск и отправить нас на фронт.

А с фронта шли печальные вести. Немцы подходили к Москве.

В сентябре 1941 года немцы бомбили Воронеж, прямым попаданием разрушили авиационный завод.

Муштра, сорокакилометровые походы, тактические занятия, частые военные тревоги по ночам доводили нас до изнеможения.

Однажды наша учебная рота была в наряде. Мне довелось патрулировать в лощине, густо поросшей ивняком, вблизи военного городка. Командование опасалось высадки десанта и каждую ночь выставляло дозоры.

Была холодная сентябрьская ночь. С полей дул промозглый ветер. Тьма была непроглядная. Со стороны города не было видно ни одного огонька: соблюдалось строгое затемнение. В Чижовке, пригороде Воронежа, было несколько прожекторных установок, временами прощупывавших небо косыми лучами.

О чем я только не думал в эти ночные смены! Но больше всего — о себе самом. Припоминались наставления покойной матери.

«Почему бы мне не помолиться?» — пришла однажды мысль. И я начал повторять «Отче наш». Иногда молитву заканчивал словами:

«А еще, Боже, прошу, сделай так, чтобы я не убил человека...»

Это меня больше всего беспокоило. Я не мог представить, как можно закладывать обойму в винтовку и стрелять в живых людей, даже если они враги.

В состояние моей души, в настроение молитва перемен не вносила, но воспоминания о матери вызывали желание втихомолку помолиться. И я это делал.

В начале ноября 1941 года училище поспешно эвакуировали в Самарканд. В пути, после бомбежки железной дороги у Борисоглебска, дежурных по вагонам вызвал новый батальонный комиссар.

У дверей штабного вагона-товарняка, в новой, не по росту форме, стоял бывший директор нашего института, кандидат исторических наук Алферьев.

После официального доклада я обратился к нему по имени.

— Вот оно что! Узнаю, узнаю, милоч. Помню, как ты просил стипендию. А теперь, значит, в одних рядах... — говорил он, улыбаясь.

Алферьев пригласил меня в свой отгороженный в вагоне «кабинет» и привычно, по-деловому, начал:

— Видишь, как в жизни получается... Теперь перед нами экзамен на право жить или не жить. Да, да... жить или не жить. Такую войну в две недели не кончают. Учить диалектику — одно, а отвоевать себе право на жизнь — совсем другое. Это не всем удастся. Учись, милоч, прилежно, на фронте пригодится.

Прощаясь, Алферьев приложил руку к пилотке, которая неуклюже сидела на его большой выбритой голове.

В начале 1942 года я был досрочно выпущен из училища и отправлен в Ташкент, где формировалась 69-я дивизия.

В марте 1942 года дивизия отбыла на фронт. Высадились в Туле. Боевая романтика рассеялась, как дым, когда в разбитом поселке Косая Гора, в окрестностях Тулы, я увидел сотни неубранных окоченевших трупов, вмержших в снег. Кругом громоздились разбитые немецкие автомашины, брошенные походные кухни, подорванные танки.

Подвалы разрушенных домов были переполнены ранеными. Они умирали, истекая кровью, потому что некому было оказать медицинскую помощь. Это были защитники Тулы — рабочие заводов, ополченцы, женщины и даже подростки в рабочей одежде. Неописуемый ужас охватывал каждого, кто заглядывал в эти подвалы. Немцы давно отступили, а убитые лежали не погребенными и живые были брошены на произвол судьбы.

Однажды в солнечный день я пошел со связистами на тактические занятия к кирпичному заводу, в шести километрах от города. Мы, необстрелянные новички, с любопытством рассматривали немецкие трофеи. Невдалеке раздался взрыв, за ним второй и третий. Взрывались мины. Оказалось, мы попали на необозначенное минное поле. Несколько красноармейцев подорвалось. Здесь погиб один из моих лучших и душевных друзей, еврей, командир 4-й роты лейтенант Гитлин. А еще не так давно, несколько часов тому назад, он балагурил:

Весной в Берлине будем

И горе все забудем...

Ночью я не мог уснуть. Перед глазами стоял образ Гитлина. Сколько раз он выручал меня в Ташкенте, когда я, изрядно подвыпив, попадал в милицию. Теперь я видел, что жизнь человека — недолговечнее травы: сегодня цветет, а завтра, подкошенная, вянет. Завтра это может быть со мной, с каждым... А дальше что? Существует ли загробная жизнь? Как же быть с моими грехами?

В тот день я вытащил из чемодана свой талисман — иконку, подаренную Прасковьей Ивановной, моей квартирной хозяйкой, и положил ее в карман гимнастерки, рядом с комсомольским билетом.

Потом, в тульской бане, я увидел сослуживца, члена партии, тщательно прятавшего нательный крестик.

— Что это у вас такое? — спросил я его в упор.

— Да, знаете, память матери. Дорога она мне. А впрочем, говоря между нами, пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

По пути в штаб он говорил мне на ухо:

— Верить или не верить в Бога — личное дело человека. Я думаю, — оправдывался он, — здесь принадлежность к партии ни при чем. Вот прикажи мне не верить, если, допустим, я верю? А? Что скажешь?

— Это правда, — согласился я. — Я тоже верю. Тут, брат, война. У каждого своя философия.

ДЕНЬ НА ПЕРЕДОВОЙ

День 5 мая 1942 года начался для меня рано. Едва забрезжил рассвет, я вылез из блиндажа на свежий воздух. Осиновая роща, где мы расположились с вечера, таинственно молчала. Невдалеке проходил патруль. Внезапно роща огласилась ревом: из-за облаков вынырнул немецкий самолет и сбросил две бомбы. Они разорвались на краю рощи, не причинив нам вреда.

Спать, однако, уже никому не пришлось.

— Подъем! — затянул коновод, проснувшийся первым. Он спал под двуколкой, нагруженной телефонными катушками и аппаратами.

— Гости прилетели! Принимай гостинцы! — шутил он.

Бойцы вылезали из землянок неохотно. Некоторые потянулись к кухне за чаем, другие умывались, сливая себе из фляги.

Наш 120-й полк находился во втором эшелоне, в десяти километрах от передовой, вблизи станции Барятинской, на стыке Калужской и Брянской областей. В соседней деревне Шершнево стояла на отдыхе танковая рота. В последних боях она потеряла половину личного состава и почти всю технику и теперь ожидала пополнения. Танкисты в поисках землянков пришли к нам, новобранцам. Молодой кудрявый сержант со свежим шрамом на подбородке, придававшим его лицу комическое выражение, отечески наставлял:

— Главное, прячь голову. В ней вся жизнь. Нет головы — нет жизни. Все остальное — чепуха, залечить можно. Меня, вот, прописало осколком по бороде. А два раза был в ноги ранен — и ничего, за три месяца отремонтировали и опять сюда.

Он щедро угощал нас папиросами и спрашивал вновь подходивших бойцов:

— Землячков нету? Псковских?..

— Да мы все тут земляки, — отозвался чей-то голос. — В земле роемся, землей накроемся...

День обещал быть погожим. Из деревни доносился аромат цветущих садов и сырой земли: там рыли окопы.

Я пришел на узел связи. Через минуту запищал зуммер: вызывал начштаба.

— В десять ноль-ноль будьте готовы! Поедем на рекогносцировку.

На опушке роши, у дороги, ведущей на передовую, нас встретил командир полка майор Чигвинцев, худенький, небольшого роста, с узкой, словно побывавшей в тисках, головой.

Согласно приказу командира дивизии, наш полк должен был завтра к вечеру сменить сибирский, потрепанный в боях, и занять оборону.

Мы пришли к артиллерийскому наблюдательному пункту. В двух километрах лежала деревня Яковлевка, занятая немцами. Встретил нас командир дивизиона.

— Заходите скорее, не маячьте! Давно вас ожидаем. Пора и вам повоевать, а нам — обмыть вшей, отдохнуть немного.

В ожидании штабных командиров другого полка, мы вошли в блиндаж артиллеристов. Давно небритый, с потухшими глазами, испачканный землей лейтенант поминутно заглядывал в смотровую щель и передавал приказания телефонисту-наблюдателю.

Лейтенант знакомил нас с фронтовой жизнью. Он пробыл на передовой пять месяцев бессменно, три раза получал в качестве пополнения ничего не соображавших в артиллерии узбеков. Многие из них перебежали к немцам.

Трагические случаи лейтенант умел облекать в юмористическую форму.

— Зимой мы такое устроили, — говорил он, воодушевляясь. — Запрягли артиллеристы в сани клячу, натерли ей где надо перцем, положили на сани две мины и пустили этот транспорт прямо в Яковлевку, к немцам. Лошаденка была, конечно, никудышная, но хватила так, что через пять минут оказалась вон у тех сараев... Видите?

В бинокль деревню, занятую немцами, можно было видеть как на ладони.

— И представьте себе, два фрица выскочили, как из-под земли, и пустились за клячей. Остановили они ее, а взрыва нет. Думаем, не сработал механизм. Но тут, братцы, так рвануло, что ни от клячи, ни от фрицев ничего не осталось. Вот было смеху!..

И он смеялся заодно и громко, обнажая пожелтевшие от табака зубы.

Я не мог понять, как можно смеяться над смертью людей и животного. Фронтовая обстановка делала сердца людей грубыми, безразличными к смерти.

— Ну и дал же нам немец после этого перцу! Ух, что тут было... Весь день сажал мины, как картошку. Тогда я пять бойцов потерял, — закончил свой рассказ лейтенант.

— А это что там, на огородах? — всматриваясь в бинокль, спросил Чигвинцев. — Немцы гусей пасут, что ли?

— Каких гусей? Это же наши лыжники, в маскировочных халатах, — отвечал лейтенант. — Там весь сибирский

батальон с февраля лежит. Немцы подпустили близко, а потом всех скосили. Нарочно не убирают..

К полудню мы закончили. Соблюдая маскировку, мы по одному выскочили из траншеи. За мной шел лейтенант Цин, адъютант командира полка. Внезапно Цин вскрикнул и присел:

О-о-х, — простонал он, тщетно пытаясь встать. Я разре- зал ему сапог. Шальная пуля снайпера угодила в ногу. Ране- ного перенесли в безопасное место, вызвали санитаров.

Начался обстрел. В санбат он попал только через не- сколько часов. Там двадцатилетнему лейтенанту ампутиро- вали ногу.

Мы шли в свой полк через некошенные луга. На каждом шагу виднелись следы войны: воронки от снарядов, стреля- ные гильзы, пустые консервные банки, ящики, а кое-где и холмики солдатских могил. Мы вошли в молодой хвойный лес. Здесь стояла батальонная походная кухня. Солдаты, позванивая котелками, пристраивались к очереди. Повар, как и все повара, шутник и балагур, покрикивал на солдат:

— Не толпиться! Во всем нужна сноровка, уменье, мас- кировка...

Повар не закончил своей песни. Внезапно раздался шум, словно летела огромная стая перепелов. Невдалеке почти одновременно взорвалось несколько мин. Все разбежались в стороны.

Я вскочил в первое подвернувшееся мне укрытие — вет- хий блиндажик с тоненьким накатом. Он был рассчитан только на нескольких человек. А в это время шквал мино- метного огня накрывал место, где стояла кухня.

— Это перебежчики! Они сообщили немцам, где у нас кухня, в какое время раздают обед! — рычал чей-то голос в темноте.

— Предатели!

Мины ложились одна за другой — совсем рядом. Люди сразу умолкли и думали о своей судьбе. За каждым взрывом волны горячего воздуха врываются в блиндаж, осыпалась земля. Сквозь разрывы мин и вой осколков слышались душераздирающие крики раненых, но никто и не пытался выйти из укрытия. Одна мина ударила в столик, стоявший

как раз перед входом в блиндаж, другая — срезала верхушку дерева. Осколки сыпались градом, барабания по крыше. Третья мина упала совсем рядом в яму, наполненную водой, обдав грязью тех, кто сидел у входа, и не взорвалась.

Огневой шквал так же внезапно прекратился, как и начался. За две минуты немцы выпустили не меньше сотни мин. Несколько человек было убито, раненых сносили в батальонный санпункт. Погиб командир разведроты.

В этот день я впервые видел оторванные части тел и густую запекающуюся кровь на голубых и желтых лесных цветах, на траве, на тропках.

Озираясь, люди выходили из укрытий. Роща стала неузнаваемой. Синий дым застилал небольшой овражек, где стояла кухня. Запах гари и сырой, взрытой минами земли наполнял воздух.

Это был запах войны.

По дороге в полк я думал о том, что завтра будет открыта новая страница моей жизни, жизни на передовой линии фронта. Когда и как она будет закрыта — никто не знал.

День подходил к концу. По небу стремительно бежали облака. В кустах перелетали птицы, готовя гнезда, а по сторонам дороги стояла стеной острая щетина зеленых трав. Из травы выглядывали золотые головки одуванчиков. Густой горький запах гнили и развороченной сырой земли был неприятен, но к нему надо было привыкать.

Огненное солнце все быстрее и быстрее катилось к лесу, из которого мы вышли. Навстречу нам, к передовой, направлялась группа бойцов. Их суровые и задумчивые лица казались высеченными из серого мрамора.

Каждый думал об одном: мы идем умирать...

АД НА ЗЕМЛЕ

Середина июня 1942 года. Прошел только один год с начала войны, а сколько перемен, сколько событий произошло в моей жизни за это время! Окончание института, военное училище, Воронеж, Самарканд, Ташкент, Тула... И вот теперь передовая линия Западного фронта.

В двух километрах от нас, за рекой Ужать, виднеются оборонные укрепления немцев, откатившихся от Москвы. Окопы, блиндажи, доты... Два-три раза в день немцы обстреливают нас из минометов. Визжат пули снайперов. И каждый день несколько человек прощаются с жизнью. Наша артиллерия молчит, не хватает боеприпасов. Только для пристрелки минометчики выпускают несколько снарядов. И уже это нас радует: что-то и у нас есть.

Почти каждый день ходит разведка «за языком», но возвращается с пустыми руками. Командир полка сердито ворчит:

– Я не знаю, кто перед нами. Мне нужен немец! Завтра сам пойду за «языком»!

Наши перебежчики, а их число увеличивается с каждым днем, дают немцам точные координаты расположения наших частей, штабов, узлов связи. Огневые налеты повторяются ежедневно. Лучшие мои связисты один за другим выбывают из строя, на их место присылают совершенно неподготовленных людей.

В июне 1942 года от комдива пришел секретный приказ: в ночь на двадцать первое два батальона нашего полка до появления луны должны атаковать укрепления немцев, отрезать две деревни – Яковлевку и Лошихино и захватить пленных, чтобы получить от них сведения о противнике.

Это была так называемая разведка боем.

Вечером, перед началом наступления, пока шла артиллерийская подготовка, старшины раздавали бойцам спирт для храбрости. Ровно час ухали наши орудия, гудела земля, над позициями немцев вздымались клубы огня, дыма и земли.

Как только многоствольный миномет «катюша» сделал третий залп, наши роты с криками: «Ура! За Родину!» – пошли в наступление.

На командном пункте командира батальона И. А. Бахметьева непрерывно гудели зуммеры. Наши роты перешли реку Ужать – саперы справились со своей задачей хорошо.

Бахметьев кричал в телефонную трубку:

– лейтенант Арутюнов? Как далеко от вас немецкие окопы? Пятьдесят метров? Только? Сосредоточивайся к атаке! Давай, действуй!

И в это время первая немецкая мина ударила по нашему блиндажу. На наши головы посыпалась земля, коптилка погасла, мы оказались в крошечной тьме, звенело в ушах.

Связь с наступающими прервалась.

Я выскочил из полуразрушенного блиндажа. Немцы, будто ожившие из мертвых, били по наступающим из всех видов оружия, накрывали снарядами наши тылы. Густая роща стонала от разрывов снарядов и через несколько минут уже просвечивалась насквозь. Появились первые раненые. Одних несли, другие ползли сами, стонали, звали санитаров, сыпали проклятиями.

На узле связи в резерве не осталось ни одного связиста. Радист был тяжело ранен.

В эти страшные, непередаваемые мгновения я первый раз в жизни сознательно взмолился к Богу. Это даже не была молитва. Это был вопль: «Боже, прости меня, грешника! Спаси меня. Если спасешь меня, я буду стараться быть всегда хорошим и не грешить!»

Не зная истины Божьей и характера Его любви, я шел на «коммерческую сделку» с Богом: «Если сохранишь мою жизнь, я буду жить по-другому, как верующий...»

Из ста сорока человек, участвовавших в атаке только ради того, чтобы разведать силы противника, уцелело тридцать. Всего же в этом наступлении полегло значительно больше.

Шесть связистов моего подразделения остались на поле боя. Среди них Василий Стрельцов из Ташкента.

Это был тихий, честный, благородный человек. Он всех любил, и его все любили. Любил его и я сыновней любовью, и мы подолгу беседовали о нашей жизни, мечтали о будущем. Мне не хотелось, чтобы такой человек шел под огонь. Вечером, перед наступлением, я оставил его дежурным у тылового телефона, в более безопасном месте. Но получилось иначе.

Вернувшись после неудачного наступления в свой блиндаж, я не нашел в нем Стрельцова. Вскоре мне позвонили минометчики:

— Товарищ лейтенант, возле нашей огневой убит ваш связист. Похороните...

Оказалось, что когда телефонная связь с наступающими была прервана, Стрельцов добровольно пошел на поиски повреждения линии. Прямым попаданием мины ему оторвало голову.

Части его тела, собранные в чью-то шинель, мы похоронили под деревом, иссеченным осколками и пулями.

Похоронив Стрельцова, я возвращался в свой блиндаж с удрученным сердцем. В орешнике, как шмели, жужжали пули; немцы все еще продолжали обстреливать наши передовые позиции, а я шел напрямик через кусты, чтобы выбрать тихое место и помолиться Богу. Спустившись в долину, я нашел такое место, пропахшее грибами, папоротником и пороховым дымом. Я присел на вывороченном бомбой дереве и говорил шепотом: «Боже, почему погиб Стрельцов? Ведь он был лучше меня. Он был такой хороший, умный, тихий, услужливый, не пил, не курил. А я кто? Грешник. Ты сохранил меня. Спасибо. А сдержу ли я свое обещание?»

Мое сердце загорелось любовью к милующему Богу, появилось желание жить чистой, святой жизнью. Но как это осуществить? Я не знал. Я думал о бренности нашей жизни. Хотелось посвятить себя борьбе с человекоубийством. Опять-таки — как?

Мой дневник распухал стихами, проникнутыми религиозным чувством. Иногда я читал их друзьям. Слушали охотно и внимательно. Не помню никого, кто бы отнесся к ним скептически, хотя большинство моих слушателей были комсомольцы и даже партийные. Это был фронт. Это была война. Тогда никому в голову не приходило доносить на тех, кто верил в Бога. Одна за другой открывались церкви.

Тогда никто мне не говорил, что стихи о Боге — мистика и уродство. Такое я слышу теперь, в Америке, где тихо и богато живут наши земляки, забыв о Боге, о том, что они пережили.

Моя жизнь, однако, продолжала хромать на обе ноги. В тихие минуты, когда одолевала бессонница, я прислушивался к голосу совести, старался вникать в себя, в смысл своих недавних поступков. Вот только вчера зашел к комбату, а он как раз обедал и мне подал чашку разведенного

водой спирта. И у меня не хватило сил отказаться. И опять был пьяным...

В моей душе жили две противоборствующие силы, два духа, два Николая. Один говорил: «Делай, чего там... Подумаешь? Это же война. После войны будешь жить свято. Это же хорошо, весело, приятно...» А другой напоминал об обещаниях Богу, стыдил меня, указывал на мою неправедность, негодность, упрекал меня, журил...

Печально, что победу надо мной одерживал дух с плохой славой, мой «черный гость». Он так умело убаюкивал меня, что мне ничего не оставалось, как делать то, что велел он. Я был его рабом.

Девятнадцатого августа 1942 года, на рассвете, когда едва зарумянился восток, я сидел в полевом охранении роты и ожидал возвращения нашей разведки. Внезапное нападение немцев решило мою судьбу. После небольшой перестрелки мы были окружены. Я попал в плен.

Но на этом война для меня не закончилась. Немецкий плен был таким же полем боя, как и фронт, с той лишь разницей, что на фронте боролись за родину, в плену — за жизнь, за котелок баланды.

Заявление Сталина, что у него «нет пленных, а только предатели», заронило в сердца пленных, в том числе и в мое, горькую обиду.

Но об этом писали и пишут другие.

ЭТО НАЗЫВАЛОСЬ ЖИЗНЬЮ

*Как мало прожито,
Как много пережито!
(Надсон)*

Была дождливая, холодная осень. Небо, словно больное простудой, несколько дней подряд дождило изморозью, заволакивалось сплошными темно-серыми тучами, и они, как ленивые медведи, медленно двигались с запада на восток.

Для нас, пленных Александровского лагеря, лучшим временем суток был вечер, когда мы заканчивали дорожные работы и возвращались в деревянные приземистые

бараки, окруженные колючей проволокой. Конвоиры толкали нас прикладами и поминутно орало: «Лос! Лос!»

В бараках на нарах люди ворочались, как черви, иные толпились у накалившейся докрасна бочки, грели воду, обжигались и круто сквернословили. У дверей всю ночь горела коптилка. Душил спертый воздух, дым и гарь, болела голова.

Ровно в восемь часов вечера полицай трижды ударял в кусок рельса, часовой у пулемета накидывал на голову капюшон, в лагере прекращалось движение.

Пулемет черным глазом ствола смотрел на бараки, похожие на гробы. По нарушителям приказа ночью стреляли без предупреждения. Часовые, втянув головы в плечи, расхаживали на вышках.

Мир для нас не существовал. Была война, грозная, суровая бойня. Был беспощадный начальник лагеря Густав Компасс, рыжий немец с редкими, торчащими, как у кота, усами. Были молчаливые, всегда недовольные вахманы. Была жестяная банка для супа. Она висела на нарах у изголовья вместе с серой тряпицей, куском портянки, — слабым подобием полотенца.

В этот вечер в барак зашел патрульный. Он тщательно осмотрел нары, пересчитал людей, грязно выругался и загашил нашу печку. Это был парень из Риги. Он знал русский язык, но к нам обращался только по-немецки.

— Нихт шпрехен!.. — подавал он команду и тут же уходил из барака.

В шесть часов утра его зычный голос возвещал подъем: «Ауфштейн!», «Ауфштейн!» — как эхо раздавалось во всех концах лагеря.

Это слово касалось моего сердца острым ножом. Люди вскакивали с нар, бежали, спотыкаясь, к кухне, на ходу протирая глаза, спешили занять очередь за чаем и супом, чтобы успеть получить добавку.

За добавочную ложку мутно-жидкого супа, называемого баландой, шла постоянная борьба. К этому времени, как тень, появлялся оберполицай Мотт, пожилой польский немец с бесцветным лицом и маленькими быстрыми глазами. Он ходил, по-петушиному гордо вскинув голову, а

за ним семенил его постоянный спутник — переводчик Шток, низенький, обезьяноподобный паренек из Бессарабии.

Побежденные голодом люди забывали об элементарном достоинстве, беспощадно ругались, сквернословили, сильные обижали слабых.

Как-то я вышел после работы во двор. По лагерной дорожке брели двое пленных, поддерживая друг друга. Но вдруг оба, как коршуны на добычу, бросились на землю. Один из них схватил окурочек, подброшенный охранником для потехи. Второй ударил друга по голове:

— Шакал! — с обидой произнес он. — За тобой никогда не успеешь.

Осчастливленный находкой друг ничего не ответил. Оберегая окурочек от покушения, он свернул в сторону и, воровато оглядываясь по сторонам, жадно затянулся.

Не один раз и я отдавал половину пайки черного с опилками хлеба за одну-две затяжки синим табачным дымом.

Однажды мне пришлось видеть, как пленный пытался зарезать соседа только за то, что тот украдкой облизал его котелок.

После завтрака (он же был и обедом) подсчитывали, сколько трудоспособных, сколько «филонит», сколько «завернулось». Полицаи бегали из барака в барак, проверяли нары, выгоняли в строй больных.

— Ты что развалился? Баланды объелся, что ли? Не слышишь команды?

Но лежавший на нарах действительно команды не слышал, потому что он еще вечером ушел в иной мир, где нет войн, нет лагерей, нет пленных, где все свободны.

Перед строем пленных оберполицай Мотт давал волю своему деспотизму. Нарушение лагерной дисциплины одним влекло за собой наказание всех. Виновник попадал потом в немилость всего лагеря.

Однажды из лагерной кухни кто-то утащил несколько кочанов капусты. Разъяренный Мотт бегал перед строем с налитыми кровью глазами и орал:

— Кто утащил капусту? Выйди вперед!

Все стояли, опустив головы и не двигаясь с места.

— Молчите? Ищите капусту по всему лагерю! Даю пять минут!

Все разбежались. Люди знали, что Мотт не умеет шутить. Молодой парень как-то замедлил. Мотт ударил его кулаком в лицо. Тот, закрывая руками голову, упал на землю. Другой полицай добил его сапогом.

— Становись!

Началось нечто ужасное, особенно для больных, — десятиминутная «гимнастика». Обессиленные люди, едва ноги переставлявшие, исполняли команду:

— Раз, два, три! Вдох — выдох!

Мотт стоял в стороне, сложив руки на груди, и тупо смотрел на все, что происходило во дворе лагеря. В его серых, бесцветных глазах застыло торжество победителя.

— Взять лопаты! — подал он команду и направился в лагерную канцелярию.

Приготовления к работе закончились за несколько минут. Нас строили, разбивали на группы и отправляли на дорожные работы километрах в трех от лагеря.

До сих пор я не забыл эту дорогу, асфальт «варшавки», покрытый гололедицей, как алюминиевой коркой. От Рославля до линии фронта непрерывно сновали машины, ревели грузовики, на прицепах грохотали пушки. На жерла стволов были надеты брезентовые колпаки. Солдаты, кутаясь в маскировочные плащ-палатки, сидели в кузовах машин, сосали трубки. Трещи и дыма, пронеслись мотоциклы. А по сторонам дороги, на болотистой почве, чахли березовые рощицы, на пригорках рыжел мох, белели пеньки, обколотые для костров.

Дальше к горизонту виднелись лоскуты черной озимой пашни, силуэты труб — остатки сожженных деревень.

По дороге на работу, бывало, некоторые падали. Слабых подгоняли палками, а безнадежных пристреливали и сбрасывали с дороги в канаву.

Мы плакали и молились Богу, призывая Его в свидетели человеческой жестокости. Конвоиры являлись для нас загадкой: трудно было поверить, что у этих людей были матери.

Мы были плохо одеты, на ногах — ботинки с деревянной

подошвой, и только у новичков все еще держались солдатские сапоги.

Все попытки местного населения облегчить нашу судьбу, помочь нам строго наказывались. Люди это знали и всячески нас сторонились. Во всем сказывалась политика фюрера, направленная на уничтожение пленных, на истребление нации.

Так немцы создавали себе врагов — отважных, непримиримых партизан, отряды которых в то время состояли большей частью из бежавших из лагерей пленных.

Голод и надвигающаяся зима порождали отчаяние. Смерть косила наши ряды, но они почти каждый день пополнялись за счет «новичков». Специальная команда санитаров из полицаев по утрам проверяла нары. Умерших хоронили за бараками.

Однажды сосед по нарам вошел в барак и начал рассказывать с обычным лагерным безразличием:

— Я, значит, иду по нужде, смотрю, а они несут грузина... Помнишь, что песню о Сталине пел? Комик такой... Несут его к черным воротам, в общую яму, а он стонет и тихо просит: «Братцы, что же вы делаете? Я же еще живой...»

А санитары ему со смешком: «Кто лучше знает — ты или доктор?». И унесли, гады.

Этот рассказ потряс многих, но жаловаться было некому.

Мы знали, что в яму часто относили еще живых людей, если на них была обувь или крепкая одежда. Обувь и одежда становились достоянием могильщиков.

Другой сосед из «догорающих» слушал этот рассказ, и на его желтом, как воск, лице плавало подобие улыбки. Потом он начал:

— Так оно и есть. Помните, у Крылова, про старика и смерть? Правдиво сказано. Умирать никто не хочет. Ты умри сегодня, а я завтра...

Мы прислушивались к голосу соседа, а он почти шепотом рассказывал:

— Бедный старик вот так, как я, обессилел. В лесу это было. Собрал он вязанку дров, а поднять не может. Жизнь утомила. Что делать? Он и говорит: «Эх, кабы смерть пришла...». А она, смерть-то, не за горами. Повернул голову, а

она рядом, за плечами... Старик, увидев смерть, говорит ей: «Нет, я звал тебя не во гневе, а чтобы помогла поднять вязанку».

В глубоких глазах соседа таяли слезы, и это без слов говорило о его неугасимом желании жить, видеть весну, солнце, свободу, родной край, жену, детей.

Кто-то спросил:

— А что, Огонек, умирать-то страшно?

— Не то что страшно, а вот боюсь того, что будет после смерти.

Он умолк и больше не сказал ни слова. Дотянул он как раз до Рождества. О его смерти мы не сообщали два дня, чтобы получить на него пайку черного мерзлого хлеба.

* * *

Прошла морозная зима. Прошли весна и лето 1943 года. Немного нас выжило из тех, кого водили немцы ремонтировать «варшавку». Война продолжалась, но жизнь пленных несколько улучшилась. Это улучшение приписывалось влиянию генерала А. Власова. Его «Открытое письмо» ходило у нас по рукам. Пленные относились к нему по-разному: некоторые называли его предателем, другие, не скрывая, говорили:

— Наконец-то нашелся добрый человек! Может, немцев образумит...

Иногда у нас возникали горячие споры, но каждый раз побеждали сторонники Власова.

Наш лагерь постепенно превращался в рабочие роты.

Немцы отступали.

По узкой проселочной дороге тихо, почти бесшумно двигались колонны немецких войск. Хмурые солдаты изредка переговаривались между собой. Ночью дрожали в Десне отражения звезд, полусонно вздыхала израненная земля, пустые мертвые поля наводили на тяжелые мысли.

Немцы вели нас с собой как даровую рабочую силу. Они хорошо знали, что мы их ненавидим, однако они не раз, бывало, при нас проклинали войну, ругали свое начальство и делились с нами сигаретами.

Почти каждую ночь нас заставляли рыть окопы, но советская армия наступала так быстро, что этими окопами немцы не успевали воспользоваться. И нас перегоняли дальше на запад.

В одну из таких ночей мне нездоровилось. Друзья помогали мне выполнить «окопную норму».

— Крепись, парень, крепись, — говорил мне Алексей Алексеевич Ложкин, бывший командир роты. Он скрыл от немцев свое звание и чудом выбрался из штрафного лагеря. Это был коренастый, широкоплечий здоровяк с зоркими глазами, ловкий и выносливый.

Бывало, Ложкин присядет на корточках у костра и начнет философствовать:

— Жизнь — что медяк: с одной стороны орел, а повернешь — решка. Был капитан Ложкин, а теперь — Блошкин, а придет время — опять буду Алексей Алексеевич.

В ту ночь, выбрасывая землю из моего окопа, он тихо говорил:

— Нам бы только выбраться за Десну, а там и махнуть можно. Только не к своим. К своим попадешь — в регулярную, а то и хуже. Я это уже знаю, старый воробей. Допросами изведут. А потом и шлепнуть могут. На то она и война. Разбираться некогда.

Когда проходили патрули-надзиратели, я напрягал последние силы и бросал землю чаще и сноровистей. Грунт был твердый, лопата глухо звенела и отскакивала.

После полуночи над нами появлялись самолеты. Таков был распорядок каждой ночи.

— Ребята, опять начинается, — шептались по рядам.

— За ударную работу нам «отец народов» гостинцы прислал. Вот уж батюшка заботится...

— Да, видно, нас он сегодня премирует.

Вспыхивали ослепительно яркие ракеты, и, рассыпаясь веером, угасая, медленно падали на землю. В такие минуты Ложкин бросался на дно окопа и лежал, не двигаясь, до тех пор, пока кружили самолеты.

Как-то мы его спросили:

— Ты что же, Алексеич, на головы нам лезешь? Смерти боишься?

— Ха, смерти боюсь! Чего ее бояться? Смерти я не боюсь, но хочу узнать, кто войну выиграет: Сталин или Гитлер?

— Да разве ты не видишь, что Гитлер уже погорел?

— Нет, не вижу. О неизвестном ничего определенно-го сказать нельзя. Если американцы не откроют второй фронт, то немцы еще нажмут...

Низко, почти касаясь деревьев, летели самолеты. Мы рассматривали их черные силуэты, и было до боли горько, что над нами — не враги, а наши родные братья, и они, подобно нам, желают одного — конца войны, мирной, счастливой жизни.

Появление самолетов было для меня всегда желанным. Мне хотелось лежать в окопах до утра, лежать на пахучей холодной земле, как в могиле, и не брать лопату в мозолистые руки, не долбить твердую, непокорную землю.

— Ну, что летаешь? Садись-ка здесь, на поле, поговорим по душам, — шутил Петя Купцов, весельчак, бывший шофер такси, ловко очищавший карманы пьяных пассажиров.

Когда мы его осуждали за эти грязные дела, он обычно оправдывался:

— Да я же распрягал только партийных...

— А почему ты знаешь, кто партийный, а кто нет? На лбу не написано, — спрашивали его.

— У них, партийных, всегда деньга водилась. А у нашего брата что? Гулькин нос. Нет, своего брата я не трогал.

Самолеты, закончив свое дело, улетали на восток. Словно из-под земли выскакивал высокий сухой ефрейтор и подавал команду: «Штейт ауф! Встать! Бери лопату!..»

И мы опять принимались за работу — до рассвета.

Однажды нас привели в опустевшую деревушку. Догорало несколько изб. Жители перед приближением фронта бежали в леса. По улице растерянно бегали солдаты. Нас покормили остатками солдатского супа, разбавленного водой. Так всегда повара выходили из положения, когда на всех не хватало. Потом нас загнали во двор школы.

С несколькими друзьями я зашел в школьную пристройку. Опустевшая комната еще хранила в себе теплый жилой запах. Рыжая кошка дико металась по скамейкам. На полу

лежали книги, никому не нужное тряпье, порыжевшие ученические тетради.

Петя Купцов рыскал по углам в поисках съестного. Ложкин и двое других исследовали печь и нашли там горшок вчерашних щей, а меня сразу захватили книги. Я нашел старый порыжевший томик в коленкоровом переплете с надписью на первой странице: **Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа**. Внизу страницы стояло: «Британское Библейское Общество».

Это была моя первая встреча со Словом Божиим.

Я прихватил этот томик с собой.

Нас поспешно перегнали к реке, для ремонта поврежденного моста, но как только мы закончили работу, из темного неба вынырнули два самолета. Едва успели мы разбежаться, как раздался два оглушительных взрыва. От моста осталось только воспоминание. В наших рядах недосчитались троих, в том числе и Ложкина.

Евангелие я читал каждый день. Друзья часто на привалах отзывали меня в сторону и говорили:

— Прочти нам что-нибудь из Евангелия.

Когда я читал, некоторые снимали шапки и молчаливо слушали. «Я есть Путь, Истина и Жизнь». «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас».

— Вот такого нам вождя надо, чтобы он был правдивым, честным, как Христос. За такого и умереть не жалко, — комментировали слушатели.

Много вопросов возникало в моей голове, и найти на них ответ было нелегко. Иногда я думал: «Почему Христос, будучи Сыном Божиим, добровольно дал Себя распять? Ведь человек от этого не стал лучше».

Я берег это Евангелие, как великое сокровище, и лишился его в день «Платлингской репатриации». Оно было отправлено вместе с моими вещами в СССР.

В ЯНВАРЕ 1943 ГОДА...

Кто из жителей средней полосы России не любит январское утро? С каждой минутой светлеет темно-голубое небо,

восток озаряется румянцем, чистое поле искрится серебром. Сухой воздух насыщен морозом; иногда перехватывает дыхание, но это не пугает. Вы сидите в санях-розвальнях на сухом душистом сене, в полушубке, пахнущем овчиной, в валенках и теплых рукавицах. Лошадь бежит охотно по укатанной дороге, вас слегка заносит на ухабах, поют колозья, поскрипывают туго натянутые гужи хомута, позванивают оглобли, а в это время из-за леса величественно поднимается красное, как пурпур, солнце. Тишина утра наполняет ваше сердце невыразимой радостью, и вам хочется петь о бескрайних просторах родины, о людях, любящих жизнь и свободу, о забытой тройке.

Так думал я ранним январским утром 1943 года в строю рабочей роты на пути из поселка Красный Луч в деревню Бучино, что на Смоленщине.

Рабочая рота была составлена немцами из военнопленных, из тех, кто попал в плен совсем недавно и мог орудовать лопатой, очищать дороги от снежных заносов, строить мосты, рыть окопы.

Немцы отступали. Ранним утром особенно отчетливо слышны были разрывы снарядов. Била дальнобойная артиллерия. Советские войска шли в наступление.

От романтики зимнего январского утра остались те же поля, тот же снег и то же солнце, но не было ни полушубка, ни валенок, ни теплых рукавиц, не было саней-розвальней. Нас вели по равнине, занесенной снегом: немцы старались держаться подальше от лесов, где их подстерегали партизаны.

Рота жила сегодняшним днем. «День прожил — и слава Богу», — говорили обычно перед сном. Не знаю, верил ли кто из нас в победу немцев, но и в победу Сталина тоже не верили. Всех нас объединяло одно желание — дожить до весны, а весна «свое покажет».

Холодный восточный ветер валил нас с ног, заносил дороги поземкой. Колючая снежная пыль набивалась за воротник, мороз хватал за уши, за щеки, за нос. От усталости подкашивались ноги и клонило ко сну.

Первую остановку мы сделали в поселке с десятком занесенных снегом изб. Стояли они, пригорюнившись, у об-

рыва и маленькими заиндевелыми окошками сиротливо глядели в мир. У разрушенного сарая толпились серые, полусогбенные люди. Это немцы искали затишья. Наши конвоиры поочередно ходили в избы греться, а нам разрешили разложить костер.

Близился полдень. Серое небо светлело, ветер быстрее гнал тучи; казалось, они стали легче и воздушнее. Изредка проглядывало солнце. Костер долго трещал и дымился. Но вскоре разгорелся хворост, огонь охватил смолистые жерди. Из-за места у костра возникали споры, и нам пришлось установить очередь на обогрев. В воздухе висели бранные слова: ругали Сталина, Гитлера – все на свете.

– В лес бы податься, – говорил мне высокий, неуклюжий охотник-сибиряк Ильинский.

Я полюбил Ильинского и привязался к нему, как к отцу. И он не скрывал от меня своих планов. В начале войны он каким-то образом попал в Москву, оттуда в ополчение. Вскоре оказался в плену, а затем в рабочей роте. Он был наичестнейший из всей нашей братии. Только ему мы доверяли самое ответственное дело, от которого зависела наша жизнь, делить паек – буханку черного с опилками хлеба – на шесть-семь человек. И он это делал безукоризненно точно, как никто другой.

Я не ответил на замечание Ильинского, и он продолжал:

– Мне-то нипочем, до весны дотяну, а вот ты, молодчик, загнешься...

В разговор вступил Паша Кудинов, молодеватый парень, бывший беспризорник. Это был неугомонный рассказчик, отчаянный картежник и талантливый музыкант. Его маленькую голову покрывала расплывшаяся, как гриб, пилотка. Слегка веснушчатое лицо раскраснелось на морозе:

– Правда, братва, не жизнь, а жестянка... В тюрьме было лучше: бывало, сидор получишь – и плюй в потолок, а тут вкалывай день и ночь. И, главное, для кого?

– Терпи, казак, атаманом будешь, – отозвался бывший танкист Антон Шпак, находчивый и смелый парень со шрамом на щеке. Он хорошо говорил по-немецки, но скрывал это, и мы знали, что не сегодня-завтра, при первом

случае, Антон от нас уйдет. В тряпках, которыми обматывал ноги, он прятал орден Красного Знамени.

— Им, думаешь, хорошо? — продолжал Ильинский, указывая глазами на сторбившегося конвоира. Тот стоял в стороне, в зимней шинели с капюшоном, и усердно сосал трубку. — Смотри, как съежился...

Паша Кудинов тем временем хлопотал у костра, прикрывая углями несколько картошек, и напевал известные строки К. Симонова:

...Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди...
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.

Он закончил песню и подмигнул мне:

— А теперь подзакусим, подзарядимся...

В это время у костра появился фельдфебель Балай, немец из Польши. Он был вершителем наших судеб, гроза роты, бесконтрольный начальник, имевший право судить и миловать на месте.

— Это что такое? Кто делал огонь? — крикнул он, толкнув ногой Кудинова. Суковатая палка Балая опустилась на его спину. Паша упал на колени, но сразу же поднялся во весь рост и теперь стоял и в упор смотрел в раскосые глаза Балая.

— Строиться! Становись по четыре! — скомандовал Балай, переходя на немецкий язык.

— Бегом, марш! Ложись! Встать! Бегом, марш!

Балай долго гонял нас по глубокому снегу. Хриплым голосом он отдавал одну команду за другой, а потом подошел к костру и разбросал горящие головешки.

К вечеру нас привели в деревню Бучино и разместили на ночлег в нескольких избах на краю села.

Хозяйка встретила нас приветливо, как родных сыновей:

— Соколики родимые, присаживайтесь кто где может. Хатенка у меня малая, да теплая. Обогрейтесь, сердешные...

Видно, не впервой за время войны в ее избе оказыва-

лись русские солдаты, и в каждом она видела близкого человека.

— Чем же вас угостить? — суетилась хозяйка. — Чайку что ли нагреть?

— Не откажемся. Грейте чай, мамаша, — распорядился Ильинский, которого мы звали старостой. Он сам был не моложе нашей хозяйки.

Было уже темно, когда немец-ефрейтор принес нам скудный паек. Он переписал наши имена и напомнил, что завтра, на рассвете, мы должны быть готовы к работе.

Когда немец ушел, наша хозяйка, Елена Петровна, заговорила:

— Нехристи они, окаянные. Обещали дать свободу, а хозяйничают над нами, как хотят.

— Повременить надо, — утешал хозяйку «староста». Он пил третью кружку чаю, пот крупными каплями выступал на его высоком лбу. — «Добьемся мы освобождения своею собственной рукой». От Гитлера добра не ждем.

Тем временем Кудинов настраивал мандолину. Он носил ее в дорожном мешке, отпустив струны, и при каждом удобном случае настраивал. Он подал команду:

— Отставить, господа-товарищи! Пусть Молотов занимается политикой, а мы начинаем нашу программу. Первым номером даю попури на мотивы бравого солдата Швейка.

— Верно, это будет лучше. Надо отвести душу, — раздавались голоса.

Кудинов играл на мандолине превосходно. Мы ему вполголоса подпевали, а хозяйка в углу выплакивала свое горе.

Вспоминая об этом, я думаю: откуда у нас, голодных, утомленных, бесправных, обиженных судьбой людей, брались силы петь? Видно, и вправду трудно жить русской душе без песни. Мы не знали песен о радостях жизни, о счастье, о надежде на доброе будущее. Наши песни были полны безысходной грусти:

Вдоль по улице метелица метет,
А меня тоска-кручинушка гнетет.
Может, завтра на дороге где-нибудь
Пуля вражья продырявит мою грудь.

Усевшись поближе к печке, Кудинов встряхивал давно не стриженным чубом и старательно выводил новую мелодию, а ему подпевали все, включая узбека Салимова. Над столом едва мерцала подслеповатая лампа. Причудливые тени двигались по серым пропотевшим стенам.

После песни Кудинов, еще раз настроив мандолину, перешел на плясовую. На середину избы вышел Антон Шпак. Было до слез больно смотреть на его разбитые до предела ботинки, стянутые веревкой, на его широкие маскировочные брюки — остатки от формы танкиста. Он забавно приседал, пробовал отбивать чечетку, но вскоре рухнул на скамейку.

— Уходилса, парень!

— Кишка тонка! — раздавались голоса из темных углов избы.

— На баланде не попляшешь, — оправдывался Шпак. — Вот дай краюху хлеба да кусок сала, тогда посмотришь, сколько я сделаю оборотов.

Веселая атмосфера наполняла избу. Казалось, ее стены раздвинулись шире, и лампа мигала веселее и ярче.

— Предоставляется слово нашему заслуженному поэту, — объявил Кудинов и несколько раз хлопнул в ладоши. Это относилось ко мне.

Я тогда писал много. Это были слабенькие стихи, но их все любили, потому что я не отходил от близкой всем темы — от нашей безрадостной жизни, наших надежд.

Зима проходит, как бывало,
Мороз с метелями не спорит.
Моих друзей уже не стало,
Да и меня не станет скоро.

Друзья говорили:

— Ты пиши, ничего не пропускай. Только правду пиши. После войны будем читать твою книгу.

Я любил также читать стихи Есенина, Гумилева, Клюева. На этот раз припомнились мне строки Ильи Садофьева:

Не смотрю на жизнь я с подоконника,
Не таюсь в потемках воровских.
У ворот пиликает гармоника,

Задавиться впору от тоски.
Я и сам ночным носился кречетом
И шарахал свистом стариков...

В этот момент резко отворилась дверь. Размахивая пистолетом, в избу вошел Балай. Он был пьян. Его покрасневшие глаза смотрели на нас с презрением и тупой решимостью.

— Штильгештанден! Смирно! — гаркнул он во весь голос и сделал шаг ко мне.

— Партизан! Я знаю все! Вот когда ты мне попался!

Все замерли в ожидании, что будет дальше. Казалось, было слышно, как стучали наши сердца. За окном ветер хлопнул ставнями и умолк.

Балай прищурил глаз и направил на меня тяжелый бельгийский пистолет.

Сознание, что в эту минуту, на этом месте, в этой глухой деревне, занесенной снегами, закончится моя жизнь так бессмысленно и так рано, наполнило мое сердце болью. Муть застилала глаза, изба качалась, качались люди, мигающая лампа и Балай с направленным на меня пистолетом.

Я всей душой воззвал к Всевышнему: «Боже, я погибаю безвозвратно. Спаси и помилуй меня, грешника!».

Балай выстрелил. Я видел вспышку. Едким пороховым дымом ударило в горло. Я напрягся, чтобы понять, куда в меня попала пуля, но, как ни странно, нигде не ощущал боли. Только сердце словно придавило тяжелым камнем, что-то мешало дышать.

Первой вскрикнула хозяйка, потом застонала.

Балай по-прежнему стоял передо мною, и синий полог дыма тихо колыхался над его головой. Черное дымящееся дуло пистолета все еще угрожающе смотрело на меня.

— Партизан! Думал, мы ничего о тебе не знаем? — орал Балай.

Но в это время произошло нечто неожиданное.

Антон, стоявший в нескольких шагах от Балая, вдруг кинулся на него коршуном и схватил за руку.

Один за другим раздались еще два выстрела. Изба наполнилась дымом, на потолке вспыхнули обои.

— Ишь ты, герой! — приговаривал Антон, заламывая Балаю руки. — Мы тебя тут разделаем...

Я стоял и не мог сдвинуться с места. Хозяйка громко стонала. Балаю сбили с ног, ремнем связали руки. Наконец я нашел в себе силы и подошел к хозяйке. Она истекала кровью и тихо, сквозь стон, молилась:

— Прибери меня, грешную, Господи...

Пуля попала ей в предплечье, повредив кость. Она открыла глаза и взглянула на меня, когда я, склонившись над ней, перевязывал рану.

— Слава Тебе, Господи, сохранил Ты ему жизнь...

Кто-то побежал в комендатуру. А Балаю лежал связанный, бился головой о пол и неистово кричал охрипшим пьяным голосом:

— Проклятые Иваны! Развязать, приказываю!

Антон положил пистолет Балаю на стол и спокойно сказал:

— Что будет, то будет, а работа чистая...

Вскоре избу окружила жандармерия. До утра мы были под арестом. Немцы развязали Балаю и посадили его в сани. Через несколько минут два санитары увезли Елену Петровну.

— Я рада, — сказала она, прощаясь, — что так кончилось. Бог мою молитву услышал. Я за тебя, соколик, молилась. Молодой ты. А мне все равно. Смерти я не боюсь, там лучше будет...

В эту ночь я не спал. Думал, как дорога жизнь человека и какой дешевой делают ее люди. Заглянув в лицо смерти, я увидел, что не готов расстаться с жизнью, что я не могу сказать, как сказала Елена Петровна:

— Смерти я не боюсь. Там лучше будет.

Внутреннее чутье мне подсказывало, что это самое «там» — не миф, а реальность, и смерть — это отнюдь не уничтожение. Иначе чего ее бояться?

Утром, после короткого допроса в комендатуре, меня, Антона Шпака и Пашу Кудинова отправили в штрафной лагерь. Прощаясь с нами, Ильинский обнял меня по-отцовски, прослезился и сказал:

— Сынок, держись Кудинова. С ним не пропадешь.

Мое сердце говорило мне другое: держись Бога, с Ним не пропадешь...

И это была правда.

ПУТИ-ДОРОГИ

*Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей.
(Из фронтовой песни)*

Немало во время войны довелось мне прошагать по дорогам России. Ходил в строю действующей советской армии, ходил в колоннах военнопленных, ходил с лопатой в руках в рабочем батальоне. Но с тех пор, как в душу мою запала вера в Бога — вера, менее горчичного зерна, вера слабая, я помнил, что надо мною — невидимая Божья рука, Его святой покров.

Когда в моей дорожной сумке оказалось Евангелие, я читал его неизменно каждый день, делился мыслями с близкими друзьями, иногда спорил, сомневался, искал.

Долгое время постоянным моим спутником был инженер-конструктор Н., человек лет пятидесяти, с черной козлиной бородкой и большими умными глазами, тихий, скромный, почти незаметный среди пестрой братии пленных. Останавливаясь на ночлег, мы искали укромный уголок, чтобы поговорить о Боге, о спасении души, о религии вообще. Говорили также и о войне, определяли сроки ее окончания, но никогда не говорили о наших буднях. Не любил этого инженер.

— Положись, друг, на Бога, — наставлял он меня. — Он знает, как тебя спасти, как вывести на свободу.

Инженер был человеком глубоко верующим, искренним и честным, и меня всегда удивляло, как он мог, со своим

мировоззрением, работать в Москве, на крупных заводах и правительственных стройках.

Мои материалистические взгляды на жизнь слабели с каждым днем. Мне очень хотелось, чтобы идеал социалистического общества восходил не к Марксу, а к учению Христа, к Его заповеди любви к Богу и ближнему.

Я понял, что попытки объединить людей в коллектив, основанный на одинаковом понимании долга и на сотрудничестве людей, наталкиваются и будут наталкиваться на подводные камни жадности, эгоизма и жестокости. Не с сердца, не с души ли надо начинать строить новое общество? Отвергая Бога, люди показали свое абсолютное бессилие исправить испорченный характер человека, его греховную природу.

Евангельское учение привлекало меня своей простотой, мудростью, своей жизненностью, своей практической стороной. Это учение открывало мне меня самого, мою ничтожность и неспособность жить правильной жизнью без помощи Всевышнего. Я чувствовал, что для полноты разумной жизни во мне чего-то не хватало, тем более не хватает теперь, когда я в неволе, в плену у врага. И снова возникал вопрос: откуда ведет свое начало мир? Каково мое назначение на земле? Для чего я должен жить и страдать? Не лучше ли покончить с собой, как это делали некоторые?

В разрешении этих вопросов пришел мне на помощь инженер Н. Он знал о моих трудностях и не упускал случая, чтобы утешить меня, наставить, подсказать.

То, что я изучал на студенческой скамье в течение нескольких лет, здесь, на полях Смоленщины и Белоруссии, жизнь подвергла строгому пересмотру. Если материалисты предложили мне принять на веру учение о материи, что она не имеет ни начала, ни конца во времени и в пространстве, но всегда была, есть и будет, то почему я — думалось мне — не могу, по примеру инженера Н., принять учение о Боге, что Он вечен, не имеет ни начала, ни конца, но был, есть и будет?

«В начале была материя», — учили меня в школе. Но откуда взялась материя? На этот вопрос ответ мне не дали.

А если не знаете, размышляя я, откуда взялась материя, если не можете мне это объяснить, я имею полное право признать Бога Творцом, имею основание верить в Него.

Меня учили, что все произошло из уже существовавшей материи, вследствие воздействия на нее ей же присущей энергии. Но что вызвало материю из инертного состояния, что дало ей первый толчок к движению? На это мне тоже не ответили.

Свет Евангелия обнаруживал несостоятельность моих материалистических взглядов на начало всего сущего. Если натуралисты и дарвинисты признают, что все живое происходит только от живого, то как же мог появиться первый зародыш? Мне вспомнились журнальные статьи о живой клетке. Я их когда-то вырезал, собирал, но они мне ничего не дали. Как известно, опыты по созданию живой клетки до сих пор не дали положительных результатов.

Наконец, как объяснить происхождение мысли? Если мысль — продукт мозга, как желчь — продукт печени, тогда мысль тоже должна быть материей. Но всем известно, что мысль, как и наше сознание, — явление сугубо духовное.

Так, с каждым днем все больше, часто перед лицом смерти, я приобретал уверенность в существовании Бога, Творца всего живого и неживого.

Однако этой веры, этого признания Бога оказалось мало, очень мало для того, чтобы найти объяснение происходившим событиям. Даже инженер Н., со своим философским мышлением, часто пожимал плечами и, пряча от меня глаза, говорил, как бы про себя:

— Не все постижимо. А это еще раз доказывает, что есть вселенский Разум, есть мысль и цели, которые выше нашего понимания.

Больше всего меня тревожили страдания невинных людей, особенно детей. Как-то холодной осенью, к концу короткого пасмурного дня, я шел в деревню Говяжья Слобода в Брянской области, шел украдкой, по пустынной, почти непроезжей дороге. Сырой встречный ветер мешал идти. Неожиданно у обочины я заметил трех детей, пригнупившихся под кустом, у холмика свежей земли. Старшей девочке было не более семи лет. Лица детей посинели от

холода. Как испуганные зайчата, они прижимались один к другому и растерянно смотрели на меня.

Я спросил у старшей, стараясь не испугать их:

— Детки, что случилось? Почему вы здесь сидите? Идите домой...

— У нас нет дома, — едва слышно проговорила девочка и начала всхлипывать. Ее плечики тряслись, руки дрожали. Двое младших детей настолько ослабели, что уже не могли плакать.

— Немцы взорвали нашу землянку, — испуганно прошептала девочка.

— Где же ваша мама? — спросил я.

— Застрелили... — проговорила средняя и указала рукой на холмик земли.

— Вставайте, я отведу вас в деревню, — настаивал я. — Ведь в Слободе теперь немцев нет.

Дети молчали.

— Что же вы будете делать?

— Мы умрем здесь, вместе с мамой... — ответила старшая сквозь слезы.

Вид этих детей настолько тронул мое сердце, что я не мог удержаться, чтобы не воззвать в сердцах к Богу:

— Боже, за что же эти дети должны страдать?!

Старшая девочка, очевидно, чувствуя ответственность за младших сестер, еще громче расплакалась и начала просить:

— Дядя, не оставляй нас. Мы пойдем с тобой...

Они не знали, что дядя тоже не имел где приклонить голову.

Этот случай никак не укладывался в моем сознании с верой в живого и справедливого Бога, каким мне открывало Его Евангелие.

Пусть страдают грешники — я понимаю, это по заслугам. Но дети, дети!..

Год спустя, во время отступления немцев, на окраине станции Чаусы (в Белоруссии), я встретил женщину. Она сидела на улице, у пепелища своего дома. На руках она держала мальчика лет пяти, убитого осколком. В руке, обнимавшей ребенка, женщина держала измятую, окровавленную шапку мужа. Я не решался подойти к ней. Все равно

ничем не мог ей помочь. Горе женщины было так велико, что она сидела, словно в оцепенении, и не сводила глаз с окровавленной шапки мужа.

Люди подходили, останавливались и снова уходили. Недалеке рвались снаряды дальнобойной советской артиллерии, на полях горели копны только что убранной ржи, дым застилал улицы. Некоторые рассказывали:

— Ее мужа немцы застрелили. Говорят, толкнул одного... А теперь вот жене одна шапка осталась.

И снова вставал тот же вопрос:

— Господи, за что?..

Вспоминаю бедную старушку, дочь которой зверски убили пьяные солдаты. Несчастливая мать стояла на коленях, поднимая руки к небу, и кричала в пустоту:

— Люди! Люди! Куда вы дели мое счастье? Где моя Наташа?

Женщина лишилась рассудка.

А то, что я увидел уже незадолго до окончания войны на улице Берлина, когда после ужасной бомбежки вышел из бомбоубежища на Ангальтерштрассе, показалось мне адом. Горели разбитые дома, и никто не пытался их гасить. Едкий, отравляющий дым перехватывал дыхание. Со столбов свисали оборванные провода, лежали перевернутые трамваи, бежали люди. А во всей этой сумятице трехлетняя девочка теребила лежащую на тротуаре мать:

— Мути, мути... — плакала она, — штей ауф, мути!..

Из-под серой блузы матери сочилась кровь. Она была смертельно ранена.

Господи Боже, за что же страдают дети? В чем их вина? Как же мне верить в Твое милосердие, в Твою любовь к человеку?

На моих глазах очередью из автомата, почти в упор, был смертельно ранен мой приятель и земляк И. Орлов. Когда я к нему подбежал, чтобы оказать помощь, он сам, своими руками, судорожно засовывал кишки в живот и почти без стога говорил:

— Ну, вот и все... Отвоевался. За что убили — сам не знаю... И свои же, русские... Напиши дочери, что папа...

Он не договорил.

— Господи, зачем все это?

Одни считают, что Бог тут ни при чем, если люди сами это делают. Другие говорят: Бог это допускает, чтобы люди выявили зло и, наконец, поняли, что без Него мир сам себя истребит.

А некоторые сомневаются: где, мол, Бог? Если бы Он был, то давно бы сжег проклятую Землю.

Евангелие, которое я бережно хранил, начинало терять свою привлекательность. Читал я его теперь реже, к случаю, и больше по чьей-нибудь просьбе.

Позднее, когда мое изношенное, но памятное Евангелие ушло на родину (вместе с вещами репатриантов), я случайно приобрел Библию. Читал ее с захватывающим интересом, хотя многое было непонятно. Благо, что за колючей проволокой время для этого было. Когда читал пророчество Исаии об Израиле, меня тронули Божьи слова:

«Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?» (Ис. 1:5).

И здесь мелькнула у меня мысль: не может ли быть и сегодня так, что миллионы людей, считая себя христианами, упорствуют и не покоряются Богу? Бог, желая их пробудить и приблизить к Себе, допускает трудности, лишения, войны. Не может ли быть так, что за непослушание отцов приходится страдать детям? Отцам следует об этом подумать.

Отец наказывает своих непослушных детей ради их же блага, ради вразумления, а может быть, ради их же спасения. Наказывает потому, что любит их. Но как часто непокорные дети остаются непокорными, несмотря на увещание и наказание отца! Не так ли и с нами, с нашим отношением к Богу?

Только оказавшись в тяжелых обстоятельствах, пробудилась и моя душа, воззвала к Богу о помощи. А дай мне благоденствие да хорошую жизнь, я и за сто лет о моем Создателе не вспомнил бы. Такова наша греховная природа. Не случайно родилась и живет в народе поговорка: «Как тревога, так до Бога».

Как-то в американском журнале я прочел заметку о жизни проповедника в Абиссинии. Он молился так: «Дорогой

Иисус, пошли нам больше скорбей. Когда наша страна была оккупирована, а король был в изгнании, когда мы не имели для детей хлеба, Ты знаешь, Господи, как много людей приходило в наш подвал на молитву. Каждую ночь объявлялись желающие креститься во имя Твое. А теперь войны нет. Король вернулся. И церкви наши пусты, люди отвергают Твое Слово, Твою любовь... Господи, ради спасения многих душ, пошли нам больше скорбей».

Не в этом ли ответ на мой вопрос: «За что, Господи?».

Помню, что и мое чтение Евангелия не всегда было вызвано исканием истины, исканием хлеба жизни. Я часто читал Евангелие из страха.

Великую истину поведал мне Господь через апостола Павла: «Никто не ищет Бога». И я не искал Его. Я искал то, что Бог дает: благополучие, счастье, удачу. Часто мое внимание останавливалось на седьмой главе Послания к римлянам. В последней ее части я видел описание своих переживаний, как будто все было сказано обо мне: «Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?»

Иногда я брал записную книжку и с твердым решением делал запись: «Сегодня (такого-то числа) я оставляю всякий известный мне грех и буду жить чистой жизнью, как учит Евангелие». Но уже через несколько дней, не находя в себе силы сопротивляться влечению греха, я с болью в сердце вырывал эту страницу. Тогда приходили мысли о нежизненности Евангелия, будто не я, а оно, Евангелие, виновно в моих неудачах. Приходили и сомнения: может быть, Бог – это только пассивная сила, а человек – животное, продукт длительной эволюции? Но становилось стыдно за себя, за свои нелепые мысли. Нет, я верил в Бога, в Его творческую силу, в Евангелие, но в то же время оставался погибшим грешником.

Впереди меня ждали другие, более глубокие переживания, полное и абсолютное разочарование в самом себе, а за всем этим – новая жизнь во Христе Иисусе.

ЦЕРКОВЬ И ЛЮДИ

Двадцать четвертое февраля 1946 года — памятный день для русских «невозвращенцев». В этот день возле небольшого баварского городка Платлинга разыгралась трагедия: командование американских оккупационных войск в Германии, по приказу из Вашингтона, насильственно выдало пятьсот пятьдесят бывших офицеров Красной армии советскому правительству.

Об этом уже написано немало книг, очерков и воспоминаний. Уцелевшие всегда будут помнить, как рано утром в бараки ворвались солдаты Первой христианской дивизии с красными крестами на рукавах. Пустив в ход дубинки, они молниеносно подняли весь лагерь на ноги и выгнали всех во двор. От солдат несло водочным перегаром, они неистово кричали, ругались и беспощадно били.

Нас под усиленным конвоем построили в шеренги — полураздетых, с поднятыми руками. Тщательно обыскали. Искали, главным образом, ножи и бритвы, которыми люди могли вскрыть себе вены.

Холодный ветер пронизывал насквозь, мокрый снег падал за ворот и ледяными каплями стекал по спине.

Кто были эти люди, в числе которых оказался и я?

Эти люди не были преступниками и ничем не провинились перед своим народом. Многие из них не сделали ни одного выстрела за всю войну, многие, как и я, были освобождены из нацистских лагерей. Под тяжестью невыносимой лагерной жизни эти люди изменили правительству — это было их тягчайшее преступление.

В тот день исполнились мои самые тяжелые предчувствия. В этом событии я увидел суд Божий, суд справедливый, заслуженный. Теперь мне ничего не оставалось делать, как снова обратиться к Богу с раскаянием, с молитвой, снова просить у Него защиты и милости, просить спасения. Я любил молитву Ефрема Сирина: «Господи, Владыко живота моего...» Но теперь эта молитва не отражала моих нужд, и я молился молитвой мытаря: «Боже, будь милостив ко мне, грешному» и просто своими словами: «Боже, сохрани меня от репатриации, спаси ради жены, которая останется одна».

Проходили страшные минуты, описанные поэтом Кудашевым:

Из вскрытого горла текущая кровь
Кричит безглагольной струею,
И снятый с петли возвращается вновь
К веревке, что манит петлею...

И пришел ответ на мою молитву. В последнюю минуту, уже перед раскрытой дверью вагона, совершилось чудо.

Пять человек со вскрытыми венами и один — с перерезанным горлом были сняты с грузовика. Им нужна была неотложная помощь.

Через несколько часов я лежал на больничной койке. Сердце переполнялось благодарностью к Всевышнему. Как все это произошло — тяжело вспоминать, но и забыть невозможно.

На другой день ко мне пришел католический монах. Он дал мне медальон с изображением Девы Марии, как «верный пропуск в Царство Небесное». Чуткий и внимательный к духовным нуждам, монах исполнил мою просьбу и пригласил православного священника. У него я исповедался, принял и исполнил таинство причащения. Но все это принесло мне только временное облегчение. Внешне я вроде бы готов был встретить смерть, а в душе не имел ни мира, ни покоя, ни прощения «всем и вся».

Через три недели меня перевезли в огромный регенбургский лагерь, оттуда мне чудом удалось бежать. Я оказался на свободе.

В первое же воскресенье я пошел в церковь, чтобы возблагодарить моего Избавителя. За последние гроши я купил несколько свечей и с благодарением поставил их перед иконами святых угодников. С тех пор я стал ревностным и примерным прихожанином. Еще раз обещал Богу постоянно читать Библию, молиться и уходить от всякого зла. Но, оставаясь верным этому обещанию, я вместе с тем оставался верен и моему «злому гостю». Он владел моими желаниями, мыслями, чувствами, и потому скоро, очень скоро, я оказался на широкой дороге греховной жизни.

А это еще больше влекло меня к церкви, побуждало добиваться победы над грехом, победы над самим собой.

Я читал духовную литературу и старался придерживаться наставлений отцов православной церкви и русских подвижников благочестия: «Раза два становитесь до обеда, раза два после обеда, всякий раз творя сто молитв Иисусовых с поклонами... Молитву Иисусову повторяйте пять-десять раз и более. А то тридцать три раза — по числу лет пребывания Господа на земле. Или прямо возьми двадцать четыре молитвы Златоустовы. Когда язык навикнет, оно все будет читаться само собой» («О молитве Иисусовой святителя Феофана»).

Действительно, прав святитель: язык мой приобрел навык, и все читалось именно так, как говорит Феофан, — «само собой». Но что это давало моей больной душе, больному сердцу? Мне нетрудно было понять, что бездушная форма заученных молитв, молитв чужих, не может соединить меня с Богом. После молитв, которые, отходя ко сну, усердно прочитывал, стоя на коленях, я еще больше впал в уныние.

Только через два с половиной года Господь мне открыл, что не Богу нужны наши молитвы, а нам самим, — только молитвы живые, искренние, сердечные. А такой молитвой может быть молитва не заученная, а из души исходящая. Я также увидел, что можно читать Евангелие ежедневно и все двадцать четыре молитвы Златоуста и все еще оставаться во грехах, то есть погибшим человеком. Богу нужны не наши молитвы, а наше сердце, мы сами. А мое сердце все еще было для Бога закрыто.

Однажды в великую, предпасхальную, субботу, я поехал в церковь святителя Николая с куличом и традиционными яйцами для освящения. Весь день я провел в посте, и это давало мне моральное подкрепление, настраивало на праздничный, духовный лад.

Небольшое помещение церкви было переполнено людьми. В обычные службы пустая церковь на сей раз небывало наполнилась народом. Люди толпились в дверях, стояли на улице, в саду. Я стоял у стены, перед образом Спасителя, и слушал чудесное исполнение певчими пасхальных песно-

пений. Чувство умиления наполняло сердце, захватывало душу, а пробужденная совесть осуждала меня за мою неблагодарность Богу, за мою постыдную и недостойную христианина жизнь. Тяжелый камень тоски и обреченности давил на меня, хотелось плакать.

Церковный хор, состоявший главным образом из профессиональных певцов, пел трогательно и умиленно, пел о торжестве Жизни над смертью, Правды над ложью. Через полуоткрытую боковую дверь я видел всех поющих. Во время ектеньи одни переговаривались, другие сдержанно смеялись. А когда священник произнес: «Твоя от Твоих, Тебе приносяще, о всех и за вся», пожилой регент привычно взмахнул палочкой – и хор запел: «Тебе поем, Тебе благословим...»

Но здесь случилось непредвиденное. Тенор вывел фальшивую ноту. Нервное лицо регента нахмурилось, отображая ужас и злобу. Это вызвало смех непоющей партии, некоторые ехидно улыбались, перемигивались.

По всему было видно, что поющие не переживали то, о чем пели их уста. Их трогательное пение звало к небу, к чистой и святой жизни, а сами они, как и я, жили во грехах, в русле земных интересов.

Я испугался, увидев в себе лживого религиозника, показного формалиста. Хотелось плюнуть в свою собственную душу, чтобы она не обманывала ни себя, ни других людей.

Во время крестного хода вокруг храма все запели: «Воскресение Твое, Христе Спасе...» «А где же наше воскресение, где мое воскресение? – думал я. – Долго ли мы, христиане, будем жить в этой гнилой атмосфере, где кругом бесконечные сплетни, доносы, где идет бойкая торговля собственной совестью?»

В шествии вокруг храма рядом со мной оказался доктор В., молодой, но религиозный человек, выстаивавший службы от начала до конца. Мы вместе пережили страшные дни войны.

Мы стали в длинную очередь, приложились ко кресту, а после доктор В. сказал:

– Ну, а теперь ко мне. Вместе разговеемся. Вспомним наши скитания...

Так как трамваи еще не ходили, я решил часок провести

у доктора. Он жил в богатом немецком особняке. Там же жил и настоятель прихода, отец Х.

Мы поднялись на второй этаж. Стол был накрыт, вероятно, с вечера. На столе стояла бутылка водки. Традиционный завтрак начался освященным яйцом и куличом. Доктор наполнил стаканы.

В коридоре кто-то мерно, взад и вперед, расхаживал, как часовой. Доктор встал и закрыл дверь на крючок.

— Это отец Х., — пояснил он. — У него, браток, обоняние ишейки. На рюмку, как муха на мед...

Жена доктора, гостеприимная и добродушная женщина, заметила:

— Вы знаете, вчера с вечера, перед службой, мой муж советовал отцу Х. не пить до утра. Но тот все-таки не удержался. А теперь, слышите, ходит. Ждет приглашения.

— Никаких приглашений, — сказал доктор вполголоса.

— Как? — удивленно воскликнул я. — Разве отец Х. перед службой позволил себе выпить? Разве он не постился?

— Он постится, когда спит, — заметила жена доктора.

Доктор понял, что об этом следовало бы молчать, но было уже поздно. Он старался исправить ошибку жены:

— Отец Х. не придает этому особого значения. Он — человек верующий, но реалист. Я таких люблю. Выпить до церковной службы — это ведь сути не меняет.

— Значит, эти руки, которые я благоговейно целовал, прикладываясь ко кресту, недавно держали стакан с дявольским зельем? — удивился я и резким движением отодвинул стакан.

— Нет, нет, друг, так дело не пойдет! Выпить-то выпьешь. Но сначала послушай. Я рос при церкви, все знаю. Скажу правду: большинству священников служить в церкви — как бухгалтеру на счетах шелкать. Профессия, понимаешь? Волноваться тут нечего. Ведь каждый баран за свою ногу вешается. Каждый за себя перед Богом ответит. Ты ведь молился не священнику, а Богу. Что тебе до того, что священник перед службой малость клюкнул? Может быть, ему это для голоса положено.

— Но ведь пьянство — грех. Кто этого не знает?! — возразил я.

– Ну, а где написано? Разве в Кане Галилейской Христос не претворил воду в вино? Причем первосортное.

На этот вопрос я не находил ответа.

– А потом, – продолжал доктор, – ты подойди к этому вопросу с медицинской точки зрения. Смею тебя заверить, что алкоголь – наилучшее дезинфицирующее средство. А наши желудки время от времени нуждаются в дезинфекции. Подумай только, что мы с тобой ели в плену! Конечно, алкоголь вреден, когда его употребляют сверх меры, – закончил доктор, поставив передо мной полный стакан.

– По русскому обычаю, по православному... Пропустим по одной, а там веселее будет.

Мое волнение не улеглось, и я готов был выйти из-за стола, подальше от искушения. Ведь совсем недавно я давал себе зарок больше не прикасаться к рюмке. Доктор понял мое намерение, схватил меня за руку и, встав на пути к двери, произнес:

– Ты обижаешь меня. Так дело не пойдет. Ты должен выпить или отказаться от меня как от друга.

Я выпил.

После первого, довольно внушительного стакана стало веселее. Казалось, я стал другим человеком. И этот другой человек забыл лекцию доктора о пользе и о вреде алкоголя. Этот другой человек пожелал выпить еще один и еще один стакан. На столе появилась вторая бутылка.

– А где же мера? – спрашивала жена у доктора. – С которого стакана можно считать, что алкоголь вреден?

– У пьющих об этом не спрашивают, – отвечал муж заплетающимся языком. – Немцы пьют, пока стакан не начинает двоиться перед глазами, а мы, православный народ, пьем, пока ничего уже не видим.

– А все-таки, друзья мои, пить водку священнику – большой грех, – настаивал я, окончательно охмелев. – Другое дело – мы, простые смертные. Где уж нам устоять перед искушением? Но и я, поверьте, пью последний раз. Хватит!

– Последняя у попа жинка, – шутила жена доктора. – Посмотрим, какая это будет последняя...

– Пей, друг! В заповедях об этом ничего не написано! – возбужденно выкрикивал доктор.

Было уже светло. Через раскрытые настежь окна тянуло свежестью. Из сада доносилось радостное птичье пенье, величающее Творца.

— Давай, мой друг-страдалец, споем твою любимую песню, — сказал доктор, уже едва ворочавший языком. Он положил мне на плечо руку и, тупо вглядываясь в стену, тихо запел звучным баритоном. Я опустил голову, закрыл глаза, чтобы жена доктора не видела слез, и подхватил:

Жена найдет себе другого,

А мать сыночка никогда-а-а...

ИЩУЩИЙ НАХОДИТ

«Ко Мне обратитесь и будете спасены»

(Ис. 45:22).

Седьмого августа 1948 года, в тихий послеобеденный час, я услышал осторожный стук в дверь.

— Пожалуйста, войдите!

В комнату вошел коренастый мужчина лет пятидесяти, с ясным и прямым взглядом, с мягкой, располагающей улыбкой на круглом, чисто выбритом лице. Он снял шляпу, затем роговые очки и, протирая их, спросил:

— Скажите, пожалуйста, вас интересует духовная литература?

Медленно открывая зашнурованную сумку, гость продолжал:

— Это ценное слово, хлеб для души. Читающий не пожалеет..

В тот вечер я сидел допоздна и читал предложенные мне книги. Казалось, посетитель знал мои сокровенные мысли, мои недоуменные вопросы, и в этих книгах я нашел ответ. В них я нашел убедительные доводы в пользу живой, спасающей веры по Евангелию. Особое впечатление произвела на меня брошюра Л. Д. Муди «Покаяние и примирение». Автор писал о переживаниях верующего человека, которые мне не были известны. Я сверял текст с Библией и удивлялся, что до сих пор не замечал всего этого, хотя и читал Священное Писание. В сердце проник стих: «Верующий в

Меня не судится, а не верующий уже осужден». А кто же, собственно, я? Верующий или неверующий?

Этот вопрос неотступно следовал за мною, и я хотел найти на него точный ответ.

Жене не нравилось мое увлечение духовными вопросами, они занимали много времени. Волнуясь, она не раз повторяла:

– Не к добру это...

– Я должен проверить себя по Слову Божьему и узнать, верующий ли я. Вот, из Евангелия я узнал, что «бесы веруют» и знают, что Бог есть; знают также, что Христос умер за грешников и воскрес; а что толку, если бесы Богу противятся? Может, и я просто лицемер. Обмануть себя легко. И называть себя можно как угодно. А апостолы говорят иначе: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы», — рассуждал я.

Через несколько дней, возвратившись с работы, я застал в своей комнате того же знакомого.

– Ну, как книги? — спросил он, вступая первым в разговор. — Понравились?

– Такие книги не могут нравиться или не нравиться. С ними можно соглашаться или не соглашаться, — ответил я.

– И как же — согласились?

– Почти. Но у меня возникли вопросы.

– А мы их разберем, если хотите. Библия на них ответит, а Бог поможет уяснить. Ведь Бог все предусмотрел и ничего не упустил из того, что нам нужно знать о спасении души.

Прежде чем начать беседу, он открыл Евангелие и прочел: «Без Меня не можете делать ничего».

– Так сказал Христос, — добавил он. — Поэтому, прежде чем начать беседу, хорошо было бы помолиться.

Я охотно согласился и хотел выйти из-за стола, чтобы стать перед иконой, что сиротливо висела в углу комнаты, но мой знакомый, встав, уже начал молиться:

– Боже, Духом Святым открой наш ум к уразумению Писания...

Сердечность и простота его молитвы произвела на меня невыразимое впечатление. Я почувствовал, как молитва расположила мое сердце к принятию евангельских истин.

И все-таки наша беседа не была вполне мирной. По многим вопросам мы имели разные взгляды.

— Согласиться, что такие люди, как преподобный Серафим, подвижник Саровский или Иоанн Кронштадтский, непогрешимые святые, способны были ошибаться и заблуждаться?! Нет! Этого я никак не могу допустить, — возражал я.

— Что же для вас авторитетнее: человек, пусть даже святой, или Бог? Предания людей или Евангелие Христа, Слово Божье? — спрашивал знакомый.

— Конечно, Евангелие!

— Тогда послушайте еще раз, что говорит Евангелие!

Он читал тексты и целые главы, отвечающие ясно и определенно на все мои вопросы. Но ни убедительность Слова Божьего, ни наглядные примеры, приводимые собеседником, не могли рассеять укоренившегося мнения об иконопочитании, о молитвах за умерших, о церковных традициях и обрядах.

— Это остатки иудейства и язычества! Человеческие выдумки! — настаивал знакомый. — В новозаветной, первоапостольской церкви мы этого ничего не находим. Вот Евангелие, вот Деяния апостолов! Найдите мне хотя одно основание, и я немедленно соглашусь с вашими доводами, откажусь от своих убеждений...

Действительно, мне было о чем подумать. Я признавал Евангелие как Божье откровение и в то же время ему не доверял. Пришло сомнение в достоверности происхождения так называемого «нерукотворного образа» Иисуса Христа. Не нашел я также в Евангелии истории о том, как Иисус Христос при восхождении на Голгофу вытер пот с лица и на полотенце отпечатался Его образ.

«И в самом деле, — думал я, — почему же ни один евангелист не упоминает об этом? Разве это маловажный факт? Разве такое событие могло остаться незамеченным учениками? Поэтому разумно ли, основывать веру на преданиях и сказаниях человеческих, пренебрегая Писанием? Не об этом ли говорил Христос иерусалимским книжникам и фарисеям: «Зачем вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего?» И еще: «Вы устранили заповедь Божию преданием вашим... Хорошо ли, что вы отменяете заповедь

Божию, чтобы соблюсти свое предание?» Не лучше ли поверить слову Евангелия и принять его так, как оно написано? А сколько таких преданий живет в народе! Не отсюда ли все наши заблуждения и ошибки?»

Интерес к Евангелию возрастал у меня с каждым днем. Теперь я читал его не страха ради, а ради хлеба жизни, читал с каким-то особенным желанием, как будто в первый раз, чтобы проникнуть в сокровенный смысл простых Христовых изречений. Вот Он, Небесный Учитель, говорит самарянке у колодца Иаковлева: «Настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине».

Так прошла неделя. Рождались новые вопросы, новые сомнения.

Вечером тринадцатого августа мой новый знакомый посетил меня снова. На этот раз мы говорили о роли православия в русской государственности. Этот вопрос удерживал меня от принятия Истины.

— Нельзя же не признать факт, что православие способствовало собиранию Руси, укреплению и росту русского государства. Как же теперь можно от него отречься? — спрашивал я собеседника. — Это наши исторические корни...

— Правда! — отвечал он спокойно. — Религия объединяет людей, тем более христианская. Она играла положительную роль в утверждении национального самосознания русского народа. Но есть и другие факты. Спустя тысячелетие православие сыграло немаловажную роль в разложении этого же государства. А как? Отходом от истины Христовой. Вспомните, что народ говорил о священнослужителях? И это были не анекдоты, а горькая правда! Разве своею жизнью духовенство не отвергало учения Христа? Не отсюда ли пошли ростки безбожия?

— Америка, например, обошлась без православия, — продолжал собеседник, — а смотрите, какой прочный фундамент заложен! Свободолюбивый, справедливый, истинно евангельский...

Эти и подобные им высказывания задевали мои патриотические чувства и настраивали меня против собеседника.

— Я ценю славные исторические страницы моей родины, а они связаны с верой моих предков, — горячился я.

— Почему вы говорите только о «славных» страницах? А куда девать «бесславные»? А они есть, и их немало. Их не вычеркнешь. А потом, если «славная» вера предков не дает лично мне нужной силы, чтобы побеждать грех, если не приносит мир душе, не дает уверенности в спасении, тогда — для чего она мне нужна? — закончил знакомый, прощаясь со мной в коридоре.

Эти слова легли в основу моих размышлений.

Однако я заранее уже решил, что взгляды евангелистов, хотя они хороши и правильны сами по себе, для меня лично никак не подходят. Я молодой человек. А у них извольте: выпить — грех, закурить — грех, кинотеатр — грех. Не для меня это...

Был поздний час, а впечатление от последней беседы меня не покидало. Думалось: неужели тот путь, которым я теперь иду, не приведет меня к спасению? Совесть мне подсказывала, что Бог не может удовлетвориться моей греховной жизнью, да и жизнью всех моих единомыслителей. Уж слишком много мы любим такого и делаем такое, что противно Богу и что противоречит духу Евангелия. В воскресенье утром зайдешь в церковь, перекрестишь лоб, а вечером сидишь у патефона, за рюмкой водки, с бесшабашной песней, будто и нет Христа и не было Голгофы, будто все так и надо. Где же христианский идеал? Где святая жизнь? Где цель? Где подвиг?

В тот вечер мне ничто другое не шло в голову. Мой собеседник, думал я, не пустобай, не «уговорщик». Он не подслащал своих слов. Он поставил передо мной весьма серьезные вопросы, и я должен разрешить их во что бы то ни стало.

Я лег спать, но мысли продолжали работать в том же направлении: неужели эта маленькая кучка людей, называющих себя евангелистами, стоит на истинном пути, а подавляющее большинство людей ошибается?

Мне припомнились слова Христа, прочитанные вечером: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими;

потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».

Значит, согласно Писанию, истина будет принята немногими людьми и подлинных последователей Христа будет немного. А большинство — кто они? Духовные мертвецы? Лицемеры? Безбожники? Значит, мое заключение, что правда определяется большинством, в корне противоречит словам Христа: «немногие находят».

Потом мне припомнилась молитва собеседника. Он, евангелист, благодарил Бога за спасение своей души от гибели и за вечную жизнь, которую он получил во Христе и имеет ее уже сейчас.

Вот этого я никак бы не мог сказать в своих молитвах. Как можно говорить о том, что я спасен, если я в этом не уверен? Знать о том, что Бог простил и принял меня, было бы для меня ценнее всего на свете. Но возможно ли это? «Нет, я не могу остановиться на полпути. Я пойду дальше. Я буду искать полной истины и не успокоюсь, пока не найду ее», — твердо решил я.

Было далеко за полночь, когда я поднялся с кровати, подошел к иконе и пал на колени: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его», — читал я шепотом молитвы. — «Верую во Единого Бога, Отца Вседержителя...»

Жена проснулась и с горечью сказала:

— Ну, милый дружок, довольно! Завтра твоему «пророку» дверей не открою. Нечего мутить тебе голову!

— Спи спокойно, — ответил я. — Пророк завтра к нам не придет. Я сам к нему пойду. Он порядочный, умный человек. Вопрос, который он пробудил в моей душе, очень серьезный, решать его надо и тебе, и мне.

Бессонная ночь казалась долгой и томительной.

Вот и августовское утро, солнечное и красивое. Через открытое окно врывается ветерок, доносится щебетание птичек. Суббота. Мне не нужно идти на работу. Но и это меня не радует. Я решил направиться к одному старому и близкому другу, человеку бывалому, рассудительному, честному, и обо всем ему рассказать. Ему я всегда доверял, с его мнением считался.

Друг мой жил на окраине города, в тиши вишневых

садов, верстах в пятнадцати от моей квартиры, и я поехал к нему на велосипеде. У моста дорога шла в гору, и я спешился. Сновали машины, противно дребезжали неуклюжие мюнхенские трамваи. Город, как растревоженный муравейник, шумел, гудел и суетился. Разрушенные и полуразрушенные дома, обгоревшие сады, камнем выложенные берега Изара, шум водопада — картины чужого города навевали грустные думы о моем прошлом, безысходном настоящем и неизвестном будущем. Вспомнил родную деревню, и тоской наполнилось сердце. Русские люди, односельчане, простые, отзывчивые земляки, где вы сегодня? Знаете ли вы, что я жив? Да, жив, но что толку? Вот, и в войне уцелел, а почему я так несчастен? А что такое счастье? В чем оно заключается?

В эту минуту я увидел на тротуаре окуроч со следами губной помады. Нестерпимо захотелось курить, мутило в голове. Несколько дней прошло с тех пор, как я решил (не в первый уже раз) покончить с курением, но вот... Как удержаться от соблазна? Затянуться бы разок, чуточку... На душе легче стало бы.

Осмотревшись кругом, я нагнулся и поднял окуроч. Началась знакомая уже мне борьба двух начал. Я видел в себе самом двух человек, противостоящих один другому. Кто из них победит? На чью встану сторону?

Этот как будто бы незначительный случай открывал мне великую истину. Ища спички по всем карманам, я разговаривал сам с собой: «Тряпка ты, а не человек. Думаешь о мировых проблемах, а свою личную маленькую проблему не можешь решить. Говоришь, мелочь? А людей не постеснялся, поднял окуроч. Говоришь, у тебя сила воли? А вот прикуришь и будешь наслаждаться окурочком какой-то, может быть, больной, уличной девки».

К счастью, спичек в кармане не оказалось.

— Врешь, — сказал я сам себе и притом так громко, что самому стало неловко.

«Не обманывай самого себя и не говори, что ты — человек, верующий в Бога Всемогущего, — упрекал я себя. — Что же это, вера твоих предков не помогает тебе одержать победу над такой мелочью, как табак? А что же тогда говорить о

другом, более серьезном? Зачем нужна тебе такая вера? Жить и постоянно грешить можно и без веры».

В этот момент я изменил свои планы. Решил поехать на евангельское собрание. Адрес был в кармане. По дороге я растирал пальцами окурки так медленно, будто совершал над ним казнь. Табак крошился и падал на мостовую.

К четырем часам я был во дворе молитвенного дома. Из серого приземистого здания доносилось стройное пение:

Я слышу: голос Твой
Зовет меня к Тебе —
Омыться кровию святой,
Проливой на кресте.

«Не меня ли зовет этот голос? Зовет ко кресту Христову, зовет к вере, к новой жизни? Не покончить ли здесь с моим душевным разладом?» — спрашивал я себя.

А когда я открыл двери и сел на последнюю скамью, в душе началось прежнее борение двух духов. Один говорил: «Беги отсюда. Зачем ты здесь? Кто поймет тебя и кто поможет?». А другой: «Куда пойдешь? Спешить некуда. Посиди да послушай. Что ты теряешь?».

И я остался на собрании.

Особое, волнующее впечатление произвели на меня молитвы — тихие, сердечные, простые, сдержанные.

После собрания меня приветствовали как хорошего знакомого, хотя я никого не знал. Чувствовалось, что мне чего-то недостает, чтобы петь вместе с этими людьми:

Лучший Ты мне дал удел,
Чаять я его не смел.

О каком «лучшем уделе» они пели? О какой радости они говорили, когда кругом разруха, опасность репатриации, страшная, вопиющая нужда?

Ко мне подошел мой знакомый и, безмятежно улыбаясь, сказал:

— Рад вас видеть! Как дела, друг? Не заедем ли сегодня ко мне?

Я согласился.

Час спустя мы сидели в его уютной маленькой комнатке.

— Господь обещал быть там, где двое или трое собраны

во имя Его. Он так сказал, и мы верим, что это так. Он будет сегодня с нами, потому что тема нашей беседы — Его Слово, Евангелие.

После краткой молитвы он предложил мне прочитать вслух третью главу Евангелия от Иоанна, где описана встреча Христа с Никодимом.

«Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух... Должно вам родиться свыше».

Я читал эти слова раньше, но никогда мои мысли не были захвачены ими так проникновенно и сильно, как в этот день.

Теперь я видел в них верный ключ к познанию Божьей истины о спасении.

«Должно вам родиться свыше» — слова Христа, сказанные Никодиму, казались мне в то время непостижимой тайной. Я знал, что самого необходимого — рождения свыше — во мне не произошло. А что это значит? Не потому ли после сожаления о соделанных грехах я так скоро возвращался к ним снова?

Мы разговаривали на эту тему долго. За окном был летний вечер, тихий, теплый, ласковый. Тишина располагала к раздумью, беседа не утомляла.

— Теперь нам осталось поблагодарить Бога за Его Слово, из которого мы учились, получали наставление. Согласны? — спросил друг.

— Да, мне есть за что благодарить, — ответил я.

Он стал на колени первым. Его примеру последовал и я.

Прочувствованная молитва моего друга, казалось, поднимала меня от земли. О, как хотелось и мне молиться! А что я мог сказать Богу, невидимо присутствующему с нами? Он так много для меня сделал, оберегал жизнь, заботился о моей семье, а я по-прежнему живу в грехах, по-прежнему Его оскорбляю...

Как наяву, предо мной предстала Голгофа, а на ней крест и Христос, распятый за меня, за мои грехи... Ведь за меня и ради меня страдал Христос...

— Господи, Иисусе Христе! Прости! — воскликнул я.

Впервые в жизни я оставил в стороне заученные молитвы. Теперь молилось мое сердце.

Из-под опущенных век покатались слезы, в горле застрял комок. Я чувствовал, что Христос здесь, со мною рядом. И слова молитвы, рождаясь в душе, горячим потоком лились сами:

— Я пришел к Тебе, Господи, такой как есть. Я убедился, что ничего во мне нет доброго. Смилуйся надо мною, Боже, возьми меня и спаси меня от грехов моих, которые я ненавижу. Я не хочу больше грешить. Прости и возроди, как Ты говорил Никодиму. Или погуби на этом месте. Иначе я не хочу жить.

Не помню всех слов, с которыми я обратился ко Христу в тот вечер, четырнадцатого августа 1948 года, но одно помню хорошо: Бог ответил мне.

От сердца отвалился тяжелый камень. Будто стопудовая ноша спала с моих плеч, и радость, настоящая, живая, невыразимая радость наполнила все мое существо.

— Господи, благодарю Тебя! К Твоим ногам приношу мое сердце! Ты видишь, оно полно теперь радости!

После молитвы я встал с новыми чувствами, новыми мыслями, новыми желаниями и целями.

Мой друг, а теперь и дорогой брат в Господе, улыбаясь, сказал мне сквозь слезы радости:

— Ангелы ликуют в эту минуту! Пастырь радуется, когда заблудшая овечка возвращается в Его стадо.

— Да, брат, долго я пропадал, и вот теперь нашелся, — сказал я, припоминая евангельскую притчу о блудном сыне.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Послевоенный Мюнхен был похож на разрушенный муравейник. Разрушены были его здания, его красота, но жизнь от этого не замерла, а, наоборот, стала еще более активной.

Возвращаясь домой на велосипеде, я смотрел на этот город другими глазами. Все люди мне казались хорошими, милыми, добрыми. И уцелевшие от пожара деревья радовали душу.

Слишком беден мой язык, чтобы выразить то, что творилось у меня в душе.

Мне хотелось петь те гимны, которые я впервые услышал на молитвенном собрании несколько часов назад. Слов я не помнил. Начал их складывать сам и тут же напевать:

О Боже, о Боже, могу я
Пропеть для Тебя: «Аллилуйя!»
Сегодня явил Ты мне милость,
И счастье, как солнце, открылось.

В душе рождались строчки новых стихов. Я поглядывал на небо, усыпанное звездами, всей грудью вдыхал свежий вечерний воздух и думал о том, что Всемогущий Бог, управляющий бесконечной вселенной, открыл мне Себя, Свою любовь, дал мне прощение.

Кто я? Червь. И Бог не забыл обо мне, грешнике, и теперь Его око наблюдает за мной, незримая десница Его ведет меня, охраняет мою жизнь.

Это чудное небо, эта богатая земля с ее садами, лугами, реками, этот воздух — все для меня, для человека. А для кого же человек? Сам для себя? Когда же человек поймет свое предназначение?

«Отныне я буду жить только с Богом и только для Бога. В этом — цель и смысл жизни», — размышлял я на пути к дому.

Вдоль мостовой одной из главных улиц миллионного города лежали груды кирпича и мусора — остатки разрушенных домов. Все это — плоды рук человеческих, когда ими управляет не Бог, а сатана. Совсем недавно здесь возвышались красивые здания, а сегодня они лежат в руинах. Несмотря на вечерний час, люди, как неприкаянные, сновали по тускло освещенным улицам. У театра толпилась очередь. Из раскрытых дверей пивных доносилась английская речь. Там веселились солдаты оккупационной армии, и здесь же промышляли уличные женщины. Вот и парк. В нем много обгорелых деревьев, с почерневшими стволами. Они выглядели чахоточными, но на некоторых ветках настойчиво пробивалась к жизни молодая зелень. Сырой воздух парка напоминал кладбище. На главной аллее электрические лампочки бросали бледно-желтый свет, скупо освещая не-

большую платформу с рядами столов. На пригорке, где было больше света, расположился оркестр. Хотелось тишины, единения. Как из-под земли вырос лысый дирижер. Он взмахнул палочкой, и ударник дробно застучал по барабану. Немцы, желая угодить американцам, приспособивались к джазу. Завыли саксофоны, заревели трубы. Потом все оборвалось, только тромбон продолжал выводить низкую замирающую ноту, всхлипывая, как раненый зверь.

Я готов был закрыть уши, чтобы не слышать этих страшных, будто предсмертных завываний. Мое сердце желало иных мелодий, иной музыки, иных звуков, в которых бы отражалась тихая, святая, небесная радость. Я увидел, что христианская радость, радость в Господе, не имеет ничего общего с мирской, языческой радостью. Я теперь смотрел на танцующую публику с жалостью.

Между мной и миром легла непреодолимая пропасть.

В ту минуту мне очень хотелось громко крикнуть, крикнуть так, чтобы услышала вся эта шумная улица, весь город, весь мир:

— Люди, люди! Добрые, хорошие люди, уцелевшие в страшной, кровопролитной бойне! Что же вы делаете? Давно ли вы прятались в бомбоубежищах, дрожали от страха, судорожно крестились, призывали на помощь Христа и всех святых? А что же вы делаете сегодня? Теперь, значит, и Бог не нужен? Или снова нужна война, чтобы вы подняли очи к небу? Братья-люди! Добрые, хорошие люди! Мы уцелели. Так воздадим же славу Богу! Возрадуемся и возвеселимся сердцем, душою. Возблагодарим Его за спасение. Христос жив! Крест, на котором распяли Его люди, пуст. Он спас меня сегодня. Он спасает каждого, кто к Нему приходит с раскаянием. Так перестаньте же шаркать ногами по пыльным доскам. Перестаньте под визг джаза трястись, как в лихорадке. Призовите имя Иисуса в это доброе время так же искренне, как делали это в бомбоубежищах. Христос даст иную радость. Он даст новую песню. У оркестра будет новый репертуар...

Но люди меня не слышат. Джаз участил барабанную дробь, а басовая труба ухала по-прежнему, словно мне отвечала: «Нет, нет, нет...»

И вот тогда родилось в моей душе желание пойти из дома в дом, из деревни в деревню, из города в город и рассказать всем о Евангелии, о Христе, о Его божественной любви к бедному, несчастному человеку, о Его страданиях на кресте за грехи мира.

«Я пойду, расскажу, как Он нашел меня, как Он простил меня, как сделал меня счастливым», — говорил я сам с собой.

Но по следам шла другая мысль: «Как ты пойдешь? У тебя жена и ребенок. Кто же им даст кусок хлеба?..»

В это мгновение на асфальте, перед колесами велосипеда я увидел буханку хлеба...

О, чудо! Как просто Бог может отвечать на наши вопросы!

Я остановил велосипед, взял хлеб и здесь же, на улице, не обращая внимания на случайных прохожих, возблагодарил Господа:

— Мой добрый Пастырь, если этот хлеб послан Тобою как ответ на мои мысли, я отдаю себя еще раз в Твои руки и прошу: сделай меня свидетелем Твоим и вложи в уста мои Твое Слово. Я пойду, Господь, на Твое дело, только Ты будь всегда со мною.

Теперь, много лет спустя, я свидетельствую о Его верности. Он был со мной, был впереди меня. Он будет и впредь со мной, если только я буду с Ним.

С особым, непередаваемым чувством радости открыл я двери своей комнаты. Жена сидела у открытого окна, грустная, взволнованная, недовольная.

— Опять пьяный? — встретила она меня вопросом. — Утром стоял на коленях перед иконками, а вечером кланяешься Бахусу? И тебе не стыдно? От великого до смешного — один шаг.

— Нет, дорогая, — сказал я, положив на стол хлеб. — На этот раз ты ошиблась. Видишь этот хлеб? Это не простой хлеб, а небесный. Бог послал. И я теперь не тот. Того Николая, которого ты видела утром, нет. Он умер...

Большое окно нашей комнаты выходило на широкую улицу с вековыми деревьями. За окном было тихо и свежо. Сердце наполнялось молитвой к моему Спасителю. И прежде чем начать рассказ, я предложил жене помолиться. И я преклонил колени перед раскрытым окном и молился про-

стыми, не заученными словами. Рядом встала жена. Мой маленький сынок, видно, недоумевал, что случилось с папой, и, по примеру родителей, тоже встал на колени. Это была наша первая семейная молитва за четыре года супружеской жизни.

Я благодарил Бога за Его дар спасения, за любовь, за прощение. Молился я и о жене, моей верной спутнице, чтобы Господь открыл ей Свое спасение. Это, видно, ее смущало больше всего. После молитвы она выразила сомнение в здравии моего ума и плакала.

— Правильно, правильно, подруга! — говорил я, радуясь. — Верно, я стал «ненормальным» для мира. Но зато я теперь стал нормальным для Бога. Так всегда бывает. Иначе и быть не могло. Значит, я на правильном пути.

Потом я объявил войну предметам явного непотребства и нечистоты. Я выбросил в окно серебряный портсигар, пепельницу и все запасы табака, дорогого продукта в то время. Выбросил я и все водочные рюмки. Я знал, что они мне больше не понадобятся. Выбросил я завалившиеся карты и многое другое, что господствовало надо мною многие годы.

Похоже, все это нравилось жене, и она, улыбаясь сквозь слезы, сказала:

— Дай Бог, чтобы это было навсегда!

Да, это было навсегда, навеки.

КРЕЩЕНИЕ

Утром я проснулся раньше обычного. События вчерашнего дня стояли в моей памяти отчетливо и ясно. Как никогда ранее, я ощущал близость Господа, и потому мне хотелось молиться. Молитва приносила особую радость.

В воскресенье утром, по обыкновению, я пошел в православный храм. Меня не привлекали ни камильницы, ни иконы, ни восковые свечи, ни бархатный голос дьякона, ни золотистые одежды священника. Нет, меня влекло к живым людям, чтобы делиться радостью спасения. Ведь так, казалось, просто — поверить и принять живого Христа в сердце, поверить в Него как личного Спасителя. Ведь это всем до-

ступно. Главное, мне хотелось поговорить с митрополитом Анастасием. Службу отстоял я непринужденно. Но обрядовая сторона богослужения, как никогда раньше, казалась мне далекой.

После богослужения у дверей храма, там, где продавались свечи, шла бойкая торговля сигаретами. Когда я сказал, что торговля сигаретами при храме — дело нехорошее, староста церкви мне возразил:

— А ты кто такой? Баптист, что ли?

Аудиенции с митрополитом Анастасием я так и не дождался. Он был очень занят. Утешался надеждой, что через знакомого священника В. мне удастся поделиться моими переживаниями со всем приходом.

В тот же день, после обеда, я был на евангельском богослужении. Большой зал молитвенного дома наполнялся новыми для меня людьми. Это меня не смущало, так как в каждом я видел теперь моего брата, единоверца. Трогательно и задушевно пел хор, пел так, как всегда поют наши русские люди, вкладывая в песню все сердце, всего себя. Меня особенно захватил духовный гимн, слова и напев которого как нельзя лучше отражали мои переживания:

О Господь, Спаситель мой,
Льну к Тебе я всей душой.
Я хочу с Тобою жить,
Я хочу в Тебе пребыть.

О, пребудь во мне Ты Сам,
По Твоим веди путям,
Будь мне Пастырем-Царем,
Будь для сердца все во всем.

Без Тебя я был в цепях,
А с Тобой освобожден.
Без Тебя тонул в волнах,
А с Тобою я спасен.

Без Тебя я был покрыт,
Как проказою, грехом,
А с Тобою я омыт,
Убелен Твоим ручьем.

Этот гимн переполнял до краев мое сердце невыразимой радостью. Ведь это моя песня, мои слова. С той поры этот гимн стал моим любимым и остается до сего дня. И даже теперь, когда в глубокую полночь я пишу это свидетельство, до меня, словно издалека, доносится звучание этих слов, и мое сердце радостно им подпевает:

Без Тебя в душе царит
Роковой печали гнет,
А с Тобой и в дни невзгод
Сердце радостью поет.

Великое счастье — иметь в сердце живого спасающего Бога! Помню, как выходил я рано утром на работу. На безлюдной улице царила тишина. Во многих домах еще не зажигались огни, но рассвет красил восток нежными светозарными красками. В том краю моя родина, мой народ, мои родственники — представлял я себе. Ах, если бы можно было поехать к ним, рассказать им о Христе, о Божьем пути спасения! Они бы поверили! Они не усомнились бы в моей искренности. Но это невозможно. И я знал, что мне остается одно: молиться. Каждое утро, по пути к первому утреннему трамваю, я заходил в парк, становился на колени и возносил Господу молитву о родине. С той поры молитва о родине, о моих родных и близких стала частью моей жизни.

В парке, на коленях перед Господом, я получал духовное и физическое подкрепление на весь трудовой день.

А работа была у меня каторжная, тяжелая. Я подносил строительный материал для кладки кирпичных домов. Только таким путем во время безработицы в Германии я мог зарабатывать на хлеб насущный для моей семьи. Когда я уставал, я пел песни о любви Христовой на свой особенный и неподражаемый мотив, пел тихо, для себя, но Бог слышал эти песни и давал мне все новые и новые слова. Песня от души, хвала Богу — лучшее средство побеждать усталость.

А вечерами ко мне неизменно приходил мой хороший сосед, брат по вере, Митя Терешкевич. Он доставал из кармана маленькую губную гармошку, бережно вытирал ее платком и начинал мастерски наигрывать новые, никогда мною не слышанные мелодии евангельских гимнов. Это

был простой, доверчивый, как дитя, почти неграмотный человек. Но через него Господь посылал мне богатые благословения.

— Эх, браток, если бы ты знал, как я люблю Иисуса, — говорил он мне, прерывая свою искусную игру. — Никого у меня нет ближе Его. Когда я был на родине пастухом, меня и за человека никто не считал, а теперь Сам Бог меня Своим сыном величает. Давай, брат, помолимся.

— Татусько мий, поблагослови моего брата Миколая. Ты знаешь, Боже, как я его люблю...

Брат Митя молился и плакал святыми слезами. Плакал и я. Теперь я знал, что у меня есть братья, есть сестры, что на земле я не одинок.

Искренняя, простая и сердечная молитва брата Мити Терешкевича (он всегда молился по-украински) зажигала и меня небесным огнем. Исчезала усталость, и мы молились и пели до полуночи.

Молиться Христу, когда чувствуешь Его близость, вовсе не утомительно и не скучно, как казалось мне раньше. Наоборот, в живой молитве — сила, радость и утешение. А это как раз мне и нужно было тогда, да и теперь.

Прежние друзья меня не узнавали. Да я и сам себя не узнавал. Уже на следующий день я не мог терпеть табачного дыма. Когда по привычке входил в последний, для курящих, вагон трамвая, меня мутило от дыма баварских сигар, и я при первой же возможности переходил в другой вагон. Когда прежние друзья мне настойчиво предлагали закурить, я отвечал:

— Сигарета — это атомная бомба. Не просите, не закурю.

— Ну, ну, посмотрим, что ты запоешь через недельку, — говорили они недоверчиво.

Еще острее и чувствительнее проявилось во мне отношение к алкоголю, в постыдном рабстве у которого я был многие годы. Спиртной дух и поныне вызывает у меня тошноту и отвращение.

Евангелие теперь открывалось мне в ином свете. Приходилось только удивляться, как это раньше я этого не замечал. В седьмой и восьмой главах Послания апостола Павла к римлянам я видел мои собственные переживания. Бог

освобождает кающихся рабов греха и дает им святую свободу. «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете», — закрепил эту истину навеки мой Небесный Учитель.

К моему свидетельству об исцелении и спасении люди относились подозрительно и осторожно. Присматривались к моей жизни, к моим поступкам. Некоторые называли меня евангелистом, другие — баптистом. Я имел радость и мир с Господом, и этими переживаниями мне хотелось делиться с другими. К сожалению, многие меня не понимали. Одни слушали с недоумением, другие недоверчиво качали головой и уходили.

«Угорел человек, проданся баптистам», — слышал я от многих.

Один за другим оставляли меня друзья. Доктор В., близкий мне человек, расценивал мой поступок как безумие, как измену родине, народу, самому себе.

Жена знакомого художника К., зная хорошо мою прошлую жизнь, заявила:

— Ты распял Бога, Который тебя спасал. Почему ты бросил курить? Почему отказываешься с нами выпить? Думаешь, ты лучше нас? Изменник ты. А я православной родилась, православной и умру.

— Разве вы православная? — спросил я. — За два с лишним года я ни разу не видел вас в церкви.

— Ну и что же? Я не молюсь и в церковь не хожу. Лицемерить не умею. Для меня Христос — это миф, а все равно я православная. Свою веру я и за миллион не продам, хотя деньги нужны, очень нужны. А вот ты проданся.

Подкрепление от Господа я получил через живые, убедительные и глубокие проповеди Иоанна Марка (Галустьяна). Он первый натолкнул меня на мысль о вступлении в завет с Господом через водное крещение. Ведь это Его заповедь. Это побуждало меня еще раз внимательно прочесть Новый Завет. Я убедился, что в плане Божьем крещение детей не было предусмотрено. В Библии нет для этого оснований. Единственное сомнительное место — событие в доме Корнилия, по описанию Луки, — стало мне ясным, когда я выписал из Евангелия все, относящееся к крещению. Что может быть авторитетнее простой заповеди Христа: «Иди-

те, научите все народы». И только потом уже идет речь о крещении (Мф. 28:29). Для меня это был серьезный вопрос: что важнее — научить, а потом крестить, или сначала крестить, а потом научить? Очевидно, вера должна предшествовать крещению.

Апостол Петр подтверждает эту истину, когда говорит о крещении как об обещании Богу доброй совести (Пет. 3:21). Да и сама логика подсказывала мне, что надо сначала научить, а потом крестить. Крещение — волевой акт, сознательное дело.

Даже в евангельских церквах, где практикуется крещение только взрослых, много случаев, особенно в последнее время, когда вступающие в завет с Господом через водное крещение делают это не вполне сознательно, оставаясь не возрожденными от Слова и Духа Святого. Эти люди потом отпадают, причиняя колоссальный ущерб Церкви Христа. Что же говорить о детях, о малолетних, о тех, кто еще не вступил в полосу сознательной духовной жизни, кто еще не вкусил греха, не узнал, как он горек и ядовит? О них сказал Христос: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19:14).

Мысль о крещении преследовала меня неотступно в течение нескольких месяцев. Окончательно она созрела после одного случая.

Однажды меня пригласили к обеду в православную семью. Это были влиятельные в православных кругах люди. Случайно в назначенное время хозяйки не оказалось дома. Ее больной сын лежал в постели, и я начал с ним беседу. Он охотно слушал мое свидетельство об искании истины, делился своими переживаниями. Тем временем в комнату вошли два пожилых господина, очевидно, приглашенные. Они вступили в разговор и сразу перешли на духовную тему. Один из них, бывший полковник царской армии, человек весьма начитанный, оказался знатоком Библии, другой — член православного совета в Германии и видный политический деятель. Бледное, худое лицо его не было лишено благородства; совершенно другое впечатление производили глаза, недобро глядевшие исподлобья.

Он вежливо попросил разрешения закурить. Жадно за-

тягиваясь, курил одну папиросу за другой, присматриваясь ко мне.

Говорили долго. Мой собеседник задавал вопросы. Я охотно отвечал, ссылаясь на Писание, как на единственный Божий авторитет, и терпеливо выслушивал возражения моего оппонента.

Это был настоящий диспут в присутствии двух слушателей.

— Бог предусмотрел пытливость человеческого ума и потому на все жизненные вопросы Он дал ответ в Писании, — сказал я в заключение.

Мой собеседник протестовал:

— Вы плохо знаете церковную историю. Вы не знаете творцов литургии. Если бы вы это знали, то убедились бы, насколько дополнено и расширено понятие «Священное Писание».

— Например? — спросил я.

— Вот вы говорите, что крещение детей — большая ошибка. А святой Киприан, епископ Карфагенский, еще в третьем веке писал о необходимости крещения детей. А вы это отвергаете...

— Друг мой, — ответил я, — святой Киприан не является автором Священного Писания. Ведь его письма не вошли в канон Нового Завета.

— Как? Это было повеление свыше, — настаивал собеседник.

— Слушайте, что говорит Слово Божье о тех, кто его извращает и дополняет, — я открыл Евангелие и прочел: «Но если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1:8,9).

Следующий стих послания апостола Павла к Галатам я не успел прочесть. До сих пор молчавший второй гость вдруг побагровел. В его глазах вспыхнула злорадность.

— Ах, вот оно что! Ты — масон! Вон отсюда! — выкрикнул он и распахнул передо мной дверь. Из его уст сыпались бранные слова. Никто не пытался его урезонить. Трудно было поверить, что эти слова извергает один из духовных православных вождей — член Синода.

Я мог протестовать, так как он не был хозяином квартиры, а только гостем. Но я предпочел оставить дом.

Обиженный и оскорбленный, я шел по улице чужого города и мысленно молился. Вспомнились слова Христа: «Меня гнали, и вас будут гнать... Ученик не больше учителя... В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир».

Это меня утешало.

Теперь я понял, что с православием мне не по пути. В только что происшедшем я видел не что иное, как фараоновское ожесточение, наступление врага моей души. Это не разочаровало меня, а, наоборот, укрепило в вере, что Христос — мой Пастырь, Он со мной и я с Ним. При всем моем желании я уже не мог оставаться в православной церкви.

Я твердо решил просить братьев принять меня в евангельскую общину и как можно скорее вступить в завет с Господом через водное крещение, по Его заповеди.

Вскоре состоялась желанная встреча с моим хорошим знакомым, священником В. Мы говорили долго, просто и непринужденно, как старые друзья. Читали отдельные места Евангелия, рассуждали. Только к концу беседы начали обнаруживаться наши разногласия, после того как я сказал:

— Отец В., вы мне простите, но я буду обращаться к вам, как к старшему брату, — и я прочел текст Евангелия: «И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах. Вы же все братья». Ведь это Христос сказал.

Отец В. улыбнулся, посмотрел на меня своими умными, проникновенными глазами и сказал:

— Ишь ты, дружок, куда заехал. Знаю, куда метишь. Учить меня собираешься. Да я это Евангелие наизусть знаю. А ты внимательней прочти. О ком там говорится? Христос ведет речь о книжниках и фарисеях. Вот к ним это и относится. Не о нас, а о них это было сказано.

Я еще недостаточно знал Евангелие, чтобы сразу же опровергнуть доводы священника. А это так легко было сделать! Стоило только прочесть первый стих двадцать третьей главы Евангелия от Матфея: «Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим», — чтобы увидеть, для кого это было сказано.

Когда же через несколько минут я сказал, что из Евангелия ясно, что ни апостолы, ни пресвитеры первоапостольской церкви не одевались в особые одежды, в которые священники теперь одеваются, отец В. стал заметно волноваться. Он нетерпеливо взял из моих рук Библию и без особых затруднений отыскал двадцать восьмую главу книги Исход.

— Возьми, читай. Хорошо читай, — сказал он мне.

И я читал, как Моисей призвал Аарона и его сыновей и повелел им быть священниками. Моисей здесь же дал подробное указание, какова должна быть одежда священника.

Я возразил:

— Но это же относится только к иудейским ветхозаветным священникам. Ведь это только прообразы нового времени. Эти одежды могли надевать только священники из колена Левия. А почему же тогда вы не обрезаетесь?

— Мы не иудеи, — отвечал отец В.

— А как же со священническими одеждами? — настаивал я.

— Вот это, что ты прочел, к нам относится. Мы и шьем одежды по тем указаниям, которые дал Моисей, — смущенно отвечал отец В., заметно краснея. — Отложим нашу беседу до другого случая, — добавил он и по-отцовски положил руку на мое плечо.

Отец В. долго смотрел куда-то в сторону. Видно было, что он напряженно думал. Потом, не поворачивая головы, тихо, с грустью сказал:

— Если ты оставляешь нас по побуждениям души, да благословит тебя Господь.

— Но вы-то? — сказал я. — Вы же несете ответственность перед Богом, сознательно оставаясь на ложном пути.

— Да, да... Наша церковь нуждается в значительной реконструкции, — сказал он, не меняя тона. — Нам надо реформироваться. И чем скорее, тем лучше. Но ведь я маленький человек. Что я могу сделать? Лишить себя куска хлеба?

С отцом В. мы простились по-братски. Три года спустя я встретил его снова. Он собирался в Америку, но его по неизвестной причине задерживали власти. Это его очень удручало. Мы рады были встрече. Я предложил помолить-

ся, и отец В. охотно согласился. После молитвы отец В. прослезился. На прощание мы расцеловались.

Двадцать восьмое ноября 1948 года было воскресеньем. Дождливое баварское утро сменилось солнечным, погожим днем. Казалось, солнце вместе со мною радовалось празднику моей души.

В этот день девять душ вступали в завет с Господом через водное крещение, в том числе я и моя жена.

На это торжество собралось множество народа. Пришли некоторые мои друзья и знакомые.

Я глубоко сознавал, что это событие – единственное и неповторимое в моей жизни.

Медленно входил я в воду. Сердце наполнялось радостью, что теперь я могу открыто, при множестве свидетелей сказать «да» моему Спасителю.

– Брат Николай, веришь ли ты, что Христос вознес твои грехи на крест? – громко и отчетливо, с армянским акцентом спросил меня брат Иоанн Марк.

– Верю! – ответил я.

– По вере твоей, во имя Отца, Сына и Святого Духа, крещу тебя, – произнес брат и энергично погрузил меня в воду.

– Аминь.

– Аминь, – повторил я вслед за братом Марком.

«Аминь», – чудным хором пропело святое воинство на небесах.

ЧАСТЬ II

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Все ли люди знают, что это значит — быть наедине с собой? Способность трезво оценивать свои слова и поступки — замечательное свойство человеческой натуры, в которой еще не парализована совесть.

Голос совести может взывать только к человеку, а затаить обиду способен и зверь.

Как часто пользуется этим даром человек — быть наедине со своей совестью? Мы живем в такое время, когда для большинства людей это — большая редкость. Поступая против своей совести, люди остаются спокойными и равнодушными.

Быть наедине со своей совестью — то же, что быть наедине с Богом. Как это важно для верующего!

Мы очень много теряем, не воспитывая в себе способность к самоанализу.

Наша жизнь проходит в спешке, но даже в такой обстановке человек должен найти время побыть наедине со своей совестью, проверить свои мысли и поступки.

Самоанализ помогает самопознанию. Вникая в себя, мы проникаемся сочувствием к другим.

Когда-то Апухтин написал:

Чем больше узнаю людей,
Тем больше я люблю животных.

Но ведь автор этих строк был человеком. Когда смотришь только на людей, на их недостатки, то верно — жить на земле не хочется. А заглянешь внутрь себя повнимательнее, прислушаешься к голосу совести и поймешь, что и я-то не лучше других.

И осознание этого ведет нас к ногам Господа.

БОЛЬШОЙ ВОПРОС

Мое призвание — любить поэзию, следить за появлением молодых поэтов на родине. Это приходится делать издалека.

Юлия Друнина — моя современница. Она прошла войну

санитаркой. После войны ее стихи стали популярными. Я читаю ее новый сборник и думаю: как близко поэтесса подходит к истине, но не раскрывает ее.

Вот что пишет Юлия Друнина:

Мы зажигаем звезды
В грозной ночи вселенной,
А на Земле остались
Ханжество, ложь, измена.

Как бы придумать, чтобы
Не было горя на свете,
Не распались семьи,
Не сиротели дети?

Большой вопрос подняла Друнина, а ответа на него не дает. Почему? Да просто не знает о том, что Бог давно уже «придумал», что нужно сделать, чтобы «не распались семьи, не сиротели дети». Но люди не внимают голосу Бога.

Этот голос, голос Евангелия, заглушают оркестры атеистов, и Юлия Друнина, желают того или нет, должна играть в этом оркестре какую-то скрипку.

Отстроены на родине разрушенные войной города. Нет той материальной нужды, которую испытывали миллионы русских людей. Наука обогатила человечество невиданными открытиями. Но человеческие страдания не исчезли.

ОСТАНОВИСЬ, ПРОХОЖИЙ!

В религиозном мире очень много искусственности. Она приходит не сразу, а постепенно, становясь привычкой; внешне — красивая, внутренне — безобразная.

Я не люблю искусственных цветов за то, что они невыносимо похожи на настоящие. На них оседает пыль, от них тянет сухостью, в них нет даже запаха настоящей жизни. Они лишь напоминают, что такая жизнь есть, но только не в них, а где-то в другом месте.

Такое же чувство я испытываю, встречаясь с теми «духовными деятелями», которые говорят о духовной жизни, не имея ее в себе.

Припоминаю рассказ об одном страннике. Он проходил через старое кладбище. Там было множество надгробных плит и памятников. Одна могила обратила его внимание такой надписью:

Остановись, прохожий!
Я был тоже таким, как ты.
Но ты будешь скоро таким, как я.
Поэтому, приготовься к смерти
И следуй за мной...

Странник несколько раз внимательно перечитал эту надпись, потом отошел в сторону, сел на скамейку и начал размышлять: «А ведь правда написана на памятнике!»

Но ему показалось, что надпись чего-то недоговаривает. Поразмыслив, он подошел к той плите и дописал карандашом: «Следовать за тобою я не решаюсь до тех пор, пока не узнаю, в каком месте ты оказался».

Да, ничто искусственное, как и ничто нечистое, в небесные обители не войдет.

Миллионы людей, поющие: «Со Христом я буду в небесах...», не увидят небес никогда.

Не то ли самое думал апостол Павел, когда обращался к христианам: «Братия мои, не обманывайтесь. Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет».

МИР

Однажды два художника условились написать картину на одну тему – мир. У каждого был свой замысел, и каждый держал его в секрете. Это был своего рода конкурс.

Пришло время представить обе картины ценителям искусства. И что же они увидели?

Один художник изобразил горное озеро – прозрачное, спокойное. Деревья и вершины гор рельефно отражались в озерной воде. Вокруг никем и ничем не тронутая природа.

Глубоким умиротворением дышит каждый цветок, каждый листочек на прибрежных деревьях.

Второй художник изобразил водопад. Каскады воды разбивались о скалы, низвергаясь в ущелье с огромной высоты. А рядом — дерево, своими корнями закрепившееся в расщелине. Нужно было внимательно присмотреться, чтобы на его ветке заметить гнездышко, а возле гнездышка — спокойно сидящую птичку. Птичка невозмутимо смотрела на бушующую водную стихию.

Это был настоящий мир. Мир перед лицом опасностей. Мир внутренний, душевный, настоящий мир.

Такой мир дает Христос Своим последователям. Он сказал: «Мир Мой даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается».

ДВА ЦЕНТА

Было время, когда в Соединенных Штатах Америки цент имел цену, когда за два цента можно было купить буханку хлеба.

Однажды, собираясь в церковь, мать дала сынишке две монеты по одному центу и сказала:

— Вот тебе, сынок, один цент на церковную тарелку, а второй — на конфеты.

Мать с сыном отправились в церковь. Мальчик резвился, подпрыгивал и случайно уронил одну монетку в траву. Долго он искал потерянный цент, но найти не мог. Тогда мать сказала:

— Ну вот, сынок, ты утерял тот цент, за который мог бы купить себе конфет.

— О, нет, мама, — ответил мальчик. — Я утерял ту монету, которую ты дала для церкви.

Разве это не характерно для христианства нашего времени? Кесарево мы не забываем, а что касается Божьего — это часто ускользает из нашей памяти.

ЧЕРНОЕ ПЯТНО

Знаменитый проповедник Сперджен рассказывал об одном любопытном случае, показывающем, как религия без Христа строила свою репутацию на обмане простых и неграмотных людей, когда вместо проповеди для всех понятного Евангелия, вместо хлеба жизни народу подавали камень.

Генерал Бутс, основатель Армии Спасения, шел по улице Уайтчепель и заметил, как народ устремляется в здание, расположенное возле католической церкви. Бутс решил зайти и посмотреть, что так привлекает людей. Вывеска гласила, что там монах такого-то ордена показывает библейские редкости.

Бутс вошел в зал. В это время монах поднял очень старый ржавый меч и провозгласил:

— Обратите внимание на этот интересный предмет. Это тот самый меч, которым Валаам стегнул своего осла, когда тот не хотел идти вперед!

Генерал Бутс встал и возразил:

— Постой, милый друг, ты, верно, ошибся. У Валаама не было меча, он только сказал: «Если бы я имел меч...»

— Правильно, сэр, — невозмутимо ответил монах. — Это тот самый меч, который ему хотелось иметь.

Да, это черное пятно государственной церкви. Смывается оно покаянием.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Искусство жить — кто им обладает? Оно познается тогда, когда жить на земле остается, к сожалению, совсем мало, когда слабеют физические силы, когда медленно угасает свежесть впечатлений, мутнеют краски чудесного Божьего мира и человек все чаще вглядывается очами веры в горизонт вечности.

Познавший искусство жить — человек большой души. Я встречал таких людей. Они умеют любить других, даже своих недругов, ничего не зная о гимне любви апостола Павла, записанного им в тринадцатой главе Первого послания к коринфянам.

Но как печально встречать людей, которые знают наизусть этот гимн, а в душе у них сквозняк, на устах — пустые, елейные слова, а на лице — лукавая улыбка.

Такова правда земли, такова жизнь...

* * *

Густой туман ползет по ровным улицам Сакраменто, большого калифорнийского города, укутывает дома сизым одеялом. А пройдет несколько часов — и эти же дома засверкают в лучах солнца своими окнами, и нам откроется совершенно иной мир.

Не так ли бывает и в жизни, когда человек, обремененный заботами и суетой, окутанный ими, как туманом, забыл, что такое светлая улыбка, а о настоящей любви знает только по текстам Писания. У большинства людей сердце заполнено плотскими, корыстными, эгоистическими желаниями.

Но выглянет солнце благодати, рассеет туман, послышатся аккорды небесной музыки, и человек улыбнется и протянет руку тому, кого он обходил стороной многие годы.

Не любить людей — значит не любить самого себя, жить как во сне, смутно предчувствуя, что все должно быть иначе, если мы — дети Света.

Мой отец очень мало знал о Евангелии. Он даже его не читал. Но насколько я помню, самой великой его радостью всегда было — сделать добро человеку, и так, чтобы об этом никто ничего не знал.

Кто научил его этому?

Первый раз я видел отца плачущим на могиле матери. Было раннее утро, когда в деревне все еще спали. Он пригласил меня пойти с ним в соседнюю деревню, зашел на кладбище и долго стоял у могилы, теребя свой помятый картуз. Он вытер им слезы, а потом, взглянув на меня, сказал:

— Пойдем, сынок. У нас нет и никогда не будет мамы...

Тогда мне было тринадцать лет, отцу — пятьдесят пять. Сестры долго уговаривали его жениться и прочили невест, но он твердо сказал:

— Жениться? Вы что, в своем уме? Да разве можно найти на земле лучшую женщину, чем была ваша мама? А на худшей я жениться не хочу.

И остался вдовцом до смерти, и притом — до смерти в тюрьме, очевидно, во время войны.

Повторяю: отец никогда не читал Евангелия, курил, временами выпивал и по каким-то причинам не заходил в церковь.

Сегодня, когда мне приходится встречать сухих, бесчувственных религиозников, у которых Евангелие только на устах, но ничего нет в сердце, я задаю себе вопрос: как объяснить, что в человеке, слушающем Евангелие каждое воскресенье, живут жестокость, злопамятность, неуступчивость, скупость и, что страшнее всего, лицемерие?

Некто сказал: «Человек велик в той степени, в какой он способен любить своих недоброжелателей и прощать им обиды».

Простить слабости человека, преувеличить его достоинства гораздо лучше, чем преувеличивать его недостатки. К сожалению, эта простая истина с большим трудом укладывается в нашем сознании, и многие люди уходят в вечность, так и не познав ее.

Только теперь по-настоящему я понял, что христианство — это прежде всего любовь, пропитывающая человека насквозь. Где ее нет, там сухое законничество, религия, но не живое христианство. И я говорю себе:

— Николай, следи за своим сердцем зорко!

* * *

Работа... Работа до пота — это совсем не страшно, когда работу любишь и она тебя любит, когда работа по душе, когда она приносит пользу не только тебе, но и другим людям.

Я обратился однажды к соседу, старику, когда он, едва передвигая ноги, обрезал кусты розы:

— Отец, отдохните малость на скамейке...

— А я как раз сейчас и отдыхаю, — ответил старик, приподняв голову.

На его лице светилась улыбка. Он с большим трудом собрал обрезанные ветки и сказал мне:

— Не буду работать — сразу умру.

Однажды мне этот старик рассказал, что сорок лет он прожил на ферме в Аризоне, разводил коров и лошадей,

рассказал, как он поил их из своего родникового колодца. Там он любил молиться и благодарить Бога за красоту земли, за приволье, за здоровье.

— Где же теперь эта ферма? — спросил я его.

— Пропил... Только не я, а сын, которому я отписал ее по своей глупости раньше времени.

И когда теперь старик обрезал розы, в его душе все еще пело звездное небо, шелестели травы, он все еще слышал звучный рев быков, блеяние овец, и этим он был счастлив.

Природа — храм Божий, и кто редко бывает в нем, тот теряет очень многое и душа того превращается в сухарь.

ЛЮДИ...

Говорят, что в жизни Л. Н. Толстого не было дня, когда бы он не встречался с людьми. Он бранил тех писателей и поэтов, которые убежали в пустыню, чтобы писать о людях.

Но и сам Толстой убежал не только от людей, но и от Софьи Андреевны, своей жены. Правда, убежал недалеко — только до ближайшей станции Астапово, где его и настигла смерть.

От кого бежал Толстой? От людей? Нет. Он бежал от самого себя. Но бежать от себя — это пустая затея. Человек не может уйти от самого себя.

Что такое истинная поэзия? Мерцающие звезды в темной ночи? Благоухание цветов? Журчание ручейка? Цветение деревьев?

Истинная поэзия — это люди.

В Божьем плане нет ничего более ценного и возвышенного, чем человек. Да, Человек. Давайте писать это слово с большой буквы. Но он же, человек, предает, грабит, ненавидит, мстит, обманывает и, что хуже всего, прячется за имя Божье. А все-таки Бог так полюбил человека, что отдал Сына Своего на смерть, чтобы человек не погиб, но имел жизнь вечную.

Злые дела вершат люди, которые не знают о любви Божьей, или, может быть, только слышали о ней краем уха.

Если человек не верит в живого Бога и не живет Его любовью, он жалок и беспомощен, даже если богат и воображает себя великим.

КОГДА МЫ ТЕРЯЕМ...

Каждый день – новая страница книги.

Вчера в маленьком канадском городке Верноне брат по вере рассказал мне о случае:

– Ехали мы в «фольксвагене» по обледеневшей дороге. Настроение хорошее, воздух свежий, солнышко светит, на горах снег блестит. На повороте нужно было притормозить. Но притормозили так, что полетели с обрыва. Перевернулись несколько раз. Когда выбрались из автомобиля, я сказал: «Вот тебе и жизнь – как она есть! Ехали в хорошем настроении, а через секунду оказались вверх тормашками!» И что удивительно – все целы и невредимы. Поставили машину на колеса, завели мотор и поехали дальше. Разве это не чудо? Мы там же возблагодарили Бога за то, что никто не был изувечен, и за избавление от возможной смерти.

В Саскатуне, канадской провинции Саскачеван, я встретил сестру по вере, украинку, которая рассказала мне о случае из своей жизни:

– Прошел у нас большой град. Такого никогда не бывало. Побил мой огород. Все, что посеяла, пропало, а вот у соседей все уцелело: град прошел полосой. Я поплакала-поплакала, а потом вспомнила о том, что говорит Писание: «Верующему все содействует ко благу». А еще написано: «За все благодарите Бога». За все – значит за все, и за град тоже. И решила я поблагодарить Бога за град. Отправила детей в школу, преклонила колени и поблагодарила Бога за град. А когда дети пришли из школы, сказала им: «Я сегодня благодарил Бога за град. Не унывайте, все будет хорошо».

– Мама, тебе надо к доктору, – решили дети.

Прошло некоторое время. Однажды звонит мне соседка и говорит: «Я слышала, что у вас град побил весь огород». «Да, – говорю, – все побил, ничего не осталось». «Так вот, дорогая, – говорит соседка, – приезжай ко мне и возьми

несколько ящиков помидоров: у меня уродились хорошие и очень много».

Привезла я помидоры, радуюсь, благодарю Бога. И другая соседка звонит и предлагает мне огурцы: «Бери, говорит, сколько хочешь. Мне их девать некуда». А потом зовут меня: «Приезжай за капустой».

И так у меня в подвале оказалось столько овощей, что я со своего огорода столько бы не собрала.

Выслушав ее, я подумал: «А ведь на самом деле: как много мы теряем оттого, что не научились благодарить Бога за неудачи в жизни!».

Рассказ сестры помог мне правильно понять причины неудач, не раз постигавших меня.

КАК ЛЮДИ ГУБЯТ САМИХ СЕБЯ...

Вы видели когда-нибудь человека, отпиливающего сук, на котором он сам сидит?

В прямом смысле, может быть, и не приходилось встречаться с таким явлением, но как часто в жизни именно так и бывает: человек подгоняет лошадку, везущую его на... кладбище.

Примеров тысячи! Вот один, маленький, но яркий.

Он сидел на скамейке мрачный, кого-то ждал, посматривая вдоль аллеи.

— Хороший был человек, — рассказывал мне знакомый американец, — а теперь превратился в развалину. Хотите, я вас с ним познакомлю?

Несколько минут спустя мы беседовали с Франком. Еще недавно он работал автомехаником, потом спился, потерял работу, теперь попрошайничает. После того как я купил ему два бутерброда и бутылку кока-колы, он разговорился:

— Несуразная у меня жизнь. Имел жену и дочь, потерял их, и с этого все началось.

Голос Франка, хриплый, басовитый, часто обрывался на полуслове. Иногда мне казалось, что он вот-вот заплачет.

— Ну, ничего, смерть всех приберет к рукам, всех уравниет: и богатых, и бедных. Кончится и моя болезнь...

- А дальше что? – спросил я.
- Как – дальше?
- После смерти?
- После смерти все одинаково смердят. Я был во Вьетнаме, нагледелся, нанюхался.

Франк продолжал:

– Был я когда-то бойким молодым человеком, женился на красивой, умной девушке. Счастью, казалось, не будет конца. Но одно омрачило нашу жизнь: жена начала ходить в церковь, а мне это было не по душе, я противился. Жена приняла у баптистов крещение, пела в хоре. Тут и начались неприятности. Жена должна подчиняться мужу, а она, наоборот, меня тянет в церковь.

– Почему же вы не пошли с ней в церковь?

– Я же не бычок, чтобы меня водили на поводке. А что сказали бы друзья?

– А что друзья говорят теперь?

– Теперь друзей у меня нет... Кончилось тем, что я прямо сказал жене: «Или Христос, или муж». Жена избрала Христа, и я от нее ушел. Потом женился вторично, но попалась такая... (тут он выругался). Ушел я и от второй жены, а потом запил, потерял работу.

Два часа я беседовал с Франком о спасении из рабства греха, о вечном спасении во Христе, но до его сознания никак не доходила великая и в то же время простая истина: Христос пришел в мир спасти грешников.

– А зачем их спасать? Все равно умирать, а после смерти все одинаково смердят... – твердил Франк. – Вы лучше дайте мне доллар на автобус. Поеду к первой жене. Может, примет меня. Все-таки она христианка.

ПИСАТЕЛЬ ИЛИ СВИДЕТЕЛЬ

Однажды довелось мне слушать проповедь старого русского проповедника. Человек он был опытный, много повидавший на своем веку. Он рассказал о случае, который произошел некогда в России.

На разъезде жил обходчик железнодорожных путей.

Вблизи его дома шумел лес, протекала река. Жил он тихо, мирно, честно исполнял свои обязанности. Ему помогала жена, подрастал сын.

Было жаркое лето. В какой-то праздничный день сын ушел с мальчишками из соседней деревни к реке купаться и ловить рыбу.

После обеда обходчик вышел на дорогу к мосту, по которому вскоре должен был проходить поезд.

Он уже был в конце моста, на другой стороне реки, когда обнаружил на стыке рельсов открученную гайку. Случайность это или диверсия – рассуждать было некогда: через несколько минут должен пройти пассажирский поезд. Неисправность дороги грозила катастрофой. Надо было немедленно, во что бы то ни стало, спасти положение.

Обходчик всегда имел в инструментальной сумке гаечный ключ и запасную гайку. Только он взялся за работу, как услышал детский крик:

– Ваня утонул! Ваня утонул! Спасайте!..

Сына обходчика звали Ваней. Он сразу понял, что случилось несчастье, но как только встал, увидел на уходящих вдаль рельсах быстро увеличивающуюся точку.

Это приближался поезд.

А в это время подбежавшие мальчишки наперебой рассказывали, как Ваня далеко отплыл от берега, обессилел и ушел под воду...

«Как быть?.. Что делать? Спасать сына или поезд?» – мелькало в голове обходчика.

А рельсы гудели все громче и громче.

Кто может прочувствовать и передать словами переживание отца?

Обходчик положился на волю Божью и начал поспешно затягивать гайку. Истекая потом, он спешил устранить повреждение, а мысли уносили его то к утопающему сыну, то к сотням тех людей, которые ехали в поезде.

Едва успев зажать гайку, обходчик отбежал в сторону. Мимо грохотал состав, и горячий пар обдал его с ног до головы. Поезд проследовал благополучно, но сын утонул.

Помню, проповедник сказал: «Теперь наши мысли нужно направить к Голгофе, к Богу, Который пожертвовал еди-

народного Сына, чтобы каждый, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

Завершив работу над поэмой «Иван Следопыт», я читал ее отдельные главы на одном литературном собрании.

После собрания ко мне подошел один верующий и спросил:

— Вы знали этого Ивана Следопыта лично?

— Нет, не знал. Эта фамилия вымышленная, но я встречал десятки и сотни людей, похожих на него.

— Значит, вы согрешили, написав о человеке, которого лично не знали.

— Позвольте, — сказал я. — Иван Следопыт, его детство, военные годы — это почти моя биография.

— Но вы живы, а у вас Иван Следопыт умирает в Сибири, а Писание говорит: «Всякая неправда есть грех», — отпарировал мой собеседник.

Бесполезно было объяснять такому человеку, что писатель имеет право писать по задуманному плану, как и художник, рисующий избу с березкой под окном, когда на деле под окном этой березки не было, а рос куст сирени.

Иногда не писатель ведет своего героя, а герой — писателя.

Когда у Льва Толстого спросили, почему он привел к страшному концу Анну Каренину — к гибели под поездом, он ответил:

— Представьте, я и сам не ожидал, что она это сделает...

Да, писатель должен быть точным, когда говорит от первого лица, как свидетель, но когда он пишет художественное произведение, он волен поступать со своими героями так, как подскажет ему сердце. Это — его творение, продукт его мысли.

Отсюда и слово «творчество».

ОСЕНЬ

Не хочется верить, что в природе уже царствует осень. Но это так. От недавно выпавших дождей позеленела трава, приукрасились поля Калифорнии, а посмотришь на сады — там как будто полыхают пожары: деревья оделись в свой осенний наряд.

Горизонт стал мутновато-розовым. В нем скрылись очертания гор Сьерра-Невады.

Даже в полдень в воздухе стоит непривычная прохлада; в открытые окна тянет свежестью. Мои дни проходят за стенами фабрики, и только изредка я успеваю взглянуть через окно на красоту торжествующей осени.

Осень — хорошее время года. Благодарная земля отдает свои плоды человеку, отдает с лихвой — просится на отдых.

Осенью люди чаще размышляют о жизни и смерти. Это — благодатная тема, но думают об этом не все. Кто умеет думать, тот умеет жить. А кто умеет жить, тому не страшно умирать.

Сегодня проезжал через опустевший парк. На траве валяются обломанные ветром сучья и ветки эвкалиптов, подчищены дорожки. Печальным выглядит озеро. Там, где в июне нельзя было найти место для автомобиля, теперь пусто и уныло.

Что же все-таки украшает осень?

Плоды земли.

Что украшает осень нашей жизни? Плоды труда.

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Когда на сердце бывает грустно, я пою. Напрасно улыбаются те, кто слышал мой голос. Я пою для самого себя. И это помогает!

Великую силу таит в себе песенное слово. Недаром в давние времена волжские бурлаки, тянувшие лямку, певали:

Мы по бережку идем,
Песню солнышку поем...

Я пою о том, чем живу. Мелодия обыкновенно приходит вместе со словами.

Во время обеденного перерыва на фабрике я бегло просматриваю газету. Волнуют события во Вьетнаме. Когда я читаю о них, в моей голове, как пчелы, роятся рифмы, рождаются строки, и я ищу в кармане огрызок карандаша, торопливо записываю на оберточной бумаге первые слова:

Где-то стонут, где-то плачут,
А ведь все хотели б жить.
Непосильную задачу
Без Христа не разрешить.

А сердце диктует новые слова, и я, подчиняясь его воле,
дополняю стихотворение новыми строками:

Но когда по всей планете
Разыграется война,
У меня есть на примете
Безопасная страна.

Знаю, что мои стихи — это еще не поэзия, но они все равно меня радуют, и эта радость понятна только тем, кто знает, что такое творчество.

Рабочий день окончен. Но вот беда: на площади, где паркуют автомобили, я не могу найти свой «плимут». (Младшая дочь называет его — «климат».) Брожу по аллеям, среди сотен голубых, коричневых, белых и черных автомобилей, слагаю песню:

Где же, где же ты, мой «плимут»?
Не могу тебя покинуть...
Ты мне нужен, даже очень,
Но найду ль тебя до ночи?

Нет, я не могу найти свой автомобиль. Забыл, где поставил. Я вернулся к воротам фабрики, поведал о своем горе знакомому охраннику. Он громко рассмеялся.

— Слушай, Ник, — сказал он сквозь смех, — ты приехал сегодня на велосипеде. Вот он стоит, ожидает хозяина!

И мне стало стыдно за свою забывчивость.

Меня со свистом обгоняют автомобили. Я усердно кручу педали, напевая песню. Пою и думаю о том, как ярки в Америке надписи о правилах дорожного движения. Теперь водителям надо ездить немножко тише, чтобы успевать читать эти надписи.

ЗАБЫВЧИВОСТЬ

В обыденной жизни забывчивость иногда стоит очень дорого. В прошлом году, например, я забыл вовремя купить лицензию на автомобиль, и это мне стоило двадцать долларов. Однажды забыл проверить в автомобиле воду — расплавился радиатор, снова убыток.

Но гораздо дороже стоит забывчивость по отношению к нуждам нашей души. За житейской суетой можно забыть самое важное — о запросах своей души: прочесть Слово Божье, помолиться, послушать хорошую радиопередачу...

Душа человека в некотором смысле похожа на музыкальный инструмент. Ее нужно беречь от пыли и грязи, о ней нужно заботиться. Музыкальный инструмент должен быть настроен, чтобы воспроизводить чистые звуки. Трудно ожидать от скрипки мелодичности, если с ней обращаться небрежно: надоела — бросил в пыльный угол, забыл о ней.

Так относятся к своей душе многие люди, а потом удивляются, почему у них нет желания идти в воскресенье в церковь, читать духовную литературу, слушать песни или делать добрые дела.

Заморенная душа теряет аппетит к хлебу жизни.

И этого больше всего должен опасаться христианин.

ОН УМЕЛ ДУМАТЬ

Худенький, небольшого роста, аккуратно причесанный человек лет тридцати стоял перед моим меланхоличным боссом и, улыбаясь, отвечал на его вопросы.

Через несколько минут босс познакомил нас и сказал:

— Он будет тебе помогать.

Мы приступили к работе.

Когда Глен поднимал шестнадцатифутовую лестницу, на его шее вздувались вены. Мне казалось, что он не выдержит на этой работе и одной недели.

— Ну как? — спросил я его перед обедом.

— О'кей! — ответил он бодро. — Для меня прогулка. Я

ведь шесть лет провел на фермах в Дэвисе. Там действительно была работа...

Глаза у Глена темные, выразительные, с веселым огоньком. Мне казалось, что в них задержалась слезинка и так постоянно в них и светится.

Обедать мы сели за один столик. Глен закрыл глаза и склонил голову. Он молился.

— Вы христианин? — спросил я.

— Я христианин.

Мы еще раз пожали друг другу руки.

На другой день Глен рассказывал о себе:

— Я сын фермера. Мать была верующей, отец — алкоголик. Сколько она, бедная, перенесла от него побоев! И терпела, не уходила от нас. До армии я держался матери, но в армии все забылось, и я запил. Мать умерла в день моей демобилизации. Я вернулся в Дэвис и стал работать на фермах. Домой приходил грязный, усталый. Ну и пошел по следам отца. Три раза меня сажали в тюрьму за драки.

Глен тяжело вздохнул и долго молчал, теребя в руках бумажную салфетку. Отпив глоток кофе, он продолжал:

— Два года тому назад, зимой, когда шли дожди, я сидел без работы и без денег. Как-то на дороге я поднял мокрый листок и прочел заголовок: «Остановись и подумай!» Делать было нечего, томила скука. Я положил листок в карман и дома прочитал. Листовка рассказывала о блудном сыне. И начал я думать, вспомнил мать, всплакнул...

В тот же день я был в Сакраменто на христианском собрании. И в тот же день меня подобрал Христос. Вытащил из грязи. Очистил шелуху. Теперь я, кажется, и на человека похож.

Наша дружба крепла. Я брал с собой Глена в Сан-Франциско, на русские богослужения. Несколько месяцев спустя он пришел на фабрику необыкновенно радостным.

— Ник, — обратился он ко мне, — ты будешь вечером свободен?

— Если это нужно, могу. В чем дело?

— Меня пригласили в Дэвис на пробудительные собрания. Там меня не только все люди, но каждая собака знает. Бывало, никто никогда мне «хэллоу» не скажет, а теперь

объявление в газете на полстраницы: «Глен Карпентер будет проповедовать на тему «Старое и новое».

Его проповедь была потрясающей. Собственно, это была не проповедь, это было свидетельство. Он не бросал в публику цитатами из Евангелия. Он сам был живым евангелием. Многие подходили к нему, каялись в своем маловерии.

Прошло полгода.

Однажды утром Глен пришел на фабрику в белой рубашке.

— Брат, — сказал он, — я зашел проститься. Вечером уезжаю в Техас. Я недавно просил Бога: «Пошли меня на проповедь Евангелия. Жены у меня нет, жить научился на двадцать долларов в неделю». И вот вчера Господь ответил. Меня пригласили на миссионерскую работу.

ВЯЧЕСЛАВ ДОЛИН

Вторая мировая война оставила много горьких и тягостных воспоминаний. Но есть и приятные. Сегодня вспомнил Вячеслава Долина, артиста Орловского драматического театра. Встретился я с ним в конце 1942 года, в лагере для пленных, который размещался в бывших колхозных конюшнях на окраине деревни Игнатово, в двух километрах от шоссе Московской — Рославль.

Была поздняя, холодная осень. За пригорками, между разъездом Князево и станцией Бахмутово, маневрировал паровоз. Там размещались немецкие артиллерийские склады, где нам приходилось работать.

Вечером, после работы, мы получали по котелку баланды, усаживались на нарах и приступали к еде, как к священнодействию. Тишину нарушал только звон пустых котелков. Как только обед заканчивался, старшина Максимов зычно подавал команду:

— Выходи на поверку!

Если подсчет был точным, нас быстро отпускали в барак-сарай. Там, разбившись по группам, люди проводили вечерние часы в разговорах. Наиболее многочисленную аудиторию собирал рассказчик Вячеслав Долин. Я всегда пробирался поближе к артисту и слушал его, затаив дыхание.

Велика сила художественного слова! Оно проникало в наши сердца, завораживало, мы забывали о своей судьбе и просили его читать еще и еще. И он читал, читал вдохновенно и пылко. Меня поражала его богатая память. Он каждый вечер читал нам монологи наизусть, не повторяясь. Однажды он сказал:

— Сегодня я вас познакомлю с большим русским поэтом, о котором, вероятно, вы ничего не слышали. Он был расстрелян. Его имя — Николай Гумилев.

Откашлявшись, он начал:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо нам яства земного
В этот странный и светлый час,
Оттого что Господне Слово
Лучше хлеба питает нас.

Я был удивлен, что о таком большом, даровитом поэте нам ничего не говорили в институте. Спросил об этом Долина.

— Знаешь, браток, почему они замуровали его от молодого поколения? Он не верил, что, отвергая Бога, можно построить царство справедливости.

Позднее я переписывал стихи Гумилева под диктовку Долина, брал их на работу, заучивал наизусть и читал про себя, таская бревна для блиндажей. И до сих пор помню полюбившееся мне стихотворение, в котором поэт молитвенно обращается к Господу:

Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля — тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют..
Если, Господи, это так,
Если правильно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.

Спустя некоторое время Вячеслава Долина отправили в Рославль. С той поры я ничего о нем не слышал.

В последний вечер мы пели «Песню ямщика», и там, где он выводил тенором слова: «передай привет родной матушке», у многих начинали сверкать слезы.

Утром нас погнали на расчистку шоссе от снежных заносов. Колючая снежная пыль била в глаза, забиралась под ветхое тряпье, которым мы заматывали головы. Мерзли руки, а в душе весь день звучали гумилевские слова, записанные мною под диктовку Долина:

Я угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.
Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут ясны
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны.
Крикну я... но разве кто поможет,
Чтоб душа моя не умерла?
Только змеи сбрасывают кожу,
Мы меняем души, не тела.

КРАСИВОЕ СЛОВО

Однажды мудрец спросил:

– Какое слово самое красивое?
– Здоровье! – ответил больной.
– Молодость! – проговорил старик.
– Хлеб! – отозвался голодный.
– Победа! – громко провозгласил солдат.
– Свобода! – воскликнул заключенный.
– Нет, все эти слова хороши, но самое красивое слово «правда», – заключил мудрец.

Но в это время в стороне раздался детский голос. Это был мальчик-сирота. Он сказал:

– Самое красивое слово на свете «МАМА»! Нет слова красивее этого!

И все, включая мудреца, согласились с мальчиком.

НУЖНА ЛИ ПСАЛТИРЬ МЕРТВЫМ?

В детстве меня всегда удивлял один обычай. Не забыл я о нем и до сих пор. Каждый раз, когда в нашей деревне кто-либо умирал, у изголовья покойного обязательно читали Псалтирь. Читали ночью. Чтеца привозили из соседнего поселка. Это был сухой старичок с тонким, писклявым голосом.

И я верил, что умерший слышит, когда ему читают книгу Божью. Но позднее не раз приходилось слышать такую поговорку: «Ему нужно это, как мертвому Псалтирь».

Действительно, зачем умершему Псалтирь? Разве нельзя было собраться в избе и, оставив курение крепкого сада, читать Евангелие? А зимние вечера были у нас томительно скучными. Люди не знали, как убить время. И как было бы кстати чтение Писания!

Если бы священнослужители этим занимались, возможно, войны миновали бы Россию. Но беда была в том, что тех, кто собирался по домам для чтения Евангелия, сразу же называли штундистами, людьми отсталыми.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

Перечитывая Паустовского, я думаю, как много мне еще надо работать над словом и над самим собой. Конечно, главное — о чем писать, но не менее важно и то, как писать.

Что мне нравится в Паустовском? Его простота, законченность мыслей, его человеколюбие, понимание природы и самой жизни, его непреклонная борьба за чистоту совести.

В молодости Паустовский увлекался экзотикой, но сблизившись с простым народом, он нашел счастье в любви к русской природе и слиянии с правдой жизни.

В предисловии к шеститомному изданию своих произведений Паустовский писал: «Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара. Вся нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки.

С этим кустом и с пасмурным небом, помаргивающим дождем, с дымкой деревень и сырым луговым ветром накрепко связана моя жизнь».

Паустовский – большой мастер короткого рассказа.

Паустовский – большой психолог. Герои его рассказов долго живут в памяти читателей.

Нам, начинающим писателям, надо учиться у Паустовского. Мы пишем о великих, вечных идеях, но пишем ху-досочно, вяло, скучно, словно сами не верим в то, о чем пишем.

Когда глубокие мысли облакаются в скудную одежду скупых, избитых, сотни раз повторенных слов, они становятся серыми, обескровленными, неубедительными.

Тридцать лет тому назад моя душа была тронута любовью Божьей, и я стыжусь, когда пишу о Божьей любви не так сильно и горячо, как Паустовский.

ЖИТЬ – ЭТО ТВОРИТЬ

Каждому делу нужны время и энергия. Самое трудное – найти легкое дело. Главное, чтобы то, что я делаю, служило на пользу человеку. Каждому, кто трудится, нужно думать об этом, потому что все мы – члены одной семьи, имя которой – человечество.

Кто трудится без понимания истинной цели жизни, тот крутится-вертится на земле, как щепка по Бродвею, пока ее не загонит ветер под забор или за кладбищенскую ограду.

Некрасива жизнь, когда человек думает только о животе да о хорошей мебели, забывая о собственной душе.

Душа, как птица, ищет хлеба,

А этот хлеб дает нам Бог.

Одна дорога есть на небо,

В погибель – тысячи дорог.

Мы привыкли к теплу, уюту, сытости, но истинная радость жизни не в этом. Все, что нас окружает, все, что мы переживаем, – это только условия для произрастания дивного семени, имя которому – душа.

Некто с горечью сказал: «Зачем меня Бог создал? Не вижу я пользы в том, что существую». Ему ответили: «Может быть, от тебя действительно нет пользы, но то, что ты это осознаешь, говорит о том, что с тобою дело еще не закончено».

Да, мы все проходим стадию обработки. Счастлив тот, кто доверяет себя небесному Мастеру.

Для меня жить — это творить и этим служить ближнему. А служить ближнему — значит служить Богу.

Я начал жизнь в труде и потому не могу сидеть, ничего не делая. Я был в огне и потому не могу сидеть в дыму и смраде. Мне нужен чистый воздух для горения.

Если человек строит дорогу с сознанием, что по ней будут ездить люди, ему будет легче и интересней трудиться. Нет ничего ужаснее бесцельного труда.

Несколько человек делали одно и то же дело. У одного спросили:

— Что ты делаешь?

— Зарабатываю свои тридцать пять долларов, — был ответ.

Спросили у другого:

— Что ты делаешь?

— Обтесываю камни.

Спросили у третьего:

— А что ты делаешь?

— Строю дом для пользы человека и для славы Божьей.

Когда я пишу эти слова, я думаю о моих «Записках эмигранта». Будут ли они полезны моим читателям? Мне писали, что мои «Записки» интересны. Мне этого мало. «Интересны» — это не все. Я хочу, чтобы мой труд был полезным.

ЗА ВИШНЯМИ

Новый день встает на востоке величественно и тихо. Спит стеклянная гладь реки Сакраменто. У ее берегов застыли стаи причаленных лодок. Огромные эвкалипты, кажется, недавно сбегали с холмов, но, встретив на пути реку, стали в один ряд и замерли, не решаясь войти в глубокую воду.

Где-то самолет пересекает холодное небо. Его то затихающий, то возрастающий гул едва доносится до моего слуха. Куда летит он?

Я еду в вишневый сад, расположенный в пяти милях от города. Небольшими стайками носятся над дорогой проснувшиеся птички. Серая полоса асфальта светлеет с каждой минутой. Перелетая с куста на куст, хлопотливо мечутся белобокие сороки. Это единственное место в Калифорнии, где я встретил сорок.

Вишни крупные, сочные, но не очень сладкие из-за обилия ирригационной воды. Если снимать их с дерева самому — они не дороги. Этой дешевизной пользуются предприимчивые иммигранты. В день открытия сада они приезжают со всех концов.

В окно автомобиля врывается речной воздух. Он пахнет гнилыми водорослями и протухшей рыбой.

Мой сын широко распахнутыми глазами следит за красотой разгорающегося утра.

— Папа, мы будем в саду первыми, — решает он. — Видишь, мы на дороге одни...

Но это было не так. Мы свернули на дорогу в сад, а она вся оказалась облепленной автомобилями разных марок. Огромный сад оглашала русская речь:

— Та-а-а-ня, где Ми-и-ша?

— Петя, тащи сюда лестницу!

— Мать? Где ты, мать? — кричит расторопный муж.

— Ты что тут ругаешься? — шутит его знакомый.

— Жена вот ушла за крючком, а теперь ищи-свищи, — поясняет приятель.

Зеленый густой сад кажется обрызганным темно-красной краской. Вишневые ягоды гнут ветви до земли. Вокруг каждого дерева уже толпятся сборщики, и, как ни странно, среди них почти нет американцев. Люди переговариваются между собою о житейских делах.

Я люблю слушать русскую речь, и хотя она обильно пересыпана американскими словами, все равно это — родной язык.

— Верю бин, Дан? — спрашивает русская мать сынишку и тут же добавляет по-русски:

– Целый час пропадал, а ведро пустое...

Мальчик с черными от вишен губами виновато молчит. Он карабкается на дерево, где вишни крупнее и спелее.

– Куда лезешь! Не смей! – командует отец.

Пряный запах вишен и каких-то трав будит во мне воспоминания, воскрешает детство. В деревне, где я родился и рос, было много вишневых садов. В нашем саду красовались шесть больших деревьев, с которых я много раз падал, счастливо отделяваясь только ушибами. Когда подходила жатва, созревали вишни. В полдень семья возвращалась с поля на обед, а после обеда каждый взбирался на дерево и собирал вишни – не в ведро, а в собственный рот.

Все это было давно, очень давно. Теперь времена иные, думаю я, взбираясь повыше на дерево. Когда-то я прыгал по веткам, как белка, а теперь не то. Я еле держусь на сучьях, слушаю, о чем гутарят люди, и наполняю ведерко вишнями.

По другую сторону дороги бежит, изгибаясь, река. Вдоль реки стоят домики, уютные и красивые, как на картинках. Их кутают в зеленую шубу сады. Из-за реки доносится гул грузовых автомобилей. Возле здания телевизионной станции воткнута в землю огромная вышка – антенна. Она похожа на лестницу, дерзновенно поднятую к небу. В странном беспорядке белеют разбросанные по полям фермерские домики. Возле каждого из них стоит автомобиль.

Высокий фермер в синем комбинезоне широко шагает по зеленым междурядьям помидоров, присматриваясь к густым кустам, рядом с которыми протекает ручеек, орошающий большое поле.

И я думаю: сколько даров дает земля человеку, но близится время еще более благодатное, когда на земле не будет греха и зла, когда восторжествуют правда и справедливость и Христос будет ее Царем.

СОСНА

Некто сказал, что одна из чистых, светлых радостей – это отдых после труда. И вот я уже второй день отдыхаю и радуюсь красоте парка возле Маркелвиля, в Калифорнии.

Недалеко от бассейна с горячей минеральной водой, у поворота дороги, стоит огромная сосна. Трудно определить, сколько ей лет. Вероятно, она еще помнит первооткрывателей этого чудесного края. Как и все горные деревья, она не высока, но в диаметре более двух метров. В ее тени стоят столы и печь — к услугам отдыхающих.

На стволе этой сосны остались сотни пометок. Каждому хотелось чем-нибудь отметить свое здесь пребывание. Таким образом на стволе появились ножевые раны, вбитые гвозди, дыры, зарубки. Кто-то умудрился сдирать кору для печки. Одни раны уже зажили, зарубцевались, другие — свежи; но зеленое дерево стоит по-прежнему непоколебимо. В его ветвях шумит ветер, прячутся птицы. Под тенью укрываются от жары люди.

Я сижу в автомобиле возле дерева, смотрю на него и думаю о назначении христианина в этом мире. Если верующий человек войдет корнями своими глубоко в основание своей веры, он будет похож на это дерево. Мир нанесет его сердцу много ран, он не раз будет обманут, оклеветан, оскорблен, но он будет по-прежнему зеленеть, потому что корни его связаны с источником неувядающей жизни.

ПИОНЕР РУССКОГО ЕВАНГЕЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Недавно мне довелось слушать старейшего русского проповедника Федора Дмитриевича Ефимова. Его голос часто терялся, но к нему прислушивались. Люди знали, что говорит человек, умудренный опытом.

Ефимову за восемьдесят, но как богата его память! Смотрел я на его согбенную фигуру, на его дрожавшие руки и думал: «Вот пионер русского евангельского движения! Испытанный в вере Аполлос».

За проповедь Евангелия Федора Дмитриевича преследовало царское правительство. По той же причине его не раз бросала в тюрьмы и новая власть. Удивительно сбываются слова Христа: «И будете гонимы за имя Мое».

Лицо у него спокойное, вдумчивое, прищуренные глаза — с огоньком внутренней радости. Тексты Евангелия чи-

тает наизусть безупречно. Он говорит о своем тяжелом прошлом без обиды, как будто все так и должно было быть.

Федор Дмитриевич говорил о соли земли, о сущности христианства:

— Довелось мне также бывать и возле Астрахани, где добывалась соль. Лежит она, добытая, под открытым небом года три, прежде чем пойти в обработку. И горячее солнце ее печет, и ветер продувает, и мороз зимой сушит. Не знал я, в чем тут дело, пока мне не рассказали добытчики. «В соли, — говорят они, — бывает горечь, а эту горечь надо удалить. И это как раз делают погода и время...»

— И подумал я тогда, — продолжал старец, — вот где для нас, христиан, урок. У нас ведь тоже горечи немало. Горечь — это наше «я». И эта горечь должна испариться, выветриться, пройти через испытания. Только тогда христианин может быть настоящей солью земли.

Мудро сказано.

ПОРА ПОНЯТЬ

Вчера и сегодня, начиная с полудня, в небе расписываются два самолета. Они вычерчивают затейливые фигуры, оставляя за собой белые шлейфы. Вероятно, летчики испытывают моторы. Наблюдая за ними, я вспомнил годы войны, когда немецкие самолеты-разведчики очерчивали, как чертежник циркулем, круги. Так намечались районы бомбежки. Через несколько минут земля стонала от взрывов сбрасываемых бомб.

Это время ушло, а вместе с ним безвозвратно ушли миллионы молодых жизней. Кто знает им цену?

Всем хотелось бы, чтобы это никогда не повторилось.

Многие спрашивают, будет ли война? Некоторые отвечают: «Это зависит от Бога».

Ничего подобного! Зачинщик всех войн — человек. Это зависит от тебя, брат, от меня, от каждого. Каждый из нас может либо гасить пожар, либо раздувать его.

Сегодня в газете видел фотографию. Молодая мать-вьетнамка прижалась к земле, прикрывая собой девочку лет

двух. В узких, но выразительных глазах матери застыл испуг. Она забыла о себе. Кто знает, о чем она думает в этот момент, прикрывая дочь? Девочка не знает, что такое война, не знает, как коварен человек. Но страх инстинктивно передался от матери к ребенку. Она, подражая матери, прячет голову за бугорок свежевырытой земли. Крупные капли слез застыли на ее черных ресницах.

Очаги большой войны тлеют во всех концах земли. Предотвратить войну могут только люди, и только тогда, когда прочувствуют свою ответственность перед Богом.

Каждый раз, когда начинается война, первой ее жертвой становится **правда**.

Жизнь человека, единственная, неповторимая, обесценена самими же людьми до предела.

Когда в фабричной столовой начался разговор о потерях во Вьетнаме, один рабочий, дымя трубкой, заметил:

— Подумаешь, потери! Тысяча двести человек!.. У нас в автомобильных катастрофах погибает больше. А это ведь война!

Кто-то подал голос:

— Вьетнамцев убивают много. А они разве не люди?

— Их не перебеешь. Они плодятся, как муравьи. Сто убьют, двести на свет рождаются, — спокойно заметил рабочий.

Тяжело слушать разговоры, которые происходят от непонимания цены жизни человека.

Эти люди не знают, что блага всего мира не стоят жизни одного ребенка.

ПРИМЕРНЫЙ СЫН

Горячий полдень. Синь застилает высушенную солнцем даль. Мутная пелена висит над притихшим городом. С холма он выглядит, как огромный сад, раскинувшийся далеко за восточным берегом реки.

Ветерок дует с севера. Каждое его дуновение не охлаждает, а усиливает жар. Солнце кажется чудовищной раскаленной печью. В сухом воздухе пахнет расплавленным асфальтом. Градусник показывает сто два градуса (по Фаренгейту).

Черная собака лениво разлеглась под деревом, запрокинув голову и прикрыв один глаз. Другим она жалобно смотрит по сторонам. По ее впавшему животу видно, как она учащенно дышит, пастью хватая воздух. Ее хозяин, добродушный молодой американец по имени Джим, шел рядом со мною, двигаясь как бы рывками, словно нес за плечами ношу. Он улыбался, и его верхняя губа почти касалась длинного крючковатого носа. Глаза у него настолько узки, что узнать их цвет невозможно. Вот он присел в тени огромного эвкалипта, продолжая рассказывать мне о своей жизни.

Слушал я его и удивлялся, что за такой непривлекательной внешностью скрывается чуткая, добрая душа. Джим имеет жену и детей, зарабатывает девяносто долларов в неделю, из которых пятнадцать отсылает матери.

— Знаете, лекарства стоят дорого, — говорит он, смахивая веткой пыль со своих ботинок. — А мама у меня больна.

— Жена не обижается? — спросил я.

— О нет! Жена у меня христианка. Мы во всем едины.

В глазах Джима отразилось глубокое удовлетворение. И я понял, что Джим регулярно помогает матери, как благородный сын, делает это не по долгу, а из любви к родившей и воспитавшей его женщине.

Разные бывают американцы. И русские не все одинаковы.

— У вас есть братья? — спросил я.

— Имею брата. Он хорошо зарабатывает, но матери не помогает.

— Почему?

— Потому что его жена больная. Все деньги уходят на докторов. Она на нервы жалуется...

Джим улыбнулся, как будто вспомнил нечто смешное, и продолжал:

— Когда брат ей сказал, что врачи у нее ничего не находят, она ему ответила: «Оттого я и нервная, что они ничего не находят...»

Джим встал и, коснувшись рукой моего плеча, сказал:

— Это между прочим. А вообще брат у меня хороший.

Ветерок снова принес запах гари. Где-то жгли высохшую траву.

ГОРОД, В КОТОРОМ Я ЖИВУ

На безмолвном синевато-голубом небе, насколько видит глаз, нет ни одной тучки. Высоко над городом неподвижно стоит горячее солнце. В небольших зеленых парках притаилась тишина: не пробежит ветерок, не шелохнется ни один листочек, не пропоет птичка. Сухой, нагретый до ста пяти градусов воздух кажется хрустящим.

Я сижу в автомобиле. На другой стороне улицы фантастической спичечной коробкой, поставленной на ребро, высится четырнадцатизэтажное здание — самое высокое в городе.

Тротуары забросаны окурками, обрывками газет, бумажными стаканчиками от мороженого. Люди устало снуют по ним, как будто они что-то потеряли и теперь тщетно пытаются найти утерянное.

Вот идет пожилой худошавый пуэрториканец. На нем измятая рабочая одежда и серый, с большим козырьком картуз. К жаре он привычен. На руках у него мальчик лет трех. Мальчонка весь в отца: смуглолицый, черноволосый, с красивыми черными, как вишни, глазами. Он обхватил папу за шею, прижался к нему, будто давно не видел. Отец доволен, улыбается и что-то шепчет мальчику на ухо.

А вот тонкий, как жердь, почти безволосый пенсионер. Он идет, покачиваясь из стороны в сторону, тупо смотрит под ноги и сам с собой разговаривает. Из бумажного пакета выглядывает красная головка бутылки. Нетрудно догадаться, что старик несет бутылку виски. На жилистой и серой, как земля, длинной шее цепочка, а на ней — крестик.

За ним, глядя в сторону, движется угрюмый толстяк лет пятидесяти. Брови густые, подернутые сединой волосы причесаны аккуратно. При каждом шаге его полные щеки вздрагивают, как студень. Рот у него приоткрыт. Видно, страдает одышкой.

Не хочу утомлять читателя описанием людей. Их в Сакраменто двести пятьдесят тысяч. Русских жителей легко отличить от американцев.

На лицах моих земляков осталась печать тяжелых душевных и физических переживаний, в их глазах — тихая, едва

уловимая грусть, задумчивость. Даже старого эмигранта, не пережившего ужасов прошлой мировой войны, легко по виду отличить от нового или новейшего. Время делает свое дело.

Мне хочется рассказать о городе. Я бы с удовольствием посадил моего читателя в автомобиль, показал бы ему крепость исторического города. Впрочем, все города можно назвать историческими: каждый имеет свою историю.

История Сакраменто очень бурная. Крепость превращена в музей и носит имя основателя города Джона Саттера. Рядом с ней – отделение музея с индейскими экспонатами.

Первые поселенцы обосновались в городе в 1839 году. По берегам рек было найдено золото. Мужественный и мудрый капитан Джон Саттер привлек сюда многих переселенцев. В 1849 году большое наводнение почти смыло город, а в 1862 году внезапный пожар оставил от города только дымящиеся головешки.

Но золото, как магнит, притягивало людей отовсюду, вдохновляло их на подвиги.

Как и все города Америки, Сакраменто растет очень быстро. Фабрика, куда я в 1951 году поступил на работу, едва насчитывала 500 рабочих. Теперь их около двух тысяч. Фабрика производит консервированные супы. В России это дело потерпело бы полный крах. Там любят свежую пищу: из печки на стол подают пахнущие огородом щи, а не суп трехлетней давности. В Америке, где женщины ленивы, консервированные супы в моде.

Есть в Сакраменто и русские (а где русских нет?!) – от уборщиков до докторов. Живут люди по-разному. Одни общительны, тянутся к дружбе, как к солнцу, когда оно не печет, а только греет. Ведь так и должно быть у нормальных людей. Есть и такие, которые всячески отгораживаются от своих соотечественников. Они не любят ни русской книги, ни русской газеты, ни русского общества. Они питают душу каталогами «Сирс Робак Ко», живут в обществе кошек и комнатных псов. Живого человека им заменил телевизор.

Животных, конечно, надо любить, но не надо забывать, что человека Бог поставил выше. И человеку не должно бы скатываться со своего пьедестала. Но в Америке каждый человек сам себе босс, каждый живет так, как ему нравится.

Ночи в Сакраменто прохладные, даже в июле. Обычно в семь-восемь часов вечера жара спадает, на деревьях начинают трепетать листочки, словно ими играет волшебная рука, учащается дыхание ветерка.

Обилие зелени делает город похожим на сад. Деревья стоят, как гиганты, разбросав свои густые ветви над улицами и местами образуя сплошной зеленый туннель.

Недалеко от большого красивого парка, по другую сторону дороги, за насыпью, могуче несет свои воды река Сакраменто.

В праздничные дни там шумно. С ревом одна за другой проносятся моторные лодки, мелькают бронзовые спины водных лыжников.

Моральная сила американского народа в его свободе. Люди любят свободу. Они ее завоевали, но беда в том, что эта неограниченная свобода приобретает уродливые формы и делает людей несвободными. Но в этом виноваты сами люди.

ЛЮДИ И ФАКТЫ

Больше всего материала для моих заметок дают люди, которых я встречаю на работе. С одними приходится соприкасаться близко, за другими наблюдать издали. Вчера, например, случай свел меня с человеком, которого все знают как неукротимого говоруна. Он сыпал словами, как из лукошка, не переставая:

— Читал, как в наше посольство в Москве пришли из Сибири пятьдесят христиан?

— Не пятьдесят, а тридцать два, — заметил я.

— Значит, читал? Давай об заклад в сто долларов: всех их расстреляют!

Собеседник не дал мне высказать свою мысль и продолжил:

— У нас в Америке, смотри, сколько иностранцев! Сколько церквей! Каждый молится, как хочет, идет в церковь, в какую хочет...

— Вы-то ходите в церковь? — спросил я.

— Нет, я в церковь не хожу. Некогда, — ответил он, понизив голос до шепота, а потом добавил громче:

— Покойная жена всегда в церковь ходила. Я ей не запрещал...

Он улыбнулся, прикрыв щербу кончиком языка.

РОССИЯ НА ФИЛМОРЕ

Вчера я снова заглянул в Сан-Франциско, прошел несколько кварталов по Филмору. Эта улица знаменита не только нападением негров и европейскими кондитерскими, но множеством русских. Я узнавал их сразу. Не по одежде, не по говору, а интуитивно, каким-то необъяснимым чутьем.

Вот группа русских. Они остановились на углу улиц Эдди и Филмор: трое мужчин и две женщины. На лицах пожилых мужчин застыла какая-то отчужденность, печать былых потрясений. Кажется, их кто-то когда-то напугал, и этот испуг так и остался на лицах. Один из них, вероятно, контуженый, моргал, подергивая плечами, словно отгонял надоедливую комара. Второй, в шляпе с широкими полями, похожий на старый гриб-боровик, курил сигарету в мундштуке, жадно затягиваясь дымом. А третий, вероятно, глуховатый на одно ухо, стоял как-то скособочась, пригнув голову, и прислушивался к разговору:

— Я его предупреждал: отстань, Колька, от стрелки. Не послушал...

Ветер подхватил следующие слова и унес их в сторону океана.

Две пожилые женщины тоже были заняты разговором.

Я зашел в кондитерскую «Европа» — маленькую лавчонку на Филморе. За одним из двух столиков сидели типичные представители «бывших»: он в пенсне и с пробором в седых реденьких волосах, она — дородная дама с выжженной бородавкой на шее. Он говорил тихо. Может быть, вспоминал о том «изыщном прошлом», о котором я сегодня прочел в «Русской мысли»:

На чужбине нам дом вспоминается отчий,
Стародавнего быта погибший уют...

На столе лежал субботний номер русской газеты, где была напечатана моя очередная евангельская беседа, озаглавленная «Куда нам идти?». Читали ли они ее?

Над Филмором опускался вечер. Дул сильный холодный ветер. С крыш слетали голуби, путались у прохожих под ногами и взлетали под крыши, готовясь к ночлегу.

ТРАГЕДИЯ ГЛЕБА УСПЕНСКОГО

В студенческие годы я с наслаждением читал рассказы и повести Глеба Ивановича Успенского. Меня трогала его любовь к простому человеку, которого на каждом шагу обижали власть имущие.

Вчера читал очерк о последних годах его жизни. Успенский в конце пути обратился к Евангелию. Это поразило его друзей, и они позаботились о нем, отправив в психиатрическую лечебницу.

Вот что писал Глеб Успенский своей жене: «Уверяю тебя, дорогая моя, горячая любовь к Богу с каждой минутой охватывает меня все больше и больше. Я люблю всех, и в этой любви ко всем страждущим и обремененным я воскресаю».

Побольше бы таких «сумасшедших»!

ЖИЗНЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ

Много верст пройдено по чужим городам и странам, и везде одно и то же: все чужое, нет ничего нашего, родного.

Такова доля эмигранта.

Жизнь – путешествие, но не в роскошном автомобиле по широким выглаженным дорогам, где на остановках для вашего удовольствия и развлечения, и закуска.

Жизнь – преодоление узкого, тернистого пути, иногда переходящего в тропинку, подобную тем, по которым мы ходили в родных местах. Идешь, бывало, по лесной дороге, вдыхаешь всей грудью смолистый аромат сосны, слушаешь щебетание птичек, гудение пчел, исходящее как бы из басовой трубы, идешь и не замечаешь, как бледная колея

дороги делается все менее заметной. И вот уже не дорога, а тропинка.

Чтобы не заблудиться в лесу, я в просветах деревьев искал солнце. Оно никогда не меняет свой маршрут. Оно всегда там, где должно быть соответственно времени.

Не напоминает ли это нам вечное Солнце правды? Христос — никогда не заходящее Светило каждому путешественнику в этой жизни. Глядя на Него, не заблудишься, даже если не будет видна дорога.

По путям-дорогам снуют люди, плохие и хорошие. С ними надо идти. И это хорошо, что у нас есть спутники. «Умный товарищ — половина дороги» — говорит русская пословица. Одни идут с нами версту-другую, другие сворачивают в сторону после первого знакомства. Одни могут в трудную минуту поддержать, другие — подставить ногу.

Самое лучшее в дороге — мирная беседа. «Не ссорьтесь на дороге», — советовал Иосиф, сын патриарха Иакова, своим братьям. Было время, когда они не только стали Иосифу поперек дороги, но схватили его, бросили в ров, а потом продали в Египет.

Как же Иосиф, достигнув славы, отомстил своим братьям? Он напоил их, и накормил, больше того — дал им хлеба в дорогу.

Вспомнились слова Христа: «Если враг твой голоден, накорми его».

Это и есть настоящее христианство. Все остальное — фальшь.

Тесновато бывает людям на путях-дорогах. Бывает, толкнут в спину, оглянешься и не успеешь сказать «извините», как услышишь окрик: «Эй, ты, осади назад!»

Как быть в таких случаях? Вспомнить завет Христа: ударившему по щеке подставь другую.

На путях-дорогах, бывает, обвинят человека в том, что ему даже во сне не снилось.

Для всех должно быть удивительным то, что есть на земле люди, которые, несмотря ни на какие обвинения, несут светоч Христа в тень и глушь этого мира, не сворачивая с пути правды.

На днях перечитал рассказ М. Горького «В ущелье». Ав-

тор рассказывает, как рабочие беспричинно избили тихого, скромного старика-плотника. Он отошел от разъяренных людей в сторону, смыл с лица кровь и подошел к костру.

– До чего вода в речке холодная – просто ледяная, – проговорил старик.

Когда его спросили: «Больно ушибли-то?» – он ответил:

– Не-е... По переносице ткнул. Это место на кровь хлибкое. Господь с ним. Ему от этого не прибудет, а мне страданье – в зачет перед Духом Святым.

Чаще на путях-дорогах бьют тех, кто провозглашает истину Божью.

Когда я говорю о том, что люди играют жизнью, как дети игрушками: дерутся, плачут, мирятся и снова отнимают один у другого ничего не стоящие стекляшки, – некоторым делается не по себе. Они сердятся. Почему? Потому что в них они узнают себя.

Далеки и неприглядны наши пути-дороги, но останавливаться нельзя. Кто не идет вперед, тот никогда не достигнет заветной цели, не познает ни настоящей радости, ни настоящего счастья.

Радость и счастье жизни – в преодолении преград, которых, слава Богу, немало. Бог не убирает их с нашего пути, но желающим их преодолеть дает силы, дает направление. Кажется, идти осталось меньше того, что уже пройдено.

О наших путях-дорогах написано много стихотворений и поэм. Пусть и мое неказистое стихотворение дополнит эту тему.

Эх, дороги, пути-дороги,
На дорогах – густая пыль.
Исходили, блуждая, ноги
Тысяч сорок иль больше миль.

Не один я прошел бродягой
По земле, что кормила нас.
А в жару из военной фляги
Мы березовый пили квас.

А теперь, когда Светоч чудный
Воссиял на моем пути,

Об Иисусе пою, и не трудно,
А отраднo за Ним идти.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДРУГ

Не помню, где я читал рассказ об одном человеке. Его часто встречали на кладбище в маленьком американском городке. Он заботливо ухаживал за чьей-то могилой, сажал цветы, окапывал, поливал.

Жители городка заинтересовались незнакомцем и спросили у него:

— Вероятно, это могила вашего сына?

— Нет, — ответил незнакомец.

— Тогда, верно, вашего брата?

— Нет, не брата.

— Вероятно, здесь похоронен ваш хороший друг?..

— Нет, больше, чем друг... Я расскажу вам о благородном человеке, который здесь похоронен. Это было давно. Когда началась война, меня призвали в армию. По бедности я никого не мог нанять вместо себя и уже собрался идти на фронт. И вдруг ко мне пришел молодой человек и говорит: «У вас большая семья, дети малые, вашей жене с ними одной не справиться. Я одинок. Мне не о ком заботиться. Давайте я пойду за вас...»

И он вместо меня пошел на войну. В одном бою он был тяжело ранен, лежал в госпитале и умер. Вот здесь его похоронили. Это его могила. С того дня, как я узнал о его смерти, меня не оставляла мысль посетить его могилу. Собрал денег и вот приехал сюда. Я сделаю надпись на надгробии: «Он умер за меня»...

Когда я вспомнил этот рассказ, на память сразу же пришли слова из Второго послания к коринфянам (5:15). Их написал апостол Павел: «А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для Умершего за них и Воскресшего».

«Не юродство ли это?» — могут подумать некоторые.

Это, и только это, есть истинное христианство.

ЦАРЬ НЕБА

Много пишут и говорят о солнце как о радости земли, как об источнике жизни. Каких сравнений только не делают, описывая солнце! Один советский писатель умудрился написать так: «Солнце блестит, как физиономия снабженца»; или другой: «Солнце блестит, как вычищенный медный таз». А мне хочется сегодня назвать солнце царем неба. Оно восседает на небе спокойно и величественно, как коронованный царь на престоле.

На дворе июнь, солнце заливает своим светом все уголки.

День сегодня тихий, небо спокойно, будто прислушивается к голосам земли, горизонт теряется в сизоватой дымке. И как в такой день, поглядывая на щедрое солнце, радуясь ему, не вспомнить о Том, Кто его создал?!

Во время обеденного перерыва я вышел из фабричного здания во двор, сел на скамейке под деревом с нежными зелеными листьями. Рядом, покуривая, молчаливо сидели несколько рабочих. Они тоже наслаждались солнцем.

Только радио портило мне настроение. В воздухе плавали раздражающие душу звуки джаза. Они неслись со стороны дороги, где стоял большой продуктовый магазин.

Мне кажется, что за пятнадцать лет я уже многое понял в Америке из того, что было чуждо. Но в одном до сих пор не могу разобраться: как можно называть эти дикие звуки музыкой? Кто их записывает на пластинки? Кто их передает по радио?

Говорят, что музыка имеет небесное происхождение. Нет, я ни за что не соглашусь с тем, что эти звуки, напоминающие вопли очумелых котов, имеют что-либо общее с красивым небом, на котором сегодня восседает солнце, как коронованный царь на престоле.

РОДНОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

По-разному смотрят на свое прошлое эмигранты. Одни хулят его, чернят всех и вся, другие, наоборот, хвалят прошлое как золотое, неповторимое время.

С большим удовольствием читал роман Кротта «Великий океан». В нем трогателен и незабываем образ землепроходца Луки Путаницы. Сорок лет он скитался по чужим дальним странам, а память о родине, любовь к ней не утратил. Вот он, Лука, ковыряет землю в Калифорнии, долго разглядывает жирный перегной.

«Тут тебе что хочешь вырастет! Как у нас, в Рассее, в Митькине», – хвалит он свое село, вытирая пальцы о штаны.

Любовь к родине заглушила все: и то, как его пороли на барском дворе, и то, как он мальчишкой удрал из далекого Митькина. И, конечно, он никогда не знал, какая земля была у его помещика: суглинок или чернозем.

Мы должны быть снисходительными к тем, кто хвалит свое детство, свои родные места, свой народ. К сожалению, некоторым читателям почему-то кажется, что, когда я пишу о молоке русских гречневых полей, я этим хвалю власть. Какой абсурд!

Ну как же, вспомнив о родине, не написать несколько строк?

Утро украсилось светом,
Густо осела роса.
Знаю, на родине где-то
Дремлют родные леса.
Хочется стать на пригорке -
Сколько живых красот!
Запах полынно-горький
Ветер ко мне несет.

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Их много, но кто знает, где они теперь? Как они живут?
Чем заняты?

Мир устал, как воин после битвы,
Мир вздремнул, согрелся и притих.
С верою, надеждой и молитвой
Вам, друзья, пишу я этот стих.
Нас судьба по свету разметала,
Далеко родительский порог.

От огня смертельного металла
И меня Спаситель уберет.

Эти строфы, начало стихотворения, посвященного друзьям детства и юности.

О некоторых из них я узнал от сестры, живущей в СССР.

Один — теперь директор средней школы. Он учился плохо, даже очень плохо. Образование закончил после войны. Теперь передает мне приветы, но писать не желает.

Второй — драчун и забияка, стал летчиком. В начале войны я его провожал в военное училище, а два дня спустя ушел сам. Он погиб на войне.

Третий — мой племянник, сын старшей сестры, был старше меня на год. Одно лето мы вместе пасли коров. В начале войны его взяли служить во флоте, и он погиб в океане.

Четвертый — хилый, с бесцветным лицом, всегда больной и молчаливый. Теперь он заведует районной торговой сетью. Во время войны партизанил.

Пятый — это я, рабочий американской фабрики, где производят консервированные супы.

Мне остается сказать одно: слава Богу за все! «Все содействует ко благу».

КО БЛАГУ

Подумайте о том, какая мудрость сокрыта в словах пророка Иеремии: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (10:23).

В жизни часто бывает так: составляешь планы, думаешь о будущем, решаешь, а потом все лопается, как мыльный пузырь.

Верна пословица: «Не живи, как хочется, а как Бог велит».

После окончания второй мировой войны мне, как и другим невозвращенцам, хотелось поскорее куда-нибудь выехать из Европы. Я записался на выезд в Бразилию, прошел все комиссии, консул подписал бумаги, но за три дня до отхода транспорта случилась беда: я внезапно ночью забо-

лел. Недалеко от меня в богатом особняке жил известный в Мюнхене хирург Бахман.

Боли в желудке стали нетерпимы, и жене ничего не оставалось, как идти за доктором.

Доктор Бахман пришел через несколько минут. Какое благородство и бескорыстие!

— Аппендицит, — сказал доктор после беглого осмотра. — Приступ. Нужна операция.

— Операция? Но я должен ехать в Бразилию. Назначен на транспорт.

— Ваше дело, — заметил доктор. — Я говорю то, что есть: если приступ повторится на пароходе — вы рискуете жизнью.

Пришлось принять совет доктора. Через полчаса я уже был в больнице. В восемь часов утра мне сделали операцию.

Мечта переселиться в Бразилию не осуществилась. Через год я оказался в Америке.

Бог в Своем плане предусмотрел направить меня в Калифорнию, дать мне работу на фабрике, фундамент которой тогда только закладывался.

Так бывает в жизни! Казалось бы, болезнь — это несчастье, но и она содействует ко благу, если мы все принимаем, как из руки Божьей.

ЧТО ЛУЧШЕ?

До недавнего времени я не знал, что в среде старой русской эмиграции есть много атеистов. Это меня очень удивило. Я полагал иначе: в среде новой, послевоенной, эмиграции должно быть больше атеистов. Ведь все мы росли и воспитывались в обстановке неверия, отрицания и даже борьбы с Богом.

Недавно встретил человека, который сорок два года прожил в Америке и за это время научился одному — отрицанию Бога. Теперь он не ходит, а можно сказать — ползает. И чем тяжелее и несноснее становится его жизнь, тем ожесточеннее он воюет против Бога.

— Хвороба меня согнула... Артрит... — говорил он хрипо-

ватым голосом. — Помолись за меня. Может, наш Боженька меня выправит. Хе-хе...

Старик смеялся злорадно, прищутив один глаз. Другим он смотрел на меня и ожидал, что я скажу в ответ.

Долго я слушал доводы старика о том, почему он не верит в Бога. Все они сводились к одному: «Бог не сохранил Своего помазанника Николая Второго. Значит, Бога вообще нету». Жаль мне было старика. Частые боли выводили его из себя, слушал он меня неохотно. Перед моим уходом ему стало легче. Он спросил:

— Что лучше: не верить в Бога, а жить честно, или говорить: «Я верю в Бога», а жить так, как будто Бога нет? Ведь так живут все наши церковники.

— По-моему, хотя первое выглядит лучше, но, в сущности, то и другое плохо, — ответил я.

Он откашлялся, покачал головой и ничего больше не сказал.

Жить по совести, жить честно, в полном смысле этого слова, без веры в Бога невозможно. Многие пробовали так жить — не получается. Человек только обманывает самого себя, думая, что и без Бога он может быть добропорядочным.

СПАСИБО...

В Сан-Франциско среди тысяч русских иммигрантов живут очень милые, добрые и глубоко верующие пожилые муж и жена Ш. В этот город их привел Господь трудной дорогой: через Китай, Филиппины, Италию, Парагвай.

Обосновавшись на холмах красивого, благоустроенного города, они несколько лет трудились, теперь получают пенсию. Они вспомнили о своих родственниках, оставшихся в СССР, разыскали их и послали всем по одной посылке. Послали, конечно, не от избытка, а от любви.

Посылки были получены, пришли квитанции, а вскоре пришел коллективный ответ. Писали племянники: «Дорогие наши дядя Сергей и тетя Аня! Мы очень рады, что вы живы и здоровы, да еще живете в Америке, возле капитали-

стов. Спасибо, что вы прислали всем нам посылке, никого не забыли, никого не обошли. И вот мы, в знак искренней благодарности, собравшись сегодня все вместе, хорошо выпили за ваше здоровье».

Племянники хорошо знали, что их дядя не только трезвенник, но и проповедник Евангелия, много пострадавший за имя Христа, и что такой ответ будет тяжелым ударом для него.

О том, что писал им дядя о Христе, о примирении с Богом, они не обмолвились ни одним словом. Видно, эта идеология им не подходит.

ПАМЯТЬ НЕ УМИРАЕТ

Говорят, эмигранты живут воспоминаниями.

Это верно. Но нужно ли вспоминать то, что было двадцать-тридцать лет назад, если не извлекать из этого урок?

Известный писатель Владимир Крымов любит писать о прошлом... У него прошлое встает так ярко и живо, будто события произошли неделю назад. Говорят, Крымов потерял зрение, но память его видит остро, видит все — до мельчайших подробностей.

Если мы верим в бессмертие души (а память — ее проявление), то это должно держать нас на высоте человеческого долга жить так, чтобы воспоминания были благородными, чистыми, святыми. Хорошее и вспоминать хорошо. Но как быть тем, у кого за спиной непроглядная ночь? Как быть тем, у кого совесть не в порядке?

Господь говорит: «И грехов твоих не вспомяну более», то есть не приведу их на память, изглажу их, если человек принесет их к ногам Христа в покаянной молитве.

Жизнь — как стрела, выпущенная из лука: летит — не догонишь. От прошлого остаются только осколки воспоминаний. Избавиться от них — не в нашей власти.

ДЕЛ МНОГО, А ВРЕМЕНИ МАЛО

«Счастливые часов не наблюдают» — гласит народная мудрость. Если это так, то счастливыми являются дикари Индии и Африки. У них вообще нет часов.

Дни — как капли, капающие в океан вечности: кап, кап, кап... Не успеешь оглянуться, и день уже прошел. Сколько дней-капель в моем сосуде? Никто, кроме Бога, не знает.

Сегодняшний день прошел очень быстро, так как на фабрике была особая спешка, а приехал домой — на столе лежит восемь писем от читателей «Бесед» из разных стран. Стрелка часов подкрадывается к десяти вечера. Наташа уже несколько раз открывала дверь моей комнаты и просила:

— Папа, почитай нам Библию...

Дети знают домашний распорядок: перед сном мы читаем одну главу из Библии.

Я спешил закончить ответ одному читателю, и, когда вышел из комнаты, дети уже уснули. Тут же стала меня укорять совесть: «Ты не нашел полчаса для своих детей, отдал все время тем совопросникам, которые, может быть, пишат от безделья».

Неожиданно за окном подул сильный ветер. Где-то оторвало кусок жести и с треском бросило на дорогу. Через приоткрытую занавеску строго светил золотой глаз луны, словно хотел подсмотреть, чем занят русский иммигрант в Америке в одиннадцатом часу вечера. А я по-прежнему думал о своей неправоте: я не должен идти в Самарию, не закончив дело в Иерусалиме. Иерусалим — мой дом, моя семья.

Но завтра снова почтальон принесет письма из Франции, Германии, Бельгии, и снова придется читать жалобы людей на одиночество, скудную жизнь и неустроенность.

ЛИЦО — ЗЕРКАЛО ДУШИ

Сосед вышел на крыльцо и, почесывая после обеда живот, ласково улыбался солнцу. Январское солнце не очень щедро на тепло, но улыбочиво, и люди всегда ему рады.

– Привет! – сказал я соседу и помахал ему рукой.

Сосед ничего не ответил, хотя мне показалось, что он смотрел в мою сторону. «Чем-то мной недоволен, не иначе», – мелькнула мысль.

Голые деревья, как скелеты, стояли вдоль широкой улицы, кое-где зеленела не убитая морозом трава. А когда я, минуто спустя, выезжал на автомобиле, сосед уже играл на крыльце со своей внучкой. Первым заметив меня, он крикнул:

– Привет соседу! Как вам нравится погода?

– Чудесно! Пахнет весной...

Сосед подошел ко мне, подал руку. На его полном лице расплылась улыбка. Он был необыкновенно любезен, пригласил меня зайти к нему и с увлечением рассказывал о своей поездке в Канаду. Его душа ликовала.

Уезжая, подумалось, что нельзя делать заключение по догадкам. Если мой знакомый не ответил мне на приветствие, лучше считать, что он меня не заметил.

Говорят, что многие люди улыбаются лицемерно. Все же это лучше, чем хмуриться, иначе жизнь была бы еще ужаснее.

Вчера мой босс был мрачен, говорил со мною сухо, будто я ему не отдаю долг. До обеда работал и думал, что бы это могло означать? Где я допустил ошибку? А во время обеда все выяснилось. Сослуживец сообщил:

– Ты знаешь, от нашего босса ушла жена.

– Почему?

– Он не давал ей денег на маникюр.

И тогда я понял, почему у босса было сердитое лицо.

Кто-то мудро изрек: «Лицо – зеркало души».

ВСЮ ЖИЗНЬ И ДВА ЧАСА

Некоторые друзья интересуются, сколько мне требуется времени, чтобы написать одно стихотворение? День, два или больше?

Один знакомый говорил: «Мне писать стихи – это все равно что печь блины на сковородке: знай только снимай».

В такое творчество я не верю. В связи с этим мне вспомнился рассказ об одном американском богаче, который ку-

пил картину за сто долларов, а потом возмутился, узнав, что художник написал картину за два часа. Покупатель подал в суд на художника за обман. Судья спросил художника:

— Скажите, сколько времени вы работали над этой картиной?

— Всю жизнь и еще два часа, — ответил художник.

Один из моих близких друзей попросил меня написать стихотворение к особому случаю. Несколько раз я брался за этот заказ, но не мог написать ни одной строчки. Срок подходил к концу, и, если бы мне кто-нибудь предложил миллион долларов, я и тогда, вероятно, ничего не написал бы. А несколько дней спустя я написал стихотворение для друга за несколько минут.

И еще спрашивают: почему я, издав за границей несколько книг, все еще работаю на фабрике? Некто сказал очень верно: «Литература в эмиграции — это профессия полунищих». За границей приходится писать по завету Христа: «Даром получили — даром давайте».

СОН И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Гудят, шумят моторы за стенами фабрики, мелькают огни лампочек. Их тысячи. Дрожат железобетонные столбы, грохот и лязг металла наполняют каждый уголок огромного здания. Люди в легкой, мокрой от пота белой одежде мечутся, стучат, помешивают в котлах кипящие супы. И так пять дней в неделю, двести пятьдесят дней в году. Таких было у меня двадцать два года.

Вчера приснился сон. Я снова на фабрике. Взбираюсь по высокой лестнице легко и быстро, меняю перегоревшую лампочку, а в это время чья-то рука дерзко качает лестницу и выбивает ее из-под моих ног. Я в ужасе падаю, но здесь же обнаруживаю, что лечу не вниз, а вверх и как бы повисаю в воздухе.

Проснувшись, я долго прислушивался, как судорожно стучало в груди мое сердце, и до утра уже не мог уснуть. Нечто подобное бывает и в жизни. Хочешь сделать дело, а чья-то рука дерзко ставит рогатки и валит с ног. Печальнее

всего то, что этой рукой может оказаться рука друга. Вместо того чтобы радоваться, когда возвещается истина Христа, некоторые люди выходят из себя, стараются очернить добрые начинания или поступят еще хуже – угрожают.

Страшно продавать душу за деньги, служить тому, кто платит; преступно стоять в стороне, когда бушует пожар, но хуже – бить по рукам тех, кто протягивает кусок хлеба своему голодному собрату.

Поймут ли это те, о ком и для кого я пишу?..

ЛЮБОВЬ – ЭТО ВСЕ

Было около пяти вечера. Вереницы автомобилей плыли по улицам медленно, как по кладбищу. В воздухе стояла синь отработанных газов. Люди возвращались с работы, усталые и нервные. В эти часы город похож на муравейник, в который кто-то бросил камень.

В проходе автобуса, переполненного пассажирами, стояла пожилая женщина. Она оглядывалась, искала глазами место, чтобы сесть, но все было занято. Рядом стояли и шумели студенты. Двое парней сидели на скамейке у самого входа. Один из них встал и уступил место женщине. Когда они вышли из автобуса, его друг заявил:

– Я не уступаю место женщинам. Знаешь, почему? Женщины теперь одеваются, как мужчины; стригутся, как мужчины; курят, как мужчины; пьют, как мужчины, больше того: ругаются, как мужчины... Пусть и в автобусе стоят, как мужчины!

Лукавая отговорка! Но сколько в ней горькой правды!

Есть у меня знакомый. На все вопросы он отвечает так резко, словно вонзает под ребро нож. Однажды я его спросил:

– Почему ты так грубо отвечаешь людям?

– А что, я должен каждому улыбаться? Людей я знаю: они все обманщики и эгоисты. Они любят один раз в жизни: когда умирают.

Опасная теория. Верно, что эгоизм, как абажур, скрывает от внешнего мира самое лучшее в человеке – луч любви.

Без этих лучей на земле, как в погребу: сыро, холодно и темно. «Пусть меня не любят, но я буду любить», — так должен бы сказать каждый.

У Ибсена, норвежского писателя и драматурга, был назойливый и злой критик. Он не давал ему покоя. Однажды он встретил писателя на улице и, выпятив грудь, пошел на него со словами:

— Я псам не уступаю дороги!

— А я уступаю, — сказал писатель и вежливо отошел в сторону.

Пример, достойный подражания.

Человеческая любовь, как ртуть в столбике термометра, то повышается, то понижается, в зависимости от погоды. Но есть другой источник любви — Христос. Наша беда в том, что мы мало Его знаем. Наша жизнь была бы более радостной и счастливой, если бы мы больше любили и охотнее уступали другим дорогу.

ЗАКХЕЙ

Вчера и сегодня моя младшая дочь Наташа рассказывала мне историю, которую она услышала в воскресной школе:

— Христос сказал: «Закхей, сойди вниз!»

— Где же был Закхей? — спрашиваю.

— На дереве, высоко-высоко. Закхей был маленький-маленький, вот такой маленький, — показывает она рукой. — Закхей хотел видеть Иисуса.

— Почему же он хотел видеть Иисуса?

— Иисус хороший. Он всех любит. И я хочу видеть Иисуса, — отвечает дочь и мечтательно смотрит в сторону.

Я понял, что этот маленький евангельский рассказ тронул сердце дочери, увлек ее, она не забывает о нем, что-то думает, что-то укладывает в своем воображении.

Трудно ей понять, что нам теперь не нужно лезть на дерево для того, чтобы видеть Христа, а нужно просто открыть очи сердца — и мы Его увидим во всей Его Божественной красоте, услышим Его ласковый голос: «Сегодня мне надобно у тебя вечерять...»

УМНЕЕ ВЗРОСЛОГО

Как-то я посетил одного из читателей «Бесед» в Виндзоре, в Калифорнии. Редкие, словно разметанные бурей домики, два-три магазинчика — вот и весь городок. Трудно было поверить, что в таком маленьком селении, среди садов и виноградников, свили себе уютное гнездышко русские люди — беженцы из Китая. Из окна домика видны холмы, наряженные в зелень, а меж ними рекой текут автомобили.

Есть о чем поговорить русским людям, встретившись за границей, есть что вспомнить и есть о чем подумать. У всех у нас много общих переживаний. Мы жили в разных странах, но все-таки земляки: на одной земле родились и в одной земле будем похоронены.

Разговор зашел о трудностях воспитания детей.

— Школьное и общественное воспитание тоже много значит, — сказала хозяйка. — Вот вам простой пример. Недавно в нашей местной детской телевизионной программе ведущий задавал детям вопросы. Спрашивает одного мальчика:

- Как тебя зовут?
- Дэвид.
- Сколько тебе лет?
- Шесть.
- У тебя есть невеста?

Мальчик смутился и опустил глаза.

— Может, ты женат? — последовал другой вопрос.

Мальчик поднял свои большие выразительные глаза, смело, даже с негодованием посмотрел в лицо спрашивающего и четко проговорил:

- Вы с ума сошли, сэр?

Ведущий программы поспешил с микрофоном к другому мальчику.

Много есть таких воспитателей, которых нужно самих воспитывать. В этом случае мальчик оказался умнее взрослого. На такой глупый вопрос трудно было придумать лучший ответ.

ПИКОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Среди множества писем, которые я получаю от читателей «Бесед», бывают иногда такие, над которыми я должен долго думать, прежде чем ответить. Вот одно из таких писем:

«Чувствую потребность описать Вам неприятную историю, которая произошла со мной. Может быть, из нее у Вас получится интересный и полезный рассказ. Не буду против, если напечатаете, только имени моего не упоминайте. У меня совместно с моим старым другом был маленький бизнес. Но друг – другом, а деньги, оказывается, любят счет. И когда я подсчитал, то оказалось, что мой друг утаил от меня больше двух тысяч. Когда человеку доверяешь, полагаешься на него, как на себя, и вдруг узнаешь, что он за твоей спиной тебя обманывал, это хуже смерти. У нас начались ссоры. Дело может дойти до суда. Посоветуйте, как мне поступить, чтобы выйти из этого пикового положения по-христиански?»

Это письмо заставило меня улыбнуться. Ведь в житейских вопросах я разбираюсь не лучше моего семилетнего сына. Некоторые читатели думают, что у меня голова Соломона. Правда, голова у меня большая. Но это вовсе не значит, что она полна мудрости.

НЕМНОЖКО ФИЛОСОФИИ

Всего в Америке много, но нет одного – ясного понимания, насколько смертельно опасна власть доллара. Доллар может поднять человека на высоту, и он же может погубить человека в два счета.

Вместо борьбы за существование, человек занялся борьбой за обогащение, и эта хитрая, скрытая борьба ожесточает людей, уводит их в сторону от духовных ценностей. Материализм поглощает человека жадно и ненасытно. Я иногда спрашиваю самого себя: что опаснее – сухой, бездушный материализм с формальным признанием существования Бога или ложная идея построения рая на земле без веры в Бога, без вечных ценностей?

И отвечаю: хрен редьки не слаще. И первое, и второе

ведет человека в пропасть, из которой выбраться без помощи свыше невозможно.

Недавно прочитал стихотворение. Кто его автор — не знаю. Написано талантливо и запало в память как предупреждение, как красный сигнал опасности.

Я стал совсем не человек!
Дорогой зыбкою
Мне озаряет только чек
Лицо улыбкою.
Приобретений кутерьма
Судьбой намечены:
Дома, участки и дома,
И рак на печени.
Все в день последний наскребу
Руками старыми.
Подушку узкую в гробу
Набью долларами.

Президент США объявил войну бедности. Великая, благородная война! Святая война! Война без бомб и снарядов. Дай бедному работу, и он будет в Америке сыт, одет, обеспечен, если только не станет заглядывать в рюмку! Одно я хорошо знаю: в Америке каждый может хорошо жить, если любит труд и бережливо относится к заработанному доллару.

НУЖНА СВЕЧА

Вчера во время сильного ветра в доме неожиданно погас свет. Света не оказалось ни на улице, ни в соседних домах. Город погрузился в кромешную тьму, и даже на небе не было видно ни одной звездочки.

— Нужна свеча! — сказала жена.

А у нас не только свечи не было, но даже спичек не оказалось.

— Папа, где наш флашлайт? — подал голос сын.

— Электрический фонарь, — поправил я сына.

Фонаря у нас тоже не было.

Ко мне молчаливо прижимались испуганные дети. За-

плакал младший сынишка, но как только его рука спряталась в моей — успокоился.

Я поехал в магазин. Там торговали при свечах. У кассы стояла очередь. Каждый держал в руках пачку свечей.

— Нет больше свечей! — заявил управляющий.

Американец, стоявший в очереди, уступил мне две свечи и отказался от платы.

Когда я зажег в доме свечу, все облегченно вздохнули. Я зажег еще одну свечу — света стало больше. Я поставил свечу повыше, на книжную полку. В комнате стало совсем светло.

— Папа, нам надо всегда иметь свечу в доме, — сказал сын.

Электрический свет появился через два часа. В тот вечер перед сном мы читали притчу Христа о разумных и неразумных девах. У неразумных светильники оказались без масла.

Нужно чаще проверять свой светильник, чтобы не оказаться застигнутым врасплох.

ЖУРАВЛИ ЛЕТЯТ...

Вчера высоко над городом пролетела стая птиц, по-видимому, журавлей. Они летели по всем правилам — косяком, курлыча на своем языке.

У птиц свой мир. Для них нет границ. В прошлую войну на оккупированной территории России птиц беспощадно уничтожали немцы. Птицы становились беженцами, улетали в другие края, но и там их находили вооруженные люди.

Когда я смотрел на улетающих журавлей, мне вспомнилось замечательное стихотворение Николая Заболоцкого «Журавли». Написано оно мастерски. Вожак вел семью журавлей из Африки, но навстречу поднялось из кустов черное дуло. «Луч огня ударил в сердце птичье», и «два крыла, как два огромных горя, обняли холодную волну».

И вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

Читая это стихотворение, нельзя не думать о нашей бе-

женской судьбе. Она грустна. Отсюда берут истоки мои грустные стихи:

Перелетным завидую птицам,
Хоть живу без цепей и оков.
Если б не было строгой границы,
Я давно б посетил земляков.

Рассказывают, что в былые времена ездили из страны в страну все, кто желал, беспрепятственно. А точнее, ездили те, у кого были деньги.

Я мечтаю о времени, когда на земле Христос установит Свое Царство. Тогда люди будут действительно свободны. О границах не будет даже речи.

Я БЫЛ НА РОДИНЕ

Часы мерно отстукивают время: тик-так, тик-так...

Они стоят на моем ночном столике, заведенные на шесть тридцать.

Я встал раньше. Приоткрыв занавеску, увидел темное небо, едва тронутое зарею. Звезды еще горели.

В моей голове творилось что-то непонятное. Я только что видел сон. Пытаюсь вспомнить все его детали, чтобы, на всякий случай, записать, потому что через сны иногда говорит с нами Бог.

Каким-то чудом я оказался в моем родном городе Новозыбкове. Иду по Октябрьской площади, нагруженный тяжелыми чемоданами, ящиками, узлами. Тяжело, но я несу их с радостью, даже ликованием. Знаю, что в самом тяжелом чемодане лежат Новые Заветы. В других — подарки родственникам.

В последний раз я взглянул на родной город в 1943 году. Он был разрушен до неузнаваемости. После окончания войны брат писал, что во время отступления немцев в 1944 году от города мало что осталось. Он был сожжен.

И вот теперь, во сне, я иду и с удивлением смотрю по сторонам. Сердце до краев наполнено радостью. Мне хочется петь: это же моя земля, это же мой родной город!..

Но что это такое? Там, где напротив аптеки стоял памятник Ленину, я вижу огромный новый, пустующий дом. Заново построены новые магазины, возведены радиомачты, но везде вокруг новых построек лежат горы неубранного строительного материала: камней, песка, кирпичей и новые, скипидаром пахнущие доски. На мостовой в огромные кучи сложен булыжник, и строительство дороги, по которой я иду, не закончено.

Сворачиваю за угол. Хочется взглянуть на близкое сердце здание педагогического института. Но и там я вижу такую же картину: здание перестроено, а вокруг лежит небрежно сваленный в кучи строительный материал.

Я захожу в знакомый мне с детства дом. Меня встречает мать моей жены, которой я никогда не видел и даже не знал по фотографии. Она меня обнимает и долго целует:

— Сынок, я так долго тебя ожидала...

Губы у матери холодные, сухие, но лицо радостное и сияющее.

— Мама, — спрашиваю я, — почему у вас до сих пор не благоустроены дома? Как это некрасиво и неудобно. И дороги плохие.

— Сынок, эти дома будут перестраивать. Они же никуда не годятся!.. Поэтому в них никто и не живет, — отвечает мать и ласково смотрит мне в лицо.

Я подумал: «Опять, наверное, строили вредители...»

Заведенные часы продолжали отстукивать время: тик-так, тик-так...

А за окном бледно, как догорающие свечи, мигали звезды. На востоке едва заметной голубой черточкой занималась заря.

ДЕЛО ВЕРЫ

Телефонный звонок. Я взял трубку и сразу узнал мягкий, протяжный голос Марии Васильевны Силоди. Она звонила из штата Коннектикут:

— Ну, как там у вас? Какие новости?

— Как везде: есть хорошие, есть и плохие, — ответил я.

Она беспокоилась об одиноких, всеми забытых стариках:

— Как они у вас живут? Кто им помогает?..

Потом я думал: дивные дела совершает Господь через избранных Своих слуг. Он избрал женщину, «немогущий сосуд», для такого дела, которое может совершать не всякий мужчина. Она организовала и вдохновляла постройку дома для стариков стоимостью в сто тридцать пять тысяч долларов.

— Как это может осуществиться? — спрашивали ее маловеры.

— Верую, братья, верую, — отвечала Мария Васильевна.

— Да, это так, но, кроме веры, нужны ведь деньги, а их нет, — говорили другие.

— Верно, нужны деньги, но Бог это тоже знает, — отвечала она.

И вот сегодня Мария Васильевна в моем доме. Я смотрю на фотокарточку большого и красивого здания для престарелых и думаю: жива еще вера христианская, живы христиане.

Мария Васильевна рассказывает:

— Построить здание — это только полдела, а какую надо иметь любовь к людям, сколько мудрости, тактичности, чтобы служить старикам, зачастую капризным, как дети, каждому угодить, каждого утешить...

С этой непосильной задачей справляется женщина, отрешившись от самой себя, от личной жизни, от семейного очага ради служения Христу и ближнему.

Близится полночь. За окном, где угрюмо темнеют кусты бузины, цепляется за крыши туман. Давно уснули дети, а Мария Васильевна рассказывает о чудных Божьих делах, о пережитом в былые годы:

— Приехала я из Европы. Встретил меня отец радостно, а потом, поглаживая мою голову, вдруг заплакал...

— Что с тобою, отец? — спросила я.

— Моя ты дорогая дочь, голова-то у тебя седая! Посмотри в зеркало... Рано, дочь моя, рано...

— Ну, что же, — продолжала Мария Васильевна, светло улыбаясь, — это ничего. Старости я не боюсь. Помню, как моя мама говорила: «Если бы я знала, что сегодня во сне

придет и возьмет меня Господь, я бы пораньше пошла спать». Вот такие и у меня мысли.

И в самом деле: как хорошо было бы, уснув, проснуться в небесной стране, где нет старости, нет болезней, нет войн, где все — братья, все — друзья, все — дети Божьи.

Верю, это время придет, и, может быть, очень скоро.

КТО СЧАСТЛИВ?

Больные часто говорят, что они несчастнее всех на земле. Так ли это? У одной больной старушки спросили:

— Чем объяснить, что вы всегда довольны и вид у вас счастливый?

Больная ответила:

— Я имею превосходное кресло, и когда устаю от телесных недугов, сажусь в него и спокойно отдыхаю.

— Где же ваше кресло? — спросили у нее.

Больная протянула Евангелие и указала на стих: «Мы знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28).

Можно быть здоровым и чувствовать себя несчастным. Можно быть больным — и счастливым. Все зависит от состояния нашего духа.

Вспомнил горьковского героя Матвея Кожемякина, хозяина канатного производства. Он всего имел в достатке, но как он был несчастлив, как мучилась его душа от сознания бесцельности жизни!

«Скучно живется на земле. Ух и скучно...» — повторял он многократно. А его друг Савва вторил ему в унисон: «Кругом все скучают, наскрозь! Чего ни делают против: лошадами балуются, голубиные охоты, карты, бои петушии — не помогает! За деньгами гоняются, а все идет мимо сердца, не захватывает, нет!»

Характеристика нашего времени иная. Иначе проводят люди время, но и теперь скучно на земле, как в больнице. Жизнь без вечных целей не приносит удовлетворения. Крупицы земной радости тают быстро, да и стоят они слишком дорого. Как ошибаются те, кто думает найти

счастье в деньгах и цепляется за богатство, как клещ за гриву.

Здесь, кстати, можно вспомнить рассказ Эдвиг Мори-хама «Счастливые сапоги». В нем трактуется вечная тема счастья. Некто утверждал, что если кто-либо найдет счастливого человека и наденет его сапоги, то он будет также счастливым. И вот начинаются поиски счастливица. Его ищут среди знаменитых, богатых, талантливых людей, ищут – и не находят. Стали искать среди простых, незнатных, обыкновенных людей, и там отыскался счастливый человек, но, увы, он был без сапог!

Я понял, что мы можем быть счастливы настолько, насколько мы чисты перед Богом. Секрет счастливой жизни – в устранении тех причин, которые делают человека несчастным.

Бог посылает нам свыше дождь небесной благодати, чтобы сделать нас счастливыми, но на нашу пыльную дорожку падают только капли. Почему? Потому что люди ходят как бы под зонтиком, боясь небесного дождя; обходят его, прячутся под крыши. И потому остаются сухими.

Улицы в Америке заполнены автомобилями разных марок. Вокруг горят огни реклам – свидетельства изобилия. Жизнь в Америке легкая, но нести ее тяжело. И так же скучно живется, как в городе Окурове в конце прошлого столетия. Сбываются слова А. Блока:

Двадцатый век еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла,
Еще ужасней и огромней
Тень люциферова крыла.

«Тень люциферова крыла» покрывает всю землю, и это омрачает нашу жизнь.

Есть ли выход из этого мрачного круга?

Конечно, есть! Он там, где горит свет живого Евангелия, где живет Любовь.

О ТОМ, ЧТО НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Стоит деревушка, прижатая к лесу зимними ветрами и метелями. В ней двадцать изб, связанных пряслами и заборами. Над каждой избой поутру струится из трубы голубоватый дымок.

На дворе морозы, люди топят печи, не жалея дров. А дрова почти рядом: березовые, дубовые, сосновый сухой. До леса рукой подать.

Дорога утоптана и уезжена санями. Кое-где темнеют шарики замерзшего конского навоза, на кустарнике зависли клочья сена. Каждый день по этой дороге проезжают в город люди из соседних деревень. Рано утром, повязавшись башлыком, я иду в школу, за реку. Верст шесть тянется дорога через снежные поля, а подъехать ни с кем не удастся. Люди едут в город в обратном направлении, и мне нужно то и дело уступать им дорогу, сворачивая в сугробы. А вечером, когда я иду из школы, повторяется то же самое: встречаю людей, возвращающихся из города, и снова уступаю им дорогу.

Если окно нашей избы не заковано морозом, я вижу в нем лицо матери. Это она посматривает на дорогу, ожидая меня из школы.

— А я уже заждалась тебя, сынок. Думаю, что с тобой стало? Нет тебя и нет... Дни короткие, темно... Устал?

Мать принималась растирать мои щеки, уши, а я недовольно цедил слова:

— Пустяки! Совсем не холодно.

Вечером, поужинав какой-нибудь затирухой, я садился поближе к семилинейной лампе и принимался за уроки. Иногда чувствовал, что за спиной стоит мать и смотрит, как я вывожу затейливые геометрические фигуры с помощью циркуля и угольника.

Когда поворачивал голову, мать говаривала:

— Трудное это дело, наука, а нужное. Без муки нет и науки. Вот выйдешь в люди, и мне радость будет.

Моя мать была абсолютно неграмотной, но любила слушать, когда я читал вслух рассказы. Она принимала их за действительность, даже фантастические «Вечера на хуторе

близ Диканьки» Гоголя. Когда я читал о заклинаниях Вия, мать испуганно поглядывала в угол, откуда, в обрамлении позолоты, смотрели лики святых.

Посреди избы у нас стояла железная печка. Она накалялась докрасна, и тогда, лениво позевывая, нехотно отходил в сторону большой старый кот, которого почему-то звали Мормоном.

Мне особенно нравились рассказы Мамина-Сибиряка и М. Горького. Я брал их у соседа-латыша, который руководил в наших местах коллективизацией, он умер от чахотки. Книги охотно давал мне и учитель русского языка и литературы Демьяновский. Узнав, что я пописываю стихи, он говорил мне:

— Глупое это занятие. Пушкина из тебя все равно не выйдет, а если серьезно займешься прозой, может, что-либо получится.

Иногда ночью я видел кошмарные сны, вскрикивал и пугал мать. Тогда она укоризненно качала головой, поила меня водой и говорила:

— И зачем такие книжки печатают?

ЛУЧШИЙ ДРУГ

Пятого декабря 1935 года умерла моя мать.

Ей было пятьдесят три года.

Мать — наилучший друг из всех, живущих на земле. Друг тот, кто прощает, а больше всех прощает своему чаду мать.

Я помню жаркие июльские дни, когда мать приносила к колхозному стаду, которое я пас, обед: теплый картофельный суп, приправленный луком, и ломоть вкусно пахнущего хлеба. Коровы у нас в ту пору не было. Но мать получала иногда от соседей молока и приносила мне в бутылке, заткнутой белой тряпицей. Она внимательно следила, как я аппетитно уплетал обед, рассказывала о деревенских новостях, утешала:

— Потерпи, сынок, до сентября, а там, смотришь, получим что-либо на трудодни.

— Мама, ты сегодня что-нибудь ела? — спрашивал я.

— Ела, сынок, ела. Ты обо мне не думай. Я уже старая, а старым есть много не полагается. Старые люди не растут, а к земле жмутся, — говорила мать, вытирая влажные глаза фартуком.

Сегодня вспомнился случай. Как-то летом через нашу деревню проходил лысый сухой старик. Он сильно хромал и опирался на суковатую палку. Я заметил, что каждый раз, когда старик переставлял ногу, на его исстрадавшемся бесцветном лице отражалась боль, темные глаза становились грустными, опускались густые брови.

Кто-то дал ему милостыню. Он перекрестился и сказал сухим голосом:

— Спаси вас Христос.

— Куда же вы идете, дедушка? — спросили старика.

— На Шеломы, милые, на Шеломы...

Я знал, что до этого села было восемь километров, и не мог представить, сколько потребуется старику времени, чтобы дойти до этого села.

Я прибежал домой, бросился к ногам матери:

— Мама, скорей запрягай Гнедка!

— Зачем? — удивилась мать.

— Надо подвезти хромого старика! Он больной, в Шеломы идет.

— Да мне же, сын, некогда. Видишь, сколько работы в огороде!

Я расплакался, и мать уступила моей просьбе:

— Ну, веди коня, будем запрягать.

Мы догнали старика за деревней. Он никак не мог поверить, что мы с тем едем, чтобы его подвезти. Когда старик узнал, как я упрашивал мать ехать в Шеломы, он сказал:

— У детей всегда сердце добрее. Потому и сказал Христос, что их есть Царство Небесное. Там, в Божьей семье, детей будет больше, чем нас, взрослых.

Прощаясь, старик положил на мою голову сухую, холодную ладонь и сказал:

— Ну, что ж, Миколка, помолюсь я за тебя Господу. Это и будет моя плата за твою любовь к старику. Авось и сам будешь стариком, и это тебе Богом зачтется.

На обратном пути в наши глаза били косые лучи захо-

дящего солнца. Я восхищался красотой березовых рощ и редкими прозрачными облаками, кружевами разбросанными по небу. Гнедок бежал домой охотно. А когда мы въехали в густой, пропахший мхами лес, мать неожиданно запела:

Ой да ты, лебедушка, белокрылая,
Отчего же ты закручинилась?
Разве мало тебе воли дадено,
Али лебедь твой больно раненный?

Голос матери дрожал, как струна, глаза смотрели вдаль. Моя голова покоилась на ее коленях, и я украдкой заглядывал в ее лицо, полуоткрытый рот, откуда вытекала струя чистого серебряного звука.

С той поры прошло — подумать только! — сорок пять лет. А вот закрою глаза, и в моих ушах звучит эта материнская песня.

ОРАТОРИЯ ГЕНДЕЛЯ

Сколько раз я находил духовное подкрепление, слушая непревзойденное музыкальное произведение Генделя «Мессия», записанное на пластинке.

Потрясающее по своей духовной силе произведение было создано композитором в трудный период. Когда его здоровье окончательно пошатнулось, когда правая сторона тела была парализована, когда не оказалось средств для жизни, тогда он нашел время предаться размышлениям о смысле жизни. Все его существо переполнилось одним желанием — прославить Бога. И он прославил. Уединившись от мира, он создал бессмертное произведение искусства.

Уже два столетия «Мессия» исполняется перед Пасхой и на Рождество. Два столетия верующие находят в нем бальзам для души.

Скорби, посетившие Генделя, обратились в великое благословение для людей всех поколений.

Это бывает с каждым человеком, но не каждый ищет, подобно Генделю, утешение в Боге. Великое рождается в

муках. Ну как же после этого можно обижаться на Творца, когда нас постигают те или иные переживания?!

Джон Буньян оказался за свои убеждения в тюрьме. Без этого он никогда не написал бы «Путешествие пилигрима». Высокую оценку этому произведению дал А. С. Пушкин.

Каждый человек старается дорогу своей жизни сделать ровненькой, но это никому не удается: много гор и долин встречается на пути. И все их надо преодолеть.

Счастлив тот, кто в этом путешествии видит перед собою Создателя.

В КАНУН РОЖДЕСТВА

Скоро Рождество, а у нас, в Сакраменто, не только не пахнет снегом, но даже вокруг зелено и тепло. Рождество без снега, без саней, без лыж. И удивляться не приходится. Первое Рождество – в Вифлееме – было бесснежным. Ночь была тихой. Ликовало звездное небо, пастухи радовались исполнившемуся пророчеству.

Не снега и морозы создают рождественское настроение, а мы сами, наше отношение к Той Личности, во имя Которой установлен этот праздник.

Калифорнийская земля, напоенная влагой, ожила, пустила зелень, помолодела. Выйдешь на улицу – обдаст свежестью порыв ветра, стряхнет с деревьев дождевые капли. Хочется пройтись по омытому дождями тротуару, свернуть в парк, на лужайку, пошуршать ворохом желтых листьев и, усевшись на едва обсохшей скамейке, отдаться во власть радостных и грустных дум.

Вчера получил письмо от племянницы. Ей пятнадцать лет. Живет она в Центральной России, учится в седьмом классе. Письмо написано без ошибок: «Во время каникул я работала в совхозе. Это недалеко от нашего дома. За два месяца я заработала 40 рублей и решила за эти деньги послать Вам, дядя, маленькую посылочку: сушеных грибов из того леса, который Вы любили, и липового цвета с того большого дерева, что стоит посреди Вашей деревни. Я там бываю с папой».

И я думаю: откуда у этой девушки такие чувства к человеку, которого она никогда не видела? И, Бог знает, может быть, никогда не увидит.

Каждое письмо, полученное из родного края, вызывает во мне странное чувство щемящей боли. Хотелось бы жить на родной земле, служить своему народу, проповедуя Евангелие. Будет ли такая возможность — знает только Бог. Но я часто повторяю стихи Ованеса Ширазы:

И опять по дорожкам горным
Запах диких роз потечет..
Даже птица с вырванным горлом
На родной земле запоет.

СВЕТ НЕУГАСИМЫЙ

Огромное четырехэтажное здание фабрики-кухни стоит на окраине города. Когда вечером зажигаются большие квадраты окон, оно похоже на электростанцию. Здесь день и ночь беспрерывно кипит работа.

Сегодня утром на зеленой лужайке, против фабрики, уселась стая птиц-рыболовов. Помню, они прилетали в прошлом году в это же время. Птицы ходят под дождем, как хозяйева, отыскивают дождевых червей.

Дождь не перестает. Ветер качает полуобнаженные деревья, а птицам — ни холодно, ни жарко. Дождь и ветер — их стихия. Запасы жира поддерживают температуру их тел на одном уровне.

Птицы бродят по лужам. Я долго за ними наблюдал, но никогда не видел, чтобы они пили воду.

В полдень рыболовы дружно взлетели. Несколько минут они кружились над лужайкой, будто раздумывали: улететь или остаться. Этих птиц теперь не будет здесь до следующего года.

Выходит, что птицы, как деловые люди, живут по расписанию.

Незаметно подкрадывается вечер. Вдоль улицы зажигаются огни рекламы. Их холодный свет борется с наступающей темнотой осеннего вечера. Я возвращаюсь домой с работы и

думаю: куда девается тьма, когда появляется свет? Свет побеждает тьму, разгоняет ее, потому что свет сильнее тьмы.

Не так ли бывает и с неугасимым светом Евангелия? Около двух тысяч лет враги света стараются его погасить — и не могут. Он горит, освещая дорогу жизни таким путникам, как я, как миллионы других.

Источник этого света — Бог.

ПРОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ

Сегодня встретил знакомого, который всегда начинает разговор словами: «Как живем-можем? Богатство множим?» Он был особенно разговорчив: рассказывал о первых годах жизни в Америке, и я слушал его с вниманием. Память у него изумительная. Он помнит имена всех продавцов, которые обманули его при покупке домов сорок лет тому назад.

— Вот теперь бы мне браться за дело! Опыт есть, а силенки нету...

Он сел ко мне поближе и, заметно воодушевляясь, наставлял и учил, что нужно знать, покупая дом:

— Главное, брат-сват, смотри на фундамент. Исследуй его хорошенько. Если фундамент плохой, ненадежный, дал трещины, — не покупай, даже если продают дешево. А если фундамент прочный — торгуйся. Другие неисправности можно устранить, только не фундамент. Так что, брат-сват, все дело в фундаменте.

И я думал: как мудро сказано! Ведь это правило должно быть руководством во всей житейской практике. Это имел в виду Христос, когда рассказывал ученикам притчу о доме, построенном на песке, и о другом, возведенном на камне.

Камень — это немеркнущее и непоколебимое Евангелие.

Песок — философия этого мира.

Кто строит свой дом, свою жизнь на вечном камне, тому бури житейские не страшны. Его дом устоит, не рухнет в непогоду.

Дома, построенные на песке, рушатся на наших глазах, и становится тяжело на сердце и больно, когда смотришь на их разрушение.

ТАЮТ СНЕЖИНКИ

Вчера в городе, где я живу, шел снег. Для Калифорнии это редкое явление. Несколько минут я наблюдал, как лениво падали снежинки. Они падали, как мертвые белые бабочки, падали и мгновенно превращались в грязь.

Печальна судьба снежинки. На дорогах тысячи автомобилей. Они безжалостно мнут эти снежинки, смешивая их с пылью, и уже из-под колес вылетает жидкая, темная, как деготь, грязь.

Вот так, подобно снежинкам, приходят в мир люди и незаметно тают.

Если от грязи отделить элементы почвы, пред нами останется капля чистой, прозрачной воды. Вода может снова превратиться в снежинку. И даже можно определеннее сказать – она превратится в снежинку в свое время. Она отделится от земли силою солнца, соединится в поднебесье со своими сестрами и засверкает под кистью Небесного Художника всем спектром радуги.

Каждому верующему человеку хотелось бы поскорее освободиться от дорожной грязи, принять новый облик и водвориться в тех местах, где все чисто, где каждая душа прошла через фильтр земных переживаний.

ВОРОНА ДАЕТ УРОК

После ночного дождя над городом повис густой туман. Он висел плотной, сизой пеленой, цеплялся за крыши домов и только с восходом солнца начал медленно таять.

Утром я ехал на работу. За городом я заметил, как одинокая ворона, тревожно каркая, перелетала с одного телеграфного столба на другой. Мне показалось, что ворона заблудилась в тумане и теперь мечется в поисках своего гнезда. Неожиданно она упала камнем к земле, но тут же снова взвилась в воздух, держа в клюве кусочек чего-то съедобного.

Странно ассоциируют мысли человека! Я тут же вспомнил крыловскую басню «Ворона и лисица», стал про себя декламировать:

На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да призадумалась, а сыр во рту держала.

Много раз я читал эту басню и только теперь заметил, как велик своим мастерством русский баснописец. Три строки, а сколько в них слов с буквой «р»: воРона, взгРоmozдясь, позавтРаковать, собРалась, пРизадумалась, сыР, во Рту, деРжала!

Эти слова мне напомнили карканье вороны.

Ворона – птица неглупая. Ворона хитра, но, в сравнении с лисой, оказалась глупой. «Вороне где-то Бог послал кусочек сыру», но тут же раздался лукавый голосок лисицы: «Голубушка, как хороша! Ну что за шейка, что за глазки! Какие перышки! Какой носок!..»

Вот где верх лицемерия!

Лиса хорошо знала, что ворона – одна из самых некрасивых птиц. Но ей хотелось полакомиться кусочком сыра. И вот начинается расхваливание!

Мир и сегодня полон типов, которых показывал сто с лишним лет назад дедушка Иван Андреевич в образах птиц и зверей.

Извлек из этого урок для себя и я: не отзываться на похвалу, потому что в этом тоже может быть уловка лукавого.

СВЕТ НЕ БЕЗ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

Мало у нас друзей и много. Все зависит от того, кого мы считаем другом.

«Друзья познаются в беде» – гласит пословица. И как это верно!

Летом 1945 года в поисках политического убежища я оказался в американском лагере бывших военнопленных на территории Германии. Вначале нас кормили плохо, очень плохо: не было налажено снабжение. В это время некоторые мои друзья жили на свободе, спекулировали и пьянствовали. Жена была убита горем. Работы не было. Хлеба не было. Обо мне все забыли.

Но неожиданно объявился мой знакомый – Жорж Б.,

офицер власовской армии, с которым я раньше никогда не был в близких отношениях. Он жил на свободе, работал у немца-фермера. Узнав, что я в лагере, за проволокой, он несколько раз приносил мне передачи: буханку хлеба, кусок сала, пачку папирос.

Год спустя, когда я уже был на свободе, Жорж Б. приехал ко мне из французской зоны. Когда я вспомнил о том, как дороги были для меня его передачи, он поспешил меня прервать:

– Оставим разговор об этом. И, пожалуйста, не благодарю. Я исполнял человеческий долг, без подвига.

Да, дружба – человеческий долг, но все ли ему верны?

Недавно я услышал такую притчу. Жили-были на свете два друга. Один разбогател, другому не повезло – он остался бедняком. Как-то они встретились, и богатый стал уверять бедного в своей любви, в сочувствии его положению:

– Да, вижу, тяжело тебе, дружище, без лошади. Если бы у меня было два коня – отдал бы тебе одного...

– Спасибо, братец, – отвечал бедный. – Тронут твоей ко мне любовью.

– И если бы было у меня две коровы, одну бы тебе отдал. Ведь без молока детям плохо.

Бедный вдруг спросил:

– Слушай, а если бы у тебя было двое поросят, ты дал бы мне одного поросенка?

Друг насторожился, подумал и ответил:

– Ты очень хитрый: узнал, что моя свинья принесла поросят. Нет, поросята мне нужны самому.

Такова иллюстрация дружбы между людьми этого мира.

В свете этого примера становится понятным возглас древнего философа: «Друзья... Как мало на свете друзей!»

ГОТОВЬ САНИ ЛЕТОМ

Только наступил январь, а работающие люди уже начинают говорить об отпусках. Говорят мечтательно, как холостяки о предстоящей свадьбе.

Знакомый советовал:

— Если хочешь удачно купить подержанный автомобиль — покупай теперь. Начнутся отпуска — автомобили будут дороже.

— Да ведь отпуск-то не скоро. Может, не доживем?.. — ответил я.

— Не скоро? Не успеешь оглянуться, как наступит май, а там и июнь следом.

Второй знакомый советовал:

— Не разбивай свой отпуск на два срока. Бери три недели сразу. Иначе не отдохнешь, а только умаешься.

Третий, прирожденный путешественник, узнав о моем намерении побывать в этом году в Нью-Йорке, наставлял:

— Я, браток, шесть раз колесил по Америке. Знаю страну, как свой огород. Знаю где, как и что. Днем через Аризону или Техас не проедешь. Сгоришь. Автомобиль не выдержит. Температура сто пятнадцать (по Фаренгейту). Днем передремли где-нибудь под мостом — все-таки прохладней, а ночью езжай. Так оно будет и голове, и автомобилю легче. Оно, конечно, днем ехать интересней. Природа и тому подобное. Но для этого надо установить в автомобиле охлаждение. А это обойдется в копейчку — не менее четырехсот долларов. Не для нас такая роскошь...

Я слушал практические советы моего приятеля и думал: «Как было бы мудро, если бы так же заботливо люди готовились к вечности! А она не за горами. Придет так же быстро, как и отпуск. Может быть, даже быстрее».

Сегодня взглянул в зеркало и заметил, что серебра на висках стало больше. Значит, дело идет к зиме.

Мудр тот, кто готовит сани летом.

ВСЕМ НЕ УГОДИШЬ

Однажды после моей проповеди в одной из церквей ко мне подошла пожилая женщина, пожала руку и тихо, как бы по секрету, сказала:

— Все в вашей речи было хорошо, но одно мне не понравилось: вы часто взмахиваете рукой, как будто хотите ударить. Для такой проповеди, как ваша, жесты не нужны.

— Спасибо, сестра, за совет, — сказал я, прощаясь.

Вечером я снова говорил перед той же аудиторией и, чтобы не повторять моей привычки, старался держать правую руку за лацканом пиджака.

На другой день мне позвонили по телефону. Приятный голос несколько раз повторил: «Спасибо, спасибо вам за слово, я в нем нуждалась...» А в конце разговора женщина шепотом добавила:

— Только одно мне вчера у вас не понравилось: вы держали руку за пазухой, как будто у вас там что-то хранится. Это неприлично. В проповеди нужны жесты, они усиливают речь...

Трудно угодить всем людям. А скорее всего — невозможно.

И я вспомнил слова апостола Павла: «Если бы я поныне угождал людям, я не был бы рабом Христовым» (Гал. 1:10).

Нечто подобное бывает в поклонении поэзии или неприятию ее.

Разные люди — разные вкусы и мнения.

ДЕНЬГИ И ЛЮДИ

На прошлой неделе я четыре дня пролежал в постели: донимал грипп. Потом болезнь осложнилась, начался бронхит.

Долгими бессонными ночами я думал о бренности нашей жизни. Бывает так: жил человек — и нет его. И тут же во мне созрело твердое решение не откладывать издание новой книги.

Утром я сказал жене:

— Если меня Господь отзовет, вместо венков и речей попроси братьев собрать деньги на издание моих записок «Жизнь — как она есть».

Жена прервала:

— Разве это нельзя сделать при жизни?

— Можно, но не будет такого результата, — ответил я ей. — Люди больше проявляют интерес к умершим.

Болезнь помогла мне познать истину: самое дорогое для человека — здоровье, и самое плохое — заглядывание в чу-

шой карман. Надо так строить жизнь, чтобы зависеть только от Бога, но не от людей.

Написать книгу легче, нежели ее издать. Бедные люди готовы помочь, но у них нет денег. Богатые могут помочь, но они чаще всего похожи на того купца, который перед смертью попросил тарелку меду и вместе с медом съел все свои деньги, чтобы никому не достались.

В рассказе А. П. Чехова «Крыжовник» описан случай из жизни одного богатого человека, которому локомотивом отрезало ногу: «...Несем мы его в приемный покой, кровь льет — страшное дело, а он все просит, чтобы ногу отыскали, и все беспокоится: в сапоге на отрезанной ноге 20 рублей, как бы не пропали».

А есть иные люди. Однажды книгоноша предложил крестьянке купить Библию.

— О, я рада, что наконец буду иметь книгу, через которую Бог говорит с моей душой.

Женщина достала с полки горшок и высыпала на стол его содержимое: одни копейки. Видно, долго она собирала эти деньги.

Тронутый бедностью крестьянки книгоноша сказал:

— Возьмите эту книгу бесплатно.

— Нет, нет, я заплачу! — настаивала крестьянка. — Возьмите эти деньги!

— Вы их даете от сердца? — спросил книгоноша.

— Нет, не от сердца... Я даю их из горшка.

И немного помолчав, женщина тихо добавила:

— В моем сердце деньги никогда не были.

Сегодня я вспомнил этот случай в связи с письмом, полученным из Германии. Писала бедная, больная, одинокая женщина: «Прошу Вас, пришлите мне Библию, напечатанную крупным шрифтом, а также ту книгу, в которой Михаил Подворняк описывает бедную мать, что потеряла сына в плену. А я Вам посылаю в конверте все мое состояние — один американский доллар. Мне его прислали добрые люди еще в 1946 году. И пусть он теперь идет туда, откуда пришел...»

Этот доллар был снова отправлен в Германию вместе с книгами, но то, что на земле есть люди, которым дорого

слово Правды, побуждает меня нести это слово, не ожидая материального вознаграждения...

ВЕЛИКОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ

Трудно поверить: пятнадцать лет я работаю на одной и той же фабрике. Она стоит на окраине города – огромная, синестенная, с множеством широких окон. Когда дует ветерок с запада, чувствуются запахи специй. На фабрике-кухне варят и консервируют двадцать с лишним видов супов.

Рано утром фабрику облегают осенние туманы. Здание кажется молочным и бесконечно длинным. Моргая фонарями, ныряют в тумане автомобили, ревет паровоз. Он тянет вагоны, нагруженные ящиками готовых супов, нудно гудит, предупреждая об опасности.

Сегодня я работаю в отделении, где машины раскручивают огромные, весом в шесть тонн, рулоны жести. Попадая в первую машину, жесь выскакивает из нее квадратами, из второй – жестяными трубками, из третьей – готовыми, спаянными банками. Они бегут по длинным конвейерам в кухонное отделение, где варятся в огромных котлах супы.

Я вижу, как между конвейерами ходит высокий и худой Стив Робертс, электрик. При свете лампочек его землистое, морщинистое лицо похоже на печеное яблоко, которое только что вытащили из печки. Его длинные, костлявые руки цепко обхватывают лестницу, он ищет удобное место, чтобы ее поставить. Заметив меня, машет рукой:

– Ник, помоги! Надо снять с платформы мотор.

– Осторожно! – кричу я ему, поддерживая лестницу.

– О'кей! В мире нет ничего более верного, чем смерть, – отвечает Стив скрипучим голосом. Он любит философствовать, и я подлил масла в огонь:

– Есть также верный путь спасения...

– Ну, ты опять со своей религией, – отмахивается Стив.

Олово, расплавленное, как масло, обдаёт меня жаром. Стучат автоматические паяльники, непривычно кружится голова.

Во время обеденного перерыва я снова встретился с Робертсом в большой фабричной столовой. Он любит поговорить за обедом. Слушать его противно: через каждые несколько слов он роняет ругательства. Это неправда, что русские — непревзойденные мастера похабщины. У Робертса, даже когда он говорит о простых и безобидных вещах или о жене и дочери, грязные слова вылетают изо рта, как навозные мухи. Он курит сигарету за сигаретой, прихлебывая густой кофе, и ругает начальство за халатность и невнимательность к рабочим.

Мне хочется пересесть за другой стол, чтобы не слышать его ругательств, но он, заметив это, меняет тему.

— Мне пятьдесят девять лет, — говорит он хрипло, словно в репродуктор, — а из долгов до пенсии не выберусь. Получишь чек и не знаешь, как его разорвать, — жалуется он, — за дом платить надо, за автомобиль надо, за телевизор надо, жене давай на церковь, дочке на платье. Ну, конечно, надо оставить на банку пива, купить на неделю продукты и опять до пятницы. Вот она, Америка!

Стив находит сочувствие у своих коллег. Один из них, выглянув из-за раскрытой газеты, сказал:

— Одолжи у мистера Морфи (президента компании). Он получает триста пятьдесят тысяч в год. Да еще за дорожные расходы отдельно. Зачем ему столько денег?

Стив торжествующе обвел всех глазами и, остановив взгляд на мне, начал:

— В России иначе: хлеб обещают выдавать бесплатно, транспорт — бесплатно, электричество и газ — тоже. Доктор — бесплатно. А у нас разве пойдут на это? Там совсем иначе...

— О, да! В России иначе, — заметил я. — Там рабочие не платят за дом, потому что живут в общежитиях и в общественных квартирах. За автомобиль там платить тоже не надо, рабочий ездит на трамвае. А телевизор...

Стив не дает мне договорить. Сдерживая гнев, он бросает короткие фразы, пересыпая их, как солью, матерщиной.

— А как здесь жить? Все имеют, почему я не могу?

— Значит, плати и не жалуйся на малый заработок, — вставил слово его сосед, аппетитно пережевывавший курятину.

Стив виновато улыбнулся, затянулся сигаретой и, как бы подводя итог разговору, спокойно сказал:

— Посмотрим, как оно дальше будет...

К этому времени я уже пообедал и отыскал в своем карманного формата Новом Завете слова апостола Павла: «Великое приобретение быть благочестивым и довольным». Я не прочел их Робертсу. Я прочел их себе. Я знаю Робертса несколько лет. В ответ на слова Евангелия он бы громко рассмеялся или, что еще хуже, сплюнул.

Быть довольным — это значит быть счастливым. Некто сказал: «Счастлив не тот, кто много имеет, а тот, кто ни в чем не нуждается». Много ли на свете таких счастливых? Я встречал их не раз, таких бессребреников, отдающих последнее более нуждающимся. По ним мы узнаем, что Истина не всеми забыта...

Много лет назад жил в Америке популярный композитор Стефан Фостер. Его песенки (вроде «О, Сюзанна») пели во всех штатах. Биографы пишут о нем как о счастливом человеке. Когда он умер, в его кармане нашли тридцать восемь центов. Это было все его состояние. Но сколько обездоленных бедняков он порадовал тем, что делил с ними последний бутерброд.

Много радости приносят людям произведения Моцарта. Недавно я прочел об этом великом композиторе у Константина Паустовского. Биографический рассказ о Моцарте он назвал «Старый повар». Слушая игру гениального музыканта, старый ослепший повар вдруг начал «видеть» прозрачное и синее, как стекло, небо, цветущие яблони, стаи перелетных птиц над Веной, журчащий ручей в горах. Когда Моцарт кончил играть, умирающий старик, задыхаясь, сказал:

— Я видел все так ясно, как много лет назад. Теперь готов умереть...

И сам Моцарт, этот благороднейший человек и гениальный композитор, умер нищим и был похоронен на кладбище для нищих. За его гробом шли только нищие да его любимая собака.

Не все мы гениальны, как Моцарт, но все можем согласиться с одной великой истиной: покойнику не нужны карманы. И быть довольным тем, что имеешь, вовсе не трудно.

ЭМИГРАЦИЯ

Иногда думаю: как могло случиться, что я стал эмигрантом? И придет ли такое время, когда я не буду вынужденным переселенцем?

Одни эмигрантов называют красными, другие — белыми, а, по-моему, русская эмиграция вообще бесцветная. Здесь, в Америке, все заняты обеспечением себя благами земли. Времени для других дел у людей нет. Свободное время они отдают телевизору или спорам между микроскопическими партиями.

Любят у нас обсуждать программы, избирать комитеты, заседать, а чтобы сделать хорошее дело — до этого еще не доросли. Отсюда результат: материально русские люди в Америке обогатились, а духовно обнищали.

Правда, большинство русских объединены церковью. Но так как поместная церковь есть не что иное, как объединение верующих, то она, эта церковь, не может быть лучше тех, кто ее составляет.

Все ли знают, что в церкви не должно быть партий: не должно быть ни республиканцев, ни демократов? В Церкви Христа — дети Божьи. Но их так мало в наше время, и тяжело им жить, оставаясь непонятыми другими.

О ВОЙНАХ

В начале Второй мировой войны в СССР повсеместно пели очень популярную песню на слова Лебедева-Кумача, поэта, который дальше десятка патриотических гимнов не пошел.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

Маршевая мелодия этой песни действительно вызывала нарастание гнева. Когда-то я тоже пел эту песню с воодушевлением, не вникая в смысл слов. А теперь, спустя почти

четверть века, увидел, какой абсурд содержался в ней. Я понимаю, что война есть война, справедливый гнев направлен против врага, но ведь не может быть ярость — благородной, а война — священной. Где ярость — там не может быть речи о благородстве.

Слово «война» исключает всякую святость. Попутно вспомнилась и так называемая «священная инквизиция». Это тоже была война против «еретиков». Началась она в 1232 году, когда папа Иннокентий III начал преследование иноверцев.

Эту войну продолжали и его преемники.

Система сыска и доносов с применением пыток свирепствовала во всей Европе. Отказавшихся признаться в «ереси» публично сжигали, как это произошло в 1415 году с Яном Гусом в Чехии.

Подсчитано, что за три с половиной столетия «священной инквизицией» было уничтожено 300 тысяч человек!

И несмотря на все это, католическая церковь до сих пор не желает признать свою вину в истреблении ни в чем не повинных людей. Ну как же после этого можно рассчитывать на возрождение авторитета церкви без возрождения самой церкви?!

ТАК ЖИЛИ

Вчера вечером, возвратясь с работы усталым, решил немного отдохнуть за чтением книги. Открыл «Жизнь Матвея Кожемякина» М. Горького. Какое огромное и яркое полотно! Вот они, грубые нравы купеческой России. Волосатый, с красными руками и вспухшим лицом старик-хозяин до смерти избивает свою молодую жену Палагу — бьет ее кулаком по голове. Его зрачки слились с белками в мутные серо-зеленые пятна, трясется борода. И здесь же, на месте, он получает возмездие Божие: его разбивает паралич.

Чтение таких книг не успокаивает нервы, а наоборот — возбуждает их. Читаю я эту книгу, а в сердце растет гнев на весь уклад жизни, где бог — толстая мошна, где произносят

имя Христа, но оно звучит бездушно, как привычное слово, смысл которого людьми забыт.

В этом же городе Окурове каменщики бросают в раствор извести черную собаку. «Известь только еще гасится, она кипит и булькает, собака горит, ей уже выжгло глаза, захлебываясь, она взвизгивает, судорожно старается выплыть, а рабочие, стоя вокруг в белом пару и пыли, смеются и длинными мешалками стучают по голове собаки, погружая искаженную морду в густую, жгучую, молочно-белую массу».

Жестокость – темная сторона человеческого характера. И удивительно, что те же люди становятся неузнаваемыми, когда их сердца достигает луч евангелия.

После Горького какой приятной и сладкой становится Божья книга – Евангелие.

ЦЕРКОВНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ

Как-то я был в Лос-Анджелесе. Там встретил много знакомых и незнакомых русских людей. С негодованием рассказывали они о побоище в церковном храме.

Многие спрашивают: почему так бывает?

Мой хороший знакомый, человек вдумчивый, знающий жизнь, ответил так:

– Мужички хотят власти. В этом вся беда.

Меня больше всего волнуют церковные споры, когда христиане пускаются на хитрость, всевозможные уловки, клевету, даже предательство ради первого места.

У одного человека спросили, кем бы он желал быть: вторым в Риме или первым в деревне? Ответ был честным: «Для меня приятней быть первым в поселке, нежели вторым в столице».

Горькая правда земли такова: мусор всегда всплывает наверх.

В сердце истинного христианина не должно быть деспотизма, эгоизма, желания верховодить, воевать со своим собратом «до последнего патрона». Он готов потерять свое, только не спорить за власть.

Припомнился рассказ о двух отшельниках. Долго они

жили вместе вдали от мира, никогда не спорили, все у них было общее, служили друг другу любовью.

— Скучна наша жизнь, — сказал один, глубоко вздохнув.

— Верно, — согласился второй. — Скучно. Люди в мире спорят, им веселее. Давай и мы поспорим, что ли?

— А как?

— Вот так: кружка, что у тебя за поясом, моя, а не твоя. Отдай мне ее.

— Неправда, — заметил второй. — Я ее нашел, а не ты. Она моя.

— Нет, она моя. Я ее увидел на дороге первым...

— Ну и пусть будет твоя, — согласился второй и протянул ему кружку.

Так отшельники и не поспорили. Для них душевный мир был дороже личных интересов.

Этому учил и Христос, когда говорил: «Кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду».

ТАМ, ГДЕ ЖИВЕТ ТИШИНА

Некоторые путешественники любят описывать свои поездки в другие страны. Такой возможности пока у меня не предвидится. Сегодня я расскажу о поездке в калифорнийские горы, где в феврале глаза слепит белизна снега, где живет немая, умиротворяющая тишина.

Сегодня над городом улыбается солнце. Легкий, едва ощутимый ветерок несет с полей дыхание весны. Нельзя сказать, что именно в этот день оживает природа. В Калифорнии природа никогда не умирает. Стоило мне выскочить на автомобиле за город, как сразу же замелькали квадраты зеленых лугов, серые пятна виноградников, а за ними — курганы, лохматые холмы и дубовые рощи.

Я люблю дороги, где редко встречаются населенные пункты, где навстречу не мчатся автомобили, где глаза могут отдыхать, созерцая красоты земли, а душа — чувствовать прикосновение благодатного счастья.

Дети, разместившись на заднем сиденье автомобиля,

приумолкли. Им тоже надоел город, скученность людей и зданий. С восхищением смотрят они на стада овец и коров. Большое стадо пятнистых телят стоит в загоне, ожидая отправки на бойню. Я вспомнил рассказ о двух студентках. Они впервые ехали из города на дачу. Приметив пасущихся на лугу телят, одна из них воскликнула:

— Смотри, смотри, телятина пасется!

У ручья, склонив голову, стояла худая лошадь и смотрела в воду, словно в зеркало. Под пышным, как шапка эскимоса, деревом дремала корова. Мне показалось, что корова думает «крепкую думу о белоногом телке», как у С. Есенина:

Не дали матери сына,
Первая радость не впрок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.

Ближе к природе — ближе к жизни, ее пониманию.

Я смотрю на своих счастливых детей, и сам чувствую себя счастливым. Слушаю их простые, незамысловатые вопросы и думаю: вот так, присматриваясь и прислушиваясь сердцем к природе, размышляя о ее чудесах, мы должны бы чаще обращать свои взоры к Создателю, поражаться премудростью и совершенством Его законов.

— Папа, почему снег на горе не тает, а внизу тает? — спрашивает старшая дочь.

— Внизу теплее, — пробует ответить жена...

— Почему? Ведь вершина горы ближе к солнцу. Там должно быть теплее, — заключает любопытная девочка.

Узкая, вьющаяся по глубокому оврагу дорога укачала младшего сына. Он уснул. А как ему хотелось увидеть снег! Как он ликовал, видя белые крыши гор издали! Мы пытаемся его разбудить, но это нам не удается. Верно, что сон милее всего на свете.

Спидометр показывает только семьдесят миль от Сакраменто, а на дороге уже встречаются пятна снега. За моей спиной раздались детские голоса:

— Снег! Снег!

Он лежал кусками, белый — как соль, как сахар. Чем выше мы поднимались, тем реже встречались проталины.

На дороге чернели только две колеи. Автомобиль, как старик, нагруженный непосильной ношей, с большим трудом преодолевал заснеженные подъемы. Колеса начали буксовать. Пришлось задним ходом спуститься в долину. Там уже стояло несколько автомобилей. Дети играли в снежки. Восторженный крик детворы разбудил сына. Он встал и долго всматривался через окно в белое, как разлитое молоко, поле и наконец произнес:

— Смотри, папа, снег!

В своей короткой жизни он видел снег впервые.

Я вывел его на дорогу. Шел он робко, как по льду, брал ручонками снег, подносил ко рту, осторожно пробовал языком — не сахар ли?

Осмелев, он, по примеру других, брал куски снега и бросал их в меня, вызывая на бой. Мне пришлось прятаться, убежать от нападения, падать. Он задорно смеялся, сам падал в снег и вставал, но вскоре смех сменился слезами. Мальчик заплакал, протягивая ко мне красные, как гусиные лапы, ручонки.

— Папа, погрей мне пальцы...

Впереди нас стоял новый «шевроле». Его владелец, американец с чисто выбритым красным лицом, узкими, словно вспухшими глазами, аппетитно ел курицу и, бросая кости в сторону, хмуро смотрел на игру детей. Его жена, тонкая, раскрашенная, как кукла, пила кофе из термоса. Американец закончил есть, задымил толстой сигарой и, подойдя ко мне, дружески начал:

— Воздух-то какой?! А? Свежий, чистый...

— Да, — ответил я, — здесь дышать легко. Не то, что в городе.

Я подумал: какая разница для курящего — свежий воздух или несвежий?

Сквозь зеленые иглы огромной сосны смотрело на белую поляну покрасневшее предзакатное солнце. Под пышными навесами деревьев снег был суше и рыхлее.

Тишина... Где-то в городе кипит и волнуется мир, снуют по улицам люди, словно заблудились и ищут выхода, а здесь, в этой долине, слышно, как отламывается от сосны сухая ветка, как скрипит под ногами оседающий снег;

слышно, как стучит капель с крыши стоящего у дороги старого, заброшенного, нежилого дома. Дом покосился, будто подбитый снарядом. Окна заколочены досками, двери тоже. На крыльце лежит нетронутый снег. В доме, должно быть, поселились летучие мыши. Невдалеке пригорюнился сарай, готовый вот-вот рухнуть от старости. Кто его строил? Где теперь прежние обитатели? Когда-то здесь была жизнь, а теперь стоят эти постройки в ожидании роковой участи — полного и окончательного разрушения.

Жена долго смотрела на этот старый, заброшенный дом, потом осторожно вздохнула и сказала, как бы себе:

— Не так ли бывает и с нами, людьми?..

Солнце тихо и незаметно скользнуло за крышу дома. Холодно. Дети, наигравшись вдоволь, мокрые, словно их окатили водой, сидели в автомобиле и ели хлеб с копченой рыбой.

Возвращаясь домой через лесные чащобы, мы вспоминали наши русские леса с их летним богатством: ягодами, грибами, орехами. Возле дороги кое-где уютно прятались фермерские домики. В кустарнике забавно перелетали, усаживаясь на ночь, птицы, похожие на стрижей. Мы еще раз остановились, чтобы подышать свежим лесным воздухом, насладиться тишиной.

Через час мы въезжали в город.

Огромные здания Сакраменто, разбросанные по равнине, угрюмо смотрели на несущиеся, словно по воздуху, автомобили. Жадная суета городской жизни опять угрожающе поднимала на меня свою руку, втягивала, как воздушным насосом, в тяжелую трудовую жизнь.

Завтра опять фабрика, шум станков, шипение пара, рев моторов, а вечером — газетные гранки и стук пишущей машинки.

Жизнь бьет ключом, всего в Америке в изобилии, но одного мало — тишины. Ее надо искать далеко за городом. Как жаль, что я редко выезжаю. Оторвавшись от повседневности, человек прикасается к иному миру, где тишина — желанная гостья. Мне кажется, в такие минуты небо приближается к земле.

ВОР МОЛИТСЯ...

Есть удивительно меткий рассказ из жизни московского митрополита Платона. Он строил себе скит. Однажды в плотничьей бригаде случилась кража: у плотника украли топор. Плотники никак не могли найти вора. Они пришли к владыке с просьбой помочь им найти преступника.

— Помоги нам, святой отче. Мы его из артели выкинем.

— Да ведь я же не колдун, гадать не умею. Могу только молитвой.

— Как хочешь, только помоги, — просили артельщики.

Митрополит собрал всех плотников, поставил их плечом к плечу и стал читать молитву, а все должны были ее повторять.

Владыка внезапно приостановил молитву и спросил:

— Ну, как, все вы молитесь?

— Все, все до единого, — отвечали хором артельщики.

— А вор-то молится?

— Молось, — тихо и смиренно проговорил один артельщик.

Так отыскивали вора.

Нечто подобное получается с моими газетными и журнальными статьями. Если я пишу о человеке, не указывая ни места, ни времени, то почему некоторые люди принимают это на свой счет?

Очевидно, по той причине, по которой артельщик ответил: «Молюсь».

АНДРЮ ГРИК

— Хрущев! — кричит мне издалека смазчик машинного отделения. — Доброе утро!

— Доброе утро, Андрю, — отвечаю я коренастому, лысому, как глобус, греку. — Как живете? — спрашиваю его.

— Лучше, чем Рокфеллер, — отвечает он на ломаном английском языке. — По крайней мере, не собираюсь разводиться с женой. В апреле иду на пенсию. Будем ловить рыбу. В мутной воде.

— Разве вам шестьдесят пять?

— Что я, глупец, что ли — ждать шестидесяти пяти? Пятого апреля будет шестьдесят два — и хватит. Пусть работают те, кто моложе. И вообще, пора отпускать людей на отдых в шестьдесят и этим сократить безработицу.

Андрю Грик — так зовут его все — любит поговорить по душам.

— Только о религии мне не говори, — замечает он. — Отец мой был православным, а я в Бога совсем не верю. Разницы никакой. Он умер, и я, конечно, умру.

— А дальше что? — спрашиваю я.

— Ничего. Сплошная ночь.

— Сплошная ночь — это не «ничего», это темнота, это ужас, — пробую я изменить тему разговора.

Но Андрю понял мои намерения и спешит предупредить:

— Только не о религии, пожалуйста!

Вчера, встретив меня утром, он снова крикнул:

— Хрушев, доброе утро!

Я подошел ближе, подал ему руку, как старому знакомому, и сказал:

— Слушай, Андрю, что ты нашел у меня общего с Хрущевым? Разве я на него похож? На моей голове копна волос, а Хрушев лысый, как и ты. Мне едва перевалило за сорок, а ему за семьдесят. Я хотя, может быть, и плохой, но все-таки христианин, а Хрушев, как и ты, атеист. Выходит, что на Хрущева ты больше похож, нежели я. Он такой же коренастый, как и ты, и брюшко у него не намного больше твоего.

Андрю рассмеялся, дружески хлопнул меня по плечу и, нагнувшись к моему уху, сказал:

— Дело в том, что ты — русский, а я — грек. Вот поэтому я и зову тебя Хрущевым. А ты не обижайся. Он хороший парень. Если бы не он, нас бы уже не было на свете: захлебнулись бы атомной гарью.

— Ты уверен, что это именно так? — спросил я.

— Возьми, к примеру, Кубу. Разве он не благоразумно поступил?

Так как политика для меня — темное дело, я поспешил сказать:

— До свиданья, Андрю. Меня ждут.

ПЯТНО НА ЛИЦЕ

Да, мы, несомненно, счастливые иммигранты, если свое счастье не связываем только с материальными успехами.

Наше счастье — в духовной свободе, в свободе верить, мыслить, творить благо своему ближнему.

Немало хорошего мы принесли сюда с собой из родных краев: русскую речь, русскую песню. Это — великие сокровища. Но как мы их теперь ценим? Русскую книгу можно найти далеко не во всех домах иммигрантов, по-русски говорят, в основном, старики, да и то с неотразимой примесью иностранных слов. Песни не поют, а слушают с пластинки по праздникам да в плохую погоду, когда не ловится рыба, когда нет хорошей телевизионной программы.

Это — пятно на лице счастливой русской иммиграции в Америке.

После этого бывает стыдно слушать споры о русском патриотизме, о мессианстве русской иммиграции.

Недавно в городе с населением в четверть миллиона был устроен концерт с богатой духовно-вокальной программой. Его устроители долго и жертвенно готовились. Из десяти приглашенных мною семей пришли на бесплатный концерт только двое, и те оказались не русскими, а латышами. Один из них работает со мной на фабрике. На другой день он мне сказал:

— Знаете, вчера меня до слез проняло. Откуда у вас такие голоса? Вы мне показали настоящую Россию. Но, скажите, почему так мало было русских? Наверное, и сотни не было?

— Юлиус, — сказал я, — здесь не те русские, что были в России. Настоящих русских здесь мало.

Несколько тысяч русских живет в Сакраменто, но прийти в воскресенье на духовный концерт им «некогда». Бедные люди! Похоже, что они борются за кусок хлеба.

Духовные ценности меняются на дешевую телевизионную программу.

ВРЕМЯ КРОШИТ КАМЕНЬ

У каждого человека было прошлое, есть настоящее и, разумеется, будет будущее. Какое оно, будущее, — не стоит гадать.

У каждого русского иммигранта — свое прошлое. Одни в прошлом были богачами, а теперь живут в Америке на государственной милостыне. Другие, наоборот, в прошлом, как говорится, «лаптем щи хлебали», а теперь меняют каждый год автомобили.

Непостижимы превратности судьбы человеческой. Но в человеке меня больше всего поражают перемены другого порядка, перемены в духовном отношении. Был не человек, а «некий изверг». (Так апостол Павел называл себя до встречи со Христом.) А теперь изменился в корне: с ним жить и работать — одно удовольствие. Те, кто знал его только в прошлом, шарахаются от него в сторону, а он, ласково улыбаясь, говорит:

— Ну и люди... Не верят в преображающую силу любви Христовой.

Не хотят верить и словам апостола Павла: «Да и все мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудшие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга. Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего Бога, Он спас нас...» (Тит, гл. 3). От чего спас? От всего того, что было перечислено выше.

Да, мы, верующие, далеко не апостолы, но каждый, кто пережил возрождающую и обновляющую революцию души, может написать свое имя под словами великого апостола.

ПРАВДА СПАСАЕТ

Этот случай произошел в России очень давно, когда на глухих дорогах рыскали разбойники. Три мальчика шли на богомолье в монастырь. Каждый имел несколько монет на жертву для святых мест. Из леса на дорогу вышел грабитель.

Он подошел к мальчуганам и, угрожая ножом, спросил первого:

— Деньги есть?

— Нетути, дяденька. Ей-ей, нетути!

Мальчик по обычаю перекрестился.

— А это что такое? — рывкнул грабитель, выворачивая карман, из которого упали на грязную ладонь несколько медяков. Мальчик в испуге опустил глаза.

Грабитель так же поступил и со вторым.

— А ты деньги имеешь? — спросил он третьего.

— Имею, дяденька.

— Сколько?

— Двугривенный и еще три копейки. Вот они, дяденька.

Чистосердечное признание тронуло сердце разбойника. Он стоял в нерешительности и долго смотрел в чистые, спокойные глаза мальчугана. В них искрились слезы.

— Ты честный мальчик! — сказал наконец грабитель. — Оставь деньги себе. Иди в монастырь и помолись о моей грешной душе.

Сердце разбойника размягчилось, и он возвратил медяки другим мальчишкам.

Продолжая путь, честный мальчик говорил друзьям:

— Меня мать учила всегда говорить правду. Только правду или ничего. Правда и спасла нас.

Говорят, правда глаза режет. Не беда. Но правда всегда спасает. А это важнее.

ОН ИСЦЕЛЯЕТ

Она рассказала о своей жизни и смотрела на меня такими радостными глазами, словно выиграла миллион.

— Когда регент спросил меня: «Анна, желаешь ли ты петь в нашем хоре?» — я подумала, что он шутит. Наш регент вообще был склонен к юмору, но юмор не всегда ему удавался. Заметив на моем лице удивление, он повторил вопрос.

Скованная артритом, я вряд ли смогла бы на костылях подняться на платформу. Все присутствующие уставились

бы на меня. Кроме того, мой голос слабый, почти незаметный, не мог бы усилить хор. Но в это время я подумала о себе: «Ты стыдишься людей. Не хочешь славить своего Бога... Ведь поют-то для Его славы!»

И я ответила регенту:

— Я была бы рада петь в хоре, если вы думаете, что я смогу.

Регент улыбнулся и спокойно заметил:

— Конечно, вы сможете! Я уверен в этом!

В следующее воскресенье я с большим трудом шла впереди хора, едва переставляя ноги с помощью костылей. Расстояние в несколько десятков метров показалось мне километром. И, конечно, все смотрели на меня с нескрываемым любопытством.

Хор запел: «О великий Дух, приди!» Когда я включилась в пение хора, Дух Святой наполнил все мое существо неопишуемой радостью. Я забыла о моей убогости и пела, вспоминая слова апостола Павла: «Когда я немощен, тогда силен».

С каждой минутой я чувствовала прилив физических сил. Когда умолк заключительный аккорд органа, я поняла, что костыли мне больше не нужны.

Они остались на платформе до сего дня.

С КРЫШИ ФАБРИКИ

Сегодня я стоял на крыше фабрики, как на спине огромного, серого, вздрагивающего чудовища. Шумели моторы вентиляторов, дрожала крыша, а снизу, как из подземелья, доносился шум и лязг машин. Там их тысячи, и все они поют, гудят, ухают. Из отводных труб вырывается на свободу пар с таким мощным шипением, что кажется, его выбрасывает сам ад. Этот пар сразу же конденсируется и обдает меня холодной дождевой пылью.

С крыши, облизанной ветрами, я вижу весь город. В нем больше миллиона жителей. Он разрастается во все стороны. Как ленты, город перевязывают дороги, а по ним во все концы снуют автомобили, обгоняя друг друга.

По небу плывут клочья облаков. Солнце обрамляет их

бесформенные края золотом и пурпуром, купает в море света. На севере, где недавно виднелись снежные отроги Сьерра-Невады, теперь сплошная черная туча. Там идет снег.

Виднеются фермы, зеленые луга, а на лугах, как куски жести, блестят лужи дождевой воды.

Мне надо спускаться вниз. Там ожидает меня работа. Я еще раз бросаю взгляд на окрестности и думаю, как красива земля, когда на нее смотришь с высоты. Но чтобы видеть ее такой, какой она есть на самом деле, мне надо спускаться вниз, где кипит жизнь.

ЛЕШКА-БАПТИСТ

Вчера перечитывал в газетных вырезках повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». И это уже в третий раз. Читал с увлечением и жадой, как биографию родного брата. Повестью заинтересовался также и сын. Раньше он прочел ее в английском переводе, в журнале «Пост». Теперь он читает по-русски, часто останавливается и обращается ко мне с вопросами:

— Папа, кто такие «кулаки»?

— Зажиточные крестьяне назывались кулаками, — отвечаю я.

— А что такое «зажиточный»? — спрашивает он.

— Зажиточными считались те, которые имели, к примеру, две лошади, несколько коров и еще кое-что.

— Выходит, что в Америке все фермеры зажиточные, все кулаки?

Сын продолжает чтение, но вскоре вновь останавливается.

— Папа, что значит «закосить две миски каши»? Лагерники ведь не косили...

— Это образное выражение, — отвечаю я. — «Закосить» — значит незаметно взять то, что тебе не принадлежит, — пытаюсь я объяснить.

— Проще говоря, «закосить» — это украсть, — заключает сын и погружается в чтение.

Повесть мало понятна сыну. Он не верит в нее. Мыслимо ли это — выкладывать стену из шлакоблоков при тридцати

шести градусах мороза! Этого быть не может! Люди ведь не животные!

Но в том-то и дело, что отношение людей к своим «провинившимся» собратьям бывает хуже звериного.

В повести «Один день Ивана Денисовича» Солженицын наряду со своим героем Шуховым показывает других людей, показывает умело, ярко, как присуще большому таланту. Меня особенно тронул образ Лешки-баптиста. Он тоже зек. Автор относится к нему с большим уважением. Да и нельзя не уважать такого человека, который умеет в тридцатиградусный мороз, при пустом животе, чему-то радоваться: «Рядом с Шуховым (Иваном Денисовичем) Лешка-баптист смотрит на солнце и радуется, улыбка на губы сошла. Щеки ввалились, на пайке сидит, нигде не подрабатывает — чему рад? По воскресеньям все с другими баптистами шепчется. С них лагеря, как с гуся вода!»

Как это верно и метко сказано! Когда-то апостол Павел писал из римской тюрьмы: «Я уверен, что ни смерть, ни жизнь... ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви во Христе Иисусе, Господе нашем». Тем более, колымские лагеря.

Солженицын пишет, чему радуется Лешка. Есть у Лешки то, чего не было у других. Есть у Лешки высшая ценность — вера, есть надежда на жизнь вечную, и это все, что ему нужно, чтобы улыбаться.

Устами своего героя Шухова Солженицын говорит: «Лешка тихий, над ним не командует только тот, кто не хочет. Безотказный этот Лешка, о чем ни попроси. Все бы на свете такие были...»

Этот характерный штрих заставляет меня много думать, проверять самого себя: сохранил бы я верность своему упованию, верность моему Богу, оказавшись в условиях Лешки, — каторжником в спецлагере, в Заполярье?

Эту повесть я советую прочесть каждому. Она учит ценить каждую корочку хлеба, каждый миг свободной жизни, учит ценить семью, здоровье и другие блага, к которым мы привыкли, как к чему-то обыкновенному. Эта повесть учит нас дорожить духовными ценностями. Лешка, оказавшись в многотысячном лагере, переписывает Евангелие от

руки, по памяти и делится этим великим сокровищем с другими зеками: «Баптист читал Евангелие не совсем про себя, а как бы в дыхание: „Только бы не пострадал кто из вас как убийца или как вор, или злодей, или посягающий на чужое. А если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь“. За что Алешка молодец, — пишет далее Солженицын, — эту книжечку свою так засовывает ловко в щель в стене — ни на едином шмоне (обыске) еще не нашли».

Трудно представить это положение тому, кто не испытал духовного голода, кто живет плотской жизнью, по принципу: была бы кормежка да подстилка.

Сегодня мы живем в изобилии, не думая о завтрашнем дне. Когда-то Иван Денисович тоже жил неплохо. Стоя в очереди за ложкой лагерной овсянки, он вспоминает: «Сколько смолоду овса лошадям скормил — никогда не думал, что буду всей душой изнывать по горсточке этого овса».

Но ведь такое может случиться с каждым. Народная мудрость гласит: от тюрьмы да от сумы не зарекайся.

МОРОЗ И СОЛНЦЕ

«Мороз и солнце, день чудесный!» — так начинается хрестоматийное стихотворение А. С. Пушкина «Зимнее утро». Когда-то мы учили его наизусть.

Сегодня пять с половиной часов я работал в огромных холодильниках, в которых стоит десятиградусный мороз, но вместо солнца уныло мерцают лампочки.

На нашей фабрике сорок два таких холодильника.

Я был одет тепло: пальто, перчатки, шапка. Но мороз легко находил уязвимые места, бешено хватал меня за нос, за пальцы, пробирался к ногам. Каждые десять-пятнадцать минут я выходил на солнце, чтобы согреться. Оно лилось с неба золотом, отражаясь в огромных окнах фабрики, и по-матерински ласкало мои покрасневшие щеки.

И тут я еще больше оценил не только красоту и величие солнца, но и его жизнеизлучающее могущество.

Каждый раз, когда я снова заходил в холодильник, меня

обдавало холодом с ног до головы. Он, как вор, пробирался за воротник пальто, лез в рукава, безжалостно хватал мои пальцы. И каждый раз это наводило меня на грустные размышления о нашем мире, где господствует царь-холод, где люди не доверяют друг другу, где подозрительность и неприязнь отравляют жизнь.

Фальшь пропитала атмосферу этого мира насквозь. Честолюбие и маскировка стали обычным явлением даже в среде верующих. Христос — наше Солнце правды. Он согревает и освещает наши души, но люди — как в холодильнике. Бьют один другого, как будто от этого им станет теплее.

Сейчас много говорят о разоружении. Об этом стоит подумать и церквам, различным юрисдикциям, которые носят имя Христа-Миротворца, а сами, прикрываясь религией, как маской, живут между собой на ножах.

Церкви должны разоружиться во взаимоотношениях с другими церквями и вооружиться оружием Божиим — Его Словом, чтобы единым фронтом наступать на одного врага — сатану.

Размышляя обо всем этом в холодильнике во время работы, я забыл о себе, забыл, что мои руки и ноги давно одеревенели.

— Пойдем, друг, в гости к солнцу, — сказал я коллеге по работе, и он охотно согласился.

В фабричной столовой мы сели возле окна, на которое падали пучки желтых солнечных лучей. Через минуту за наш стол сел молодой негр. Он снял свою белую шапку, положил ее рядом на свободный стул и, склонив голову, помолился.

Я протянул ему через стол руку, он нерешительно подал свою. Я крепко пожал ее и назвал его братом.

Губы негра раскрылись в улыбке, обнажая крепкие белые зубы, и его улыбка была отражением того Солнца, в Котором нуждается замороженный неверием мир.

ДОЖДЛИВЫЕ ДНИ

Дождь кропил сухую землю с раннего утра. К обеду подул западный ветер, небо прояснилось, но ненадолго. Из-за гор медленно, но неуклонно двигалась гряда темных туч. Вечером внезапно хлынул дождь. Если я скажу, что дождь лил, как из ведра, в этом не будет преувеличения.

Спустя несколько минут капли забарабанили по полу моей комнаты — в нескольких местах протекала крыша. Это меня встревожило, а младшему сынишке — забава. Он бегал по комнатам, подставлял свои ручонки под капли и пробовал дождевую воду на вкус.

Через несколько минут шум на дворе прекратился. Дождь утих, словно кто-то повернул небесный выключатель.

Точно так иногда бывает и в нашей жизни. Живет человек тихо и спокойно, не зная о том, что над ним «дырявая крыша».

Недавно встретил человека, о котором давно ничего не было слышно. Он, как и все мы, постарел, поседел, осунулся. Его глаза глядели устало и растерянно.

— Что с вами произошло? Где вы до сих пор были? — спросил я его.

Он спокойно посмотрел мне в глаза и, вздохнув, проговорил:

— Залез в богатство, забыл братство...

Оказывается, и на его голову пролился «освежающий дождь», встряхнул его, разбудил от духовной спячки, открыл ему глаза.

Во время летнего отпуска он поехал в Канаду, чтобы навестить своих старых друзей, и там в автомобильной катастрофе потерял жену, а сам полгода лежал в больнице. Страховка оказалась просроченной, пришлось все издержки нести самому. Он поведал мне свою печаль:

— Четыре года работал я дни и ночи, не видя света белого, а теперь вот высосали меня доктора до последней кровинки. Прогневил я Бога, и все пошло прахом...

Сняв очки, знакомый долго протирал стекла платком и о чем-то думал. И я догадался: он думал о том, как полезно

человеку время от времени проверять свою «крышу» — до наступления дождливых дней.

ОБНОВЛЕНИЕ – ВЕЧНЫЙ ЗАКОН

Погода сегодня — сплошной праздник.

Удивительно веселое, поющее небо, голубое, чистое, прозрачное. Только на горизонте мелькает одинокая тучка, как потерянный парус на море, и трудно понять, то ли она движется, то ли застыла на одном месте.

Велико и необъятно небо, но чтобы попасть на него, нужно пройти через дверь. «Я есмь дверь», — сказал Христос.

Город, в котором я живу, украшается зеленью, словно к празднику, дымится горячая, нагретая солнцем земля, сады и деревья вспыхивают красками цветения, жадно пьют солнце. Едва уловимый запах сирени уносит меня далеко за океан, где весна еще ласковей и прозрачней.

С радостным, торжествующим гулом вылетают на разведку пчелы; как цыгане на ярмарке, чирикают плутоватые воробьи, почкуются камелии, озабоченно порхают птицы, устраивая свои гнезда.

А люди, кажется, вросли в свои автомобили, слились с ними и не могут оторваться. Они обессилены, и сама судьба сулила им родиться и умереть на колесах. Люди смотрят на обновленный солнцем мир безразлично и не замечают, что весна уже вошла в свои права и хочет очаровать человека, заманить его в сад, на берег реки, в поле и поговорить с ним по душам.

Зеленые одежды весны скоро выцветут, станут пепельно-серыми, местами желтыми, будут просить воды, как можно больше воды; и там, где будет вода, будет и жизнь. Это моя пятнадцатая весна в Калифорнии. Зимы как будто вообще не было, были пасмурные дни, были дожди, ветры, иногда заморозки, но это же не зима. Мы, выходцы из Центральной России, понимаем зиму иначе. Где бывает настоящая зима, там и весна желанней, ласковей, поэтичней.

Чудесное превращение времен года, их строгое соответ-

ствие с нуждами животного и растительного мира убеждает нас в существовании абсолютного Разума, великой Мудрости – в существовании Бога. И не только в Его пассивном существовании, но и в существовании Его творческой идеи, Его постоянного действия.

Земля нуждается в периодическом обновлении. В этом же нуждается и человек.

Весна в душе – вот то состояние, к которому должен стремиться каждый.

Христос, яркое Солнце правды, светит всегда. Нужно только дать Ему место.

МАРТ

У Б. Пастернака есть стихотворение «Март». Как и все стихи большого поэта, оно настолько талантливо, что, читая его, я почти физически ощущаю дымящуюся жизнь коровьего хлева, слышу болтовню бессонных ручейков, ощущаю лучи мартовского солнца на своей щеке. Пастернак заставил меня вспомнить то, что было почти забыто.

Чахнет снег и болен малокровьем
В веточках бессильно синих жил.
Но дымится жизнь в хлеву коровьем,
И здоровьем пышут зубья вил.

Перед приоткрытою конюшной
Голуби клюют в снегу овес.
И приволья вешнего воздушней
Пахнет далью мартовский навоз.

С какой легкостью и непосредственностью Пастернак превращает в настоящую поэзию родной сельский быт. Это чарующее превращение обыденных явлений жизни в поэзию – не что иное, как дар Божий. И Пастернак это знал.

Понимать и ценить этот дар может только тот, кто сам любит жизнь и понимает ее духовное начало.

Мне часто влетает от фарисействующих верующих за

увлечение поэзией. «Разве совместимо Евангелие с поэзией?» — спрашивают они. Станный вопрос! Дело не в совмещении, а в том, что истинная поэзия не исключает, а утверждает Евангелие и, если хотите, живет им.

Истинная поэзия — ароматный, кристально чистый мед.

ПРЕДДВЕРИЕ ВЕСНЫ

После продолжительной непогоды сегодня выдался солнечный день. Облитая солнцем земля кажется вымытой и помолодевшей. Ветерок разносит запах вспухших от дождя полей, рябит в канавах воду. За оградой в кустах перекликаются пичужки. Слушая их робкие голоса, я смотрю на квадрат пустыющей земли, поросшей прошлогодней густой травой, и думаю о деревне, где я родился и вырос. Там в это время еще стоят морозы, снег не начинал таять, на вербах прыгают красногрудые снегири.

Через несколько дней здесь подсохнет земля и будет похожа на хлебную корку. В мае нужно будет поливать ее, и там, где не дадут земле воды, поблекнет ее красота.

Не такой ли закон действует и в нашей духовной жизни? Без небесной влаги душа человека черствеет. При прикосновении такая душа издает глухой звук, как разошедшийся барабан.

Солнце пригревает настойчиво, воздух наполнен испарениями земли. В такую погоду хочется сложить новую песню и петь ее громко, во весь голос. И как не записать слова этой новой песни, которая сама срывается с уст и просится на бумагу:

Оторвусь от земной суеты,
Обойду эти зыбкие межи.
Для людей расцветают цветы,
Разливается воздух свежий.

Не скорблю, что сгубил года
В этой серой, бесформенной груди.
Никогда, никогда, никогда
Мой Спаситель меня не забудет.

«Бесформенной грудой» мне представляются разбросанные на двухстах акрах корпуса фабрики. В них я похоронил двадцать два года своей жизни. Но что означают эти двадцать два года в сравнении с вечностью, обещанной нам Христом? На Божьих часах это меньше секунды.

Широким непрерывным потоком течет по Америке торопливая жизнь, а в стороне от дорог, сразу же за дышащей жаром фабрикой, поют эти славные пичужки, как бы обращаясь к людям:

— Смотрите вы, люди, как мы счастливы! Мы славим Творца. А вы? Где ваши песни?

РУЧЕЙ

В устоявшемся ручье отражен кусочек красивого голубого неба. Ручей был на моем пути, и я сбавил скорость автомобиля, чтобы его переехать. По сторонам полетели снопы брызг, исчезло отражение неба, но через несколько минут ил осел на дно, снова заблестела зеркальная поверхность ручья, вода текла чистая и прозрачная, и снова синее небо с грядками белых тучек опрокинулось в воду.

Я сказал себе: смотри на это обыкновенное явление природы, смотри внимательно и думай; смотри и извлекай урок. Твое призвание — отражать небо, как его отражает этот ручей. Бросят в него камень — в стороны разлетятся брызги, пойдут круги, но через минуту-две вода снова блестит и течет в том же направлении.

Когда я, присев у ручья, размышлял об этом, пришли слова, которые я записал в трех четверостишиях:

Нет, дорога идет не гладко,
Много ям и фальшивых лиц.
Я о том исписал тетрадку
До последних ее страниц.

Испытал я огонь картечи,
Но душе не знакома месть.
И несут, не сгибаясь, плечи
Этой жизни дубовый крест.

Крест нести мне теперь не тяжело,
Когда рядом Небесный Друг.
А февраль в голубой рубашке
Ловит песни мои на слух.

КОГО БОЛЬШЕ?

Поразительные вещи встречаются иногда в практике христиан. Я знал, что среди церковных хористов, которые пением зовут людей к вере в Бога, можно встретить людей неверующих. Но вот недавно мне пришлось разговаривать с регентом одной церкви. Он оказался совершенно неверующим человеком.

Это открытие так меня поразило, что я, несмотря на его пожилой возраст, спросил в упор:

— Почему же вы воспеваете Христа, в Которого не верите?

Он долго молчал, а потом тихо, как школьник, проговорил:

— Честно говоря, я люблю искусство.

И его хор поет:

Мы — свет миру,
Спасенье несем...

«Если свет — темнота, то что же тогда темнота?» — спрашивал когда-то Христос. Этот же вопрос звучит и сегодня.

От огня первохристианской церкви осталась только зола. Этой золой и дышат номинальные христиане. Эту золу разносит ветер по всей земле. Правда, в этой золе можно заметить отдельные искорки, но как они мизерны! И чаще всего они гаснут на лету, только напоминая о том великом огне, который в свое время сжигал языческий мир.

Язычники сжигали христиан, но на самом деле в этом огне они горели сами. А теперь, по словам одного моего друга, среди христиан больше язычников, нежели в Африке. Я спросил его:

— Как это понимать?

— Очень просто, — отвечал он спокойно. — Если человек

любит Бога больше языком, нежели делом, значит, он — язычник.

Теперь посудите сами, кого на земле больше: язычников или христиан?

НЕБЕСНЫЙ САДОВНИК

В Сакраменто отцветает миндаль. Белая, отливающая легкой голубизной пороша бесшумно садится на траву, делая ее похожей на кружевное покрывало. Пройдет еще неделя, и сады начнут убираться в зелень.

В эти дни хозяева усердно работают в огородах, цветниках, радуются каждой почке. Они удобряют почву, взрыхляют ее, окапывают розы.

Нечто подобное делает Творец с нами, людьми. Под рукой Небесного Садовника шиповник превращается в розу, мелкая земляничка в клубнику. Но и хорошее фруктовое дерево может превратиться в дичок, если не будет правильного питания, не будет ухода. Может даже засохнуть.

Так бывает с душой человека. Много «дичков» можно встретить на нашем жизненном пути, а дички, как известно, колючие.

Продешевил человек свою душу, если он всю свою жизнь заполняет одним — благоустройством земной жизни. Самое худшее то, что мы, заглядывая в зеркало, говорим:

— Да, есть еще на свете хорошие люди...

Счастлив тот, кто умеет видеть свои недостатки, кто стремится их исправить.

Пусть сегодня расцветают камелии, радуя наши сердца, а мы посмотрим на них и, глубоко вздохнув, скажем словами С. Есенина:

А люди разве не цветы?
О милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.
Как стебель, тулово качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?

Проще и понятней сказал об этом девятнадцать столетий тому назад апостол Петр, бывший Симон Ионин: «Всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве, засохла трава, и цвет ее опал; но Слово Господне пребывает вовек» (1 Пет. 1:25).

РУКИ МАТЕРИ

У поэта Е. Старшинова есть стихотворение, посвященное женским рукам. Оно мне очень нравится, и я вспомнил о нем в связи с Днем матери. Когда поэт говорит о женщине, он имеет в виду в первую очередь мать. Ведь основное призвание женщины — быть матерью, быть проводницей жизни из рода в род.

Вот что пишет Старшинов:

Женские руки — добрые руки,
В будни и в праздник не ведают скуки:
Варят борщи, пеленают детей,
В час неурочный встречают гостей.
Надо — сумеют, всюду успеют:
Раны залечат, душу согреют.
Стойки в любви, терпеливы в разлуке
Милые, добрые женские руки...

Вспоминаю руки моей матери: сухие, мозолистые и в то же время нежные и ласковые. Сколько дел они должны были сделать каждый день и между делами найти время, чтобы погладить вихрастую голову сына.

Не помню и не могу представить себе мать, сидящей сложа руки. Для ее рук всегда находилось дело.

Нельзя забыть еще одни руки — руки Христа, благословляющие, исцеляющие, кормящие и потом... истекающие кровью от ран, руки, пробитые нашими грехами.

ЕЩЕ РАЗ О ПОГОДЕ

Удивительное свойство имеет погода. Она неотразимо влияет на человека, вызывает приятные или неприятные воспоминания.

Но я знаю одного человека, который не поддается влиянию погоды. У него всегда плохое настроение. Судя по погоде, по тому, как празднично светит солнце, как нежно и молодо выглядят городские парки, как ласково небо — ему бы надо радоваться, носить улыбку, а он, встретив меня, кисло проговорил:

— Слыхал? Опять Китай грозит Америке! Теперь у них атомные шарики имеются. А их больше, чем полдюжины не надо, чтоб парализовать страну.

Днем раньше моросил дождик, незаметный, тихий, теплый. Улицы города дышали свежестью. Я встретил того же знакомого у входа в большой продуктовый магазин.

— Здравствуйте! Как жизнь, сосед? — спросил я его.

Та же кислая улыбка и почти те же слова:

— Жизнь никуда не годится. Опять цена на кофе поднялась!

— Как ваша жена? — спрашиваю.

— Как всегда: не живет и не умирает.

Минуту спустя он меня наставлял:

— Не посылайте посылки родственникам в СССР!

— Почему?

— Во-первых, они их не получают. Получают другие, а они только расписываются. А во-вторых, их рано или поздно прикончат.

Обсуждать этот вопрос у меня не было ни времени, ни настроения.

Дождик перестал так же незаметно, как и начался. От упавших с неба лучей, как позолоченные, блестели тротуары. С крыши магазина слетела стая голубей. Они дружно ворковали, собирая рассыпанное зерно.

Хороша птичья жизнь, когда никто в них не стреляет!

Но ведь то же самое можно сказать и о человеке.

В ВЕСТИБЮЛЕ БОЛЬНИЦЫ

В вестибюле больницы, где я сижу уже долгое время, стоит напряженная тишина. Едва слышно, как посетители перелистывают страницы журналов. Пожилой мужчина постучал трубкой о пепельницу, громкоговоритель дважды повторил имя доктора Ли, должно быть, китайца. И опять тишина повисла в зале, залитом солнечным светом.

В операционной оперируют мою жену. Прошло четыре долгих часа. По коридору больницы бесшумно, как бабочки, порхают медицинские сестры-монашки. Они любезны, приветливы, всем улыбаются.

Лечить больных, ухаживать за ними — великое, благородное служение. И когда моя Наташа говорит: «Папа, я буду медсестрой», — я ей отвечаю: обязательно будешь, если сострадаешь больным людям. Ксения, старшая дочь, говорит: «Я буду учительницей». Старший сын хотел быть летчиком. Дети не знают, что человек предполагает, а Бог располагает. Будущее не в наших руках. И это хорошо. Какой неинтересной была бы наша жизнь, если бы мы в подробностях знали сегодня, что будет с нами завтра. И все-таки стремления, желания, планы на будущее — неотъемлемая часть нашей жизни.

Госпиталь в некотором смысле подобен тюрьме. У его обитателей есть время подумать о себе. А как это важно — подумать о себе, о своей душе.

Людам, живущим в Америке, некогда прислушиваться к запросам души. Человек так осложняет свою жизнь, что подумать о себе он находит время только в больнице.

Человек не дружит с тишиной. И в этом — начало его бедствий.

Жену вывезли из операционной в два часа дня. Разговаривать с ней нельзя. Она все еще спит под наркозом, ее ноги забинтованы.

Врач, довольный исходом операции, похлопал меня по плечу и сказал:

— Благодарю Бога! Все хорошо.

ВОДА – МОЙ УЧИТЕЛЬ

Три маленьких ручейка говорливо текут с горы, густо покрытой кустарником. Вода в них чистая, как кристалл, но не пробуйте ее пить – она горячая, как кипяток. Это минеральная вода.

Три ручейка бегут в одно место, образуют пруд, вроде криницы, а оттуда вода стекает в бассейн, расположенный возле Маркервиля, в Калифорнии.

Я стою на вершине холма, смотрю на молчаливые, словно задумавшиеся, горы. Внизу, как на ладони, светится голубизной бассейн. Я слышу русскую речь купающихся. Кто-то из них рассказывает о жизни в Китае. Я думаю о том, как удивительно складываются судьбы людей. Жизнь их толкает из страны в страну, из города в город, они теряют старых друзей, находят новых, и в этом круговороте стареют, утрачивают интерес к жизни.

Ручеек бежит, журчит, теряется в траве и снова сверкает на солнце, напоминая нашу жизнь. Он течет вниз, где зеленый, как на картинке, пейзаж переливается в мягком свете заходящего солнца. Если ручью преградить дорогу, он свернет в сторону, найдет себе другой путь и побежит дальше – в низину.

Я набираю эту целебную воду в бутылки и думаю о ней. Эта вода стала моим учителем. Вода никогда не стремится на вершину, вверх, вода уступчива, хотя и сильна. Вода течет туда, где ей открывается дорога. Если на ее пути встанет плотина, она остановится, но как только устранится препятствие, снова потечет в своем направлении.

Не случайно Христос сравнил Слово Божие с водой. Течет оно по миру, напоая жаждущих. Кто хочет пить, тот склонится и утолит жажду.

Гаснут последние лучи солнца. Оно прячется за гору, похожую на верблюжий горб. А внизу, в зеленой долине, мелькают серые точки. Это козы выходят на ночную прогулку.

ПОД ПРОЛИВНЫМ ДОЖДЕМ

Дождь. Дождь. Дождь...

Дождь идет целую неделю.

Крупные, как горох, капли с силой бьют в лобовое стекло автомобиля, стекая по нему ручьями. Дворники едва успевают смахивать воду. Шум падающего дождя сливается с гулом мотора, и, кажется, гудит вся земля, окутанная непроницаемым мраком.

Жутко бывает в такую пору. Разбушевавшаяся стихия кажется неукротимой, но сознание говорит другое: есть Тот, Кто управляет стихией.

Полночь. Сакраменто осталось далеко позади. Дождь не унимается. Кажется, я не еду, а плыву по шоссе. По сторонам мелькают темные силуэты телеграфных столбов.

Я спешу, чтобы не опоздать на литературное собрание в Лос-Анджелесе. Серое, свинцовое небо стало проясняться в Бекерсфильде, постепенно открывая очертания величественных гор. И хотя дождь почти не сбавляет своего темпа, на душе становится веселее от света, ниспадающего на землю сквозь редеющие облака.

Свет. Утро. День. Чудесные Божьи дары! Вспомнились слова Христа: «Мне должно делать дела... доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать».

На вершинах гор белеют лоскуты нерастаявшего снега. Они похожи на лебедей, усевшихся там на отдых после большого перелета. В долины по-разбойничьи врывается ветер, гнет к земле зелень, бросает снопы дождя на отвесные скалы. Бурлит рыжая вода и образует столбы бурой водяной пыли.

И вот я в Лос-Анджелесе. Дождь, угмонившийся на некоторое время, снова усердно принялся поить землю. На улицах людей не видно. Плывут автомобили — большие и маленькие, плывут осторожно, будто крадучись.

К шести часам вечера дождь усилился. Подгоняемый ветром, он косил настойчиво и дерзко. Во мне исчезла надежда, что найдутся люди, способные выйти из своих теплых, уютных домов и рисковать жизнью на дорогах.

Ровно в семь часов вечера в уютном и обширном поме-

щении церкви с благословенным именем «Вифания» собралось больше ста человек.

По крыше неустанно стучит дождь, барабанит в большие окна, но этот шум поглощают человеческие голоса, поющие о любви Божьей, о Его мудром управлении вселенной, о Его чудесном плане спасения человека.

Литературное собрание в такую погоду – это своего рода экзамен нашей любви к живому свидетельскому слову, проверка нашей преданности апостольскому совету: «В усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите» (Рим. 12:11).

Перед чтением стихов я рассказал слушателям об одном старом проповеднике, который любил всегда за все благодарить Бога. Каждую свою речь он начинал молитвой благодарения. Однажды он был приглашен в соседнюю церковь, но в это время пошел сильный дождь, холодный ветер валил с ног путников. Церковь давно уже была в сборе, а проповедник опаздывал. Наконец, промокший до последней нитки, усталый, изнемогший, он вошел в зал и направился к кафедре.

Прихожане шептались:

– Интересно, за что он будет сегодня благодарить Бога?

А старик, смахнув платком капли дождя с лица, начал молиться:

– Господи, благодарю Тебя, что такая погода, как сегодня, бывает не каждый день...

ПЕРЕД СНОМ

День подходит к концу. Две запоздавшие вороны летят к парку на ночлег. Словно сквозь сито, начал накрапывать дождик. Я затопил камин.

Ласковое тепло наполняет мою комнату. Усталое сердце отдыхает перед раскрытой книгой псалмов Давида, великого поэта древности. Его псалмы – первый песенник христиан. Три тысячи лет они служат благословением для людей всех наций и всех рас.

Поэтический дар Давида особенным образом выразился в двадцать втором псалме, в песне о Добром Пастыре.

Какая радость: «Он покоит меня на злчных пажитях!»
Какая уверенность: «Я ни в чем не буду нуждаться!»
Какая надежда: «Не убоюсь зла!»
Какое желание: «И я пребуду в доме Господнем многие дни».

Да, верующие люди — не сироты.

Я читал и перечитывал этот псалом, прислушивался к звучанию этих чудесных слов, приятных и ободряющих. С полным миром в душе я лег отдыхать. Почему-то не спалось. Когда в комнате погас свет, в окно я увидел, как ветер настойчиво качал абрикосовое дерево. Над деревом раскачивался телефонный провод. В голове закружились слова. Я мысленно сложил их в строки, включил на минуту свет и, чтобы не забыть, записал:

Пустая ветка к земле не гнется,
Осенний ветер не гладит нив.
Овце Христовой легко живется,
И в свете Божьем весь мир красив.

ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ

«Не имей сто рублей, а имей сто друзей», — говорит русская пословица. Но где найти сто друзей в наше время? Сто рублей заработать гораздо легче, нежели приобрести одного настоящего друга.

Как приобретать друзей? Вопрос сложный, но ответ на него очень прост: будь сам другом, если возможно, для всех — и у тебя будут друзья. Пусть одни оставят тебя на полдороге, забудут, пройдут мимо в трудную минуту, другие — изменят завету дружбы, но кто-то обязательно останется с тобою.

Меня всегда трогает библейский образ Ионафана, друга Давида, когда Давид еще не был царем. Какая верная дружба была между ними! Сколько было в этой дружбе романтики и нежности! Их дружба была сопряжена с опасностями. Но оба остались ей верными до конца.

Можно ли найти пример такой дружбы в наше время?

В Чикаго тихо, почти незаметно, живет поэт Сергей Дружинин. Теперь он пишет редко, но одно из его стихо-

творений вызвало в христианских кругах полемику. Оно начиналось словами: «Я не верю больше в человека...»

Это полное противопоставление толстовской философии: «Все в тебе, человек!» М. Горький тоже говорил устами своего героя Сатина: «Человек — это звучит гордо!»

Звучит-то это слово, конечно, гордо. Но и в самом человеке столько гордости, что он зачастую не видит перед собой другого человека, такого же, как он сам, с таким же правом на жизнь. Эта гордость исчезает, когда человеком управляют, как игрушкой.

Вера в людей, даже в таких «гениальных», какими были некоторые вожди, не только не оправдала себя, но, напротив, покрыла позором. Сколько раз «великие» и «гениальные» правители ввергали человечество в беду!

В этом смысле С. Дружинин прав.

Дружинина я знаю с минувшей войны. Он пережил ужасы немецкого плена. После войны я встретил его снова. Это было в Оберферинге, в пригороде Мюнхена, пропахшем молоком и навозом.

Чудными путями Сергей Дружинин пришел к вере в Бога. Я знаю, он бережет это состояние души, потому что вера в Бога никогда никого не подвела, не обманула.

И человеческая дружба, основанная на такой вере, имеет глубокие корни.

Эти корни берут начало в любви Того, Кто возлюбил нас «до смерти и смерти крестной».

О ХЛЕБЕ

Когда за окном моросит дождь, а он моросит на этой неделе каждый день, я люблю во время обеда в нашей фабричной столовой садиться у окна и смотреть, что делается на дворе. Небо сочится мелким, напористым дождем, капли дрожат на окнах, их сдувает ветер, но они тут же рождаются снова.

Доктор советовал мне есть медленно, ни о чем не думая во время еды. Но как это трудно — ни о чем не думать! Внушаю себе: ни о чем не думай, не думай, не думай... Но мысли роятся, сменяя друг друга.

Небо закрыто серым одеялом туч. На время оно светлеет, но через несколько минут выплывает новая гряда туч, и дождь снова сечет по окнам.

За спиной раздается бодрый голос:

– Мечтаете? Ха-ха...

– Немножко.

Это мой знакомый, литовец. Он присел у стола и, заметив передо мною развернутую газету, спросил:

– Что пишут? Пшеничка, значит, поплывет в СССР? Ха-ха...

– Уже поплыла, – ответил я.

– Какие тупые эти американцы! Хлеб отдают врагу.

– Не отдают, а продают, – заметил я.

– Это одно и то же. Кормят тех, кто их собирается закопать, – возмущенно говорит мой собеседник.

Я никогда не был политиком и, чтобы закончить разговор, сказал:

– Вы знаете поговорку: не рой яму другому, сам в нее упадешь. Так бывает с каждым, кто хочет закопать другого.

Бескровное лицо литовца нахмурилось, складками сморщился лоб. Он говорит громко, как оратор, размахивая руками:

– Если хлеб остается – брось его в море, а не давай врагам. Я так понимаю.

– Друг, я хочу напомнить слова Христа: «Когда голоден враг твой, накорми его». А русские люди – не враги, а друзья наши.

Литовец громко, истерически рассмеялся и сквозь смех выдал слова:

– Ну и простачки же вы, евангелисты! Ну прямо дети...

В тот же день я прочел в статье К. Померанцева, известного критика, живущего во Франции, следующие слова: «В эмиграции существуют злопыхатели, которые не замедлили бы поставить сорокапудовую свечу своему богу, если бы узнали, что в СССР вымерла от голода половина населения».

Такие люди не имеют ничего общего с христианством.

АПРЕЛЬ

Апрель... Мягко, нежно и приятно звучит это чудесное слово! Апрельское солнце, апрельский воздух, апрельские сады...

Сегодня на рассвете я вышел во двор и долго любовался безмолвным небом. Оно глядело на землю светлыми глазами угасающих звезд; узорчатые лапы деревьев едва шевелил ветер.

Как хороша земля в апреле, когда реки входят в свои берега, расцветают сады, птицы выют гнезда, поля зеленеют всходами.

Ранним утром улица, где я живу, молчит, словно притаившись в ожидании чего-то. Но пройдет полчаса, и загудят моторы, по улице будут снова автомобили, дети пойдут в школу.

Тишина свежего, раннего апрельского утра наводит на раздумье, готовит душу к встрече шумного, суетного дня. Сейчас из-за гор величаво выплывет солнце, улыбнется земле искристой улыбкой, обольет золотом крыши домов. Моя рука невольно тянется к блокноту, чтобы записать первые слова этого дня:

Золотится зарево восхода,
Как стекло, береговая гладь.
Хороша апрельская погода,
За рекою тишь и благодать.

Бог дает нам хорошую погоду, благоприятное время, но не всегда мы правильно его используем. Бывает, что в хороший апрельский день надвинутся тучи нехороших, бесконтрольных мыслей, и тогда в апреле нас одолевает зимнее настроение.

Держать мысли под контролем, уметь владеть собой — это искусство, которому должен научиться каждый христианин. «Помышляйте о горнем», — советовал апостол Павел колоссянам. Этот совет вполне подходит и для меня.

ИСКРЕННЯЯ МОЛИТВА

Известно, как искренне и доверчиво молятся дети.

Один отец рассказывал, как перед сном молился его сынишка: «Боженька, спасибо за папу, за маму. Благослови и храни их. Храни моих сестричек, храни меня. А также храни и Себя, Боже, потому что если что-нибудь с Тобой случится, что мы тогда без Тебя, Боже, делать будем?»

Мальчик не мог даже представить, как можно жить без Бога.

К такой вере зовет нас Христос.

Вспомнился попутно рассказ выдающейся миссионерки Марии Васильевны Силоди. Помню, она рассказывала о случае в Германии:

— Однажды на наше женское молитвенное собрание пришел новообращенный брат из беженцев. «Помолитесь о моей жене, сестры дорогие, — попросил он. — Жизни мне от нее нету. Из барака гонит, бросает в меня кастрюлями...»

Когда сестры молились, брат не выдержал и начал сам громко молиться: «Господи, спасибо Тебе, что Ты спас меня, такого грешника, умер за меня на кресте. Сделай же и жену верующей».

Тут брат расплакался и сквозь слезы произнес слова: «Господи, как тяжело мне жить с женой! Ведь она же меня бьет. Нет, Господи, Ты не знаешь, как мне тяжело с женой, ведь Ты не был женат...»

Это тоже была по-детски искренняя молитва. Да, Господь Иисус не был женат, но Он знает, как искушаемым помочь. И помогает.

ИСПОВЕДЬ

Сколько на свете людей — столько судеб, столько человеческих историй. И все они разные.

Много у меня было встреч с людьми, но не все остаются надолго в памяти.

Об одной встрече, которая не забывается и поныне, я хочу рассказать.

Было это летом 1949 года. Шел четвертый год после окончания Второй мировой войны. Бараки — бывшие военные казармы — все еще были переполнены беженцами, или, как их тогда называли, перемещенными лицами.

Мое сердце пылало огнем свидетельства о спасающей благодати Христа. Часто в выходные дни я уезжал в лагерь со Словом Божиим. Это было мое счастье, моя радость, мое призвание.

В эту минуту я пробую, закрыв глаза, представить баварский городишко Берхтесгаден, приютившийся у подножия величественных Альп.

Вспоминаю вьющуюся в долине дорогу от железнодорожной станции к лагерю, огромный деревянный крест у обочины со страшным, потемневшим от времени, распятием Христа.

Рядом стояла скамейка. И там я впервые встретил русского человека, фамилию которого сейчас не могу припомнить.

Он сидел на скамейке один. Солнце только что спряталось за горы, но небо все еще горело золотым огнем. Клочок затерявшегося облака висел над отрогом горы, будто был к ней незримо привязан.

На скамье сидел пожилой человек и мечтательно смотрел в ту сторону, где на вершине горы виднелись постройки гитлеровского бункера, его тайной резиденции.

С первого взгляда в человеке нельзя было не узнать русского. Рыжеватые усы со слегка завитыми концами, русского фасона кепка, выдавшая виды, небритое лицо и черная перекрашенная американская куртка — все выдавало в нем славянина, и я, поздоровавшись, спросил:

- Ведет ли эта дорога в лагерь?
- Издалече? — спросил он меня вместо ответа.
- Из Мюнхена.
- Значит, из самого центра?
- Как будто так, — согласился я, присаживаясь.

Разговаривал старик охотно, проводил меня до лагеря, к бараку, где на другой день должно было состояться евангельское собрание.

Я не преминул пригласить старика на собрание. И он пришел, охотно взял из моих рук маленький песенник,

изданный шведской миссией. Он пел с нами гимны, не заглядывая в сборник. Когда он пел, мелкие слезинки тихо, одна за другой, катились из его глаз.

После собрания старик отозвал меня в сторону и сказал:
— Мне надо с вами поговорить...

Вечером мы снова пришли к кресту, на ту скамейку, где встретились впервые.

И вот что он мне рассказал:

«Я, браток, конечно, верующий. Всегда в Бога верил, но не всегда был Ему верным. И вот за это растерял свою семью и на чужбине оказался. Поводил меня дьявол по широким дорогам, а Божье око все равно надо мною было. И Он опять нашел меня и привел в Свое стадо».

Старик прослезился, но это были слезы умиления и радости: он снова с Богом и Бог с ним.

«До 1929 года жили мы хорошо. Отделил меня отец с одной лошадкой, а года через четыре у меня была пятистенная хата, два коня, три коровы, овец штук двадцать, гусей с полсотни. Две дочки росли на радость. В нашем селе была баптистская церковь, я и жена были ее членами, но чем больше меня Бог благословлял в хозяйстве, тем я становился скупее. Из-за этого у меня с женой часто неприятности случались. Характеры были разные: она хлебосольная, а я любил приберечь на черный день.

Однажды я поехал на ярмарку. Вернулся домой, а жена говорит:

— К нам тут приезжали братья из района. Начали они строить молитвенный дом, а денег не хватило. И мы жертвовали — кто что может.

— Ну, и ты, наверно, опять раскисла?

— Да... Корову пожертвовала. На молоко буренка не годится, мы ведь продать ее решили.

— Буренку пожертвовала?

Ну и задал же я тогда жене трепку! Без меня хозяйничать? Ничего не дам!

И не дал.

А зимой, — понизив голос до шепота, продолжал мой знакомый, — меня обложили налогом, потом описали имущество и приехали раскулачивать.

Все я терпел: и когда кур ловили, и когда подушки резали — золото искали, — все терпел. И когда у дочерей сняли с ног валенки, а дали лапти — все терпел. А вот когда выводили Буренку из сарая, которую я не дал на дело Божье, тут я и не вытерпел. Как только корова жалобно заревела, я упал на колени и начал молиться:

— Господи, прости меня непослушного и неразумного. Поскупился отдать корову на Твое дело, теперь...

Тут меня так ударил по голове председатель, что я и сознание потерял.

А потом сослали меня на Соловки. И домой, в свое село, я уже больше не вернулся...»

Мой собеседник плакал. Тяжело было ему об этом вспоминать. Я дал ему возможность выплакаться, а потом там же, у креста, мы вместе помолились.

В лагерь мы возвратились, когда уже стемнело и на востоке зажглись первые две звезды.

ПРИМЕР ЦЕРКОВНЫМ ЛИДЕРАМ

Мы — христиане. Это наше звание. Оно величественно, потому что велик наш Учитель. В свете Его учения можно видеть, что люди, стремящиеся господствовать над своими собратьями, не знают Христа. В этом основная причина церковного неустройства.

Это было в Израиле около двух тысяч лет назад. В жаркий апрельский день по пыльной дороге шла группа мужчин. Их было двенадцать. Они шли не спеша и о чем-то спорили.

Впереди, на некотором расстоянии от них, шел их Учитель. Это был Христос. Его ученики спорили между собой о том, кто из них больший.

Спор за первое место показал, что ученики в то время еще не знали сущности учения Христа. Их желание быть ближе к Учителю было опорочено нечистыми побуждениями. Сыновья Зеведеевы, Иаков и Иоанн, решили просить мать поговорить с Иисусом, чтобы получить это место, пока Петр не успел его занять. А Петр думал иначе: «Первое

место должно принадлежать мне. Ведь не кого-нибудь другого, а меня Иисус назвал камнем...»

Христос слышал этот спор. Он читал мысли Своих учеников. Однако Он спросил их: «О чем вы говорили?»

Ученики молчали. Им было стыдно признаться, что спор шел о первенстве.

О том, что было потом, подробно описал Иоанн: «Иисус, встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался; потом налил воды в умывальницу, и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан».

Христос омыл ноги Своим ученикам, в том числе и Иуде, сказав: «Я дал вам пример». Этим Он изменил их понятия о том, кто из них первый.

Если бы в этом свете видели себя церковные лидеры, у нас никогда не было бы делений и разногласий.

КАК ЧИТАЕШЬ?

Читают люди Евангелие по-разному, и потому не все читающие получают от этого существенную пользу.

Вчера я слышал рассказ об одном человеке, который просил верующих:

— Почитайте мне что-нибудь из Откровения.

Другими книгами он не интересовался.

Вскоре выяснилась причина. Этот человек имел много припрятанных «николаевских» денег, оставшихся у него после революции. Теперь ему хотелось знать, что говорит Откровение о восстановлении царского режима, о будущем России. Восстановится ли монархия? Если да, то «николаевки» пошли бы в ход.

Чтение Евангелия с такими корыстолюбивыми побуждениями пользы душе принести не может.

Когда-то Христос спрашивал у законника: «Как читаешь?»

Очень важно читать Евангелие с открытым сердцем.

Известно, что М. Горький, путешествуя по России, имел в своей дорожной сумке Евангелие. Об этом подробно рассказывает его биограф И. Груздев. Горькому приходилось по

ночам читать Псалтирь у изголовья покойников. Это чтение давало молодому Алеше рублевку, а умершему ровно ничего.

Мой знакомый, проживающий ныне в Редвудсити, в Калифорнии, как-то рассказывал:

— А я ведь тоже читал Псалтирь над покойниками. Бывало, читаю час, другой, третий, глаза смежаются, язык заплетается, а я все читаю. А однажды меня толкнула в бок старушка и крикнула над ухом: «Как читаешь?» Оказалось, что побежденный сном, я произносил случайные слова без всякого смысла. Старушка догадалась, в чем дело, и меня встряхнула.

ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ

После трудового дня на фабрике я решил несколько минут отдохнуть за легко читаемой книгой. Взял с полки «Егора Булычева» М. Горького. Но и здесь, в этой пьесе, я не нашел легкого чтива. В ней тоже проповедуется философия жизни, о которой люди обычно начинают думать только перед смертью.

Егор пытается обвинять Бога в том, что Он, Бог, не может уберечь человека от смерти. По его понятию, смерть — высшая несправедливость, а не закономерность. Умирая, он говорит: «Все умирают? Зачем? Ну пускай все, а я зачем?»

Видно, М. Горького занимали вопросы человеческого бессмертия. Он думал об этом, но не дошел до понимания жизни в ее высшем смысле. Горький не верил в загробную жизнь, и его неверие всегда стояло преградой на пути к разгадке смысла жизни.

Горький с большой художественной силой показывает, как больной Булычев сражается со смертью. Вокруг него, умирающего, мечутся в панике злые, корыстные, алчные домочадцы, мечутся, как воронье, ждут, чтобы поскорее поделить наследство. А Егор говорит своему домашнему лекарю-трубачу: «Глуши их, Гаврило! Глуши! Труби конец миру!»

Но это был конец не миру, а конец Булычеву, прожившему жизнь без Бога, без Христа, без надежды на жизнь веч-

ную. Перед лицом смерти Егор осознал, что его жизнь загублена, что он должен был жить иначе, идти другим путем.

Но идти новым путем было уже поздно. Всему свое время.

Одно остается мне непонятным: почему многие люди, зная все это, не хотят примириться с Богом вовремя, чтобы не метаться в страхе перед смертью.

Как, должно быть, мучительно страшно расставался великий писатель со своей земной жизнью, если не хотел верить, что смерть — это только перемена адреса.

НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ

Наконец я вырвался из цепких объятий шумного города и сегодня отдыхаю на лоне природы. Три часа нас катил автомобиль к берегам Серебряного озера. Оно расположено на высоте шести тысяч футов. В нем стаями ходит форель; и несколько рыболовов замерли в лодках, ожидая клева.

Вокруг стенкой высятся скалистые горы, отражаясь в зеркальной глади озера: вот-вот, кажется, сорвутся их снеговые шапки и полетят в бездну холодного синего пространства.

Если подойти ближе к берегу, в озере можно увидеть свое отражение, а если бросить в озеро камень, громко отзовется вода и долго будут расходиться круги.

Так как рыба не ловится, я взял блокнот и записал первые слова нового стихотворения:

Я вдыхаю свежесть горную
Этих диких, дальних мест.
Мне, наверно, Калифорния
Никогда не надоест.

Меня прервал сын. Он слишком смело прыгал с удочкой с камня на камень, разбил колено, нужно было остановить кровь.

Теперь я выбрал удобное место, присел под коренастой сосной, смотрю на открытые взору красивые дали и думаю: как велик и чуден мой Бог!

Некоторые говорят, что им очень трудно верить в Бога, а я это никак не могу понять. Мне кажется, наоборот: как

трудно не верить в Творца, когда видишь такой чудесный, разумно устроенный мир! Если на одно мгновение допустить, что все то, что меня сегодня окружает — эти горы, озера, ручьи, эти цветы и травы, этот воздух и это солнце — вся вселенная, есть не что иное, как бездушная, никем не управляемая машина, тогда жизнь теряет всякий смысл. Зачем трудиться и страдать?

Но если я, посмотрев еще раз вокруг себя, вижу во всем творческую руку Господа, Его премудрость, Его силу, Бог становится для меня реальной Личностью, и мне хочется радоваться и жить.

Не может безличное творить личное! Это — моя вера, мое убеждение. Всякая жизнь имеет смысл, а ее Творец достоин бесконечной хвалы и прославления.

И опять невольно тянется рука к блокноту и вписывает новые строки:

Как не верить в разумность Творца
И в разумность Его мироздания?
Со Христом — чудеса без конца,
Без Него — темнота и страдание.

Слепая, неразумная стихия не могла создать такую красоту. Из камня, каких здесь миллионы, не мог образоваться цветок. Вот я держу его в руке, считаю его голубые, как небеса, лепестки, вижу тычинки, а на них пыльцу, и цветок мне кажется живым. Он так пристально смотрит в мои очи, словно хочет сказать: «Зачем ты меня сорвал, отнял от корня, лишил жизни? Я был нежен, пахуч, ласков, радовал каждого, а теперь я засохну...»

Необъятный разум Творца создал и цветок, и человека. Он дал нам жизнь. Он указал путь к осмысленной, счастливой жизни. Он знает наши имена. Вот почему только личная вера в личного Бога может сделать человека счастливым, способным видеть Его чудеса.

В мире нет ничего бессмысленного. То, что сегодня может показаться бессмысленным, завтра обретет смысл.

Бессмысленна только жизнь без веры в Бога.

Я записываю эти мысли и смотрю, как над вершиной горы замерло небольшое светлое облачко. Кажется, если

взобраться на эту вершину, его можно достать руками. Но это только так кажется на большом расстоянии. Приближение к предмету меняет его очертания. Пойми это, моя душа, и не унывай, взбираясь по узенькой тропинке на высоты Господни.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Богат и разнообразен окружающий нас мир!

Если только скользнуть взглядом по этим калифорнийским холмам, наряженным в зеленую одежду кустов, по рекам, по голубым заливам, по этим бескрайним небесам — все как будто просто, нет ничего примечательного, все старо, все это мы уже видели не один раз.

Но стоит только присмотреться к этому белесому, как лебедь, облачку, плавающему в бескрайнем океане неба, к этому старому, одинокому дереву, дремлющему у обрыва, к этому маленькому озерцу, затерявшемуся среди зеленых лугов, к этой маленькой пичужке, порхающей по кустам, — и начинаешь понимать всю сложность и многообразие этого мира, удивительную соразмерность в природе.

Во всем видна мудрость Творца. Земля поет и радуется. Она рада служить человеку, и она служит ему: одевает его и кормит.

А если после этого присмотреться к человеку — хочется плакать.

У каждого человека свой мирок. «Странствуя и мучаясь», человек не нашел свое место в этой жизни, не понял своего назначения, своего истинного призвания. Он топчется вокруг своего «я», как конь на привязи, ходит по кругу: работа, еда, сон. Родился и умер... В красотах природы он не замечает руки Творца, не знает, что его земное существование — школа, в которой он должен себя приготовить к встрече с Жизнедавцем.

«Небеса проповедуют славу Божию, и о делах Его рук вещает твердь», — писал псалмопевец.

Как мало на земле людей, внимающих этой проповеди!

ПАМЯТНАЯ ТЕТРАДЬ

В архивах моего друга оказалась, можно сказать, историческая тетрадь. Он передал ее мне. На первой порыжевшей от времени странице написано: «ЧИТА, 19 июля 1917 года».

Значит, этой тетради шестьдесят лет.

Просматривал я страницу за страницей с особым, трепетным чувством. Это был дневник. Чья-то жизнь нашла в нем свое отражение. На первых страницах записи сделаны разными почерками. Наряду с глубокомысленными, философскими выражениями кто-то записал крупными буквами с левым наклоном:

Там, где вечно блещет море,
Где волна, гранит, утес,
Он стоял с тоской во взоре,
Ковыряя пальцем нос.

Переворачиваю страницу. Здесь другой почерк вывел слова: «Не шутите с огнем, в особенности, если он находится в сердце молодой девушки. Чита, Пансион».

Дальше следуют стихи Надсона, Фета, Тютчева, Бальмонта. Видно, эти авторы были тогда в моде.

В середине тетради та рука, которая начинала первую страницу, отчетливо начертала слова: «Говорят, что Богом дана нам жизнь — кому на рубль, а кому на копейку. Неправда это. Бог дал жизнь каждому на рубль, но одни ее ценят, а другие прожигают, пускают на ветер».

И дальше:

«Сегодня вместе с Шурой я была на богослужении евангелистов. Чего только я не слышала о них — грязного и скверного. Оказывается, все это чьи-то выдумки. Это не пустые и дикие люди, как говорила наша соседка. Я слушала проповедь, и от волнения так стучало мое сердце, что я не находила себе места. Когда сказала об этом Шуре, она ответила: «Это стучался в твое сердце Господь».

Переворачиваю страницу. На ней — записи расходов:

«За хлеб — 10 рублей.
За белье — 2.80.
Товарщику — 9.56.

За молоко — 3 руб.
Петру — 10 руб.»

Через несколько страниц сделана следующая запись: «Завтра нам грузиться на пароход. Я не боюсь океана, не боюсь даже ада, ибо со мною Господь. Сегодня я так молилась: «Господи, я целиком принадлежу Тебе. Как хочешь, так и поступиай со мной...»

Самой интересной и назидательной я нашел последнюю запись: «Сегодня заболела Дина бронхитом. Температура. А совсем недавно обожгла руки. Господи, откуда на меня такое несчастье? У Толи понос и коклюш, а у Васи на ногах нарывы и золотуха выступила. Лучше бы все эти болезни посыпались на меня. Матери переносить легче. Сегодня я пощусь и молюсь. Теперь я знаю, почему эти переживания пришли в наш дом: уклонились мы от Божьего пути. А Бог кого любит, того и наказывает...»

Как жаль, что на этом записи оборвались.

БЫВАЮТ И ТАКИЕ МАТЕРИ

Мое уединение нарушил подкативший «бьюик». Из него вышла молодая пара — муж и жена. Она — в купальном костюме, тонкая, гибкая, весело о чем-то щебечет. Он, хмурый, мускулистый, с неподвижным полным лицом, принялся сразу же собирать дрова и растапливать печь, специально сооруженную для пикников.

Под деревом, на столе, появились ящики с продуктами. Она открыла две банки пива, улыбнулась мужу и, как пиявка, присосалась к банке. Потом оба закурили, о чем-то мечтательно беседовали, жарили мясо. В это время в автомобиле подал голос ребенок. Он заплакал жалобно, надрывно.

Прошла минута, вторая, пятая. Ребенок не успокаивался. Я сидел в стороне на лужайке и наблюдал за молодой парой. Они с аппетитом уплетали мясо, и лица их были безмятежны. Охрипший голосок ребенка, казалось, просил умоляюще: «Ма-а-а-ма... Смилуйтесь надо мною! Я ведь мокрый, голодный, мне в автомобиле жарко, нечем дышать. Возьмите меня на свежий воздух. Неужели вам нет до меня дела?..»

— Барбара, замолчи! — раздался разгневанный голос матери. Она шелкнула зажигалкой, прикурила и занялась рассматриванием рекламы в газете.

Прошло около десяти минут. Ребенок на мгновение затихал и снова плакал.

Что я пережил за эти минуты! Мое сердце сжималось от боли. «Кто это? — думал. — Люди? Откуда они, с какой планеты?» Я еле сдерживал себя, чтобы не подойти и не разметать пивные банки, которыми был уставлен стол.

И когда ребенок совсем изнемог, к автомобилю вяло подошел отец. Он взял дитя на руки. Это была девочка месяцев пяти-шести, такая же смуглая, как мать, и худенькая, как стебелек полевого цветка.

Отец не спеша взял бутылку молока с соской, сунул ее маленькой Варваре, и девочка, блаженно урча, принялась утолять голод и жажду.

Нет, как хотите, но я не могу назвать эту женщину матерью, чтобы не запятнать святое и дорогое каждому — «МАТЬ».

ДЕРЕВЬЯ-ВЕЛИКАНЫ

Калифорнийцы заслуженно гордятся своими национальными парками. Мне довелось побывать в нескольких. Особое впечатление осталось у меня от Редвуд-парка.

Один из моих братьев по вере, из Саратоги, предложил мне однажды посмотреть колоссальные деревья — «редвуд». Автомобилишко был у него в ту пору старый, но довольно сильный. Он долго крутил нас по извилистым, узким дорогам. В чашобах густого лиственного леса было пасмурно и сыро.

В заповедник этих деревьев-великанов мы въехали, как в храм. Нас обнимала чарующая тишина. Посмотришь на верхушку дерева — шляпа спадает с головы. Душа, смиряясь перед величием Творца, хочет молиться. Чем-то древним веет от деревьев, которые красовались еще во времена Христа. Некоторым из них более двух тысяч лет.

Кто был обитателем этих мест в те времена? Чьи глаза

глядели на эти деревья две тысячи лет тому назад? Кто их посадил? Кто за ними ухаживал?

Все это остается неразгаданной тайной.

Трудно представить колоссальность этих деревьев тому, кто их никогда не видел. Если сквозь дупло у основания дерева свободно проезжают автомобили, сколько же жизненной энергии земли впитало оно за несколько тысячелетий?!

Прочность и живучесть этих деревьев объясняется тем, что их древесина содержит в себе таниновую кислоту. Она предохраняет дерево от гниения, от порчи насекомыми. Эти деревья имеют также и хорошее наружное предохранение: толстую, прочную, огнеупорную кору.

Можно представить также, какие глубокие корни у этих деревьев, чтобы в непогоду и бури веками держать такую громаду.

Мне казалось, что если бы Христос проходил мимо таких деревьев со Своими учениками, Он бы обязательно рассказал им притчу об этих великанах.

Мы, люди, в некотором смысле похожи на деревья. Чтобы устоять в буре происходящих теперь событий, нам тоже нужны глубокие корни. И эти корни должны входить в основание Божие, питать нас, держать в любую погоду.

Эти корни – наша вера.

Нам нужна и «таниновая кислота», которая бы предохраняла нас от духовного разложения, от сатанинских «насекомых». Эту роль исполняет Дух Святой. Наполняя верующего, Он делает его неуязвимым, крепким и устойчивым.

Наша защитная кора – Слово Божье.

Все это дано Творцом каждому человеку. Но не каждый пользуется этими величайшими, чудными дарами. Оттого среди нас так много «деревьев-карликов» и так мало великанов. Материал деревьев-карликов – нестройной, он чаще всего идет на дрова или на удобрения.

Сегодня мне хочется еще раз прочитать первый псалом: «Блажен муж... И он будет, как дерево, посаженное при потоках вод...сочным во всякое время».

Хочется читать и думать о своей жизни.

РЕЛИГИЯ НА СЛУЖБЕ У БИЗНЕСА

В Сакраменто есть большой ювелирный магазин. Хозяин магазина — еврей, для которого Христос — только презренный плотник из Назарета, не больше.

Один из служащих этого магазина, мой знакомый, пробовал говорить с хозяином о Христе. В ответ он слышал только такие слова:

— Кто? Этот плотник из Назарета, именем которого ругаются многие американцы?

Нелегко верующему убедить неверующего, что Христос — Солнце правды, Спаситель мира, единственная надежда мира. Без Него сплошная ночь давно уже поглотила бы землю.

Каждый год, за месяц перед Рождеством, хозяин ювелирного магазина устанавливает магнитофон со звуковым усилителем и один за другим повторяет рождественские гимны.

Мягкие звуки «Тихой ночи» оглашают здание большого и богатого магазина, а в это время хозяин ходит, потирая руки от удовольствия. И как не радоваться? Магазин полон покупателей.

Что это такое? Как это понять? Очень просто: религия на службе у бизнеса.

Неверующие бизнесмены беспринципны. Для них главное — привлечь покупателей.

И все-таки, слыша рождественские гимны на улицах американских городов — кто бы их ни передавал, — мое сердце радуется: ведь так или иначе, но славится чудное имя Христа!

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Милях в двадцати от Калистоги, в Калифорнии, по пути на Гайзерс, есть крутые подъемы. Узкая дорога ввинчивается в отвесные скалы, сползает в ущелье и снова, извиваясь, набирает высоту. Я поднялся высоко и обнаружил, что в радиаторе моего автомобиля закипела вода. Я остано-

вился на удобной площадке, и взору открылась чудесная панорама.

Город Гилсбург, охваченный предвечерней дымкой, лежал передо мною, как на ладони. В бинокль хорошо были видны разбросанные домишки Виндзора. Стальной стрелой блестит под солнцем новая шоссейная дорога, дымилась две лесопилки, а за ними, как игрушечный, тащился паровоз с несколькими вагонами.

Я долго сидел на сером камне и, погрузившись в свои думы, забыл о давно остывшем моторе.

Широта и грандиозность вида захватывали дух, и я чувствовал себя парящим в воздухе. Я думал о том, как трудно подниматься на эту высоту, но зато какой простор душе, сколько красот природы открывается отсюда!

Простой, но удивительный закон Создателя: поднимаешься выше – увидишь больше. Значит, новые горизонты открываются с новых позиций, но эти позиции должны быть выше предыдущих.

Не в этом ли призвание каждого человека: подниматься выше, чтобы видеть больше? И как хорошо, что на крутых подъемах христианина поддерживает рука Спасителя!

В НАШИ ДНИ

В воскресенье у каждого человека есть свое любимое занятие. После церкви я люблю послушать по радио проповедников, которые сами верят в то, о чем проповедуют. А как узнать, кто из них верит в то, о чем проповедует, а кто нет?

Здесь на помощь приходит интуиция, внутреннее чутье верующего.

Служение проповедника Истины – величайшее дело. Бог доверяет это служение не каждому. Мало знать, надо еще умение передать то, что знаешь. А передать можно только тому, кого любишь. Без искренней любви к человеку служение проповедника – «медь звенящая или кимвал звучащий» (1 Кор. 13:1).

Однажды я слышал, как один русский проповедник разговаривал с бывшим советским молодым человеком. Изме-

ряя его с ног до головы колючим взглядом, он говорил с ним свысока, пренебрежительно, припоминал ему старое «привольное» житье в России.

Позднее молодой человек сказал: «Это не проповедник, а жандарм, с той только разницей, что не носит бляхи».

Апостол Павел так любил свой народ, так непрестанно печалился, видя его ожесточение против Бога, что однажды написал: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти» (Рим. 9:23).

Много ли теперь таких апостолов? Большинство из них никогда не беспокоило положение народа.

В наши дни мы можем найти утешение только во Христе, но не в людях.

РАЗГОВОР О СТИХАХ

Сегодня меня спросили: «Пишете ли вы стихи?»

Да, я иногда пишу стихи. Насколько они хороши — не мне судить, но я хорошо знаю одно: стихов за границей не любят, их почти никто не читает. И даже тот человек, который спросил меня, пишу ли я стихи, — не прочел те сборники моих стихов, которые я ему подарил.

Чем объяснить, что в России люди больше увлекаются стихами, нежели за границей? Очень просто: стихи — живое слово от души к душе; а душа за границей заморена, она еле-еле дышит, стала пленницей материализма.

Душа в загоне! Для тела здесь все есть: мясные котлеты с перцем и луком, бутылка вина, две-три пластинки с танцевальной музыкой, вдоволь модной одежды. А стихи? Зачем они? Какая от них польза?

Однажды меня пригласили знакомые на чашку чая. Когда разговор о заработках, о распродажах и прочей житейской шелухе мне изрядно надоел, а все мои попытки повернуть наши мысли к духовным нуждам встречали сопротивление, я предложил прочесть поэму Семена Кирсанова, которая начиналась словами:

Еще не опален
Дыханьем близкой брани,

Сидит Наполеон
На белом барабане.

Поэт рисовал картину ожидания Бородинского сражения, рисовал талантливо, как настоящий художник. Мои слушатели позевывали и скучными глазами смотрели в окно на улицу, где умирали последние краски дня.

Поэма им не понравилась.

Выдающийся поэт Семен Кирсанов, узнав об этом, не обиделся бы. Ведь поэма не понравилась эмигрантам, которые истосковались по свободе, по хорошей жизни и теперь с ненасытимой жадностью набросились в Америке на то и другое. О душе им думать некогда.

Кстати, вспомнил эпизод. В Лондоне, на площади у памятника, на котором не было надписи, мальчик продавал газеты. К нему подошел прохожий и спросил:

— Мальчик, если ты скажешь, кому поставлен этот памятник, я куплю у тебя одну газету.

— Поэту Роберту Бернсу, — ответил мальчик.

— Хорошо, мальчик, — сказал прохожий. — Теперь скажи, за что ему поставили памятник, и я куплю у тебя все газеты.

— За то, что он умер, — ответил мальчик.

Мальчик был прав.

Роберт Бернс — гениальный шотландский поэт, выходец из крестьян, стал популярным только после смерти.

Но бывает и так, что популярность умирает вместе с поэтом.

ПАПА, ГДЕ ТЫ?

Как-то, после работы, я поехал в ближайший парк вместе с сыном. Широкие листья огромных деревьев казались застывшими в глубокой дреме. Солнце скатывалось за голубую черту гор, и мне было приятно подышать запахами скошенной травы.

Я шел извилистыми дорожками среди роз и лилий. Трехлетнего сына приходилось держать за руку, потому что он

рвался к озеру. Наконец он вырвался, побежал к воде. Я не пошел за ним, а встал за деревом и наблюдал. Несколько минут он увлекался утками, бросал им крошки хлеба, но как только еда кончилась, утки от него уплыли на середину озера.

Сын оглянулся, тревожно посмотрел по сторонам и, не заметив меня, начал поиски.

— Папа, па-а-па, где ты?

Я терпеливо молчал.

Он оглядывался по сторонам, искал среди кустов. К нему подошли старик со старушкой, о чем-то спросили, но он твердил одно:

— Па-а-а-па, па-а-а-па...

Сын расплакался. Он не знал, что дальше делать.

В эту минуту я подал свой голос, оставаясь за деревом:

— Коля!

На заплаканном лице сына сразу вспыхнула улыбка. Теперь он знал, что отец где-то недалеко.

Как только я вышел из-за дерева, он бросился мне навстречу, обхватил ручонками и посмотрел на меня с обидой. Я подал ему руку, и он крепко держал ее до конца нашей прогулки.

И я думал: ведь точно так бывает и в жизни, когда христиане, увлекаясь мишурой земли, теряют присутствие Христа. Блажен, кто, заблудившись, вовремя подаст Ему свой голос, позовет Его выйти навстречу.

И если отец не оставляет своих детей без наблюдения, оставит ли Господь того, кто стал Его чадом?

Никогда!

Христос сказал: «Овцы Мои слушаются голоса Моего» (Ин. 10:27). Да, овцы слушают голос Пастыря, и если случайно теряют Его из виду, Он подает им Свой голос и идет навстречу. А если овцы не слушают голос Пастыря, то они не овцы, а круторогие бараны.

Когда-то в детстве мне приходилось пасти овец, и я знаю повадки этих животных. Но я также помню, как дрались бараны. Напрягая шеи, они бросались друг на друга, и, казалось, от их лбов сыпались искры. Дерутся бараны страшно. Если они сцепятся рогами, их трудно разъединить.

В стаде Христа наряду с кроткими, смиренными овцами встречаются иногда и бараны. Как они оказались в стаде? Этого я не знаю. В нашей жизни есть много непонятных явлений.

ОПАСНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Сегодня, в восемь часов утра, на фабрике, где я работаю, на цементный пол замертво упал повар. Ему было сорок девять лет. Он никогда не жаловался на плохое здоровье.

За несколько недель до этого на дворе той же фабрики, за рулем грузовика, умер шофер. Ему было сорок пять лет.

Я вспомнил, что великий русский композитор Бородин умер во время танцев. Веселился, танцевал мазурку и упал навзничь замертво.

Вспомнил о благословенном муже Божьем И. В. Непраше. Он отошел в вечность на вокзальной скамейке, с раскрытой Библией в руках.

По-разному живут, по-разному умирают люди.

Когда в фабричной столовой я сказал своему соседу, что такое может случиться с каждым, он заметил:

— Я хотел бы умереть пьяным!

Догадываюсь, почему. Недавно я пытался его убедить, что после смерти человек остается навеки в том состоянии духа, в каком его застигает смерть. А так как «пьяному море по колено», то ему казалось, что это — самое лучшее состояние перед смертью. Ничего не страшно.

Но это опасная философия!

БЕДНАЯ ЖЕНЩИНА

Я стою в очереди за обедом. Фабричная столовая, огромная и светлая, наполнена приглушенными голосами. Впереди меня — худенькая, с детским личиком, женщина. Лицо ее белое, бескровное и маленькое, кисти рук тоненькие. Длинные пальцы привычно открывают пачку сигарет и щелкают зажигалкой.

Женщина курила, как опытная курильщица, жадно втягивая в себя дым.

И тут во мне загорелось желание спросить:

– Скажите, пожалуйста, почему вы курите?

Женщина смущенно взглянула на меня. Видно, такого вопроса она не ожидала и, может быть, никогда над этим не задумывалась.

Я знал, что спрашивать об этом – неэтично, но и промолчать не мог. Болезненный вид женщины вызывал сострадание.

– Если вы мне докажете, что курение полезно, то я тоже начну курить, – сказал я. – А если курение вредно, то почему вы курите?

Женщина сделала еще одну глубокую затяжку и, выпустив дым, ответила:

– Я не знаю.

Бедная женщина! Вероятно, она – мать малых детей, и делает это по незнанию.

И таких миллионы. Они есть и среди христиан.

Если бы те деньги, которые номинальные христиане превращают в дым, отдавались на дело Божье, ни одна церковь не испытывала бы материальных затруднений.

ЗА ГОРОДОМ

Ветер шумит в листве огромных эвкалиптов, шумит сердито и настойчиво. Надо мною простирается звездное калифорнийское небо, тихое и спокойное. Я долго вглядываюсь в яркую звезду на западе. Она мигает синеватым светом, словно зовет к себе скучающих, обиженных, разочарованных на этой земле. Я лежу в полуоткрытой палатке и не могу уснуть. Сквозь качающиеся листья просвечивает рог луны. По стенам палатки мечутся причудливые тени деревьев. Невдалеке лениво и надоедливо лает собака. Детским плачем вторит ей сова.

– Папа, слышишь музыку? – спрашивает у меня сын. Он лежит со мною рядом на узенькой кровати-раскладушке.

– Нет, музыки я не слышу.

— Как же? А собачий лай и крик совы? Разве это не музыка?

— Верно, — соглашаюсь я с сыном и думаю, не отсюда ли черпают вдохновение мастера американского джаза?

Подсвечивая карманным фонарем, сын смотрит на часы:

— Три часа, — говорит он тихо, будто для себя, и вздыхает.

Ветер усилился. Поскрипывают вековые деревья. Непривычная обстановка разгоняет и мой сон. Много я передумал в эту ночь. Это был мой отпуск. Я не боялся утром опоздать на работу и дал волю мыслям и воспоминаниям. На память пришли слова Христа, сказанные ученикам: «Отдохните теперь немного». И было приятно знать, что Он заботился об отдыхе Своих учеников, заботится о каждом из нас.

Едва забрезжил рассвет, как сын молча встал, наскороправил кровать и тихо проговорил:

— Папа, я поеду «на рыбу». Не беспокойся. К завтраку вернусь.

Вероятно, сын всю ночь ожидал счастливой минуты закинуть удочку в Светлом озере и не прозевать первый клев.

Ветер внезапно притих, словно притаился. Вдали, будто на краю земли, стонала незнакомая птица. Внизу, где стоял небольшой домик моего друга-американца, раздались приглушенные голоса. Вскоре загудел мотор автомобиля. Рыбаки уехали на озеро. Я решил остаться в палатке и немного поспать. Но сон не приходил. Я оделся, вышел во двор, сел на скамейку под скворечником. Восток разгорался румянцем, словно там полыхал в пламени лес. Внизу, в ущелье, светилось темно-голубое пятно — большое озеро. Там гудел уже не один мотор, и я подумал, что даже здесь, на высоте двух тысяч футов, нельзя человеку избавиться от шума машин.

Радуюсь утру, на деревьях защебетали птицы. Чистый, словно профильтрованный, воздух освежал мою голову, лечил бессонницу.

Несколько дней назад мне позвонил американец, мой друг Бриско Кренкле: «Приезжай на озеро, довольно тебе коптиться в Сакраменто».

Первое письмо от Бриско я получил в 1950 году, в Мюнхене. Я не знал английского языка и попросил немца пе-

ревести письмо. Письмо было из Аламеды, небольшого городка возле Сан-Франциско.

«Дорогой брат», – прочел немец и многозначительно посмотрел на меня.

– Танцуй, – сказал он мне повелительно. – У тебя в Америке нашелся брат.

– Это невозможно, – ответил я. – От брата я получил письмо из России. Он – инвалид войны, живет на пенсии.

– Значит, это твой второй брат, – настаивал немец.

– Второго брата у меня нет!

– Посмотрим, что он дальше пишет, – согласился немец и сразу же начал переводить на немецкий: «Приветствую тебя и твою семью именем Иисуса Христа».

Я сразу понял, в чем дело. Писал единоведец.

«...В войну я потерял двух своих сыновей. Это было большим для меня испытанием. И вот я решил помочь Вам приехать в США. Ваш адрес дал мне Союз церквей. Сам я – маляр. Для Вас есть работа, квартира и мебель. Если нужна какая-либо помощь – пишите...»

Это письмо меня тронуло. Писал человек, которого я никогда не знал. В 1951 году мы с ним встретились в его доме. Простое, приветливое лицо, ласковые, светлые глаза с поседевшими бровями, мозолистые руки, познавшие тяжелый труд, – таким я увидел его впервые.

Но вернемся к началу.

Жена Бриско, пожилая спокойная женщина, вышла ко мне во двор, спросила, как спалось, и присела на скамейку.

– Знаете, – сказала она, – кто ближе к природе, тот ближе к Богу. Много теряют те люди, которые уходят с головой в свой бизнес и не находят времени оторваться от города и послушать, ну, хотя бы вот этих птичек...

На дереве, у скворечника, неутомно щебетала птица.

– Природа – это храм Божий, – продолжала миссис Кренкле.

Солнце выходило из-за гор и окрасило почти полнеба в золото и пурпур. Было тихо и свежо. Деревья едва шевелили листочками. Вдали раскинулись два выгоревших на солнце холма. Они походили на гигантское седло, а деревья на них казались зелеными пятнами. Внизу, на склоне соседней

горы, виднелся ореховый сад. Деревья были посажены ровными рядами, оттого сад напоминал шахматную доску.

Много раз я мечтал поселиться в таком глухом месте, чтобы посвятить себя целиком литературной работе, даже если этот труд почти никому в эмиграции не нужен. Есть такая потребность: рассказать людям о трагедии русского человека – беженца.

Незаметно прошли час, другой... Вернулись наши рыбаки. Пойманную рыбу они оставили в лодке. Наскоро позавтракав, мы все отправились на озеро. После ночного ветра оно было беспокойно. Нашу лодку качало, бросало в стороны, мотор глох, и нам стоило немало труда завести его снова. Ветер сорвал мою шапку и безжалостно бросил в пенистые волны.

Мы повернули в тихую, защищенную от ветров кустами заводь и встали у берега. Клев был хороший. Сын таскал одну за другой небольшие рыбешки. Не одну подсек и Андриан Никитин, наш друг, талантливый математик, но в душе – настоящий поэт. Андриан смотрит на природу, как на невесту. Улыбаясь, он тихо напевает:

Великий Бог, когда на мир смотрю я,
На все, что Ты создал Своей рукой...

Его русые, с медным отливом волосы, треплет ветерок. Он весь в песне и не замечает, как его леску дергает рыба.

Вечером мы поехали по узенькой горной дороге в глубь леса. Новый «крайслер» мистера Кренкле поднял нас так высоко, что огромное, в девять миль шириной, озеро казалось игрушечным. Чем выше мы поднимались, тем глуше, торжественнее и сумрачнее становился лес. Густой смолистый запах напоминал родные брянские леса.

Солнце спешило скатиться за дальнюю гору. Тени становились длиннее и гуще. Через час мы спустились к озеру, на хорошую дорогу. Там с шумом и треском неслась автомобильная Америка. Выждав удобный момент, мы тоже влились в это неудержимое течение.

Слава Богу, что на нашей земле еще есть такие места, где, как бы слившись с первозданной природой, еще ближе ощущаешь присутствие Творца.

БЕРЕГИ ДУШУ...

Он, опершись на длинную суковатую палку, дремал на скамейке, в тени густо разросшегося фигового дерева. Временами он поднимал густые белые, как лен, брови, безразлично поглядывал на дорогу, затем его веки снова опускались в сладкой дреме. Его седую голову прикрывала фуражка русского фасона.

На соседних скамейках сидели несколько стариков. Я подошел к тем, что раскладывали пасьянс, и спросил:

— Кто из вас знает, в какой комнате живет мистер В.?

— Это кто же? — спросил один у другого. — Латыш? Тогда иди к тому парню, — прошамкал старик, жевавший табак, указав на соседнюю скамейку.

Так впервые я познакомился с домом престарелых, расположенном на Франклин-бульваре, за городом Сакраменто, неподалеку от фабрики, где я работаю.

Красное кирпичное здание казалось похожим на больницу: молчаливо светились маленькие окна, а под ними зеленели густые кусты давно отцветшей сирени.

Сын старика-латыша работает со мной на одной фабрике. Он просил меня проведать его отца, «выжившего из ума от чтения Библии».

— Надоел он мне, вот я его и отвез в богадельню. Узнай, как там ему? — попросил он меня однажды.

Я подошел к скамейке. Старик поднял голову, посмотрел на меня скучающими, почти бесцветными глазами.

— Здравствуй, отец!

— Откуда вы меня знаете? — спросил он меня после некоторого молчания.

— Я вас не знаю, но хочу познакомиться.

— Это можно, — сказал старик и подвинулся. — Давно я не говорил по-русски, — высвистывал он слова. Говорить ему мешали вставные зубы.

— Кто же ты такой? — спросил старик.

Я коротко ему рассказал о себе, передал привет от сына.

Через несколько минут старик тихо рассказывал о себе, с трудом подбирая русские слова.

— Да, я жил в России, учился там, технологический ин-

ститут окончил, работал конструктором, имел патенты на несколько изобретений, а теперь вот...

Он долго молчал, силясь сказать что-то важное. Вытащил платок, спокойно вытер глаза и добавил:

— А теперь никому не нужен... Даже сыну. Единственному сыну. Сажу под этим деревом второй год, ожидаю, когда Господь позовет.

Тень, в которой мы сидели, отошла в сторону. Припекало солнце, и старик, опираясь на палку, перешел на другую скамейку, не прекращая разговор.

— Так-то, друг... Пробежит эта жизнь, и не успеешь заметить, что же самое главное, а когда увидишь, поймешь — жить уже некогда. Было у меня все: и сила, и знание, и деньги, да не умел я ими пользоваться. В революцию расстрепали, потом немцы ограбили, а теперь вот начал в Бога богатеть, да поздно. На это тоже сила нужна, а ее нету...

Я рассказывал старику о своей жизни, о том, как пришел к Богу, а он молчал, поджав губы, и слушал. К дому неожиданно подъехала машина скорой помощи, и через несколько минут двое молодых вынесли на носилках прикрытое простыней тело какой-то старушки.

Мы несколько минут молчали. Машина отъехала, и старик, сжав мои пальцы в своей сухой, холодной руке, сказал:

— Рад я за тебя, брат мой юный. Очень рад. Только одно скажу: береги душу. Это самое главное. Можно все потерять и потом приобрести еще больше, а вот потеряешь душу в богатстве, как мой сын, тогда беда. Он теперь даже дороги в церковь не знает. Молись о нем, брат мой, молись...

Вскоре прозвенел звонок к ужину, и старик простился со мною. У ворот я оглянулся: он махал мне вслед фуражкой русского фасона...

ВЕЧЕР

Вечернее небо задремало, притихло, успокоилось. И сразу же потянуло прохладой. Такова особенность sacramентских вечеров. Над городом засверкали, задрожали зве-

зды, из-за высокого здания страховой компании выкатился бледный диск луны и, кажется, остановился на месте.

Я прошел несколько кварталов от своего дома, не встретив ни одного человека. Где люди? Почему их так мало в парках и почти никого нет у реки?

Большинство американцев любят после работы отдыхать с банкой пива перед телевизором. Не думаю, что они от этого что-то выигрывают, но я знаю, чего они лишаются. Они лишают себя умиротворяющего действия природы, проповедника Божьей славы.

Город, уставший от земных трудов, тихо погружается в покой, как в бездонный океан. Только над широкими магистралями стоит бесконечный глухой автомобильный шум.

Автомобили — конек, который вывез Америку в разряд богатейших стран.

В этой суетной, но свободолюбивой стране небо такое же красивое, как и в России. Те же скучающие звезды напоминают нам о существовании нездешних миров. Одна из них, яркая, постоянно мигающая, похожа на мерцающий огнями бриллиант. Не на нее ли смотрел Есенин, когда писал:

Гори, звезда моя, не падай,
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Больное сердце не стучит.

Некоторые говорят, что думать об этом глупо. Но глупо ли готовиться к экзамену вовремя?

СОЛОМИНКА

Всем, кто жил в советской России, памятливы годы нэпа — новой экономической политики, введенной Лениным. И хотя это было «отступлением от коммунизма», но в короткое время наша деревня экономически окрепла, народ набирался сил, люди жили по-своему жизнерадостно.

В то время я был озорным пацаном. (Пусть слово «пацан» вас не смущает: я нашел его в самом лучшем русском словаре Ожегова и Шапиро.)

В нашей деревне в ту пору часто бывали свадьбы. В свадьбах принимали участие все. Хозяева не скупились на самогон. Мужики хмелели, спорили, шутили, а женщины, подвыпив, как лебеди, выплывали на круг, пускались в плясовую.

Нам, мальчуганам, хотелось все знать и все видеть.

Однажды случилась беда. Со двора выехала свадебная процессия. Ржали лошади, заливалась гармошка, звенели бубенцы, раздавались свадебные напевы. На передней повозке, наполненной подушками, сидели жених и невеста. На первом же повороте с оси слетело колесо. Жених не удержал невесту. Оба оказались посреди пыльной улицы, с разбитой иконой.

После свадьбы началось расследование, так как сразу же стало известно, что из оси кто-то вытащил загвоздку. Нужно было найти преступника.

Хитрый бородатый старик Сударев собрал нас, пацанов, дал каждому по соломинке, при этом сказал:

– Смотрите, все соломинки одинаковы. Можете измерить. Теперь идите за сарай. Я вас позову. У того, кто вытащил загвоздку, соломинка вырастет, будет длинней. Я проверю. Идите.

Старик Сударев нашел преступника. Его соломинка оказалась не длиннее, а короче. Он ее укоротил зубами.

Знает кошка, чье сало съела.

ВОЛШЕБНИК

Замечательную эстрадную песенку слушал я недавно. Она записана на пластинке в исполнении Марка Бернеса. В ней рассказывается о человеке, который умеет сеять доброту повсюду. В пустыню он «приносит дождик», оживляет ее своим присутствием, а в пасмурную погоду «солнце раздает хорошим людям».

Ты идешь, идешь по январю.
Холодно. Следы, как многоточие.
Хочешь, я с тобой заговорю,
Руку дам – и станет путь короче.

В этой доброте заключается все «волшебство» хорошего человека. Он научился быть добрым не по учебникам, не по сухим текстам катехизисов, его доброта — привычное, естественное состояние.

Нормальное состояние христианина — быть не только верующим, но и любящим.

В средние века многие алхимики неустанно искали «камень мудрости», или, как его еще называли, «философский камень», которым можно было бы превращать простые металлы в золото.

Такого камня не нашли.

А вот в нашей жизни такой камень есть. Этот «философский камень», которым можно было бы превращать «чугун и железо в золото», — любовь.

Когда человек отдает себя Иисусу Христу, Его божественной любви, тогда он сам загорается этой любовью. Человек становится приветливым, любезным, внимательным, отзывчивым.

Со стороны такой человек кажется «волшебником», а на самом деле все просто: он подражает Христу.

БОЖЬЯ ЛЕЧЕБНИЦА

Над дорогой, выходящей спиралью по склонам каменистых гор, застыли в воздухе несколько ястребов. Временами они, то ли резвясь, то ли за добычей, камнем бросаются вниз и снова взмывают в синеву горячего неба. Иногда из окна автомобиля я вижу только их медленно плывущие по выгоревшей траве тени. Эти тени не раз пересекали узкую ленточку дороги к гейзерам — горячим источникам вулканического происхождения в Калифорнии, в ста милях на северо-восток от Сан-Франциско.

Земля, обрызганная знойными лучами солнца, пахнет нагретой печкой. От нее исходит сухой жар, и удивительно, что совсем рядом растут огромные калифорнийские дубы, густой зеленый кустарник и другая неизвестная мне растительность.

Глубоко в каменистую почву пускают корни эти деревья, ищут живительную влагу, хранящуюся где-то в земле.

Автомобиль преодолевает подъем за подъемом. Дважды закипала в радиаторе вода, и дважды я останавливался на краю пропасти, чтобы дать возможность остыть мотору.

До моего слуха доносится шум рвущегося на свободу пара. Воздух, пропитанный скипидаром и серой, становится нестерпимо едким. Чаще встречаются домики скотоводов, прилепившиеся к склонам холмов.

В Америке не только тело, но и душа утомляется. Быстро изнашивается человек в этом стремительном ритме жизни. Я хочу жить иначе, как-то проще, спокойнее и — не могу. Я — маленькое колесико в этой сложной и огромной американской машине, части которой движутся во взаимодействии, и хочешь не хочешь, вращайся. Иначе эта машина тебя сломает, сотрет в порошок.

Отсюда так естественна тяга людей к природе. Одни любят природу, другие — просто хотят оторваться от повседневной, надоедливой суеты и городского шума, побывать наедине с небом, подышать свежим воздухом, набраться духовных и физических сил.

И вот я у гейзера.

Миловидная старушка с белыми, как снег, волосами смотрит на меня мягко и приветливо. Она что-то вспоминает, наморщив чистый лоб:

— О, я помню вас! Как ваши дети? Они с вами?

— Конечно, с нами! Как же можно без детей! Они любят ваш гейзер. Для них здесь рай...

Старушка, жена хозяина, расплывается в улыбке. Она вписывает нас в книгу и получает за это шесть долларов. За эти небольшие деньги мы можем сутки пользоваться благами чудесных горячих источников.

Рядом с просторной, светлой столовой расположен большой, недавно выстроенный бассейн. Теплая зеленоватая вода едва колеблется. В густой горной жимолости стоят ряды небольших домиков. Я еду на знакомое мне место, под ветви огромных вековых деревьев, где можно, разложив костер, по-беженски, по-пастушьи согреть чай, а потом поставить палатку или, еще проще, разместиться на ночь под открытым небом. Так делают люди, у кого не густо в кармане.

Это место долгое время называлось «маленький Сталинград». Не знаю, по какой причине, но потом его называли «Кастрово убежище», а теперь — «вьетнамские джунгли».

Человек постепенно привыкает к шуму подземного пара, к воздуху, отдающему тухлыми яйцами, и некоторым другим неудобствам.

Совсем рядом, из подножия горы, вырываются струи подземного пара. Он образует белые хлопья, особенно по утрам. Пролетев десяток футов, они тают. По трубе пар проведен в маленькое помещение для тех, кто любит париться. Действие этой процедуры чудесно.

Есть еще чудо: из одной горы проистекают три совершенно различных по своим свойствам источника. В тени огромных кленов есть источник, богатый железом и сульфатом, а немножко дальше, в прохладе зеленых фиг, — источник магниевой воды.

Каждый посетитель получает от хозяина карту, на которой подробно размечена тропа в «сад дьявола». Там действительно есть что-то от преисподней. Пар вырывается из-под земли с оглушительным свистом. Там же находится озерцо кипящей, булькающей воды, и если положить в эту воду яйца, они будут через две минуты сварены. Черная, как чернила, вода выделяет испарения, полезные для дыхательных органов. Почти рядом, из небольших горных щелей, размеренно ухает горячий пар. Земля во многих местах периодически вздрагивает и, кажется, вот-вот разверзнется, и подземные силы вырвутся на свободу.

Смотришь на эти чудесные природные богатства и не можешь не думать о непостижимой мудрости Творца, о Его всемогуществе, о Его любви к людям. На земле нет ничего бесцельного. Великий разум создавал и творил этот мир.

В ущелье незаметно опускается вечер. Сгущаются тени, на деревьях усаживаются птицы, а вершины гор все еще золотятся солнцем. Только семь часов, но люди во «вьетнамских джунглях» уже готовятся к ночлегу.

Ночью к моей палатке подойдут дикие козы. Я приготовил для них арбузные корки, остатки салата и немного хлеба.

Маленькая лампочка дает мне свет, питаюсь от автомо-

бильной батарее. Я могу сделать эти записи и прочесть главу из Книги Иова.

Из окна автомобиля я вижу, как небеса медленно загораются звездами, как звезды становятся ярче. Над поляной бесшумно летают мыши. Они повисают на ветках, как черные серьги, обрываются и снова мечутся в звездном свете.

Я ожидаю рассвета. Ночь скрыла красоту этого места, но свет побеждает тьму, и я знаю: немножко терпения — и будет свет.

ПОД ЮЖНЫМ СОЛНЦЕМ

Горячий июльский день плавает в лучах раскаленного солнца. К девяти утра исчезает ночная свежесть, которой отличаются сакраментские ночи. В воздухе пахнет пылью и дымом: где-то жгут бумагу.

Я люблю маленький городок вблизи калифорнийской столицы. Он называется Брайтом. На картах его не найти, но калифорнийцам он известен как русский поселок. Его улицы погружены в ленивую тишину. Только изредка промчится мотоциклист, поднимая пыль, которая долго стоит в воздухе, ожидая дуновения ветерка, а потом, как после раздумья, оседает на ореховые деревья, на цветы под окнами просторных домов, на высокую некошеную траву у дороги. Даже воробьи, прячась от палящего солнца, перестают чирикать. Кажется, что городок устал и ему хочется вздремнуть.

У магазина, облепленного рекламными плакатами, стоит известный всему Брайту пьяница. Рядом с ним, в тени, лежит собака. Она тяжело дышит и смотрит на хозяина мутными, подслеповатыми глазами. Дверь магазина открылась, и на пороге появилась черная, худая женщина. Несмотря на жару, она была одета в теплое старомодное пальто. Пьяница радостно шелкнул пальцами и, подойдя к женщине, взял у нее бумажный пакет. Они прошли несколько шагов и сели под деревьями. Женщина неразборчиво бормотала что-то, а он ловко открыл банку пива и стал смаковать содержимое.

За широким искусственным валом у реки раздаются детские голоса. Там до позднего вечера играют и купаются дети, и трудно поверить, что их родители когда-то родились и жили в России.

Река делает несколько крутых изгибов, бесшумно и могуче несет свои мутные, холодные воды. И хотя от гор река уже прошла немалый путь, но она не устала: безжалостно подтачивает песчаные берега, крутит сушняком, несет бревна, ящики, а бывает, и тела человеческие.

Смельчаки взбираются на огромное дерево, цепко хватаются за прикрепленную к суку веревку, раскачиваются и прыгают в воду.

У берегов есть песчаные отмели и пляжи. На рыжем, как золото, раскаленном песке выгреваются ревматики. Сюда приезжают гости из Сан-Франциско, где в это время стоит прохладная погода.

В стороне от пляжа, у небольшой заводи, примостился старик-рыбак. Он только что снял с крючка карпа. Рыба трепыхается у его ног. Он самодовольно улыбается и сквозь стекла очков мечтательно смотрит на застывший поплавок.

Мне показалось, что рыбак русский. Я даже представил его прошлую жизнь неутомимого труженика, в поту сколотившего себе небольшое состояньице.

Я сидел невдалеке, изредка посматривал на старика и видел, как постепенно с его лица исчезала улыбка, как морщинился его землистый лоб, как сосредоточенно он о чем-то думал. Ему явно везло: он снова вытащил небольшую рыбешку, но, сняв с крючка, выбросил в воду.

Я подошел к старику. Рядом с ним, прикрытая рубашкой, лежала русская газета. Я не ошибся в своем предположении.

— Здравствуйте, отец, — произнес я громко, не исключая, что в таком возрасте рыбак может быть глуховат.

— Хэллоу, хэллоу! Как поживаешь? — спросил он бодро, не глядя в мою сторону.

— Мне кажется, вы русский? — спросил я.

— А то кто же, индеец, что ли? Конечно, русский, — прохрипел он простуженным голосом. Его небольшие бесцветные глаза на некоторое время остановились на мне. — Из

Брайта, что ли? Когда-то я всех в Брайте знал, а теперь вас понаехало со всех концов, не упомнишь...

Говорил старик медленно, с трудом подыскивал слова. Его речь была смесью русских и американских слов, причем каждое слово он произносил на особый лад:

— А я вот приехал в отпуск. У нас, в Сан-Франциско, ветрено. Я тут, брат, лучше себя чувствую.

— У вас, я вижу, русская газета. Свежая? — спросил я.

— Субботняя. Посмотрите. Пишут, в Сан-Доминго каша заваривается. Туго будет Америке.

Пока я бегло просматривал газету, старик продолжал излагать свои взгляды на политическую обстановку. При этом он обнаруживал осведомленность настоящего дипломата.

— Залезли во Вьетнам, как в мышеловку, а теперь ни вперед, ни назад... Чудаки!.. Куба под носом — отдали. А Вьетнам за десять тысяч миль — держатся, как вошь за шубу. А потом в Перу и в Чили начнется...

— Откуда вам это известно? — спросил я.

— Ты, дружок, еще молодой. Там же одна беднота. Капиталисты им по доллару в день платят и еще думают, как бы четвертак срезать. Школ нет, социального обеспечения нет, а виски много...

— Да, это плохие признаки, — подтвердил я.

Старик долго молчал, собираясь с мыслями.

— А это вы читаете? — спросил я, указывая в газете на духовную беседу.

Старик поправил очки, заглянул в газету и покачал головой:

— Мелко напечатано. Не по глазам.

Я сел ближе к рыбаку и начал читать вслух:

— «Кто жаждет, иди ко Мне и пей», — сказал Христос. Человек должен прийти к источнику, если он жаждет найти правду жизни...

Старик слушал равнодушно, без всякого интереса, а когда речь зашла об ответственности перед Богом за нашу жизнь, он прокашлялся и, сматывая удочку, сказал:

— Это не для меня...

— Почему не для вас? Это для всех, — заметил я. — Поли-

тика может быть не для всех, а Христос умирал на кресте за всех, чтобы все спасены были.

Старик молчал, внимательно и недоверчиво меня оглядывая. Дружественная улыбка его исчезла. Из глубоких, спрятанных под седыми бровями глаз повеяло холодком:

— Знаю я, к чему вы клоните. Встречал я таких проповедников. У нас, в России, при царе попы голову морочили, а тут эти проповедники...

— Значит, вы в Бога не верите? — спросил я.

— Тут, в Америке, у кого есть доллар, у того и бог. Богом прикрываются, а бомбу на Хиросиму кто бросил?

Старик снял с крючка остаток червяка, бросил его в воду и проговорил:

— Пойду в тень. Тут припекает.

— Да, отец, припекает... — согласился я.

Рыбак бросил мне «гуд-бай» и, прихрамывая, пошел к деревьям.

— А рыбу-то вы забыли! — сказал я ему вслед.

Старик не услышал.

Подул тихий, прохладный ветерок. По воде робко пробежала рябь. Лениво свесив ветви, над песчаным берегом дремала ива. Омытый водою песок искрился золотыми крупцами, напоминая о том времени, которое называлось золотой лихорадкой. По реке против течения шел небольшой, словно игрушечный, пароходик. На палубе, под разноцветным грибом зонта, вокруг стола расположились несколько пассажиров. Они играли в карты и потягивали пиво. Раскаленное солнце еще стояло в зените, освещало и согревало планету, на которой живут люди, признающие и не признающие своего Творца.

БЛИЖЕ К ПРАВДЕ

Когда-то, в лагере военнопленных, я любил в вечернее время слушать рассказы бывалых людей. Иногда и я рассказывал.

Однажды, к слову, сказал в бараке:

— А все-таки Московское метро лучше Берлинского.

В тот день мы прятались от бомбежки в Берлинском метро.

Через несколько дней меня вызвал в канцелярию зондерфюрер, бывший офицер белой армии.

Не глядя на меня, он долго расхаживал по комнате, вскинув голову, как на параде. Потом начал глухим замогильным голосом:

— Большевистское отребье! Тебе не нравится Берлинское метро?

— О чем вы говорите? — осмелился я спросить.

— Не понимаешь? Кто говорил, что Берлинское метро хуже Московского?

Наконец я понял, в чем дело. В нашей среде были сексоты, и кто-то донес начальству мои слова.

— Я говорил. Это сушая правда, — признался я.

— Сушая правда? — взревел зондерфюрер, багровея и брызжа слюной. — Я отправлю тебя в Дахау!

— Позвольте сказать, — обратился я к начальнику. — Московское метро строили русские люди, и потому честь и слава принадлежит им. А вы же русский...

Гнев зондерфюрера улегся, но наказания я не миновал.

А совсем недавно один знакомый, задержав меня в магазине, рассказал:

— Вот ты, человек верующий, рассуди и скажи, как мне побороть обиду. Недавно сказал одному «благочестивому», что в советской России выпечка хлеба лучше, чем в Америке, и потому хлеб там питательней, а он мне сразу пришил коммунистический ярлык. Теперь со мной не разговаривает...

Почему так бывает? Ведь правдивость должна быть выше всего, выше личных амбиций. Если бы мы были более правдивы, избегали крайностей, нам бы больше верили.

Верующие люди часто критикуют безбожников, а того не замечают, что сами-то недалеко ушли от них. Здесь, где мы имеем духовную свободу, имеем все возможности, чтобы объединиться и показать в личной жизни духовное преимущество христиан над неверующими, идут постоянные раздоры. Люди стали похожи на механизмы. Говорят, даже

проповедуют о любви и милосердии, а глаза горят ненавистью и презрением к инакомыслящим.

Вероятно, некоторым моим соотечественникам мои заметки не понравятся. Признаюсь, они и мне не нравятся. Но пословица: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива», — не мною выдумана.

ВПЕРЕДИ – ВЕЧНОСТЬ!

Быстро летит время! А вместе со временем и наша жизнь устремляется в бесконечный океан вечности.

Как важно даже в этой спешке, когда некогда протереть очки, найти время, чтобы остановиться, осмотреться, проверить курс: правильное ли я держу направление?

В юности я никак не мог дождаться, когда мне исполнится восемнадцать лет. Дни тянулись медленно, черепашьим шагом. А теперь совсем иначе. В этом году я вспомнил о своем дне рождения на третий день после него, а в прошлом году — около месяца спустя. И то случайно.

Не понимаю, почему некоторые люди скрывают свой возраст? Никто не даст никому ни одного дня и не убавит.

Все наши годы и дни — в руках Господа.

Псалмопевец молился: «Господи, научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое».

Профессор Е. Лебедев написал много интересных статей о людях, которые боятся даже разговоров о возрасте, о приближении к закату.

Никакой мудрости я в этом не вижу.

Тот же профессор рассказывал, как в парижском театре женщины упорно не желали обращать внимание на объявления, гласящие: «Чтобы не мешать сзади сидящим — снимите шляпу!» Тогда директор пошел на хитрость. Он написал объявление так: «В шляпах разрешается сидеть только пожилым дамам».

В тот же день в зале не было ни одной женщины в шляпе.

МОЯ БЕРЕЗКА

Есть непреодолимый закон течения времени. Мы идем вместе с ним и потому не замечаем этого движения.

Недавно я оказался на той улице Сакраменто, где лет десять тому назад жил в маленьком домике.

Все как будто на месте, но, увидев березку, когда-то посаженную мною под окном, я понял, как далеко я отплыл за десять лет.

Это было маленькое, хилое деревце, неустойчивое, увядавшее в жаркие дни. Долго оно боролось с сакраментским климатом. Преждевременно желтели и осыпались нежные листочки, на белой коре появлялись бурые пятна. Я бережно окапывал березку, поливал и верил, что она не умрет, выживет, приспособится к климату, и я буду радоваться ее клейким почкам весной, а листочкам — летом.

Я родился и вырос в деревне, окруженной березовым лесом, и береза — мое родное дерево.

И вот теперь смотрю я на это дерево и не узнаю его: белый ствол, как свеча, взметнулся до крыши, а кудрявость ветвей напомнила слова есенинской «Березы»:

О чем там шепчет ветер,
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Приспособилась моя березка к новому месту, помирилась с климатом и растет теперь вверх и вширь.

Вырванный войной с корнями из родной земли, я тоже не пожелтел и не засох, потому что потоки Живой Воды ежедневно орошают мою душу.

Не знаю, как долго будет расти моя березка на том месте. Да она теперь и не моя: у нее другой хозяин. Но каждый раз, когда я буду проезжать возле этого дома, я взгляну на березку и подумаю о скоротечности нашего времени.

Не знаю, как долго я буду обитать на земле. И хорошо, что я этого не знаю.

ЖИВОЙ ВИНТИК

Сегодня на работе меня очень клонило ко сну. Казалось, упал бы на цементный пол и сразу уснул бы, как в колыбели, под непрерывный жалобный гул моторов. Но дремать нельзя. Люди работают до седьмого пота, и промедление одного тормозит весь процесс.

Я работал, как и все, представляя себя маленьким винтиком огромной и чудовищно сложной машины, имя которой — богатая Америка. Этот винтик трется, изнашивается, и приближается время, когда его резьба будет прокручиваться и он станет негодным. Главный механик скажет ему: «Ну, потрудились ты, сколько было положено, а теперь иди на отдых».

Но в этом винтике есть нечто живое, неумирающее, мыслящее, и оно останется живым и мыслящим навеки.

Неумирающая жизнь духа — это в действительности и есть сам человек, независимо от того, кем он является в земной жизни — винтиком, гайкой или целым агрегатом.

Это есть величайшее чудо, которое мы называем душой.

Р. Березов прислал мне из путешествия свое стихотворение:

Лукавый сеет семя клеветы,
Готовит для распятия кресты.
Кого распнут, злословя и браня?
Тебя сначала, а потом меня.
Когда умрем, нас могут пожалеть,
На похоронах будут дружно петь.
И скажут, не питая мыслей злых:
«Как жаль, что мы не оценили их».

И мне хочется сделать приписку:

Не знают люди, что они и ты
Бессмертны в царстве Божьей красоты.

ВЫБОР

Повеяло вечерней прохладой. В небесах, широко раскинутых над аэродромом, виднелись белые полосы. Они таяли, принимая оранжевый оттенок. Теперь их не видно совсем. Мигающие огоньки самолетов, отдаленный, еле уловимый гул моторов напоминают о присутствии человека в небе.

На окраине города луч прожектора ощупывает затерявшееся в небе облако. Луч ищет не вражеский самолет, а доверчивых покупателей, рекламируя новый магазин.

Американские специалисты рекламы — большие фантазеры.

Город не успокаивается до полуночи, улицы залиты светом, снуют во все концы автомобили. И я еду, всматриваясь в освещенную фарами полосу дороги. Вот так должно быть и в жизни: далеко мы не видим, а видим ровно столько, сколько нужно для того, чтобы безопасно продвигаться вперед.

Душа хочет тишины, ищет успокоения от тревог прожитого дня.

В американскую церковь я приехал к началу собрания. За окном бурлит городская жизнь, а здесь, в уютном, теплом зале, много света и тишины.

С кафедры говорит пресвитер. Меня трогают его слова, простые, каждому понятные и правдивые. В глазах служителя Евангелия стоят слезы. Он почти незаметно утирает их платком и говорит:

— Я родился в большой семье. Мы все любили старшего брата, и отец не чаял в нем души. Отец ходил в церковь, но был скуповат, когда собирали средства для заграничной миссии. — Помню, — продолжал пресвитер, — наш пастор сказал: «Нам нужно сделать выбор: либо мы пошлем в Европу миссионеров с благой вестью о Христе, либо нам придется посылать туда солдат». Мой отец отнесся к этому призыву скептически. А ровно через два года в наш дом принесли телеграмму. Мой брат был убит немцами при высадке в Европе. Отец долго ходил в трауре, ни с кем не разговаривал. Потом я видел его в церкви. Он встал перед всеми и сказал:

— Братья и сестры, наш проповедник был прав. Наш большой грех — скупость. Я каюсь в нем, и отныне десятую часть моего заработка отдаю на дело Божье.

Печально, что мы всегда каемся после потери, а не до нее.

ГОРОДСКАЯ ОСЕНЬ

Осторожно, почти незаметно подкрадывалась осень.

Сначала появились сухие, пепельные листья, сожженные горячим августовским солнцем. Их гонял ветерок по зеленой траве парка, словно искал для них укромное место. По утрам дольше держалась прохлада. Сентябрьский воздух казался упругим, потяжелевшим, а после первого небольшого дождика сразу напитался запахами усталой земли — и это уже был запах настоящей осени.

Школьные площадки заполнились шумной детворой, закрылись бассейны, владельцы домов чаще говорят об уплате годового налога, и это значит, что лето прошло. Будет другое лето, лето нового года, но и за ним придет осень с теми же приметами.

В этом круговороте времени самое лучшее то, что никто из нас не знает своего «завтра». «Не в воле человека путь его, не во власти идушего давать направление стопам своим», — сказал когда-то пророк Иеремия (Иер. 10:23). Так устроен человек. Его воля подчинена хозяину. И как он счастлив, если этим хозяином является его Творец.

Пришли на память и другие слова пророка Иеремии: «Пришла жатва, кончилось лето, а мы не спасены» (Иер. 8:20).

БАБУШКИНЫ ПРОГНОЗЫ

В этом году начало сакраментского лета было прохладным. Потом внезапно, в середине июня, на город навалилась жара.

Некоторые люди такие явления называют капризами

природы. В действительности же это не так. Природа не капризна. Все природные явления находятся во взаимосвязи, и главный пульт управления — под контролем Творца.

Есть ученые, которые не хотят признавать этого. Они измышляют всевозможные объяснения, но сами им не верят.

Наша добрая знакомая, американка, встречаясь с нами, неизменно начинает разговор о погоде:

— Сегодня обещали похолодание.

— Кто же это обещал похолодание? — спрашиваю я.

— Метеоролог.

Ах, эти метеорологи! Как часто они попадают впросак! Вот почему опытные предсказатели погоды обычно говорят так: «Ветер умеренный, температура девяносто — сто градусов, возможно похолодание».

Моя бабушка тоже предсказывала погоду. Уж если скажет: «Сегодня будет дождь» — обязательно будет.

— Мои косточки говорят, что будет дождь, — говорила она.

СЧАСТЬЕ ИОСИФА КАЦМАНА

Много лет тому назад, в 1816 году, на главной улице Лондона высилось красивое четырехэтажное здание с вывеской «Банк оф Майер Ротшильд».

Весь мир знал Ротшильда, финансового магната. Лондонские купцы звали его «золотым мешком». Когда Ротшильд появлялся утром на улице, купцы издали снимали перед ним черные фетровые шляпы и заискивающе улыбались:

— Гуд монинг, сэр!

Тот, кому Ротшильд, встречаясь, пожимал руку, был в почете у местной знати.

В те времена немало предприимчивых еврейских юношей приезжали в Лондон, чтобы разбогатеть на торговле сукном. Они искали покровительства и поддержки у Ротшильда. И многие находили.

Не один разбогатевший купец потом говаривал:

– Ротшильд – мой благодетель. Он расчистил мне дорожку и помог встать на ноги. Дай Бог ему здоровья!..

Иосиф, старший сын варшавского бакалейщика Кацмана, однажды в споре бросил отцу колючие слова:

– Не хочу нюхать твой керосин да деготь! Не хочу торговать спичками!

В тот день он ушел из дому.

Ушел и не вернулся.

Той же весной Иосиф Кацман появился в Лондоне, у дверей банка Ротшильда. Ротшильд на второй день принял Кацмана, слушал его благосклонно, опустив поседевшую голову. Иосиф просил заем.

– На этот раз не могу помочь. Слишком много теперь ходит таких ко мне, – проговорил Ротшильд.

В больших темных глазах Иосифа заблестели слезы.

Банкир это заметил и, как бы спохватившись, спросил:

– Почему ты пришел просить заем у меня? Есть ведь другие банки.

– Я еще в Польше слышал, что вы всем помогаете встать на ноги. Вы добрый, знаменитый... Вас весь Лондон, весь мир знает...

– Не могу, – повторил Ротшильд и углубился в свои бумаги.

Иосиф постоял у дверей и направился к выходу.

– Куда же ты пойдешь? – спросил его Ротшильд.

– Не знаю...

– Хорошо, юноша, я пройдусь с тобою до моста, – сказал магнат.

Ротшильд взял Иосифа под руку и вышел на шумную улицу. После долгих густых туманов в Лондоне установилась хорошая, солнечная погода. Под ногами порхали голуби. Со стороны Темзы тянуло приятной свежестью.

Торговцы выглядывали из окон своих лавок. Каждому хотелось знать, с кем идет великий Ротшильд, по-дружески разговаривая.

– Наверно, приехал его родственник, – думали купцы.

Кто-то остановил карету, предлагая их подвезти, но Ротшильд отказался. Он перешел с Иосифом мост, пожелал ему всего хорошего и, прощаясь, добавил:

— Теперь, юный друг, ты можешь заходить на этой улице к любому торговцу и брать товар в кредит. Никто здесь тебе не откажет.

Иосиф низко поклонился, сняв шляпу. Ротшильд подождал извозчика и возвратился в свой банк.

В тот же день Иосиф зашел к первому торговцу, в большой офис. Навстречу ему вышел рыжеватый купец с пухлыми, как у женщины, руками, поклонился и спросил:

— Что вам угодно, сэр?

— Мне нужно пять тысяч ярдов сукна. Разумеется, в кредит...

Рыжий купец широко улыбнулся:

— Только пять тысяч? Больше не хотите?

— На первый раз хватит этого, а потом посмотрим, — входя в роль делового человека, ответил Кацман.

— Хорошо. Вот вам образцы. Выбирайте, а завтра подпишете бумаги.

Иосиф энергично пожал руку торговцу и вышел на улицу, довольный и счастливый.

Слушая этот бесхитростный рассказ из уст моего единоверца Я. Ф. Пригодича, я думал о том, как хорошо иметь другом сильного, умного, богатого человека!

Насколько же лучше быть другом Того, Кто держит в руках весь мир, всю вселенную!

Христос сказал Своим последователям: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам...»

ЖИВАЯ РЕКА

Церковь Иисуса Христа многие богословы сравнивают с горной рекой, протекающей в ущелье между скалами. Иногда она совсем теряется из виду, делается еле заметной, и только слышно, как умиротворяюще журчит живая вода.

Усталый путник всегда найдет ее по жизнерадостному звуку журчащей воды. В реке путник может освежиться, утолить жажду. Как жаль, что многие путники утратили слух и проходят мимо этой реки.

Вспомнилось мне стихотворение В. Зубарева, молодого советского поэта, о горной речке:

Дрожат от озноба на дне ее камни.
Я кланяюсь ей, и дорога легка мне.
О ней говорят: такая, сякая!..
А речка бежит, не иссякая.

Она и не может иссякнуть, потому что ее источник неиссякаем.

Источник реки, которую я имею в виду, — Христос и Его Евангелие.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Говорят, что эмиграция живет воспоминаниями.

Это верно.

Из воспоминаний можно извлечь уроки.

У моей старшей сестры был сын Леня, низкорослый крепыш, с белыми, выгоревшими на солнце, волосами. Сестра часто жаловалась:

— Господи, когда я накормлю моих детей? Они всегда голодные.

У нее их было пятеро.

В 1935 году умерла моя мать. Я остался в избе один. Сестра однажды предложила:

— Возьми к себе моего Леню. Тебе будет веселее, а мне меньше хлопот.

В ту пору Лене было семь лет. Он пришел ко мне сам из деревни Синий Колодезь, где жила сестра, поразив меня смелостью: двенадцать километров дороги лежали через леса.

Леня прожил со мной зиму и, казалось, всем был доволен.

В холодные зимние вечера мы беспощадно топили буржуйку. Греясь возле нее, мы допоздна читали рассказы Горького и Мамина-Сибиряка. После чтения нам долго не спалось: мерещились глухие сибирские края и жадные к наживе богачи — купцы, убивавшие родного брата, чтобы овладеть золотом.

В школьной библиотеке не было книг, которых я бы не прочитал. Книгами меня снабжал учитель русского языка и литературы из соседней деревни.

С той поры прошло много лет.

Недавно я получил от Лени письмо. Он прислал мне фотокарточку. Те же умные карие глаза смотрят на меня из-под матросской бескозырки, на приоткрытых губах застыла улыбка, будто он только что сказал: «Смотри, дядя Коля, каким героем стал твой племянник. Моряком! А помнишь, как мы вместе спали на печи? Помнишь, как морозный январский ветер выхолаживал нашу избу, как мы каждое утро варили в горшке промерзшую, неприятно-сладковатую картошку?»

Это был наш дневной рацион, хлеба тогда у нас не было.

Все ушло, все уплыло, но не бесследно.

Когда мне бывает трудно (а такое бывает), я не впадаю в отчаяние, а говорю сам себе: «Держись, Николай, за Господа. Он сохранил тебя во времена, много хуже теперешних».

ПОКА НЕ ПОЗДНО...

Как-то заехал я к знакомым, чтобы пригласить их на праздник хора, устраиваемый нашей церковью в Сакраменто.

Возбужденные лица супругов пылали гневом.

— Заходи, заходи, — приглашал меня муж. — Не смущайся.

— Закрой свой паяльник! — выкрикнула жена из спальни и хлопнула дверью. — Не оправдывайся.

Несколько минут спустя она вошла в гостиную. Началось взаимное излияние обид. Остановить их я не мог.

Жена кричала мужу:

— Я не прошу тебе, ни за что, до самой смерти...

Провожая меня, муж подавленно смотрел в землю.

— Вам бы я советовал молчать, не оправдываться перед женой, когда она в гневе, — посоветовал я.

— В том-то и беда, что, когда я молчу, она еще больше злится, — ответил муж.

Потом он рассказал мне историю мужа и жены, которые

жили не в ладу, дело доходило до драки. Но когда муж умер, жена всегда вспоминала: «Хороший был у меня муж. Уступчивый...»

Ушедших в мир иной люди видят в другом свете.

Не помню, кто мне рассказывал о двух сестрах, поссорившихся из-за подушки при разделе наследства умершей матери. Вскоре одна из сестер заболела, была при смерти. Когда пришел пастор, чтобы сестер примирить, больная сказала:

— Если я действительно умру, то прощаю ее, но если останусь жить — не прощу..

И она умерла.

Христос же сказал так: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним» (Мф. 5:25). Другими словами: «Мирись, пока не поздно».

ГОВОРИТ СТАТИСТИКА

Сегодня прочел в газете, как американцы тратят деньги.

Америка израсходовала в прошлом году на азартные игры 36 миллиардов долларов. Криминальные преступления стоили 24 миллиарда. На алкогольные напитки ушло 11,05 миллиарда, на курение — 6,37 миллиарда, на питание для собак — 0,22 миллиарда, а на миссионерское служение во всех странах мира — 0,13 миллиарда. Это почти в два раза меньше, нежели на консервы собакам.

Собаки в Америке пользуются особым вниманием.

Такое же положение и в других странах. Неудивительно, что войны в мире не прекращаются. В такое время мы живем. «Маленькая война» может превратиться в «большую». И люди будут спрашивать, почему Бог допускает войны?

На этот вопрос дает ясный ответ вышеизложенная статистика.

МИССИОНЕРСКОЕ ПОЛЕ

Этот случай произошел с проповедником Евангелия. Оказавшись в Канаде, он рассказывал:

— Когда меня арестовали за религиозную активность, я, было, пал духом. Меня лишили того дела, которому я посвятил всю мою жизнь. А когда после первого допроса меня привели в камеру, где сидело человек сто, я сразу понял, почему я оказался в тюрьме. Перед сном я молился так: «Господи, как мне было трудно собирать людей, чтобы возвещать им Твое Евангелие! А теперь мне людей собирать не надо. Они уже собраны. Сделай меня для них благословением...» И что же вы думаете, — продолжал проповедник, — Господь молитву услышал. В камеру приходили все новые люди. За короткое время через мое свидетельство сорок душ уверовало во Христа. Я их учил петь гимны, молиться. Охрана не раз стучала в двери, приказывала замолчать.

Когда начальство узнало, что происходило в камере, меня перевели к уркам, к уголовникам. А в это время верующие собрали для меня передачу: сухари, белье, сахар. Когда я вошел в камеру, глаза уголовников пронизывали меня насквозь. Я сделал несколько шагов, положил свою сумку на пол и, обращаясь ко всем, сказал:

— Братья, сегодня я получил передачу. Может, среди вас есть нуждающиеся? Разделите...

Высокий, хмурый парень, должно быть старший, подошел ко мне, молча взял мой сидор и тут же разделил передачу всем поровну, включая меня:

— Возьмите, это ваша часть, — сказал он мне, подавая пустую сумку.

В камере мне полагалось место у параши, но старший тут же сказал:

— Хорошим людям у нас есть хорошее место. А впрочем, скажи, за что тебя перевели к нам?

— Я научил людей молиться Богу, а начальству это не понравилось.

Старший улыбнулся, подмигнул своим «коллегам» и сказал:

— Вот хорошо! Теперь учи нас молиться Богу...

Тюрьма стала для меня миссионерским полем. Признаться, я очень жалел, когда через месяц меня освободили...»

В ЗАКРОМАХ ПАМЯТИ

Один из моих братьев по вере, Терентий Шелюк, как-то рассказал очень поучительный эпизод из своего детства: «Помню, будто это было вчера. Пасли мы коней на выгоне. Нас было несколько сельских пареньков. Пришло обеденное время. Каждый открыл свою сумку, где хранился хлеб и кусочек сала. Сало мы любили поджаривать на костре, насадив его на прут.

Был с нами один приезжий парнишка. Он тоже развернул свою торбочку, а там оказался пирог с ягодной начинкой. У нас слюнки потекли. Попробовать хочется.

Паренек взял пирог в руки и начал молиться: «Господи, спасибо Тебе за этот пирог и за маму, которая его испекла. Благослови нас...» Затем он осторожно разломил пирог на несколько равных частей и подал каждому из нас. Пирог был необыкновенно вкусным, я и теперь еще помню его душистый аромат. Но главное не в этом. Молитва этого парня произвела на меня такое впечатление, что я сразу же перестал ругаться нецензурными словами. Подружившись с этим парнем, я узнал, что есть такая книга, которая называется Евангелием и что в этой книге написано, как надо верить в Бога и как надо жить.

Это был первый толчок к исканию Истины, открывшейся мне много лет спустя в Канаде».

Да, у каждого из нас есть закрома памяти, но не каждый туда заглядывает.

БЫВАЕТ И ТАК...

Иногда бывает так: пишешь о каком-нибудь событии, произошедшем, к примеру, в Канаде, а через неделю приходит письмо от калифорнийца с вопросом: «Какое вы имели право писать обо мне в газете?»

Это напомнило мне такой случай.

Зимой 1949 года в Мюнхене проповедовал известный евангелист Иоанн Марк. Однажды, перед началом собрания, во дворе молитвенного дома появился инженер К. Он был связан с ФБР. Поздоровавшись, он, как бы невзначай, обронил:

— Надо послушать, о чем будет говорить этот возмутитель.

Я хотел предупредить И. Марка о том, чтобы он был осмотрительным. Ведь каждое слово агент ФБР может истолковать превратно. Но мне это не удалось. Марк был уже за кафедрой, и я положился на Господа.

После собрания инженер К. подошел ко мне:

— Значит, вы предупредили его, что я здесь?

— Нет, — ответил я. — Не успел.

— Как же «нет», если этот армянин все время говорил обо мне, о моей жизни, смотрел на меня и даже указывал пальцем. Но я все равно его подловлю... — добавил он и, повернувшись на каблуках, пошел к трамвайной остановке.

Как верна русская пословица: на воре шапка горит.

РУКИ МАСТЕРА

Весной 1941 года, перед началом Второй мировой войны, довелось мне посмотреть кинокартину «Паганини».

Фильм произвел на меня неизгладимое впечатление. Некоторые кадры я помню до сих пор.

Где-то на окраине Лондона, в маленькой антикварной лавке, собрались люди на аукцион. Старьевщик привез старую, грязную скрипку. Обращаясь к толпе, он сказал:

— Эта скрипка сделана руками Страдивари...

В толпе посмеивались. Никто не верил, что эта грязная, пыльная скрипка, долго пролежавшая где-то в подвале, сделана великим мастером. На ней не было имени Страдивари.

Старьевщик пытался объяснить, что великий мастер не на каждой скрипке ставил свое имя. Но это не помогло. Публика оставалась безразличной.

Кто-то подал голос:

– Пять гиней. Не больше!

В это время с улицы вошел человек средних лет, в бархатной куртке, черноволосый и худошавый. Он подошел к прилавку, взял инструмент и стал его внимательно рассматривать. Затем бережно вытер платком пыль, настроил скрипку, и как только его смычок коснулся струн, в толпе раздались голоса:

– Паганини! Паганини!

Полутемную лавку наполнили чудные звуки, и в ней, казалось, сразу посветлело.

Играл гениальный музыкант.

Люди затаили дыхание. Некоторые мужчины сняли шапки. Одни плакали, другие смеялись от радости.

Как только Паганини кончил играть, из толпы раздались голоса:

– Пятьдесят гиней!

– Шестьдесят гиней!

Паганини купил скрипку за сто гиней, и в тот же вечер выступил с ней перед публикой.

Успех был потрясающим.

Каждый раз я вспоминаю кадры этого фильма, когда встречаю людей, в прошлом ничем не приметных, а теперь совершающих великое дело благовестия Евангелия.

Небесный Мастер делает с душой человека чудеса. Грязная, никому не нужная душа возрождается к новой жизни, как только коснется ее Христос. Он очищает ее, настраивает, приводит в порядок и прикасается к ее струнам.

Сколько «скрипок» с оборванными струнами пришли в «небесный оркестр»?!

Я знаю таких и потому, радуясь, не могу не воскликнуть:

Души коснулись
Теплые лучи,
Исчезли вмиг
С полей ночные тени.

О, пусть душа моя,
Как скрипка, зазвучит
В руках большого
Мастера вселенной!

ВДОХНОВЕНИЕ

Как для солиста очень важна постановка голоса, так для писателя и поэта очень важна постановка слога, то есть умение ярко и правильно выражать свои мысли.

Натренированному поэту нетрудно написать стихотворение на любую тему и в любое время. Но будет ли в нем поэзия? Это другой вопрос.

Кроме природных данных, которые мы называем даром свыше, или одаренностью, нужно еще одно — вдохновение.

Уже давно я не пишу новых стихов. Пробовал — и все напрасно: не получается. Мысли заняты другим.

Но вот вчера неожиданно полились слова, и я едва успевал их записывать.

Сегодня прочел это стихотворение снова, сделал одну поправку. Не верилось, что написано оно за пять минут.

Как жаль, что такие минуты теперь приходят ко мне очень редко.

Мне нравится стихотворение Д. Климова. Оно хорошо и правдиво отображает вдохновенные мгновения поэта:

Над крутыми этажами зданий
Ночи бархатная синева.
Слышу, слышу:
Вот ползут к гортани
И выпархивают мои слова.

Я беру, которые покрепче,
Нитью мысли связываю их.
Все прочнее, бережней и легче
За стихом укладываю стих.

В ДРУГОМ ОСВЕЩЕНИИ

Сегодня мне хочется записать несколько слов о суетности человеческой жизни. Если кто-нибудь скажет, что это — старая тема, я отвечу: нет такой старой темы, по которой нельзя было бы сказать что-либо новое.

Истина всегда остается истиной, но мы можем видеть ее с разных сторон и в разном освещении.

В одном освещении – нам нужна религия. Гонение против религии – преступление. Это истина.

В другом освещении религия без духа – это смерть, это опиум: привыкает к ней человек, как к табаку, и делается ее рабом. Я знаю многих религиозников, сухих, как сухари, и жестоких, как «святые инквизиторы».

Это тоже истина.

Как-то П. И. Рогозин рассказывал: «Пригласил я знакомого в церковь по телефону, а он в ответ:

– Не могу, не могу... Дела неотложные. Ну, никак нельзя...

Я ему говорю:

– К нам приехал из Аргентины человек, проповедник...

– Нет, поверьте, сегодня не могу, – взмолился человек.

– Этот проповедник привез из Аргентины для вас от вашего друга какую-то вещь...

– Да? Ну, тогда я приеду к вам сегодня. Когда начало? – обрадованно спросил знакомый».

Суета земной жизни поглощает многих людей с головой. Они, бедные, оградил свои дома высокими заборами, думая найти за ними счастье. Они забыли, что Бог дал нам жизнь для вечных целей и что их мертвая религиозность – пустое, никому не нужное, бесполезное занятие.

Без перемены сердца религиозность не стоит ломаного гроша. Такая религиозность только затемняет ум и делает человека уродом: ни христианин, ни безбожник.

ЧТО БОЛЬШЕ?

Об этом случае мне рассказал проповедник из Техаса.

Небольшое судно вышло в море на рыбную ловлю. Два рыбака отплыли на лодке, а в это время неожиданно подул ветер и далеко отогнал лодку от рыболовного судна.

Рыбаки потеряли судно из поля зрения, а ветер все усиливался. С наступлением темноты стало холодно. До берега было далеко.

Два рыбака, затерянные в открытом море, вели отчаян-

ную борьбу со стихией, стараясь приблизиться к берегу. Уже светало, а берега все еще не было видно. Рыбаки остались без пищи и воды.

Один из них был так душевно надорван, что к концу второго дня отказался грести и через несколько часов окоченел. Второй не сдавался. Его окровавленные руки примерзали к веслам, но он продолжал грести и молить Бога о помощи. Раньше он никогда не обращался к Богу, а теперь молился горячо и искренне.

На четвертые сутки рыбак увидел очертания берега. Его подобрали полумертвым. Чтобы спасти ему жизнь, пришлось ампутировать его отмороженные руки и ноги.

Рыбак выздоровел и был счастлив, потому что в беде он обрел веру в Бога.

Он потерял руки и ноги, но ведь Христос сказал: «Душа не больше ли тела?»

БЫТЬ МОЖЕТ, ЗАРЕЙ...

Вчера был жаркий день. Два последних часа моего рабочего дня я работал в помещении, где термометр показывал сто двенадцать градусов.

Домой ехал совершенно обессиленный. Лучи заходящего солнца били золотыми снопами в окно автомобиля. Над вершиной горы стояло окрашенное в пурпур облако.

Вечером у меня разболелась голова, и я вышел во двор. Прохлада, казалось, стекала с огромных, все еще зеленых деревьев и разливалась по земле. Во дворе прогуливался ветерок, разнося запахи осени.

Я лег под деревом в качалку, укрылся одеялом, но уснуть не мог. Звезды мигали ярко, и небо казалось безмолвным, а земля по-прежнему гудела, ухала, стонала и плакала. Земля, на которой стоит наш город, никогда не отдыхает.

Со стороны главной дороги доносился гул грузовиков. Неподалеку лязгал маневрирующий локомотив, визжали тормоза. Потом несколько раз жалобно завывала сирена, иногда доносились веселые голоса молодежи.

Было далеко за полночь, когда я вернулся в комнату, лег

на диване и вскоре уснул. Уснул сладко, как спят дети. И вдруг затрещал будильник. Мне хотелось выбросить его в окно, но это ничего бы не изменило: мне надо было снова собраться на работу.

Несколько минут спустя по местной христианской радиостанции, передающей евангельские программы круглые сутки, я услышал песню, слова которой переведены на русский язык:

Быть может, зарей,
Когда утро начнется
И солнечный луч
Сквозь туманы пробьется,
Придет Иисус
В полноте Своей славы,
Чтоб взять от земли Своих.

Гряди, Господи, сегодня!

Жалеть на земле мне совершенно нечего.

Жаль мне только тех, которые еще до сих пор не открылись Господу.

ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЕГО ДУША

Многие люди заявляют: «Душа?.. Этого быть не может? Умер человек, закопали его в могилу, в землю-матушку, — вот и вся история...»

— Почему вы не верите в загробную жизнь? — спросил я как-то одного знакомого.

Он невозмутимо посмотрел на меня и ответил:

— Я не верю в загробную жизнь, потому что ее никто никогда не видел.

Этот ответ мне напомнил «Письмо ученому соседу» А. П. Чехова, где речь идет о жизни на Луне. Чеховский «мудрец» писал так:

«Если бы люди жили на Луне, то они бы падали на Землю, а этого не бывает. Нечистоты и помои сыпались бы на нашу Землю с населенной Луны. И вообще, Луна существует только ночью, а днем она исчезает...»

Да, возможно, на Луне и нет жизни, но загробная жизнь, жизнь духа, существует. Человек — это не только плоть и кровь. Человек — это, в первую очередь, его душа, его дух, не подчиняющиеся законам тления. В этом всякий человек бессмертен — и святой, и грешник.

Кто сокрыл свою душу во Христе, тот будет с Ним и в вечности.

ДВА ЛИЦА

Вчера мне прислали сборник произведений талантливо-го украинского писателя-сатирика Остапа Вишни.

Перо у него острое, как скальпель хирурга. Пишет он смело, обличая бюрократизм партийных чиновников.

Между прочим, у него есть такой диалог:

— Вы в Бога верите?

— На службе не верю, а дома — верю.

Так бывает там, где религиозному человеку закрыты дороги к продвижению по служебной лестнице.

В Америке же чаще наоборот: на службе, перед людьми, человек верит в Бога, а дома, где его никто не видит, живет, как безбожник.

Такая лицемерная религиозность опаснее безбожия.

ПИСАТЕЛИ

Функция памяти — не только запоминать, но и забывать. И мы забываем...

Очень хорошо, если мы забываем плохое, неприятное, неинтересное, а помним хорошее. В жизни, однако, чаще бывает наоборот: мы помним до мельчайших подробностей о нанесенных нам обидах, а забываем наших верных друзей и благодетелей.

У псалмопевца Давида была хорошая память. Он часто вспоминал, как Господь извлек его «из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги... и утвердил стопы» (Пс. 39:3).

В минуты душевной радости он однажды воскликнул: «Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его!»

Размышляя об этом, вспомнил я сегодня, как впервые встретился с одним писателем. Он не был знаменитостью. Я даже не знаю, что он написал, но встреча с ним оказала большое влияние на формирование моих наклонностей.

Этот писатель – Михаил Лоренцев.

Я был учеником шестого класса неполной средней школы.

Однажды директор школы, Филипп Иванович Романчук, похожий своими рыжими усами на Максима Горького, сообщил нам новость:

– Завтра в нашу школу приедет московский писатель.

Он не назвал его фамилии. Для нас это не было важным. Главное, мы могли увидеть и услышать настоящего, живого писателя.

На другой день после окончания уроков все ученики пятых, шестых и седьмых классов собрались в небольшом школьном зале. Мы ожидали писателя, затаив дыхание. В зал вошли учителя, а за ними в сопровождении директора шел писатель.

Он был низкого роста, чуть повыше семиклассников, коренаст, с длинными седеющими волосами. Он с достоинством сел в приготовленное для него единственное кресло. В стеклах его больших очков в тяжелой роговой оправе отражался свет горящих ламп. Он широко улыбался, глаза его смотрели мягко и доверчиво, не скрывая любопытства. В его взгляде было какое-то притяжение.

Более двухсот гавриков сидели перед ним, открыв рты, будто им не хватало воздуха. Чтобы не нарушить тишину, мы боялись шевельнуться.

Директор представил нам писателя, и тот, слегка поклонившись, начал свое выступление:

– К вам, юные друзья, я приехал из столицы нашей большой советской родины, из Москвы. Я привез вам привет от Союза писателей. Мое имя – Михаил Лоренцев.

Голос у Лоренцева был приятный, говорил он медленно, сдерживая улыбку:

— Писатель — это не профессия и не должность. Писатель — это человек, который видит дальше и глубже других, который умеет наблюдать жизнь и отображать ее в рассказах, повестях, романах. Писатель должен показывать жизнь другим такой, как она есть на самом деле. Художник рисует кистью, красками, а писатель — словом.

Я верю, что некоторые из вас пожелают быть писателями и будут ими, придут нам, старикам, на смену. Не правда ли?..

Я сидел на первой скамье, прислушивался к каждому слову писателя, любовался его авторучкой, выглядывающей из кармана пиджака.

Теперь, спустя много лет, помню, как он читал нам стих Маяковского «Кем быть?»:

Я бы в летчики пошел,
Пусть меня научат!

Нет, в ту минуту я не хотел быть ни летчиком, ни машинистом. Я хотел быть писателем.

Лоренцев читал отрывки из рассказов М. Горького, Николая Островского, читал умело, будто рисовал перед нами живые картины. Такое чтение не могло не захватить наши юные души. Писатель произвел на меня потрясающее впечатление. Мы долго ему рукоплескали, а он, широко улыбаясь, стоял перед нами, как кудесник, который сумел заморозить наши мысли, увести в царство живого художественного слова.

Так как я жил в семи километрах от школы, мне пришлось заночевать в деревне у друзей.

Спал я плохо, в голове роились мысли о писательстве. Думал о том, с чего начинать, чтобы стать писателем. Первое, сказал Лоренцев, надо много читать, уметь наблюдать за окружающей жизнью, любить людей, любить родину. Все это как будто было у меня. Утром, по пути домой, я несколько раз садился у дороги, пробовал писать стихи о том, как красив летом наш край, но у меня ничего не получалось. Дальше двух строк дело не шло.

Перед деревней я свернул на кладбище, где год тому назад похоронили мою мать. Проходя возле кладбища, я

всегда снимал фуражку. Я считал мать святой, близкой к Богу. Я разговаривал с ней, как с живой:

— Мама, помоги мне стать писателем...

На этот раз я сел возле ее могилы, на березовом пне. Никто меня не видел, кроме порхающих пташек.

Через несколько минут появились строки:

Ах, как трудно идти мне прямо,
Когда нету дороги прямой.
Мама, мама, родная мама,
Будь незримо всегда со мной.

На душе у меня тревожно,
Хлеба нет, и я голоден, мать.
Неужель, неужель невозможно
Мне хорошим писателем стать?

Жизнь сложилась не так, как я думал. До почетного звания писателя я не дорос, застрял где-то у подножия Олимпа.

* * *

Январь 1942 года.

Самарканд...

Я иду в строю учебного батальона по полевому шоссе. В арыках воркует вода. Надвигаются сумерки. Уродливо чернеет на огородах саксаул.

Нас, курсантов Воронежского военного училища связи, ведут строем в клуб РККА на выступление московских писателей и поэтов.

— Запевай! — командует командир учебной роты.

Петь обязаны были все, даже простуженные.

Артиллеристы, точней прицел,
Наводчик зорок, разведчик смел.
Врагу мы скажем: нашей родины не тронь,
А то откроем сокрушительный огонь.

За нами шли строем курсанты Харьковского бронетанкового училища, курсанты Московской интендантской академии, эвакуированные в Самарканд.

Зал клуба был переполнен. Многие стояли в проходах.

Первым выступил поэт Виктор Гусев. Тогда он заведовал радиопередачей «Письма на фронт». Гусев, плотный, среднего роста, с открытым лбом и красивой шевелюрой, был бы похож на спортсмена, если бы не носил очки. Он прочел несколько пропагандистских стихотворений. Его стихи мне не понравились, кроме одного, который я потом заучил наизусть:

На закате в саду заброшенном,
На прощанье мне руку пожми.
Все, что было у нас хорошего,
Ты в дорогу с собой возьми.

И в края уезжая бранные,
В кровью залитые края,
Знай, идет сквозь луга туманные
За тобою любовь моя.

В то время никто не мог подумать, что ровно через два года, не дожив до конца войны, Гусев скоростижно умрет на тридцать пятом году жизни.

Вторым выступил поэт Владимир Луговской, высокий, худощавый, с горящими глазами. Он хорошо знал Узбекистан и читал стихи об этом крае, читал нараспев, и его громовой бас потрясал весь зал.

Потом вышел Николай Вирта. Он был в полувоенной форме: в командирских хромовых сапогах, в широких галифе и теплом вязаном свитере с широким воротником. Небольшого роста, с мелкими чертами лица и абсолютно прямыми волосами, он не произвел на меня впечатления ни внешностью, ни чтением своих военных мемуаров.

Читал он долго, нудно, зал скучал. Курсанты переговаривались. Эпизоды, которые Вирта описывал, были явно выдуманы, далеки от реальной жизни. Наконец кто-то не вытерпел и громко сказал:

— Товарищ Вирта, пером вы хорошо воюете, а вот с винтовкой, видно, не пробовали. Попробуйте...

Но ему не дали закончить. Дежурный вывел его из зала. Потом мы узнали, что это был раненый капитан, которого отпустили из госпиталя послушать советских писателей.

По залу прошел смешок. Вирта был в замешательстве. Он прервал чтение очерка и стал рассказывать о своем участии в боях с белофиннами. Но и рассказ его не был убедительным. Слишком много в нем было бахвальства, ходульного патриотизма.

После Вирты выступил политработник. Он призывал всех честно и самоотверженно громить немецких захватчиков.

Потом нас снова построили в колонну по шесть и повели в казармы. Снова запевала начал песню, и весь строй подхватил припев:

Кони сытые, бьют копытами,
Встретим мы по-сталински врага...

Рядом со мной устало шагал бывший борисоглебский учитель. Он выводил басом этот припев по-своему:

Кони сытые, мы голодные,
А голодным трудно воевать.

Его голос тонул в море других охрипших голосов, а когда оборвалась песня, по мостовой гулко раздавалось цоканье двухсот пар кованых кирзовых сапог.

Прошли годы.

Теперь я часто вспоминаю изречение Некрасова:

Суждены нам благие порывы,
А свершить ничего не дано.

Я имел эти благие порывы, но для их осуществления подо мной не оказалось родной земли.

Сегодня тишина наполняет мою комнату, временами постукивает пишущая машинка, стрелка часов перешагнула через двенадцать. День я работал на фабрике и доволен тем, что Бог дает мне здоровье, чтобы своими руками зарабатывать хлеб и еще кое-что к хлебу. Я доволен тем, что живу в стране, где я могу писать обо всем, что думаю, без боязни.

Пусть не вышел из меня «инженер души», но зато моя душа окрылилась верой в спасающую любовь Христа. Благодарнее того служения, которое Бог доверил мне, я не знаю.

СЛОЖНАЯ КОМБИНАЦИЯ

Сухой, словно поджаренный, воздух бьет в окно автомобиля. Впереди раскинулся Сакраменто — город садов и парков. Лучи прожекторов прошупывают небо. Они указывают, в какой части города шумит-гудит выставка.

Там скоро взорвутся ракеты, раскинутся в стороны изумрудными огнями и... погаснут, как угасает наша земная жизнь.

Утешает, даже радует то, что, погаснув на земле, наша жизнь расцветет для вечности.

Сегодня, в понедельник, газеты напечатали официальное сообщение, что на дорогах Америки за три дня праздника погибло в авариях 663 человека. И это, говорят, сравнительно мало!

От конечной развязки нас отделяет только один шаг. Вот, к примеру, ехал я вчера в Сан-Франциско. Неожиданно при подъеме на мост Голден Гейт мой автомобиль пошел рывками, а потом совсем заглох.

— Что за искушение? — возмущалась жена. — Ведь только вчера за ремонт мотора уплатили двадцать восемь долларов.

Я открыл капот и обнаружил оборванный провод.

«Кто мог «откусить» этот провод в таком месте, где его нельзя соединить?» — вопрошал я сам себя и не находил ответа.

И вдруг за моей спиной раздался голос:

— Сэр, здесь не место ремонтировать мотор! Садитесь в машину, опустите тормоза, поставьте скорость в нейтральную позицию. Я вас отбуксирую в гараж.

Пришлось согласиться.

Завыла сирена. Большой желтый грузовик тянул мой автомобиль. Дети радовались:

— Папа, за пять долларов нас везут с сиреной.

— Плохо, что везут в обратную сторону, — заметил я.

Ремонт был закончен за несколько минут. Мы вновь на дороге в Сан-Франциско. Вблизи того места, откуда нас увезли в обратную сторону, стоят две полицейские машины. Двадцать минут тому назад здесь произошла авария. Пострадавших увезли в госпиталь. Полицейский сметал с дороги разбитое стекло.

«Да, — подумал я, — вероятно, не напрасно кто-то задержал меня на полчаса».

Жизнь — сложная комбинация, сказал один из современных мудрецов.

Вечером, на обратном пути, навстречу мне текли три непрерывные линии света. Это автомобилисты возвращались домой — в Окленд и Сан-Франциско. Выходной день люди провели на лоне природы, а теперь спешили в город. Три линии огней растянулись на девяносто миль. Казалось, автомобильный поток бесконечен.

Жена, наблюдая за этой картиной, задумчиво сказала:

— Не дай Бог, начнется война или какое-либо иное бедствие. Тогда сразу же поднимай руки к небу и говори: «Боже, возьми нас отсюда такими, как мы есть. Из города все равно не выбраться».

Лучше без мудрствования довериться Тому, Кто Сам о Себе сказал: «Я есмь жизнь».

ТАКОВА ЖИЗНЬ

Как-то пришлось мне работать возле линии железной дороги. Была ранняя весна, прошли первые дожди. Молодая зеленая травка пробивалась сквозь густую прошлогоднюю щетину выгоревшего под солнцем луга.

В обеденный перерыв я отошел в сторону от коллег, присел на пригорке и стал читать корректурные оттиски газеты.

— Закурить есть? — раздался над головой голос. Передо мной стоял американец, грязный, худой, небритый.

— Некурящий, — ответил я.

— Я не ел два дня, — пожаловался незнакомец.

Я дал ему полтинник и спросил:

— Куда идешь?

— Не знаю. Был машинистом, совершил аварию, вот теперь пять лет брожу по дорогам, ищу счастья...

— Гуд бай, — прохрипел он и побрел по шпалам.

И я подумал: все мы — странники и пришельцы на этой земле. Такова жизнь. Но разница между людьми состоит в том, что одни знают, куда идут, другие — не знают.

СИНИЕ ДАЛИ

Ничто так умиротворяюще не действует на мою душу, как тишина, безмолвие калифорнийской окраины. Здесь я вспоминаю о далеких прожитых годах, об опаленной войной юности.

Сегодня я один. Мой сын, примостившись невдалеке на камне, удит рыбу.

Незаметно тает сентябрьский горячий день. Остывающие солнечные лучи серебрятся по ряби небольшой речушки, дно которой усеяно пустыми консервными банками и пивными бутылками.

Я не знаю названия этой речки. Вода в ней прозрачная, теплая, течение медленное. На другом берегу чуть заметно покачиваются тонкие прутья лозняка. В нескольких местах о себе дает знать разыгравшаяся рыба.

Недалеко от меня высятся огромные калифорнийские дубы; но если подняться выше, на пожелтевший от жары пригорок, взору открываются необозримые синие дали.

Небо без единой тучки, дремотно томится в лучах солнца, и там, у подножья облизанных зимними ветрами холмов, виднеются фермерские домики. Полупрозрачный дымок незаметно ступшевывает горизонт в одну синюю бесформенную мягкую даль. Я всматриваюсь в эту даль, и мысли о тайне мироздания наполняют мое сердце радостью. Господи, как Ты велик! Как Ты велик!

Ветерок смелеет, срывает с деревьев первые пожелтевшие листья; забавно кружась, они долго носятся в воздухе и, наконец, падают на землю, как достояние тления.

Я всматриваюсь в синюю даль — до боли в глазах. С приближением вечера ее окраска сгущается, гамма становится темно-фиолетовой.

Фермерских домов уже почти не видно, темная ленточка дороги, их обвивавшая, утратила свои очертания. Последние рыболовы докуривают свои сигареты. Один за другим покидают реку купальщики. Хотелось бы задержать заход солнца, продлить день...

Назойливые комары кружатся над головой и надоедливо тянут свою песню. Они мешают мне думать о красоте дого-

рающего дня, о синих бескрайних даях, напоминающих о вечности.

Где-то за синей дымкой горизонта, в огромных, бушующих волнах горбится океан, а за ним, на тысячи верст, раскинулась русская земля.

Теперь, когда солнце скатилось за зеленые дубравы, я примостился у самой реки, под кустами дикого винограда. От воды пахнет рыбой и водорослями. Перебираю в памяти прошлое, мой трудный, исковерканный войной путь. Я вышел на него тринадцатилетним мальчиком без матери и без отца. Этот путь через пятнадцать лет привел меня в Америку, в Калифорнию, в зеленый город-сад Сакраменто.

В этом я вижу Божье водительство.

Синеву неба внезапно расчертил реактивный самолет, оставляя за собой кудреватый след дыма. В лучах заходящего солнца самолет горел золотом высшей пробы.

Я поднялся на пригорок, прошел по скошенному полю и сел под одиноким вязом. В памяти всплыла картина 1943 года. Были последние дни сентября. Немцы катились на запад. По их следам шли советские войска. В стороне от шоссеиной дороги Рославль – Кричев дымились ржаные поля. Пахло горелым зерном. Синеватый дым окутывал горизонт. Это отступающие немцы жгли на своем пути убранный в копны урожай пшеницы. Над полями непроницаемым пологом висел дым. Он смешивался со смолистым духом догорающих изб. Все ночи напролет мы, пленные, рыли окопы для обороны. Назавтра эти окопы становились для немцев могилами, а нас гнали дальше.

Цепь моих воспоминаний прервал сын.

— Папа, смотри, какого карпа я зацепил! Смотри!..

Большой золотистый карп фунтов десяти танцует на траве, мечется, хватая ртом воздух.

— Как ты изловчился вытянуть такого поросенка? — удивился я.

Сын стоял передо мной, возбужденный богатым уловом, и радость светилась в его глазах.

К сожалению, я не нашел больше слов, чтобы разделить его восторг, и снова углубился в свои страницы.

Прошли годы... Тяжелые годы для сына. Шестнадцать месяцев он провел во Вьетнаме по мобилизации. Грязная война закончилась. Позор американского правительства, как тяжелый туман, опустился на всю страну. Сын вернулся домой, но радость вскоре сменилась горем. У сына обнаружилось отравление крови ядами, которые американцы распыляли в джунглях Вьетнама. Лечение не помогало.

Однажды сын сказал:

— Папа, я знаю, что ты всегда любил меня и делал для меня все, что мог. Но мы так мало и редко говорили с тобой. Ты старался помочь русскому народу, почти ежедневно после работы сидел у микрофона. Для меня у тебя времени не было. Я никогда не говорил тебе об этом, но сегодня скажу. Помнишь, когда первый раз в жизни ты повез меня на рыбалку. И новые удочки купил. Но ловил я один. Тебе некогда было посидеть со мной рядом. А когда я поймал большого карпа, ты не порадовался со мною...

Горький, справедливый укор.

Год спустя я вспоминал об этом разговоре, стоя у гроба сына.

Это — мое исповедание большой ошибки, которую уже нельзя исправить и которую не должны повторять те, кто призван к служению на ниве Господней.

Братству не угодишь, а Бог ни от кого не требует принести семью в жертву ради служения делу Евангелия.

Я понял это с опозданием на тридцать лет.

НУЖНА СПИЧКА

Тринадцать лет назад я переселился из большого шумного мегаполиса в маленький зеленый городок. В моем доме печное отопление — благо, в дровах нет недостатка. Вокруг много сухостоя.

Поздно вечером я вернулся из соседнего города. Только что выпал первый снежок. В доме очень холодно. Я положил в камин несколько заранее заготовленных поленьев, чиркнул спичкой. Через минуту в печке запылало пламя, и вскоре приятная теплота поплыла по комнате. Я сижу у огня и ду-

маю: мне нужна была только спичка, чтобы загорелись дрова. Если бы не было спички, я оставался бы в холоде.

Сама спичка моментально сгорела. Ее нет, она превратилась в пепел, но она подожгла дрова. Я ей благодарен: она подожгла мертвый материал.

Не так ли и в нашей духовной жизни? Все мы подобны сырому материалу и притом — бесполезному до тех пор, пока огонь и свет небесный не коснутся нашей души.

Чтобы воспламенилась новая жизнь, вечная жизнь в нашем сердце, нужно прикосновение Господа. И чтобы поддерживать этот огонь, нам всегда нужен Господь.

И я иду к Нему не по привычке —
Он на ответ бывает очень скор.
Ведь это Он зажег небесной спичкой
В моей душе пылающий костер.

Нужно самому гореть, а не тлеть, чтобы не только обогреть других, но и зажечь их огнем Господней любви.

Я вспомнил одного брата по вере. Он называл свою жену спичкой из-за ее вспыльчивого характера. Она обладала огнем, но это был огонь чужеродный. Огонь Господний имеет другое свойство.

Вспомнились слова Христа: «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лк. 12:49).

Желание Господа исполнилось. Огонь Его любви горит сегодня на всех континентах, но не все люди тянутся к его теплу и свету.

ОХРАНЯЮЩАЯ БЛАГОДАТЬ

Евгения Львовна Абрамова, мать Веры Кушнир, одна из глубокочтимых христианок, рассказала мне такую историю. Две души, спасенные Христом, обитатели небесного Иерусалима, вели между собой разговор о том, кому из них Господь явил больше благодати. И каждый рассказал историю своей земной жизни.

Один богохульствовал, пьянствовал, воровал, разврат-

ничал. Не было такого греха, в котором он не был бы виновен. Но за несколько часов до его смерти Господу было угодно через одного проповедника пробудить в нем совесть. Он осознал свою вину перед Господом, с воплем покаялся и принял в сердце Иисуса Христа. Бог, увидев его искреннее раскаяние, простил его, очистил сердце и, по милосердию Своему, спас его.

Второй родился в христианской семье и с раннего детства посвятил свою жизнь Господу, приняв Его в сердце как своего Спасителя. Всю жизнь он ходил перед Богом, старался жить свято, восемьдесят лет земной жизни не разлучался с Господом, и умер, имея надежду на спасение и жизнь вечную.

И вот перед этими двумя душами возник вопрос: кому Господь явил больше благодати — первому или второму?

Вы, вероятно, скажете: первому, тому, кто был великим грешником всю свою земную жизнь. Он не служил Господу, а только огорчал Его.

— На самом же деле, — сделала вывод Евгения Львовна, — Господь явил больше благодати второму, которого хранил в земной жизни восемьдесят лет, оберегал от атак лукавого, не допустил падения, держал его за руку.

Первому Бог открыл только спасающую благодать: «Благодатью вы спасены». Второму же Бог, кроме спасающей благодати, дал благодать, охраняющую его спасение, провел его через всю долгую жизнь в вере, надежде и любви.

Многим христианам кажется, что они сами нашли Господа, сами своими стараниями и своею силой стоят в вере и ведут благочестивую жизнь. Обманываются эти люди и огорчают Господа.

Только благодаря охраняющей Божьей благодати мы сегодня стоим перед Богом в вере, надежде и любви. Рыкающий лев всегда рядом с нами, но Бог не дает ему нас погубить, ибо все рожденные свыше — дети Божьи, Его достояние.

ОН ПОБЕДИЛ МИР

Наблюдал я, как делал первые шаги мой внук и как светились счастьем глаза моей дочери. Учить ребенка ходить — это искусство. Мать протягивает ребенку руки, нежно его зовет, привлекает игрушкой, но сынишка после двух-трех шагов падает и не желает вставать. То ли боится, то ли ленится. Но мать на этом не успокаивается. Снова и снова ставит она ребенка на ноги, чтобы он продолжал доброе начало.

Ведь и я, должно быть, так начинал ходить — падал и снова вставал, пока, наконец, окрепли ноги и я пошел без страха.

Здесь я вижу аналогию с нашим духовным хождением перед Богом, с нашим духовным ростом. Всякое согрешение для христианина — это падение, поражение. Вот почему слова одной христианской песни должны быть нашей ежедневной молитвой:

Возьми меня отныне и впредь
По жизненной долине, Господь, веди.
Не мог бы я тропюю Твоей идти,
Но если Ты со мною, я тверд в пути.

Пророк Михей сказал по вдохновению Духа Святого: «Не радуйся ради меня, неприятельница моя! Хотя я упал, но встану. Хотя я во мраке, но Господь — свет для меня» (Мих.7:8).

И я так говорю врагу души моей: слушай, неприятель мой! Не радуйся моим слабостям! Не за тобою последнее слово. Ты можешь толкнуть меня, и я упаду. Ты можешь ранить меня, ты можешь похитить радость моего спасения, но победить ты меня не можешь! Я упал, но встану. Не своей силой встану, но силой Возлюбившего меня и Освободившего меня от власти тьмы. Силою Того, Кто в последнюю ночь перед тем, как Он был предан, сказал своим последователям: «Мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33).

Не это ли имел в виду апостол Павел, когда писал: «Итак, укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени и ходите прямо ногами вашими» (Евр. 12:12,13). Мы, хри-

стиане, можем ходить прямо, потому что наш Господь победил мир и Его победа стала нашим достоянием. Надо только научиться пользоваться этой победой.

ГНЕВ И МИЛОСТЬ

Весеннее солнце радостно поднималось над деревней, рассеивая утренний луговой туман. Настырно орал петухи, перекрикивая друг друга. С огородов тянуло утренней свежестью.

Отец готовил повозку к завтрашней поездке на ярмарку, смазывал дегтем колеса (до сей поры люблю этот запах), подкручивал гайки. В деревне не было повозки лучше, чем у отца, и он гордился ею.

В ту пору лошаденка у нас была шустрая, молодая. Она не раз сбрасывала меня на крутых поворотах, когда мы, мальчишки, гнали лошадей на пастбище или на водопой.

— А ну, давай вперегонки!..

И начиналось галопирование. Это было в последний год перед началом коллективизации.

— Слушай, сынок, — сказал отец. — Сегодня весь день ты будешь пасти нашу Бурку возле огородов, на свежей траве. Да смотри, чтобы она не забралась на чужие огороды. Не то — не миновать беды.

— Ладно, папа. Я не маленький, знаю...

А за пазухой у меня уже была книга о Робинзоне Крузо. Я выпросил ее почитать в соседней деревне, у сына школьного учителя. Мне не терпелось встретиться на пастбище с друзьями, похвастать новой книгой, да еще с картинками, и почитать им о жизни человека, выброшенного на безлюдный остров.

Читал я страницу за страницей, запоем. Друзья слушали меня внимательно, потирая руки. Полуденное солнце парило землю, жалили оводы.

Наша Бурка давно отбилась от стада и терлась возле прясел, где трава была гуще и сочнее.

Говорят, что счастливые часов не наблюдают. Так было и со мной. Не знаю, сколько прошло времени, как вдруг

услышал крики людей, бегущих к огородам. Я вскочил и увидел Бурку на огородах. Она поглощала молодые всходы огурцов, капусты и моркови, не обращая внимание на крики бегущих, среди которых я увидел и отца.

Я не знал, что делать. То ли бежать к Бурке — а это означало попасть под горячую руку разгневанного отца, то ли скрыться в ближайших кустах до наступления ночи. И я выбрал второе.

Я забрался на ольху и наблюдал сквозь густые ветви, как суетились на огородах люди, как спорили, размахивали руками, приставали к отцу, видимо, с угрозами.

Вскоре шум на огородах улегся. Отец увел корову. Люди разошлись, но я, разгневанный на книгу, которая навлекла на меня такую беду, оставался в кустах до наступления ночи.

Мать встретила меня со слезами:

— Иди, сынок, к отцу. Наделал ты беды, теперь проси у отца прощения.

Я плакал навзрыд, когда узнал, что потравы на огороде соседи насчитали на пятнадцать рублей. Месячное жалование отца — лесного сторожа — было шестнадцать рублей. Я считал свою вину настолько великой, что в прощение отца не верил и приготовился к наказанию.

Так оно и было. Отец услышал наш разговор, вышел из-за перегородки. Я не успел сказать ни единого слова, как отец взмахнул ремнем, и я почувствовал ожог на мягком месте ниже поясницы.

— Папочка, прости! Больше не буду...

Я упал на колени, ожидая второго удара ремнем. Рука отца уже была занесена. Но удара не последовало. Отец опустил руку и, не сказав ни слова, ушел на свою лежанку.

— Иди спать, сынок. Дешево отделался, — сказала мать и слегка дернула меня за вихры.

А утром рано я услышал голос отца:

— Ксения, буди малого...

Отец не назвал меня по имени, но в интонации его голоса мне послышалась мягкая нота, и я понял, что гроза миновала.

Да, отец наказал меня, но небожно. То, что я упал перед ним на колени и дрожащим голосом попросил о прощении,

сменило его гнев на милость. И доказательством его прощения была сказка Пушкина «О попе и его работнике Балде», которую он купил мне на ярмарке.

Сегодня, более полстолетия спустя, я думаю: если земной отец может сменить гнев на милость, когда провинившийся сын просит прощения, то тем более — Отец Небесный. Он прощает нас, когда мы приходим к Нему с повинной, а не бежим от Него. И гарантией являются слова Христа: «Приходящего ко Мне не изгоню вон» (Ин. 6:37).

ЖЕЛАНИЕ ИСПОЛНИЛОСЬ

Однажды мой друг показал мне свою фотокарточку и сказал:

— Вот, посмотри, мне здесь двадцать пять лет.

Я посмотрел на карточку и на друга:

— А где же твоя шевелюра? Куда девались твои густые волосы? Жена вырвала? Не допускаю такой мысли. Она у тебя хорошая...

— Не жена, а жизнь меня изуродовала. Скажу, что здесь сбылось единственное желание моего детства.

— Какое желание?

— Когда по утрам мама расчесывала гребешком мои густые волосы, я плакал и хотел одного: чтобы на моей голове волос вообще не было. И вот теперь, как видишь, желание моего детства исполнилось. Гребешок мне вообще не нужен.

И я, бреясь по утрам, смотрю на себя в зеркало и вижу, как исполняется Божье определение о нашей «земной хижине». Так называет наше тело апостол Павел во Втором послании к коринфянам.

Стареет и разрушается наша хижина, но мы, верующие в Божьи обетования, не унываем, зная, «что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2 Кор. 5:1). Переселение в этот дом сопряжено с болезнями, но когда оно совершится, мы вздохнем облегченно.

ВСПОМНИ И ВОЗБЛАГОДАРИ

Так говорю я себе, когда сажусь за обеденный стол, на который подают первое, второе и третье блюда.

Я пережил голод 1933 года. Разве можно забыть опухшее, отсвечивающее синевой лицо матери? Это незабываемо! Разве можно забыть старшего брата, ошпыливающего крылышки молодого воробушка, которого он, тоже опухший от голода, вытащил из гнезда? Я смотрел на этого воробушка и глотал слюну, предвкушая запах «мясного» бульона. Голод не считался ни с чем. Голод делал людей ненормальными.

С тех пор прошло больше чем полстолетия. Многое забыто и никогда не вспомнится, но только не забыть смерти матери от истощения. Ей было пятьдесят три года.

Сегодня я живу в Америке. У меня болит сердце, когда я вижу, как люди, мои земляки, не говоря уже об американцах, выбрасывают куски недоеденного хлеба, оставляют пищу на тарелке, а потом ее выбрасывают в мусорный бачок. Сколько овощей пропадает на полях неубранными, сколько фруктов, не снятых вовремя, осыпается с деревьев и гниет. А ведь все это — Божьи дары.

Священное Писание учит нас за все благодарить Бога, и прежде всего — за неизреченный дар спасения во Христе Иисусе.

В прошлое воскресенье я раздал молодым людям шесть сборников стихотворений.

— Это подарок, — сказал я. Ни один из них не сказал «спасибо». Ни один. Это меня очень смутило, хотя мне не нужна благодарность. Так поступают и их родители, за небольшим исключением. И я думаю: неужели в советских школах не учили детей благодарить за всякий дар? Первая обязанность родителей — научить этому детей.

Сегодня миллионы людей в Африке, Индии и других странах рождаются и умирают на улице. Они голодают и умирают, лишённые медицинской помощи, а миллионы в других странах имеют все с избытком, имеют все, кроме чувства благодарности Богу за добрые даяния.

Да простит Господь грех неблагодарных.

Не знаю, каким образом попало ко мне одно стихотво-

рение о голоде 1933 года на Украине и в России. Я приведу его полностью для тех, кто не знает, что такое голод:

Дуб отряхнул уже пятнадцать лет
Листвой багряной. Был тогда я молод,
Когда в деревню к нам пришел скелет —
С могильной пастью беспощадный голод.
И люди гибли. Гибли и молчали,
Как Сам Господь в мучительном венце.
В тот страшный год не плакали в начале,
Но много плакали в конце.
С деревьев лист, крапиву и кору
Ел человек, чего не ест скотина,
Лишь только веселилась на ветру
Нетронутая горькая осина.
Меня, как тень, мать за руку вела
За речкой собирать румяный клевер,
И хлеб зеленый без муки пекла
Из трав, которыми богат наш север.
Хранила голода надгробную печать
С прогнившими углами наша хата.
К нам часто мальчик приходил молчать —
Сынишка моего родного брата.
В рубашке белой и в льняных штанах
Стоит у двери, ничего не просит,
Вся скорбь сошлась в его больших глазах,
Он к нам ее, как черный гроб, приносит.
На нас ребенка бедного глаза
Смотрели грустью умершего деда.
Он хочет, но не может нам сказать:
«Подайте мне хотя кусочек хлеба».

Ах, как знакома мне эта картина! В этом мальчике я вижу самого себя.

КО БЛАГУ

Один из моих друзей, рассказывая о своих мытарствах по земле, закончил пословицей: «Не было бы счастья, да

несчастье помогло». Я вспомнил случай из моей жизни, подтверждающий правдивость этой пословицы.

Продолжительное время я страдал острой болью в пояснице. Ходить без палки не мог, боль стрелою шла в левую ногу. Обращался к двум докторам. Помочь они мне не могли. Где-то был защемлен нерв. Освободить его мог только Господь, и я не раз просил Его об этом. Ответа не было.

Однажды я сел в стоявший на пригорке перед домом автомобиль, прихватив мою спутницу – палочку. Завел мотор, включил заднюю скорость, отпустил сцепление. Автомобиль покатился очень быстро. Мне нужно было притормозить и сделать поворот, чтобы не угодить в соседний дом, но руль оказался на замке; вместо тормоза я нажал на газ. Машина рванула задним ходом и ударилась в столб у соседнего дома, стоявшего на десять метров ниже моего. Удар поставил мою машину почти в вертикальное положение. Высыпались стекла.

Несколько мгновений я не мог прийти в себя, а потом, осознав, что случилось, стал кое-как выбираться из машины, забыв на заднем сиденье мою палочку, без которой не мог ходить. Забыл навсегда. С этого момента я уже не пользовался ею, потому что боль из поясницы и левой ноги ушла в неизвестном направлении и больше ко мне не возвращалась. Это было семь лет тому назад.

И я на том же месте возблагодарил Бога за чудесное исцеление.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Как не видеть в этом руку Божью?!

ОН ЗНАЕТ ПУТЬ

Что человек знает о жизни вообще? Очень мало, а может быть, совсем ничего не знает. Мы даже «не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас», — пишет апостол Павел (Рим. 8:26). Мы похожи на слепых котят, у которых едва прорезались глазки, и они тычутся своими мордочками под живот матери в поисках молока. А между тем сколько гордости и самоуверенности можно

встретить среди христиан, бахвалящихся своей самоправедностью!..

Апостол Павел, великий муж веры, писал: «Мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем». И далее: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно». Но о своем спасении апостол написал: «Но я знаю, в Кого уверовал». Только это знание и освещает нашу дорогу.

Если человек уверовал в Бога и Иисуса Христа, Сына Божия, как своего Спасителя, он не будет блуждать во тьме. Тот, Кто имеет совершенное знание, поведет его по жизненной дороге от победы к победе. Он знает путь.

Сколько раз бывало в моей жизни так, что трудности, как волны, накатывались на меня одна за другой. И все же когда хватало веры и терпения, Бог выводил меня на ровную дорогу.

Однажды ранним утром я выехал в соседний городишко. По правую сторону дороги зеленела цветущая лужайка, на которой паслись коровы, с наслаждением поглощая зеленую траву. Я остановился у изгороди и несколько минут смотрел на эту улаждающую сердце картину. Вспоминал свои пастушеские годы и луга, которых теперь, пожалуй, не найти.

Через неделю я снова проезжал по этой же дороге, но на месте цветущей лужайки лежали пласты черной, недавно вспаханной земли. Вместо коров две вороны расхаживали по пашне в поисках червей. Унылая картина. Какую красоту уничтожил человек за несколько часов!

Но тут же мне представилась другая картина: полоса пшеницы с тяжелыми, гнущимися к земле колосьями, и ветер волною проходит по этой полосе.

Невзрачная земля облеклась в красу и щедро плодоносит. О, если бы мы знали наперед, что наши трудности и переживания под действием Божьей руки могут принести обильный плод для Царства Божьего и Его славы!

Мы ходим по земле живых с повязкой на глазах, видим будущее «как бы гадательно», но одно знаем: там, где есть доверие к Богу, обязательно будет благословение и имя Божье прославится.

Над рекой висит заря вишневая,
Облака гуляют не спеша,

Здравствуй, жизнь, победная и новая!
Здравствуй, обновленная душа!
А вчера еще казалась призрачной
Без волнений жизнь и без тревог.
Но Господь меня, младенца, вынянчил,
Чтобы я в пути не изнемог.

О ДРУЖБЕ

Старики живут воспоминаниями. Кажется, пришла и моя очередь. «Живи и помни», – сказал мудрец. Вот и я, повинувшись совету, вспомнил о былой дружбе между бедными студентами. Хорошее и вспоминать приятно.

Когда человек учится видеть руку Божью, ведущую нас по жизненному пути, память становится священным Божиим даром.

Мне хорошо знакома жизнь бедных студентов в предвоенное время. Что может быть хорошего в бедности? Ничего. А между тем приятно вспомнить, как студенты делились последним рублем, помогали друг другу чем только могли.

Стакан кефира с булочкой стоил в то время ровно один рубль. Когда у меня, постоянно голодного, оставался последний полтинник, мой друг Иван Анищенко, из богатой семьи, давал мне полтинник, а я делил этот кефир и булочку с таким же бедным студентом, как я.

А бывало, по случаю сдачи зачетов, если это совпадало с днем получения стипендии, мы «соображали на троих». Граненый стакан не доливался ровно на один сантиметр, а закусывали все одним соленым огурцом.

Вот так и жили... И учились. И даже неплохо учились. Только беда была в том, что учили нас не тому, что нам нужно было. И никто из нас не знал божественной заповеди: «Раздели с голодным хлеб твой» (Ис. 58:7).

А теперь? Голодных среди нас как будто нет, но нет и той дружбы, которая согревала нас в годы великой бедности.

ЕСТЬ НА СВЕТЕ И «БЕЗГРЕШНЫЕ»

Сегодня слышал молитву одного христианина: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты хранил меня от греха все эти годы». По всему видно, что этому брату по вере не хватает света, чтобы видеть себя. В темноте и грязное может казаться чистым. Это знает каждый, но не каждый открывает свое сердце Солнцу правды.

И тут же вспомнил слова апостола Иакова: «...все мы много согрешаем» (Иак. 3:2). Апостол, брат Господа по плоти, в слова «все мы» включил и себя.

НА ЗЕМЛЕ НЕТ НИЧЕГО ВЕЧНОГО

Семьдесят лет на моей родине пели государственный гимн, в котором были такие слова:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь.

А теперь этот союз лопнул, как мыльный пузырь. От него осталось только горестное воспоминание. Значит, пора понять всем людям, что на земле нет ничего вечного. Библия говорит о вечном, существующем только в вечности.

И до чего же быстро распался этот «вечный нерушимый союз», основанный не на любви и доверии друг к другу, а на законе принуждения, из-под палки. Долго гнулась эта «палка» и наконец с треском сломалась.

КТО СОЗДАЛ ВСЕ ЭТО?

Вот уже десять лет я живу в сосновом лесу. Мой домик венчает вершину холма. Из окна открывается безбрежная зеленая даль. Верхушки деревьев сливаются в один ковер, и если пофантазировать, то так и хочется пройтись по этому коврау.

Утром я вижу восход солнца. Оно тихо выплывает из-за

леса, будто крадучись, а через несколько минут заливает своим ровным и тихим светом наш холм, поросший деревьями. Вечером я вижу, как солнце, медленно краснея, ускоряет свое шествие на запад и ярко красным колесом закатывается за далекую гору. В такие минуты я оставляю дело, каким бы оно важным ни было, и несколько минут наблюдаю, как природа прощается с солнцем до утра. Прощаюсь и я с ним на несколько часов, пока оно снова появится с другой стороны и в другое окно постучит первыми лучами: «С добрым утром!»

Как не видеть во всей этой красоте могущественную руку Творца и Его мудрость?!

Одного христианина спросили: почему он верит в существование Бога? Он ответил так: «Я живу на этой земле пятьдесят лет. Каждый день я вижу восход солнца и его закат. Вечером наблюдаю за Большой Медведицей. Она всегда держится на одном и том же месте и не исчезает. А какие бы часы ни сделал человек, они до времени идут хорошо, а потом портятся, им нужны чистка, ремонт, в конце концов они изнашиваются и их выбрасывают, потому что они останавливаются. А вот Солнце, Луна и звезды всегда на своем месте. И вы хотите, чтобы я после этого не верил в Творца мироздания? Не понимаю, на чем основывает атеист свое неверие в Бога».

Я вспомнил рассказ о Наполеоне. Однажды вечером на палубе корабля собралось несколько офицеров. Они затеяли спор о существовании Бога. Одни отрицали Бога вообще, другие сомневались в Его существовании. Наконец они спросили своего полководца. Он стоял на палубе, погруженный в раздумье. Наполеон указал на усеянное звездами небо и спросил:

— Господа! Скажите мне: кто создал все это?

ВОПРОС К КАЖДОМУ

В классе детской воскресной школы учитель объяснял детям, почему верующие называются христианами. К сожалению, учитель имел неуживчивый, тяжелый характер и

к тому же отличался гордостью и заносчивостью. Ученики об этом знали.

В заключение урока учитель спросил:

— Кто скажет, почему, например, меня называют христианином?

После некоторого молчания раздался вкрадчивый голос смышленного мальчика:

— Вероятно потому, что вас плохо знают...

Хороший ответ.

Над этим вопросом должен и я чаще думать. Виден ли Христос в моей жизни?..

КОГДА ВЫПАДАЕТ РОСА...

В городке Аппельгейт, где я живу вот уже четырнадцать лет, никогда не выпадает роса. Тихое, свежее раннее утро, но росой даже не пахнет. Ну как в такие утренние минуты не вспомнить мое босоное детство и пастушескую жизнь, когда в летнее время роса держалась на траве чуть ли не до полудня! Коровы любили росную траву. Роса увеличивала надои.

Помнится также и то летнее время, когда я мальчишкой водил лошадей в ночное. Мир деревни — далекий и близкий, какой он теперь? Иногда роса выпадала с вечера, тихо и незаметно. Никто не видел и никто не знает, как появляется роса, но эти благостные капли — благословение земли.

Святой Дух подобен росе. Он незаметно «выпадает» на сердце человека и производит Свое благодатное действие. Он наставляет, обличает, но Он же и утешает, направляет стопы христианина на правильный путь.

Христианин всегда чувствует присутствие Духа Святого в своем сердце, но изъяснить словами, как Он вошел в сердце, никто не может.

Для того, чтобы выпала роса, должны быть соответствующие атмосферные условия. Чтобы в нас пребывал и совершал Свое действие Дух Святой, тоже нужны определенные условия. Главное из этих условий — доверие Богу и желание исполнять Его волю.

И я взываю: Господи, излей
Твою росу — целительный елей.
Роса Твоя да оживит меня
На склоне угасающего дня.

ОН ЖИВ

Как жаль, что нет полной биографии М. Лютера на русском языке. Есть только отдельные фрагменты из его жизнеописания.

Мартин Лютер не раз переживал испытания, неудачи, колебания и даже страхи. В одну их таких минут он сидел перед раскрытой Библией, читал страницу за страницей в поисках духовного подкрепления. Когда же он открыл двадцать третью главу Евангелия от Луки и прочитал только два слова: «Он жив», — радость наполнила его сердце и он стал громко повторять эти два благословенных слова: «Он жив! Он жив!» Эти два слова стали для него великим утешением на всю жизнь.

Люди приходят на землю и уходят. Сколько их прошло перед моими глазами — хороших, преданных Господу братьев и сестер по вере! Они жили с нами, трудились, радовались и скорбели, страдали и болели, некоторые учили нас и утешали, а теперь их нет. Об одних мы еще время от времени вспоминаем, а другие — давно преданы забвению. Они, как свечи, загорались на короткое время и угасали. Но наш Господь и Спаситель жив! Он жив! Он — вечное Солнце правды. От него исходит свет для всего мира. «Он жив, чтобы ходатайствовать за нас» перед Отцом Небесным.

Эта великая истина утешает сегодня и меня, когда начинают болеть кости, притупляется зрение, слабеет слух и пошаливает сердце.

ПРОЩАТЬ НУЖНО ВОВРЕМЯ

С большим интересом и с пользой для души я прочитал рассказ Марковича «На Вовковом хуторе». Безыскусный рассказ, правдивый и волнующий. Хуторяне поймали человека по имени Степан и признали в нем конокрада. Они связали его и привезли на хутор, чтобы совершить над ним самосуд.

Степан слезно просил прощения:

– Я убежал от бедности, от неволи. И никогда в моей жизни ничего не крал...

Но братья-хуторяне не поверили ему, избили до потери сознания и оставили связанным в избе. Старший брат, Остап Вовк, уехал на гумно, но ему не работалось. Он думал: «А может, и правда, что он не вор?»

Когда Остап приехал с работы, его дочь Аленка подавала связанному Степану воду, а он ей говорил:

– Не бойся меня. У меня есть дома такая же девочка. Оксаной зовут. Теперь будет сиротою, – и горько заплакал.

Вечером собрались все братья и старший Вовк сказал Степану:

– Умел красть, умей и умирать. Вот, пойдем на поле и там закончим суд.

Вовк стал лицом к иконе и перекрестился.

– Ну, молись и ты, – сказал Вовк Степану.

Аленка бросилась к ногам бабушки и начала сквозь слезы просить его:

– Простите дяденьку. У него есть такая девочка, как я. Оксаной зовут. Она сиротой будет. Простите...

Вовк вздрогнул. Все сели. Стало тихо в хате.

– Что ж, братцы? Простить, что ли?

– А то как же?

– Пусть его Бог простит. Прощаем...

Но их речь прервал шум упавшего тела. Степан упал на пол бездыханным.

– Прощать надо вовремя, – сказал младший Вовк. – А теперь отвечать перед Богом.

И все замолчали.

«Кто из вас без греха, первый брось на нее камень», –

сказал Христос блюстителям Божьего закона, фарисеям, которые привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии. (Мужчину, к сожалению, забыли прихватить.)

Никто не бросил камень в эту несчастную женщину. Совесть не позволила. У каждого фарисея было «рыльце в пушку».

А я утверждаю, что если бы такое случилось в нашем обществе, нашлись бы самоправедники, которые бросили бы камни, приговаривая:

— Так тебе и надо! Получай! Ты нарушила закон Божий.

А где прощение, где милость к просящему прощения?

Чтобы уметь прощать и миловать, надо самому быть прощенным и помилованным, а не лицемерным «святым».

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Это сказал Христос.

ПОД МАРКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Слышал такую историю. Некто получил письмо от религиозной организации с просьбой о пожертвовании на христианское радиовещание. В письме были такие строки: «Бог никогда не бывает в долгу перед нами. Если мы жертвуем на дело Божье, Бог возвращает жертвователю сторицею. Мы гарантируем, — сообщалось в письме, — что если вы пожертвуете нам шестьдесят семь долларов, в ближайшее время Бог возвратит вам эту сумму втрое».

Получивший письмо ответил на эту просьбу так:

«Друзья, я верю, что вы испытываете финансовые затруднения и что, если бы каждый, кому вы пишете, послал вам шестьдесят семь долларов, вы выбрались бы из долгов. Я также верю, что Бог никогда не бывает в долгу перед нами, а мы — Его вечные должники. Я верю также в вашу гарантию, но так как я потерял работу и имею большие финансовые проблемы, то хочу вам посоветовать прислать мне шестьдесят семь долларов, а Бог возвратит вам втрое».

Не знаю, чем закончилась эта история. Но так было всегда. Одни жертвуют всем, даже собой, во славу Господа, а другие используют религию для обогащения. А что касается

их деятельности, то здесь часто из мухи делают слона, чтобы расположить к себе доверчивых жертвователей.

Многие религиозные организации в западных странах делают великое миссионерское дело, создают специальные миссионерские фонды для распространения Евангелия. Они делают святое дело, но есть, к сожалению, и такие, которые под маркой благотворительности и миссионерского служения занимаются религиозным бизнесом: дела на копейку, а хвостовства на рубль.

Жаль, что такая коммерция на земле ненаказуема. Для фальшивомонетчиков существуют строгие законы. Их наказывают. А вот для пускающих в глаза дым законов пока нет. Но суд для них впереди.

ПОХОРОНЫ ЦЕРКВИ

В поисках материала для календаря на 1993 год я натолкнулся на рассказ о похоронах церкви.

Когда молодой проповедник прибыл в город, чтобы начать пастырское служение, его предупредили, что он напрасно тратит время. Церковь духовно совершенно мертва.

Пастор пробовал оживить церковь, посещая на дому ее членов, но безуспешно. И тогда он объявил в местной газете, что церковь умерла и ее похороны состоятся в воскресенье после обеда.

В указанный день церковное помещение наполнилось любопытной толпой. Впереди стоял убранный цветами гроб. После краткого надгробного слова пастор пригласил всех присутствующих по очереди подойти к гробу и посмотреть в лицо хорошо знакомой покойницы.

Один за другим люди подходили к гробу, но, заглянув в него, каждый поспешно отворачивал свой взор.

Оказалось, что изобретательный пастор положил на дно пустого гроба большое зеркало, и всякий, заглянувший туда, видел свое лицо. Оно отображало почившую церковь. Ведь Церковь Христа — это люди, рожденные свыше и принявшие от Бога новую духовную природу.

НА СВОЕЙ ГРЯДКЕ

Жена любит работать в огороде, любит цветы. Рано утром, до восхода солнца, с чашкой чая в руке она осматривает каждое растение, каждый цветок, и мне со стороны всегда кажется, что она разговаривает с ними.

Часто приходится и мне отрываться от своей работы и помогать ей сделать то, что одной ей не под силу, особенно в ожесточенной борьбе с сорняками. При этом ко мне каждый раз приходят одни и те же мысли.

Как бы мы ни пропалывали свои грядки, в земле остаются маленькие корешки сорняков, и через два-три дня они снова возвращаются к жизни. Все стремится жить. Каждое растение «в борьбе обретает свое право на жизнь», тянется к небу и солнцу, впитывает воздух, тянет из почвы соки.

Особенно меня удивляет сорняк, который здесь называют бермудой. Неистребимое растение! Оно пробирается в трещины цемента и кирпича, любит тесные места, пускает глубоко корни. Одного маленького коленца достаточно, чтобы оно снова начало жить, без поливки.

Жизнь — это стихия. Все живое стремится к росту. Не так ли и в духовной жизни? Если эта жизнь рождена Богом, она стремится проявить себя. Но как всякое плодовое дерево и полезное растение может превратиться в «дичку», если за ним не ухаживать, не направлять его жизнь умелой рукой, так и духовная жизнь нуждается в питании, удобрении, подрезании и поливе.

Чудные розы без присмотра могут превратиться в обычный шиповник.

Когда небесный Садовник обрезает у нас неплодоносную ветвь, очищая плодоносную, чтобы она принесла больше плода, — это болезненный, но необходимый процесс.

Духовная жизнь каждого христианина проходит через это очищение. Каждый отвечает перед Богом за свою «грядку». Вот почему мы должны «вникать в себя и в учение», чтобы, «начав духом, не окончить плотью» (Гал. 3:3).

Наше призвание — духовно возрастать «в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами,

колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков» (Еф. 4:13,14).

ЖИВИ И ПОМНИ

Многие читатели моего поколения, вероятно, помнят детскую песенку:

Вот моя деревня.
Вот мой дом родной.
Вот лечу я в санках
По горе крутой.

Часто вспоминаю ее, мою деревню с двадцатью избами, пригорюнившимися возле леса: справа — соснового, слева — березового, а позади изб — поля и луга.

Получил я недавно фотоснимок моей деревни: в ней осталось только две вросших в землю избы. Там, где стояла наша изба, буйствует высокая трава да сиротливо высится одинокий уцелевший клен.

Подолгу я всматриваюсь в этот фотоснимок. Вспоминается раннее утро. Я, полусонный, иду на край деревни выгонять на пастбище стадо коров. Роса обжигает мои босые ноги. А я уже думаю о той краюхе хлеба и зубке чеснока, что положила мне мама в сумку на обед. И уже представляю, как буду натирать шершавую корку черного хлеба чесноком — это лекарство от простуды, как буду откусывать небольшими кусочками и вдыхать несказанный аромат этого деревенского ржаного хлеба, испеченного на дубовых листьях.

Давно это было. Времена изменились. Сегодня на мой стол подали стерильный, белый, как снег, и легкий, как вата, хлеб. Я попросил черного ржаного хлеба, но его не оказалось. Я знаю, что из этого белого хлеба удалены все питательные вещества. Знаю, что продукты, отравленные химикалиями, несут человеку болезни и преждевременную смерть.

Знаю одного человека, который искал на рынке яблоки с червоточиной: если, мол, яблоко ел червяк, значит, в нем

нет химикатов. Червяки в некотором отношении мудрее человека.

Но человек живет не хлебом единым. Душе нужен духовный хлеб. Где же его найти? Читаю письма из родных мест. Пишут о духовном голоде. Теперь, когда Бог широко открыл двери для проповеди Евангелия, в Россию «крестовым походом» пошли отряды всевозможных религиозных культов, и миллионы людей питают свои души не хлебом жизни, исходящим от Бога, а «химией», суррогатами человеческих измышлений и лжеучениями. Сегодня Россия всех принимает. И как трудно людям без духовного просвещения разобраться, где чистое Евангелие, живое слово Бога, а где мякина, приправленная всевозможными обрядами или гримом внешней привлекательности.

Живи и помни, брат мой, сестра моя: питай душу здоровым хлебом без всяких примесей. А этот хлеб — Христос.

Мы по-настоящему ценим хлеб только тогда, когда его не хватает. Тогда мы бываем рады каждому кусочку, даже зачерствелой корочке, а когда хлеба в изобилии, смотрим на него равнодушно, не задумываясь о том, что этот хлеб — дар Божий.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЭЗИИ

Стихи я любил с раннего детства, но истинное прикосновение к поэзии испытал только после уверования в Иисуса Христа как моего личного Спасителя. Покоренный неизреченной Божьей любовью, после моей первой сознательной молитвы покаяния, я возвращался в свою однокомнатную квартирку в Мюнхене. Радостные чувства переполняли мое сердце. Им не было выхода. Я ликовал, хотелось петь гимн Спасителю. И вот тогда родились эти строки:

О Боже, могу я, могу я
Всем сердцем пропеть: «Аллилуйя»!
Хотя ничего я не значу,
Но сердцем от радости плачу.
Ты дал мне сегодня спасенье
И новое стихотворенье.

К тому времени я уже имел распухший от стихотворений блокнот, но теперь мне хотелось и жить иначе, и писать стихи по-новому. Я увидел в поэзии живую силу — в обнаженности сердца, в убежденности — и понял, что в моих прежних стихах поэзия даже не ночевала.

Можно овладеть поэтической техникой, набить, как говорится, руку, и не быть поэтом. Можно написать стихотворение со звучными рифмами и выдержанным ритмом, но если в него не вложено сердце автора — это еще не поэзия.

Я знаю одного одаренного поэта в душе, не напечатавшего ни одной строки, а ему под семьдесят. Он понимает поэзию, чутьем улавливает дыхание души автора. Он много раз ловил меня на фальши, которую я допускал ради звучности и новизны рифмы.

Живая сила поэзии проявляется там, где, кроме красивой формы и ярких, точных рифм, есть жизненная правда, есть что-то новое и неповторимое. Без этого стихотворение похоже на скелет, на восковую фигуру, в которой есть все, кроме дыхания жизни и сердечной теплоты.

Бывает так: прочтешь стихотворение, перелистнешь страницу и думаешь: о чем писал поэт? Что он хотел сказать и донести до читателя? Вопрос остается без ответа. Сколько их, таких стихов «ни о чем», встречаем мы в газетах, журналах и книгах! Иногда думаю: может быть, я не дорос до того, чтобы понимать и правильно ценить такую поэзию?

Мне кажется, три элемента должны определять истинного поэта: дар свыше, идея, зажигающая сердце, и, конечно, опыт. Поэзия, по выражению Пушкина, должна «глаголом жечь сердца людей», но если в ней нет душевного огня, чем она будет жечь?

Но бывает еще хуже: человек берется за стихи, не зная элементарных правил грамматики. И это было бы полбеды: пиши себе помаленьку, читай друзьям; но автор хочет, чтобы его обязательно напечатали, и притом без поправок.

Таким поэтам хотелось бы сказать словами Михаила Исаковского:

Чтобы глаголом жечь сердца людей,
Необходимо твердо знать глаголы.

А для того, чтобы «твердо знать глаголы», нужно учиться и еще раз учиться. Растущий поэт критику, совет и пожелание примет с благодарностью и не будет считать это оскорблением или неуважением к своему авторскому достоинству. Ведь со стороны всегда виднее.

Многие делят поэзию на христианскую и светскую; но истинная поэзия имеет небесную природу и в эти рамки не вмещается. Есть люди, которые христианской, духовной поэзией называют стихи, упоминающие имя Христа и такие слова, как «благодать», «воскресение», «крест» и т.п. Мне приходится часто читать стихи, насыщенные этими евангельскими словами, но стихотворение не трогает сердце читателя, не зажигает его любовью к Богу и к людям. Оно написано разумом, но без участия сердца. Читатель это чувствует сразу.

А есть такие стихи, в которых как будто ничего не говорится о Боге, но в каждой строке есть любовь к Господу и к Его творению, в них раскрывается красота мироздания и правды жизни.

Этот день чудесен и хорош —
Солнце светит в каждом переулке.
На полях налившаяся рожь
Пахнет свежесдобитой булкой.

Духовное это стихотворение или не духовное? По сути дела здесь идет речь о Творце. Наливать рожь и посылать на землю солнечные лучи может только Бог. Не упоминая Его имени, стихотворение говорит о Нем.

В моей библиотеке есть сборник стихов почти всех известных советских поэтов. Как-то зашел ко мне брат по вере и стал просматривать книжные полки. Каждый раз, когда он брал книгу, изданную в СССР, он поспешно ставил ее на полку, будто она жгла ему руку. Я спросил его, в чем дело.

— Не хочу оскверняться атеистической книгой. Ведь все эти авторы — коммунисты. Иначе их бы не печатали.

Я взял книгу, только что поставленную им на полку. Это оказался сборник стихотворений Николая Старшинова. Открыл наугад страницу и прочел его стихотворение «Мать».

Снег темнеет на улице талый.
Начинает накрапывать с крыш.
Ты набегалась за день. Устала.
И теперь у окошка сидишь.
Никого в твоей комнате нету,
А была здесь большая семья.
Друг за другом по белому свету
Разлетелись твои сыновья.
И умчались за дальние дали,
С головой зарываясь в дела,
Мы тебе написать забывали —
Ты вестей месяцами ждала.
Вот я снова тебя обнимаю.
Как я встрече сегодняшней рад!
Не писал. Забывал... Понимаю...
Ты прости меня. Я виноват!

Мой брат по вере слушал, опустив голову, а когда я кончил, посмотрел на меня виновато. В его глазах блестела влага.

— Ты прости меня. Я виноват, — повторил он последнюю строчку стихотворения.

Я не хочу сказать, что все, напечатанное в Москве, — хорошее. Много парадных, бесконфликтных, казенных стихотворений печатается там и сегодня, когда уже, слава Богу, слово «советский» вычеркнуто из разговорного словаря. В рыбе бывает много костей, но это не значит, что я не должен есть рыбу. Я мог бы назвать не десятки, а сотни русских, украинских и белорусских поэтов, которые, вероятно, не верят в Бога, но у них есть чудесные стихи, полные духовной красоты и жизненной правды. Они, подобно первосвященнику Каиафе, провозглашают правду Христову, не веря в Него.

Все правдивое — духовно и свято!

Я не знаю ничего о вероубеждении Николая Заболоцкого, а его стихотворение о душе запомнилось:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Апостол Павел, образованнейший человек своего времени, в речах и посланиях цитировал поэтов-язычников (Деян.17:28 и Тит.1:12), чтобы указать на живого Бога. Не думаю, что его кто-нибудь упрекал в симпатиях к языческой вере.

Размышляя о поэзии, я не ставлю себя в положение учителя и наставника, ибо сам все еще учусь, и от многих ранее опубликованных стихов готов сегодня отказаться, настолько они далеки от хорошей оценки.

Мне кажется, что в искусстве нет ничего совершенного. Самое лучшее произведение может быть исполнено еще лучше. Вот к этому и надо стремиться, памятуя о том, что Бог, в Которого мы верим, — абсолютно совершенный и Он достоин самого лучшего, чем может прославить Его человек.

ДЕНЬ ПРОЖИТ НЕ НАПРАСНО

Сегодня, разбирая архивы, нашел несколько уцелевших страниц из толстого блокнота, который служил мне дневником, когда я жил в Германии.

Вот они, пожелтевшие от времени странички. Черные чернила превратились в коричневые. Читаю запись, датированную восьмым мая 1949 года. Значит, это было сорок три года тому назад — уже давно забылось. Страничка воскрешает память:

«...Вместе с братом М. Клименко посетил большой лагерь русских беженцев в городе Фюрте. Здесь живут такие же невозвращенцы, как и я, и среди них есть братья-баптисты. Перед началом евангельского собрания мы ушли в лес. Глухо шумели огромные сосны, пахло недавно стаявшим снегом и папоротником. Мы выбрали сухую полянку, преклонили колени и долго молились, просили Бога о благословении на предстоящее собрание.

И Бог ответил. Людей собралось много. Пять душ отдались Господу. Это принесло столько радости, что после собрания я снова ушел в лес, чтобы на той же самой полянке помолиться Богу.

Это был предвечерний час. Косые лучи заходящего солнца пробивались сквозь деревья. День умирал, но я радовался тому, что он не был прожит напрасно. И там я написал шестнадцать строчек:

Захватила мир беспечность,
О душе подумать лень.
Вот опять уходит в вечность
Благодатный Божий день.
Солнце катится к закату,
Стынут красные лучи.
Птицей черною, крылатой
Ночь в окошко постучит.
Но я радуюсь сегодня,
Утонув вот в эту глушь:
Благодатию Господней
Были тронуты пять душ.
Нет, не все уйдет в забвенье —
По весне растает лед.
И мое стихотворенье
Этот лес переживет.

ХРИСТОС СКАЗАЛ...

С большим интересом прочитал несколько рассказов из жизни короля Франции Людовика XII. До вступления на престол он имел много недоброжелателей и даже врагов среди феодалов. Приняв корону, он составил список своих прежних врагов и возле фамилии каждого поставил крестик.

Каким-то образом через придворных об этом узнали все его враги. Шпионы и доносчики существовали всегда. Враги приняли этот знак, как смертный приговор и один за другим поспешили скрыться.

А Людовик XII этим знаком креста хотел подтвердить свое прощение, как Иисус Христос простил Своим врагам. Король знал, что будучи на кресте, Христос просил Отца простить Его гонителей и мучителей.

До чего же были удивлены враги короля, когда каждый

получил письменное уверение, что во имя Христа король их прощает, не требуя от них покаяния.

В христианской практике так и должно быть, но, к сожалению, не всегда так бывает. Для некоторых простить своего врага — это все равно, что отрезать собственную руку.

Христос сказал Своим последователям: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44). Если я не могу этого делать, значит, в моем сердце нет Христа.

В НОЧНОМ

Водить лошадей в ночное — незабываемая страничка моего детства. Мне, семилетнему деревенскому мальчугану, довелось до начала коллективизации пасти лошадей на отдаленных от деревни сочных лугах, печь на кострах картошку и, посыпав солью, наслаждаться ее дымным ароматом. Но самое интересное — это рассказы старших. Так мы познавали мир.

В ночное мы вели лошадей с вечера, разжигали костер, заготавливали дрова на всю ночь, и он горел у нас до рассвета, и до рассвета мы, деревенские пацаны, слушали небылицы и сказки тех, кто больше нас пожил на свете.

Поблизости фыркали спутанные лошади, усердно поглощая сочную, росную траву. И только перед рассветом, прикрывшись армячком, мы, младшие, засыпали на короткое время сладким сном.

Возвращались домой перед восходом солнца. Самой большой наградой для меня была похвала отца:

— Спасибо, сынок. Иди теперь отдыхай на сеновале, а я вот запрягу гнедка и поеду в поле на работу.

Годы спустя, вспоминая это как древнюю сказку из другого мира, я написал стихотворение «В ночном». Вот несколько строк:

...Всю ночь беседа. Тихий говор

Течет спокойно, как река.

А дед Назар, отменный повар,

Снимает накипь с котелка.
В кустах позванивает ботол,
В ответ гнусавит сычий вой.
Вблизи похрапывает кто-то,
Воткнувшись в сено головой.
У ног сидит моя собака,
Неравнодушная к зверью.
А лунный серп, скользнув из мрака,
Взял направленье на зарю.

С той поры миновало больше полусотни лет, насыщенных горькими и сладкими переживаниями. Горьких переживаний больше. И за них мы тоже должны благодарить Бога, ибо они приближают нас к Нему, а это самое великое благо.

ИСПЫТАЙ НА СЕБЕ

Исторический факт: продавец предложил герцогу Веллингтонскому не пробиваемую пулей куртку. Он усердно расхваливал свой товар, стараясь убедить, что эта куртка может спасти герцогу жизнь.

– Наденьте эту куртку, – сказал герцог продавцу и повелел привести солдата с ружьем. Продавец понял, в чем дело, и, забрав свой товар, ушел восвояси.

Проповедник Евангелия только тогда может рассчитывать на успех в своем служении, когда проповедуемую истину испытает в своей личной жизни.

ТАЛАНТ – НА ВЕТЕР

Так я всегда говорю о людях, наделенных поэтическим даром, но лишенных познания любви Божьей и смысла жизни, или еще хуже, бросающих дерзкий вызов Богу.

Маяковский писал: «Эй, вы, небо! Снимите шляпу – я иду!»

Шел он, шел... споткнулся: пустил себе пулю в лоб. А

небо шляпу так и не сняло перед крикливым поэтом, отвергнувшим своего Творца.

Не снимет небо шляпу перед гордостью человеческой — ни перед кем не снимет. Его Величество Небо радуется только тех, кто, живя на земле, благодарит Бога за Его дары и, воспевая их, первое место в сердце отводит своему Создателю и Спасителю.

В студенческие годы Маяковский был одним из моих божков. Его стихи я читал на литературных вечерах. Но прошло некоторое время, и я увидел, что мой «король-то голый», — и устыдился.

Маяковский широко шагал по Москве, грозя тросточкой небу, горланил, провозглашал грядущий на землю рай без Бога, а потом не захотел ожидать этогорая и добровольно пошел в ад — наложил на себя руки по примеру Есенина. А ведь совсем недавно писал ему:

Для веселия планета наша мало оборудована:

Нужно вырвать радость из грядущих дней.

В этой жизни умереть нетрудно,

Сделать жизнь значительно трудней.

Так и не удалось ему вырвать радость из грядущих дней, ибо истинная радость неотделима от Божьей любви, против которой он шел войной. Без Божьей любви — разочарование и отчаяние, а потом — петля или пуля.

Этой же дорогой прошел и А. Фадеев, глава Союза писателей СССР, приложивший руку, вольно или невольно, к ссылке некоторых несозвучных эпохе писателей. В грядущих днях он увидел не радость, а кошмар и стал пить запоем. В алкогольной горячке он приставил к виску пистолет, и его талант и радужные надежды приказали долго жить.

Народ не узнал, что было написано в предсмертных записках жертвы атеизма. А записки-то были!

А ведь ничего подобного не случилось бы, если бы эти талантливые люди повернулись лицом к Богу.

ДВА ПУТИ

Недавно один из моих радиослушателей, отстаивая свое неверие, писал: «Вас, сектантов, незначительная горсточка в сравнении с населением страны. И вы самоуверенно утверждаете, что вы правы, а все другие ошибаются, идут в погибель. Я этого не допускаю».

Что я мог ответить? Это ваше дело. Но помните слова Христа — а Ему можно и нужно доверять: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:13,14).

НЕНАВИСТЬ ОСЛЕПЛЯЕТ

Иоанн, апостол любви, написал по вдохновению Духа Святого: «А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза» (1 Ин. 2:11). Есть о чем всем нам подумать.

Ненависть! Какое страшное и губительное чувство, когда оно врывается во взаимоотношения между людьми. Священное Писание приравнивает ненависть к убийству: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца» (1 Ин. 3:15). Душа может протестовать: «Нет, это несправедливо! Этого быть не может!» А ты кто, человек, что споришь с Богом? Бог взвесил ненависть и убийство: и то и другое ведет душу в ад.

Сколько таких убийц можно встретить сегодня в церквях!

Сказать, что это трагедия нашего века, нельзя. История религии говорит, что ненависть глумилась над человеком всегда. Кто может назвать первого человекоубийцу, Каина, неверующим? Он верил в Бога, и даже приносил Ему жертву.

Церковные прелаты подавали крест для целования Яну Гусу и Саванароле перед их сожжением. Церковная инквизиция загубила, духовно и физически, тысячи искренних, преданных Богу христиан. Господь знает их имена.

Сегодня история повторяется, но в другой обстановке. Мини-инквизиция и церковная мафия существуют сегодня так же, как и в былые времена, и питаются они ненавистью. Но, слава Богу, государственные законы сдерживают пыл ревнителей церковных уставов и всевозможных лжеучений. Дай некоторым верховодам власть, и они бы жгли инакомыслящих так же, как и в средние века.

ЮЛИЯ, ТЫ БЫЛА ОБМАНУТА

Только недавно я писал о русской (отвыкаем от слова «советской») поэтессе Юлии Друниной, пришедшей в литературу из военного поколения. Писал о ее чуткости к человеческим страданиям, к несправедливости, царившей в советском обществе. А вот сегодня развернул «Литературную газету» и вижу фото поэтессы. Задумчивый взгляд, углубленный в себя, указательный палец приставлен к губам, как будто что-то ей хотелось сказать, но рассудок приказал: молчи!

Автор статьи, близкий к поэтессе человек, пишет: «20 ноября 1991 года Юля прошла последний путь — от дачного крыльца до дачного гаража. Последнее снотворное, включенная печка. Последний сон». И записка, адресованная милиции, с просьбой никого не винить. Несколько записок друзьям. В одной из них Юлия Друнина написала: «Почему я ухожу? Остаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, — невыносимо. Мучит мысль о грехе самоубийства, хотя я, увы, неверующая. Но если Бог есть, Он поймет меня».

— Есть Бог, есть! — хочется крикнуть Юлии, но уже поздно. Вопрос решен навеки, навсегда. Исправить ничего невозможно.

И стало больно сердцу от сознания, что такие талантливые люди (а их немало) рано уходят из жизни только потому, что не имеют живой веры в живого Бога — этот главный фундамент человеческой жизни.

Ах, если бы Юлия, услышав евангельскую весть, повери-

ла в Божью любовь, явленную людям во Христе, сатана никогда не смог бы соблазнить ее на самоубийство.

Атеисты, сколько десятилетий вы вдалбливали в мозги людям, что вера в Бога — это предрассудки, и ссылали в лагеря, бросали в психушки тех, кто возвещал людям Евангелие Христово. А теперь вы видите (если только способны видеть), как трудно людям жить без живой надежды, без любви и веры в Бога — всемогущего и спасающего.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР

Слава Богу, люди образумились и увидели обманчивость очень привлекательного лозунга, который семьдесят лет стоял в основе построения коммунистического общества: «Работать — по способности, получать — по потребности!»

Может ли отвергающий Бога человек построить такое общество? Все попытки разбились о подводные камни человеческой жадности и эгоизма. Лозунг сего мира: «Ты умри сегодня, а я — завтра». Кто избавит человека от этого жала греха? Никто, кроме Бога. Он совершает это в людях, принимающих Христа как Спасителя.

В Эстонии какой-то вольнодумный пенсионер проделал такой опыт: он купил бочку пива в киоске, выкатил ее на простор и начал зазывать прохожих:

— Пейте, люди добрые, по потребности. Платить не надо!

Первыми нахлынули любители пивка, а потом образовалась очередь. Началась давка, перешедшая в потасовку. Кто-то кричал, что пить можно только здесь, а кое-кто уже норовил бидончиками на вынос. Экспериментатор с любопытством наблюдал. Вдруг раздался зычный голос:

— Что за беспорядок? Продавец, что у вас тут за безобразиие?

— Вон тот старичок выкатил бочку пива и велел всем подходить, кто любит..

Милиционер к старику:

— Что, у тебя денег много? Или ты ненормальный? А может, захотел в отделении проветриться? Это мы можем.

– Да нет же, товарищ милиционер, я вполне нормальный, да уж стар, наверно, не доживу...

– До чего тебе дожить хочется? – удивленно спросил старика милиционер.

– До того времени, в котором, как нам было обещано, люди будут получать по потребностям, а работать – кто как способен. Вот я и решил посмотреть, как оно получится на деле.

ПРОРОЧЕСТВО ИСПОЛНИЛОСЬ

Когда-то греческий мудрец сказал: «Все течет, все меняется». Человек нашего века может спросить: «Что же здесь мудрого? Это видно каждому».

Когда-то маме стоило немалых трудов разбудить меня рано утром. А нужно было: я был подпаском. Теперь я иду в постель за полночь, а через два часа просыпаюсь, как по расписанию, чтобы прослушать несколько христианских радиопередач на русском языке. Будильник не нужен – это вошло в привычку. Потом, бывает, нахлынут воспоминания, от которых и книга не избавляет. А вспоминать есть о чем. Псалмопевец Давид в семьдесят шестом псалме призывает верующих вспоминать о чудесах Божьих. На моем веку их было немало. «Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его» (Пс. 102:2). И я вспоминаю, какими опасными путями провел меня Господь от берегов Ипути до Тихого океана, до тихой пристани в Аппельгейте.

Сегодня вспомнилось раннее утро моего детства. Мне десять лет. Я – подпасок колхозного стада. В мою трудовую книжку счетовод колхоза каждый месяц записывал пятнадцать трудодней. И я гордился этим.

Стадо выгоняли на пастбище до восхода солнца, при росе. На рассвете, сквозь сон, слышится неугомонный щебет ласточек и нежные ласковые слова матери:

– Сынок, вставай. Я уже подоила Буренушку. Выпей молочка...

Я слышу ленивое мычание коров. Оно дрожит в утреннем воздухе, приближаясь к нашей избе. В эту минуту для

меня сон дороже всех сокровищ мира. Не только мычание коров, но и нежный голос матери действует на меня раздражающе, и я прячу голову под подушку.

На помощь матери приходит моя старшая сестра. Одним рывком она срывает с меня дерюжку и выливает на мою голову кружку холодной воды.

Я сознаю ее преимущество. Сопrotивление бесполезно. Мне ничего не остается, как встать и, протирая заспанные глаза, выпить кружку молока, набросить на плечи вытертый пиджачишко, сшитый из домотканого сукна, прихватить длинный кнут, которым я умело владел, и идти встречать на улице Ануфрича. И, конечно, я не забывал прихватить сказку Ершова «Конек-Горбунок», когда-то купленную отцом на ярмарке.

Я перечитывал эту сказку снова и снова, стараясь во что бы то ни стало выучить ее наизусть, и достиг этой цели.

Мой начальник, пастух Ануфрич, был верующим человеком. Совершенно неграмотный, он верил в Бога с детской простотой, был счастлив и доволен своей судьбой. Разламывая только что испеченную на костре картошку, он, немножко гнусава, говорил:

— Господи, благослови то, что Ты дал нам к обеду...

От Ануфрича я слушал первые лекции по богословию и удивлялся, как он, не зная грамоты, так уверенно говорил о том, что произойдет в будущем с народом.

— Ох и будет же страдать Россия за отступление от Бога! Ох и будет! Бог и многомилостив и долготерпелив. А долго — это значит не без конца... Вот разоряют церкви косокольцы (так он называл комсомольцев), а того не знают, что это не пройдет даром. Будет Россия расплачиваться перед Богом.

И вот теперь, более пятидесяти лет спустя, пережив Вторую мировую войну и все ее ужасы, я вспоминаю мудрого старика, деревенского мужичка.

А на рассвете меня снова потянуло на сон, но это был сон пятиминутный. Я снова, слава Богу, вступаю в новый, неповторимый день. Что он принесет — знает только мой Господь. И это хорошо, что я не знаю, Он — мой Путеводитель.

МИРИТЕСЬ БЫСТРЕЕ

Поэтесса Юлия Друнина привлекла мое внимание своими стихами на общечеловеческие темы. И одна из этих тем — мир между людьми и народами. Мира между людьми нет, и от этого страдает все человечество.

Истинный христианин, в сердце которого живет Христос, — миротворец. Иначе быть не может. Миротворческие чувства — плод Духа Святого.

Христианин — прощенный грешник. Как я могу не простить моего обидчика, если я сам ежедневно нуждаюсь в Божьем прощении?

Зло, мстительность, гнев — это ад. И до обращения к Богу мы все были причастны к этим грехам. «Мы, — пишет апостол Павел, включая и себя, — были некогда бессмысленны, непокорны... ненавидели друг друга. Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости» (Тит. 3:3-6).

Знала ли об этом Юлия Друнина, когда писала стихотворение «Миритесь быстрее»?

Стало зрение сердца острее,
Если сердце прошло через ад...
Дорогие, миритесь быстрее —
Несущественно, кто виноват.
Я прошу вас, давайте не будем
Рвать мосты за собой сгоряча...
Почему это близкие люди
Рубят прямо по душам, сплеча?
Я прошу вас, поймите быстрее —
В битве душ победителей нет.
Стало зрение сердца острее
После всех испытаний и бед.

Это стихотворение до краев наполнено евангельским содержанием. Оно зовет людей к взаимному прощению и миру. А где прощение, там восстанавливается общение и взаимное доверие, без чего не может быть прочного мира.

О ЧЕМ ШЕПЧУТ БЕРЕЗЫ

Я люблю березы. В Америке мне пришлось четыре раза переселяться из дома в дом, и каждый раз я сажал перед окном три березки.

Некоторые люди разговоры о березках называют сентиментальностью. Пусть будет так, но христианин не может не быть немножко сентиментальным. Как же не радоваться и не удивляться той красоте, которая так щедро украшает землю. А нас, людей, Бог поставил на земле управляющими. Все — для человека, чтобы мы пользовались, смотрели, удивлялись, радовались и благодарили Бога за каждую былинку в поле, за величественные горы, могучие водопады, морские прибои и, конечно, за березки тоже. Когда я смотрю на березку, я чувствую биение любящего сердца Творца. Вот почему мне очень полюбили стихотворение С. Воскресенского «Береза».

Мне было пять, а ей — не знаю,
Я от дождя прижался к ней
И облаков увидел стаю
В широком неводе ветвей.
Сквозь зелень нежную березы
Сверкала первая гроза,
А с неба радужные слезы
Катились в детские глаза.
Да, мною прожито немало...
Но чувство странное храня,
Я не хочу, чтобы упала
Она на землю до меня.
И хоть неловко в том признаться,
Но так мне хочется порой
К ее стволу опять прижаться,
Как к телу матери родной.

МНОГО ИСКЛЮЧЕНИЙ

Говорят, что под старость люди больше скучают и думают о небесном доме. К сожалению, известно много исключений, когда пожилые люди, которые одной ногой уже на

кладбище, все еще ведут борьбу со своими соперниками, омрачая и без того смутное время. В этом смысле они похожи на козлов, которым суровая жизнь не обломала рога.

И печальнее всего то, что эта горечь непримиримости проникает в церковные общины и союзы и отравляет жизнь многим искренним, богобоязненным христианам. Они томятся в этой атмосфере.

Говорят также, что по мере того как мы теряем силу и красоту физическую, мы приобретаем красоту и силу духовную. При старении так и должно быть. Но и здесь, к сожалению, много исключений, когда люди, старея, еще явственнее проявляют дух гордости, самолюбия и упрямства.

Нас, верующих, это не удивляет. Разногласия, раздоры, неуживчивость для людей мира сего — нормальное состояние. Дети же Божьи — другая порода. В их сердцах живет Христос, полный любви и миролюбия. И все же апостол Павел молился о них так: «Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса» (Рим. 15:5).

Христианские общины разнообразны по своему составу: есть немощные, а есть сильные в вере и в деле (Рим. 15:5). Есть общины духовные, есть плотские (1 Кор. 3:1-3), а есть пребывающие в начатках учения Христова.

Все же, несмотря на все это, необходимо единомыслие в главных вопросах нашего искупления, без чего невозможно возвещать Евангелие спасения другим.

МУДРАЯ КРАСАВИЦА

Однажды я слышал такую сказку.

Шла по дороге красивая женщина. Увязался за ней мужчина. Обернувшись, красавица спросила его:

— Зачем ты преследуешь меня, незнакомец?

— Я влюблен в тебя, прекраснейшая из прекрасных. Жить не могу без тебя.

Женщина улыбнулась и говорит:

— Следом за мной идет моя сестра. Глаза ее черные, как ночное небо. Она красивее меня в десять раз!

Мужчина обрадовался и побежал назад. Бежал, бежал и видит: плетется по дороге старая-престарая старуха. Досадно ему стало, и он опять бросился за молодой красавицей. Догнал ее и говорит:

– Зачем ты меня обманула?

– Нет, это ты обманул меня, незнакомец! Если бы ты действительно любил меня, то не побежал бы к другой женщине!

Стыдно стало мужчине, и он отправился своей дорогой.

Как часто верующие люди обманывают самих себя тем, что устами своими говорят о любви к Богу, но на поверку их гордое «я» остается на своем пьедестале.

Священное Писание предупреждает: «Не обманывайтесь» (Иак. 1:16).

НАРУЖНОСТЬ ОБМАНЫВАЕТ

Христос сказал: «Не судите по наружности». Священное Писание не раз говорит о том, чтобы мы ценили людей не по наружности, а по их духовным и душевным качествам, а это открывается не сразу. В душе каждого человека есть что-то хорошее, может быть, незамеченное нами.

Рассказывают, что Л. Н. Толстой любил зимой надевать овчинный кожан, какой носили крестьяне. Этот кожан доставил ему однажды большую неприятность. Он решил посетить в Москве художника Ярошенко, который писал его портрет. Толстой появился у парадной двери дома художника в овчинном кожане.

– Куда прешь, мужичье?! – прикрикнул на него швейцар и указал на заднее крыльцо.

Толстой повиновался без слова.

И. Наживин в книге «Неопалимая купина» рассказывает, как однажды Толстой пришел на станцию Тула, запустил руки за пояс и рассматривал снующую публику. Пришел поезд. Из вагона выскочил человек и быстро пошел на станцию. За человеком вышла из вагона дама и, увидев стоявшего Толстого, подозвала его и сказала: «Дедушка, позови того господина, что пошел на станцию. Я дам тебе пятак».

Толстой исполнил просьбу барыни. Та дала ему пятак. Но вдруг многие заговорили: «Толстой! Толстой!» Женщина услышала и говорит: «Где Толстой?» Ей указали на дедушку, которому она только что дала пятак.

— Простите, — начала извиняться женщина. — Простите, Лев Николаевич. Мне так стыдно. Отдайте мой пятакочок...

— Нет, пятакочок мой. Я его заработал честным трудом, — ответил писатель.

«Не судите по наружности», — сказал Христос. Наружность обманывает.

ПОСТАВИЛ НА НОГИ...

Перед самым отъездом во Флориду у меня случилась беда: сломался зуб, на котором держался мост. Отменить поездку не было возможности. Билет уже был куплен. Там ожидали меня две церкви к Празднику жатвы.

Четыре дня я питался детской пищей. Наконец, зашел к доктору за советом. Дантист, как хирург, надел маску (теперь этого требует закон), заглянул в мой рот и сразу определил:

— На исправление зуба нужно три недели.

— Спасибо, доктор, — сказал я. — Через неделю я уезжаю во Флориду.

— Это ваше дело. Гуд бай.

У дверей меня остановила секретарша доктора:

— Сэр, вам придется заплатить сорок долларов!

Я уплатил за полуминутный разговор с доктором сорок долларов и подумал: «Неудивительно, что доктора теперь надевают маски!»

Некто хвалил своего доктора и рекомендовал своему другу:

— Иди к нему. Он тебе поможет.

— А тебе он помог? — спросил друг.

— Конечно. Он поставил меня на ноги. Раньше на машине ездил, а теперь хожу пешком.

В такие времена мы живем. Но худшее впереди...

НАКОНЕЦ-ТО ПОНЯЛ!

Некто решил продать свой дом и для этой цели пригласил торгового агента. Тот составил контракт, сделал подробное описание дома и усадьбы для объявления в газете и прочитал это описание хозяину. Тот внимательно послушал и сказал:

— Прочитайте еще раз.

Агент прочитал еще раз, не спеша, чтобы дать возможность хозяину заметить все преимущества дома. Хозяин внимательно послушал, улыбнулся, покачал головой и сказал:

— Не думаю, что я соглашусь продать мой дом. Я всю жизнь мечтал именно о таком, и не замечал того, что имею.

Вот так бывает и в нашей жизни. Мы живем и не замечаем Божьих даров и благословений — видимых и невидимых — и думаем, что мы самые несчастные люди на свете. Но попробуйте сделать ревизию того, что дал вам Господь, припомните Его дары, и тогда вы увидите, что каждому человеку есть за что славить и благодарить Бога.

ДВА ДОМА

Хороший хозяин внимательно и старательно следит за состоянием своего дома: ремонтирует его своевременно, красит, чистит. К сожалению, многие христиане забывают о своем теле, не держат его в чистоте, принимают не здоровую пищу, а кормят его суррогатами, потому что они привлекательны, бросают в желудок все, что им кажется вкусным, а потом болеют, страдают и обогащают докторов. О небесном доме многие люди и вовсе забывают.

Христианин теряет небесную радость спасения, и когда приходит время проститься с землей, хватается за каждую минуту жизни.

Конечно, желание жить — от Бога. Он вложил в наше естество это желание, но Бог Сам же и восполняет это чувство через живую веру, отраженную в песне: «Мы все войдем в Отцовский дом». И войдем без страха.

Моя жена, уже упокоенная в Господе, испытывала страшные боли. Не раз она утром молилась: «Господи, возьми

меня домой сегодня...» А вечером: «Господи, возьми меня этой ночью...»

Разлука с дорогими и близкими сердцу людьми всегда приносит нам печаль, но за этой печалью слышна утешающая нота. Это слова Христа: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет».

Однажды пастор сделал в церкви такое объявление: «Братья и сестры, я должен вам сообщить печальную новость: сестра Мария отошла к Господу».

Может быть, это и была печаль для членов церкви, но не для Марии.

СОЛОВЬИ

Песня о соловьях пришла к нам на фронт, где соловьиные трели тонули в разрывах мин и снарядов, но в минуты затишья мы слушали соловьиное пение. Об этом и была песня:

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят.

Я живу в Калифорнии сорок лет. Здесь я ни разу не слышал соловьиного пения. А вот вчера мне довелось слышать удивительные фиоритуры, записанные на пластинке. Соловьи пели в Гатчине, возле Петербурга.

Сколько романтики и красоты приносит человеку эта крохотная птичка своим изумительным пением! В детстве я заслушивался трелями соловьев. В нашей деревне Боровке соловьев было много, и как ласково их только ни называли! Соловушка, соловейка, соловчик... И о них пели песни. Чудесная пташка.

Сколько знаменитых певцов довелось мне слышать на своем веку, но кого можно было сравнить с соловьем? Соловей поет соловьиные — так говорят натуралисты. А может быть, соловей поет славу Творцу? Соловью чужда земная суета. И когда Христос говорит: «Посмотрите на птиц небесных», Он этим дает нам хороший совет подражать птицам, доверять Богу.

Соловей своим пением выражает радость, удовлетворен-

ность жизнью. Почему же мы, люди, поем мало и редко? Мало имеем радости. Слушая соловьиное пение, записанное на пластинке, я спрашивал самого себя: почему мы так часто впадаем в уныние? Бог, Который умер за мои грехи на Голгофе, воскрес. Разве это не причина для радости?

Мы часто унываем потому, что забываем о нашем назначении, о совершенстве Божьей любви. Мы не умеем ценить красоту мироздания, утопаем в суете земных интересов.

Жил в деревне один человек, который всегда, при любых обстоятельствах, улыбался и часто напевал веселую песню. Когда его спросили о причине его оптимизма, он ответил:

– Это зависит от правильного направления моих глаз. На всяком месте я прежде всего поднимаю мои глаза к небу и говорю себе: «Я иду туда». Потом я смотрю на землю и думаю, как мало места я займу в ней, когда умру и буду похоронен. Потом я бросаю взгляд на окружающих меня и вижу, что большинство людей – в худшем положении, нежели я. Так я познаю истинное счастье и вижу, что нет причины унывать, быть недовольным, а тем более – роптать.

Ропот христианина огорчает Бога.

Вспомнились желтеющие нивы

И густые брянские леса,

Соловьев рулады-переливы,

Зоревые чудо-голоса.

Все прошло. Тех соловьев не стало,

А другие нам поют не так.

И душа в борении устала

От упорных вражеских атак.

Но приходит вовремя прозренье,

И я снова, как могу, пою:

«Слава Богу за Его спасенье,

Слава за грядущую зарю!»

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

В горной части Калифорнии есть несколько больших озер необыкновенной красоты. Кем созданы эти озера? Сколько лет они существуют? Когда они образовались?

На первый вопрос ответ мы знаем: автор этих чудес — Творец вселенной. Все другие вопросы покрыты непроницаемой тайной.

После большого, горячего и шумного города отдых возле горного озера — блаженство. Никем и ничем не нарушаемая тишина располагает к размышлению и воспоминаниям.

Радует то, что на озере нет ни одной моторной лодки. Их надоедливый треск над городскими озерами не позволяет человеку насладиться тишиной. Подул прохладный ветерок. На вершинах гор виднеются хороводы елей. Там красными огнями светятся последние солнечные лучи.

Я смотрю на величественные горы, отраженные в зеркальной глади озера, и мне сразу вспоминается песня о чудном Геннисаретском озере в Галилее, отражавшем чистый и святой облик Христа Назаретского. Песня заканчивается призывной нотой: «Будем, как озеро Геннисаретское... И отразится Христа Назаретского в нас Его облик святой».

Провести день-два в уединении возле горного озера — богатая духовная зарядка. Жизнь наша складывается так, что мы не имеем времени окунуться в тишину, послушать ее успокаивающий голос, прикоснуться к ней душой, ощутить ее целебное действие. Тишина вызывает в душе молитвенное настроение и желание сказать Богу: «Как Ты велик! Как Ты велик!»

Эта поющая в душе тишина и благодарственная молитва Создателю — самое лучшее лекарство для людей, уставших сердцем и душой в этой бешеной гонке, в борьбе за хлеб насущный.

Когда ослепительно сияет голубое небо, когда прохладное дуновение ветерка и запах горных цветов нежно касаются лица, хочется забыть обо всем и остаться на этом месте навсегда.

Крутой противоположный берег озера все рельефнее выступает из синей дымки горизонта. Он изломан скалами, наклонившимися над водой. Во всем видно могущество Творца, Его премудрость, Его любовь к человеку. Так много красоты и природного добра рассыпано на земле, а чело-

век, окунувшись в предательскую суету этого мира, не желает замечать любви Божьей, а идет дальше широкой дорогой, к роковому концу.

И моя рука тянется к дорожному блокноту:

Молчат задумчивые горы,

И озеро в тиши молчит.

Здесь каждый может свое горе

У ног Спасителя лечить.

«НЕ ЧИТАЛ, НО НЕ ВЕРЮ...»

Интересный разговор произошел у меня с человеком, который откровенно мне сказал:

— Хотя я считаюсь православным, но мне никогда не приходило на ум молиться Богу.

— Неужели вы за всю свою долгую жизнь никогда не молились Богу? — спросил я.

— Был один случай, когда я молился. Когда-то, еще в родном краю, я заблудился в лесу. А леса были у нас большие. Меня охватил страх, я бросился бежать и оказался в какой-то глухомани. И тут я в изнеможении упал и воззвал к Богу, в Которого не верил: «Боже, если ты существуешь, помоги мне добраться до дома...»

— Ну и что же случилось дальше? — спросил я.

— Да ничего не случилось.

— Ну, вероятно, что-то случилось: вот вы сегодня живы и здоровы.

— Мне помогли выбраться из леса. Но Бог мне так и не помог.

— А все же, как это было? — настаивал я.

— Мимо случайно проходил лесной сторож. Он и вывел меня на правильную дорогу. Он говорил, что раньше никогда не ходил этой дорогой, а в этот день его что-то потянуло в эту сторону.

— Как же вы представляете себе Бога? — спросил я.

— А никак. Ведь я же не верю в Бога.

— А почему же называете себя православным?

— А как иначе? Родители-то мои были православными.

И я подумал: может быть, этот человек — странное и непонятное исключение? Но я встречал многих людей с подобной философией — носителей наследственной веры, но в Бога не верующих. Встречал и таких людей, которые говорят примерно так:

— Вообще-то я в Бога верю, но не признаю Библию. Это все еврейские сказки.

— Вы читали Библию?

— Нет, эту книгу я не читал, но по рассказам других знаю, что, кроме человеческого вымысла, ничего в ней нет.

— Что же делает эту книгу самой популярной в мире?

— Не знаю.

Вот в этом — великая трагедия тех людей, которые отвергают Библию.

РУКА ГОСПОДА

Не приходилось ли вам оказываться в безвыходном положении? Мне приходилось, и не раз. После окончания Второй мировой войны, когда в моей душе была беспросветная ночь, а вокруг колючая проволока и вышки часовых через каждые двадцать пять метров, я каждый день ожидал выдачи нас демократами на расправу «отцу народов». Он сумел обмануть и Черчилля, и Рузвельта, которые подписали договор о насильственном возвращении всех советских граждан из Германии на их родину. И все же Господь внезапно открыл мне выход из безвыходного положения, и с той стороны, откуда я никак не ожидал помощи.

Однажды большая женщина сидела в своей полутемной комнатухе и думала о своем безвыходном положении. И вдруг в окошко ворвался лучик солнца.

«Откуда?» — удивленно подумала женщина, ведь единственное ее окно выходило в небольшой дворик, окруженный высокими стенами. Наконец, она сообразила: это отраженный луч из какого-то другого окна. «Значит, солнце все-таки нашло меня», — подумала женщина, и на сердце у нее сразу стало веселее.

Когда-то, находясь за колючей проволокой, я прогули-

вался по лагерной дорожке и вдруг увидел перед собой майского жука, лежавшего на спине. Он беспомощно шевелил лапками, стараясь встать на них, чтобы оторваться от земли и улететь, но все его попытки были тщетными. Я стоял, смотрел на этого жука и думал: сегодня я похож на него. Выхода из этого положения нет. В любую минуту какой-нибудь прохожий может растоптать этого жука. Так и со мной.

Я нагнулся, взял жука, посадил его на траву, и он через несколько секунд зажужжал и улетел.

Понимал ли он, что кто-то спас его от смерти?

О Бог любви и милосердия! Не то же ли самое Ты совершил со мною четырнадцатого августа 1948 года! Я не вопрошаю, а утверждаю, ибо хорошо знаю теплоту и могущество той руки, которая не только вывела меня из лагеря смерти, но и освободила из-под власти предвечного врага — сатаны и дала дар жизни вечной во Христе Иисусе.

УМУ НЕПОСТИЖИМО

Ах, как радуют сердце слова Священного Писания: «Един Бог, един и Посредник между Богом и человеками, Человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех» (1 Тим. 2:5). Для искупления всех! Значит, и для моего искупления.

Пусть знает каждый, кто идет ко Христу с открытым сердцем, принимая Его верою как Искупителя, что и он включен в это чудесное слово «всех», т.е. избран Богом для вечного искупления.

Когда же это было? Библия отвечает: «Он (Бог) избрал нас в Нем (во Христе) прежде создания мира» (Еф. 1:4).

Апостол Павел, по вдохновению Духа Святого, написал верующим в Фессалониках: «Бог от начала, через освящение Духа и веру истине, избрал вас ко спасению, к которому призвал вас благовествованием нашим» (2 Фес. 2:13,14).

Когда было это «от начала»? Непостижимо! Я не могу проникнуть в эту тайну искупления. Знаю только то, что мой выкуп уплачен Христом сполна на голгофском кресте.

«Документ» о выкупе остается в силе навеки, а мне остается ходить на этой земле в Его свете и благодарить Его, «виновника спасения вечного» (Евр. 5:9).

О каждом искупленном и рожденном свыше чаде Божьем можно сказать словами Священного Писания: «В Нем и вы, услышав слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовав в Него (Христа), запечатлены обетованным Святым Духом, Который есть залог наследия нашего, для искупления удела Его, в похвалу славы Его» (Еф. 1:13,14).

ЛУЧШЕЕ УТЕШЕНИЕ

Слово «напряжение» сегодня стало самым употребительным. Мы слышим его на всех языках, оно не сходит со страниц газет и журналов. Напряжение во взаимоотношениях между странами, между бывшими республиками бывшего Советского Союза. Часто это напряжение переходит в кровопролитие.

Люди следят за развитием событий. Иногда радуются международной разрядке, а потом опять возрастает напряжение.

Это положение напоминает натягивание лука, чтобы пустить стрелу. Но иногда стрелок перетягивает тетиву и стрела беспомощно падает на землю.

Должен ли я страшиться и ужасаться будущего? Нисколько. Я знаю Того, в Кого уверовал. Он держит под контролем все мировые события.

Намерений Господних не знает никто. Даже ангелы не знают, но мысль, что наша участь не предоставлена слепому случаю, — это лучшее утешение для христианина, верящего Писанию.

ТАКОВ, КАК ЕСТЬ...

Среди писем, получаемых из России от радиослушателей, есть такие, на которые нельзя не ответить при всей моей занятости. Вот строки из одного письма: «...Анализи-

руя свою жизнь, я понял, что пришло время и для меня сделать ревизию прожитых шестидесяти двух лет. А побуждением к этому было Евангелие, которое вы мне прислали. Мне нужно приложить немало стараний, чтобы привести в порядок свою жизнь, а потом прийти ко Христу, как вы мне писали».

К сожалению, ученый-физик из сибирского Академгородка неправильно понял мое коротенькое письмо. Многие люди полагают, что надо прежде всего исправить свою жизнь, а потом уже прийти ко Христу и следовать за Ним.

Такое заблуждение происходит из-за незнания Священного Писания.

Когда-то мне довелось читать рассказ об одном художнике, который решил нарисовать картину на евангельскую тему — о блудном сыне. Он стал искать натурщика. Посещая тюрьмы и ночлежные дома, он не встретил подходящего кандидата, но однажды, проходя по улице, увидел нищего — оборванного и грязного. Ему показался этот человек вполне подходящим.

Художник предложил нищему прийти в его мастерскую для позирования за хорошее вознаграждение. Нищий сразу же согласился. В назначенный день он явился. Художник, открыв дверь, увидел пред собой хорошо одетого, чисто выбритого человека средних лет.

— Что вам угодно? — спросил художник.

— Я пришел к вам позировать, — был ответ.

— Но я вас не знаю и не приглашал. Я ожидал нищего с улицы.

Кандидат в натурщики понял свою ошибку и обещал прийти к художнику в таком виде, в каком тот встретил его на улице.

Господь приглашает грешника таким, как он есть. Он сказал: «Не здоровые имеют нужду во врачех, а больные». Прихорашиваться, а потом идти ко Христу — то же, что прикрывать проказу. Приходя ко Христу таким, как есть, человек сознает свою неспособность изменить греховную природу, и тогда Бог дает ему дух покаяния, а без покаяния не может быть духовного возрождения.

В одной христианской песне есть такие слова:

Таков, как есть, во имя Крови,
За нас пролитой на кресте,
В ответ на Божье призыванье,
Господь, я прихожу к Тебе.
Таков, как есть, слепой и бедный,
Добра не находя в себе,
За верой и Твоим прощеньем,
Христос, я прихожу к Тебе.

И здесь вспоминаются слова Христа: «Приходящего ко Мне не изгоню вон».

ПРАСКОВЬЯ С БОЛЬШОЙ ВЕРОЙ

Когда-то я слышал рассказ о мудром верующем профессоре. К нему пришел студент со своими сомнениями и проблемами. Профессор сказал ему:

— Их разрешить можно только через веру в Господа Иисуса Христа.

— Я верю в Иисуса Христа, да радости на душе не имею, — признался студент. И тогда профессор предложил студенту прочитать шестнадцатый стих из третьей главы Евангелия от Иоанна. Студент прочитал его скороговоркой.

— Неправильно читаешь, — заметил профессор. — Читай снова.

Студент повторил.

— Неправильно читаешь, — опять сказал профессор и взял у студента Библию.

— Я буду читать, а ты внимательно слушай.

Профессор начал читать медленно и торжественно: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного, дабы каждый, верующий (здесь профессор возвысил свой голос) в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

— Ты слышишь? Верующий в Него! Сила нашей веры в Нем, во Христе, а не в нас. Чем больше мы доверяем себя Ему, тем сильнее наша вера.

И студент понял свою ошибку.

Откуда приходит к нам вера? «Вера от слышания, а слышание от слова Божия», — говорит Писание (Рим. 10:17). Но часто бывает так, что человек слушает слово Божье, долгое время посещает евангельские собрания, а спасающей веры не имеет. Слово Божье не касается его сердца. Оно отлетает от него, как горох от стенки. О таких людях Христос говорил: «Имеют уши слышать, а не слышат».

Вера — дар Божий. Но этот дар Бог не дает до тех пор, пока не увидит в сердце человека действительную жажду познания истины. Бог — сердцеведец.

Христос трижды говорил Своим ученикам, от которых можно было ожидать большой веры: «Почему вы так маловерны?» И наоборот: «Велика вера твоя», — говорил Он тем, кто не имел никаких духовных познаний.

Вера сама по себе никого не спасала и спасти не может, но когда мы верим в Него и Ему, наша вера становится действительной.

И приходится часто взывать к Господу словами отца бесноватого сына: «Верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9:24).

Есть рассказ о Прасковье с большой верой. Она жила в глухой, отдаленной от города деревне и славилась в округе большой верой. Ее так и называли: Прасковья с большой верой.

Слухи о ней дошли до проповедника городской церкви, он решил проверить их. Он приехал в деревню, спросил у женщин на улице: «Скажите, где живет Прасковья с большой верой?»

— А, знаем, кого ищите, — ответили женщины и указали проповеднику ее избушку на краю деревни.

Навстречу проповеднику вышла согбенная старушка.

— Ты ли сестра Прасковья с большой верой? — спросил проповедник?

— Нет, — ответила старушка. — Вера у меня небольшая, но я имею большого Спасителя.

И я, слава Богу, давно понял: чем я меньше в своих собственных глазах, тем Господь больше. Когда я чувствую свою слабость, Он держит меня крепче. «Когда я немощен, тогда силен» (2 Кор. 12:10) — к такому выводу пришел апо-

стол Павел. Правдивость этих слов может проверить каждый христианин на себе самом.

Многие верующие полагают, что они держатся за руку Спасителя. Не удержишься! Позволь, с полным доверием Ему держать тебя, и Он доведет до конечной цели. Чем больше мы доверяем себя Ему, тем сильнее наша вера и наше тяготение к Его рукам благодати.

Евангельские христиане часто поют песню, в которой есть такие слова:

Он берет меня за руку
И ведет меня вперед.
Я не знаю с Ним разлуки,
Я не знаю с Ним невзгод.

ГДЕ ПРИЧИНА?

Когда я смотрю на тяжелые переживания некоторых искренних, преданных Богу верующих, невольно встает вопрос: где, в ком или в чем причина этих переживаний? И вспоминаются слова пророка Иеремии: «Он (Бог) повел меня и ввел во тьму, а не во свет... измождал плоть мою и кожу мою, сокрушил кости мои... И когда я взывал и вопиял, задерживал молитву мою» (Плач, 3:3-8).

Почему постигли пророка такие переживания? Я не знаю.

Почему Иоанн Креститель умер такой бесславной смертью, а не на арене цирка — за имя Христа? Я не знаю. Что Бог допускал испытания Иову — мне понятно. Что Иосиф попадает в рабство в чужую страну — мне тоже понятно. Но что Бог допускает Александру Меднику делать много зла великому труженику апостолу Павлу — мне непонятно. Да только ли это?..

Но одно знаю: Бог имеет особые цели для каждого Своего служителя, допуская для него трудности и тяжелые переживания.

Вероятно, каждый искренний христианин имеет своего Иуду, Каиафу, Пилата и Диотрефа и должен без ропота принимать от них «бичевания».

Не в этих ли словах ответ на мое «почему?»: «...огненного

искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь» (1 Пет. 4:12,13). Признаюсь: чтобы радоваться в страданиях — до этого я еще «не дорос». Но при таких обстоятельствах меня утешают слова Христа: «...что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после» (Ин. 13:7).

ПОСМОТРИ В ЗЕРКАЛО

Ах, как часто мы, говоря о недостатках и о грехах других людей, забываем посмотреть в небесное зеркало, чтобы увидеть самих себя. Так устроен человек: он видит других в своей проекции, а заглянуть в свое сердце во свете Священного Писания ему некогда. «А моя вина, она всем видна» — пел Булат Окуджава. Всем видна, только мы ее не видим.

Осуждая других, мы от этого нисколько не делаемся лучше. Наоборот, незаметно катимся в болото противной Богу самоправедности.

Кстати, я вспомнил один рассказ моего друга. Это было в Америке много лет назад, когда буханка хлеба стоила пятнадцать центов. (Теперь в десять раз дороже.)

Бедная мать послала сынишку в соседнюю лавочку за хлебом. (Теперь таких лавочек нет. Их поглотили большие супермаркеты.) Мать дала мальчику двадцатипятицентовую монету с наказом:

— Купи, сынок, хлеб, а десять центов принеси сдачи. Смотри, не потеряй!..

Мальчик купил хлеб, а десять центов зажал в руке, но по дороге домой ему встретился фургончик с мороженым. Соблазн был так велик, что мальчик не устоял и купил за пять центов палочку мороженого и тут же поспешно съел.

Мальчик принес маме хлеб и дал ей пять центов сдачи.

— А где еще пять центов? — строго спросила мать.

— Уронил... В траву укатились.

— Отвечай, где пять центов? — повторила мать.

— Мама, ты почему мне не веришь? Я потерял пять центов.

Мать взяла сына за воротник, привела его в спальню и поставила перед зеркалом.

— Стой на этом месте полчаса и смотри на себя.

И закрыла дверь.

Мальчик взглянул на себя в зеркало и ужаснулся. Вокруг его рта еще виднелись следы шоколадного мороженого.

И мальчик тридцать минут смотрел на себя в зеркало и учился говорить правду матери.

А потом сказал ей:

— Мама, прости. Я виноват.

Если бы каждый из нас чаще смотрел в небесное зеркало — Божье Слово, — мы бы реже критиковали других... Дело в том, что у каждого человека «рыльце в пушку» — у одного больше, у другого меньше, но все мы — люди, а не ангелы, и все способны согрешать. И потому всем нам нужен Христос, наш Ходатай перед Небесным Отцом, наш Заступник.

НАКОНЕЦ ЗАГОВОРИЛИ...

О последнем времени, преддверии второго пришествия, Христос сказал Своим ученикам: «И, по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь» (Мф. 24:12). Сегодня это пророчество вошло в стадию исполнения. Любовь охладела не только во взаимоотношениях между людьми мира сего, но охладевает любовь также и между верующими.

Многие церкви утратили миссионерский дух по причине охлаждения сострадания к неспасенным грешникам. Забывается заповедь Христа для Его Церкви: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16:15).

Недавно я слышал такую историю. Один христианин переселился в другой город. В первое же воскресенье он пошел в церковь, родственную ему по духу. Богослужение закончилось, присутствовавшие разъехались по домам, а к новому человеку никто не подошел, не спросил его: «Кто вы? Откуда? Где живете?»

На следующее воскресенье повторилась та же история. Никто на него не обратил внимания.

В третье воскресенье этот человек сел в заднем ряду, не сняв шляпу. Проповедник, стоя за кафедрой, заметил непорядок и шепнул своему дьякону:

— В заднем ряду сидит человек в шляпе. Скажите ему, что он не в баре, а в церкви Божией.

Когда дьякон сказал незнакомцу эти слова на ухо, он громко воскликнул:

— Аллилуйя! Наконец со мной заговорили!

Устыдил ли он этим охладевшую в любви церковь, я не знаю, но знаю только, что таких церквей в наше время очень много.

Подобную историю рассказал мне Леонид Плужник из Лос-Анджелеса. К новоприбывшему христианину никто в церкви не подошел и не поприветствовал ни в первое, ни во второе воскресенье. В третье он приехал в церковь одним из первых, встал у дверей и начал приветствовать каждого входящего, подавая ему руку. И пресвитеру сказал:

— Приветствую вас, брат пресвитер! Как поживаете?

Такое никогда не практиковалось, и все члены церкви были не только удивлены, но и сконфужены.

После богослужения пастор обратился к незнакомцу с вопросом, кто он и что побудило его делать это доброе дело? Тот рассказал всю историю. Пастор и церковь поняли свое упущение и просили своего новоприбывшего брата и в дальнейшем нести это очень важное служение: приветствовать каждого посетителя у дверей церкви.

Жаль, что многие русские церкви не чтят эту добрую традицию.

Когда любезно улыбающийся брат во Христе приветствует вас у дверей церкви, это положительно влияет на весь ход богослужения. И как печально, что эта простая истина не доходит до сердца и сознания многих церковнослужителей.

БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ НА УЛИЦЕ...

Мне ли, семидесятилетнему, ездить на свадебные пиры? Бывать на похоронных собраниях много полезнее. Там все-

мирно известный и старейший проповедник раскрывает душу и спрашивает:

— А ты готов к переходу в иной мир?

Но, получив приглашение на свадьбу, нельзя не поехать, чтобы не обидеть новобрачных. И вот таким образом мне пришлось присутствовать в этом году на шести бракосочетаниях.

Ах, как утомительны бывают многословные пасторские наставления новобрачным! Все, что говорит им пресвитер, они отлично знают. Ведь с ними беседовали наставники, и не один раз. Мысли новобрачных витают где-то там, куда они намерены уехать сразу же после свадебного обеда, который почему-то называют здесь пиром.

На трех бракосочетаниях пастор подчеркивал: «Основная цель брака — это деторождение, продолжение рода человеческого». «Плодитесь и размножайтесь» — это первая заповедь, данная Богом человеку. А почему бы не сказать о том, что первая цель брачного союза выражена Богом в Его словах: «не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2:18). И далее: «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену и привел ее к человеку» (Быт. 2:22).

Адам получил помощницу, Ева — покровителя.

Тайна сия велика. Отсюда идут корни взаимоотношений между Христом и Его Церковью. И об этом не было сказано ни слова. Как люди привыкли обходить великие цели Божьего плана спасения! Велика сила человеческих традиций.

Наставления и советы новобрачным очень нужны, но благословение их жизни будет зависеть не от наставлений, а от их верности Господу и Его Слову.

Многие семьи дали трещину и развалились не потому, что супруги не знали о том, что говорит Священное Писание о семейной жизни, а потому, что они не пребывали в живом контакте с Господом. Там, где муж и жена не молятся вместе ежедневно, нельзя ожидать Божьего благословения.

Где это было и когда, я не знаю. Пастор после совершенного бракосочетания делился с молодым мужем своим личным опытом:

— Семейная жизнь, друг мой, это сложная комбинация. В жизни бывает всякое. Может случиться, что ты придешь с работы, а жена не в духе, чем-нибудь расстроена и начинает наседать. Мой совет: никогда не оправдывайся, в спор не вступай, а выйди на улицу и прогуляйся полчаса. Вернешься домой — и жена уже будет в другом настроении.

— Спасибо за совет, — сказал молодежен. — Может, пригодится.

Пастор вскоре переехал в другой город, а года через два ему довелось быть снова в этом городе, и он случайно встретил бывшего молодежена, поприветствовал его, а потом спросил:

— Ну, а как семейная жизнь?

— Спасибо, пастор. Большею частью на улице.

Да, только любя Господа и друг друга, супруги могут жить счастливой жизнью.

О ЛИЧНОМ

Когда переселенцы из России, встречаясь со мной, говорят о моем служении русскому народу только хорошее, это, конечно, приятно; но по сути дела это служение совершает Господь, а мы, подобно мухе, сидящей на спине вола, говорим: «И мы пахали...»

Недавно получил письмо от брата по вере, переселившегося в США. Он пишет: «Я посетил ваш город, был в вашей церкви, хотел встретиться, но вас не было. Слышал о вас от одних — хорошее, а от других — плохое, будто вы отрицательно относитесь к эмиграции из России».

И я понял, что в этом случае получилось согласно верному высказыванию легендарного Козьмы Пруткова: «Человек подобен колбасе: чем его начинят, тем он и воняет». Брата успели «начинить» версией, будто я плохо отношусь к иммигрантам.

Это неправда. Я сам иммигрант. Я был спонсором двух семей, приехавших в Америку из России. Но я выражал только искреннее сожаление духовно одаренным братьям —

пасторам, проповедникам, регентам, которым из-за незнания языка придется здесь вариться в собственном соку, или, по выражению моего соседа, киснуть, поучать друг друга, а это часто приводит к распрям.

В церкви, к которой я принадлежу, шесть рукоположенных пресвитеров, сорок три проповедующих брата (я — сорок четвертый) и пять регентов. А в это же время в России для евангелизационных собраний предоставляются лучшие концертные залы. Широко открыты двери для проповеди Евангелия в лагерях и тюрьмах, в детских приютах и домах престарелых, даже в школах-интернатах и в больницах, а духовных работников не только не хватает, но во многих местах их вовсе нет. И в сердце закрадывается сомнение, когда даровитые проповедники и пасторы мне говорят: «Я приехал в США по откровению свыше», «Я слышал голос: уезжай, пока не поздно», «Мне было видение» или «Мне Бог во сне открыл, чтобы я уехал в Америку». На самом же деле Бог здесь ни при чем, а просто сбывается народная пословица: рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Просто и ясно.

Недавно из Кривого Рога мне прислали песню, которую поет там молодежь об эмиграции.

Христиане окунулись в Богом данную свободу,
За которую большие сроки мерили.
И свободу пьют, как воду,
И уедут в два-три года
Все служители в Канаду и Америку.

Припев:

Эмигранты, всходит алая заря!
Эмигранты, может зря? Конечно, зря!
Эмигранты, не бросайте свой народ,
Эмигранты, наш Господь скоро придет.

Небоскребы упираются в небесные ворота,
Там рекламы ослепительное шествие.
Вы же купите «тойоту»,
Чтобы ездить на работу,
Восхищаться хватит до пришествия.

Хорошо теперь живете,
Кока-колу, видно, пьете,
Позабыв о том, что Бог задание вам дал:
Возвещать Христа свободу угнетенному народу,
За которого Спаситель наш страдал.

Вам желаем много счастья,
Не делитесь там на части,
Как делились вы в родной стране.
Будьте там для всех примером,
Не забудьте дело веры,
Будьте Богу преданы вполне.

Я знаю, что за эти высказывания мне «влетит по первое число», но, вспоминая слова Христа: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо» (Лк. 6:26), я не унываю. И не буду унывать, если не удастся угодить всем.

Я сомневаюсь, что это вообще возможно.

ПОСМОТРИ НА НЕБО

На прошлой неделе я читал корректурные оттиски — перевод замечательной книги немецкого естествоведа Павла Мюллера. Книга называется «Мироздание и чудеса — случайность или творение Божие?», издана миссией «Свет на Востоке». Она посвящена разбору первой страницы Библии. Эта книга увлекла меня настолько, что некоторые главы я прочитал по два раза. В свете этой книги я еще рельефнее увидел, насколько немощен человек и насколько велик наш Жизнедавец.

Когда мы задыхаемся от смрада этого мира, когда в изнурительной борьбе с темными силами греха и зла мы теряем свежесть и силу веры, когда нас удручают лжебратья, я говорю себе: посмотри на небо звездной ночью или всмотри в его голубизну в солнечный день, и Дух Святой возбуждает в тебе желание молиться и благодарить Творца за то, что Он питает и греет тебя на земле и рука Его любви простерта к тебе днем и ночью.

Перед величием мироздания растают все наши огорчения и заботы, как тает снег под лучами солнца, рассеется туман сомнений, расплавится гнетущий свинец недружелюбия, душа обретет крылья орла, освободится дух, ибо он любит свободу.

Я счастлив, что среди миллионов людей, даже миллиардов, я, маленький человечек, не забыт Творцом мироздания и живу на земле, полной красот и неизмеримых сил.

Бесконечна вселенная, как бесконечен ее Творец. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16).

Мои тревоги и переживания ничего не значат в сравнении великими планами моего Господа и Спасителя относительно меня!

ЗВОНОЧЕК

Книжники и фарисеи привели к Христу женщину, взятую в прелюбодеянии. Они надеялись осудить ее и по закону Моисея побить камнями до смерти. Почему они не привели также и мужчину, соучастника в прелюбодеянии, Библия не говорит, но мы можем догадываться. Книжники и фарисеи и теперь защищают «своего брата».

Иисус не осудил женщину. Она дрожащим от страха голосом назвала Христа Господом, и Он сказал ей:

— Иди и впредь не греши.

А как не грешить, если сатана остается на земле до определенного времени и продолжает искушать даже верующего? Есть ли ответ на этот вопрос?

Послушайте притчу. Собрались мыши и начали обсуждать вопрос: как им избавиться от старого хитрого кота, который не давал им покоя.

Были разные предложения, но все они отвергались. Наконец, одна мышь говорит:

— У меня есть идея. Надо на шею этого ненавистного кота повесить звоночек. В этом — решение нашей проблемы.

Старая седая мышь говорит:

— Совет действительно мудрый, но кто из вас согласится надеть на шею kota звонок?

Все мыши молчали. Было ясно, что и этот совет нерелевантен.

Кто может сокрушить власть греха, заседающего на человека и подстерегающего его на каждом шагу? Никто не может, кроме Христа. Он победил власть греха на Голгофе. И теперь проблема решается так: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал. 3:27). И еще: «Христос в вас, упование славы» (Кол. 1:27). Вот где возможность одержать победу над властью греха.

Если христианин впадает в грех, он сразу слышит звонок — голос совести. И этот звонок не даст ему покоя до тех пор, пока грех не будет принесен к ногам Господа по верному Его обетованию: «Если исповедуем грехи наши, то Он (Господь), будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Ин. 1:9).

Совесть — великий дар от Господа. Если она не сожжена, не приглушена, не парализована, она подаст свой голос и совершит то, для чего она дана Богом. У детей Божьих ее настрой очень чувствителен.

У Р. Березова есть стихотворение о совести.

За неплотно запертою дверью
Звонкая и нудная капель.
Сердце неподвластно суевью —
Кран закрыть обязан я теперь.

Не хочется человеку вставать с теплой постели и идти в другую комнату, чтобы закрыть кран, но он не может спать: капель не дает ему покоя. Выход из положения один: пойти и закрыть кран.

У некоторых людей вода уже не капает, а журчит, и это их не беспокоит. Они спокойно спят. Но так бывает до тех пор, пока они не обратятся к Господу и не примут в сердце дар Его спасения.

ДА БУДЕТ СВЕТ!

Один из моих друзей подарил мне отрывной «Православный календарь» на 1992 год. Напечатан календарь в Москве тиражом двести тысяч экземпляров.

«Это ли не Божие чудо?» — скажет читатель, которому знакомо недавнее время гонений и преследований церкви. Но, прочитав наугад десятка два страниц этого календаря, я увидел, что радоваться нечему. Календарь не углубляет духовных познаний читателя, а пропагандирует ту же «египетскую тьму», которая висела над Россией до революции и которая косвенно вела к ней народ.

Один стих из Священного Писания для размышления на каждый день и краткое к нему пояснение были бы самым лучшим подарком читателю, пребывавшему семьдесят пять лет в духовной тьме. Но, к сожалению, этого я не нашел.

Календарь, к примеру (листок от 28 июля), так знакомит читателей с историей крещения Руси: «Накануне великого крещения в водах Днепра св. Равноапостольный князь Владимир объявил по городу: „Если кто не придет завтра на реку — богатый или бедный, нищий или раб — будет мне враг“. В чистых водах осуществилось таинственное преображение русской духовной стихии, духовное рождение народа, призванного Богом к невиданным еще в истории подвигам христианского служения Богу и человечеству».

Знакомый со Священным Писанием читатель сразу же вспомнит слова Христа: «Кто будет веровать и крестится, спасен будет» (Мк. 16:16). Другими словами: сначала вера, потом — крещение, а не наоборот. По этому же Господнему правилу практиковалось крещение верующих в ранней христианской церкви...

В Деяниях апостолов евнух, ефиоплянин, уверовав в Иисуса Христа, спрашивает Филиппа: «Вот вода; что препятствует мне креститься? Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно» (Деян. 8:37).

Неужели составители календаря не видели, что равноапостольный князь, к тому же «святой», действовал вопреки учению Евангелия?

Следующий листок (29 июля) озаглавлен: «Церковь». О том, что Церковь Христа есть собрание спасенных Им душ (они и составляют Его мистическое тело), Священное Писание говорит с предельной ясностью. Христос – Глава, искупленные Им чада – члены Его тела (Еф. 5:23-30). «И вы – тело Христово» (1 Кор. 12:27). И многие другие тексты Писания говорят о том же.

Что же говорит «Православный календарь» о Церкви? «Дать рациональное понятие Церкви невозможно, она есть совершенно новое, особенное на земле бытие, которое нельзя с точностью определить мирскими словами. С одной стороны, Церковь есть собрание верующих и, чтобы уразуметь природу Церкви, необходимо жить в церковной атмосфере, быть членом Церкви. Но Церковь не есть просто собрание людей. Она есть прежде всего то, что их собирает, то есть данная людям свыше форма единения, посредством которой они могут быть причастны Божеству».

Еще один листок (28 сентября) дает объяснение, что означает крест: «Крест дан нам в качестве знамени на челе, как Израилю – обрезание. Ибо через него мы, верные, различаемся от неверных и узнаемся. Он – щит и оружие, и памятник победы над дьяволом. Он – печать, для того чтобы не коснулся нас Истребляющий. Он – лежащих восстание, стоящих – опора, немощных – посох, пасомых – жезл, возвращающихся – руководство, преуспевающих – путь к совершенству, души и тела – спасение, отклонение от всяких зол, всяких благ виновник, греха истребление, росток воскресения, древо вечной жизни».

Итак, самому древу должно поклоняться. Ибо за крестом следует Воскресение».

Вот дословно все то, что сказано о кресте. После прочтения слов: «Итак, самому древу должно поклоняться» – у меня пропало желание пробивать эту темную ночь. Тьма слишком густа, и если Сам Бог не откроет человеку значение голгофского Креста, ничто другое не поможет.

О крестном знамении (листок от 21 октября) повествуется так: «Всегда запечатлевай себя крестом, и зло не прикоснется к духу твоему. Вместо щита ограждай себя честным крестом, запечатлевай им свои члены и сердце. Ибо весьма

крепко это оружие, и никто не может никогда сделать тебе вреда, если ты им защищен».

Идти дальше по страничкам этого календаря — это значит волновать свое сердце сознанием того, что русскому народу, как и в дореволюционное время, вместо хлеба церковь подает камень, который не освобождает человека из плена темных сил и власти греха, а тянет его на дно. Господи, пожалей русский народ и огради его от заблуждений. Дай ему чистое, неповрежденное Евангелие, «потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему» (Рим. 1:16).

СВЯТОЕ ЖЕЛАНИЕ

Прочитал в газете два четверостишия Николая Рыленкова, талантливого поэта, ныне покойного, и сразу вспомнил предвоенный год. В ответ на мои стихи, посланные в областную смоленскую газету «Рабочий путь», литературный консультант Николай Рыленков написал мне письмо, в котором указал на многие недостатки в моих виршах и посоветовал усерднее изучать русский язык и больше читать. С той поры прошло пятьдесят с лишним лет, и вдруг я читаю восемь строк поэта, который преподавал мне первый урок и первый совет:

Я, признаться, жить хотел бы долго,
Каждый день по-новому ценя,
Чтобы непогашенного долга
Не осталось в жизни у меня.

Чтобы ежедневно, ежечасно,
Вспоминая путь свой средь тревог,
Всех, кого обидел я напрасно,
Чем-нибудь порадовать бы смог.

Поэт имел святое желание, но вряд ли ему удалось его исполнить. Самое лучшее — никого не обижать, а стараться радовать людей до наступления старости, даже до смерти.

НЕ ХВАТИЛО ТЕРПЕНИЯ

Эту историю рассказал ныне покойный пресвитер Н. Сельвесюк.

Один из членов его церкви похоронил свою жену и остался с сыном. Но сын оказался не только непослушным и бездельником, но и пьяницей. Слушать Слово Божие он не желал, советы отца не принимал, жил на трудовые копейки отца и к тому же часто поднимал на него руку.

— Выгони его, лентяя, из дому, — говорили отцу некоторые друзья. — Скорее за ум возьмется и работу найдет.

— Не могу я выгнать его на улицу, — отвечал отец. — Какой бы он ни был, но все же он мой сын. Надо терпеть. Господь наш не такое терпел.

Однажды поздно вечером в квартире пресвитера зазвонил телефон. Это был отец беспутного сына:

— Дорогой брат, помогите мне найти квартиру.

— В чем дело? — спросил его пресвитер.

— Не могу больше терпеть. Сын плюнул мне в лицо...

Вспоминая этот рассказ, я думаю о моем Спасителе. Ему не только плевали в лицо слуги первосвященников, но и били плетью до крови, а после римские воины положили на Его плечи крест и повели на Голгофу. Там Он лег добровольно на крест, Его руки и ноги прибили гвоздями, подняли крест и опустили в яму...

Шесть часов висел на кресте наш Господь, оставленный Отцом Небесным. За что? В чем Его вина? Вина была не Его, а моя и ваша, мой друг. Он взял на Себя наши грехи, чтобы спасти нас от вечного наказания, чтобы дать нам жизнь вечную, как дар Небесного Отца.

Ну как после этого не склонить голову в благодарственной молитве.

ВВЕРХ НОГАМИ

Характеристика последних дней перед вторым пришествием Христа дана нам в третьей главе Второго послания апостола Павла к Тимофею. Мы живем в такое время, когда

люди не только самолюбивы, горды, надменны, злоречивы, неблагодарны, нечестивы, непримирительны, недружелюбны, но когда извращены вкусы и понятия даже в искусстве. Вместо отображения реальной жизни творцы культуры уходят в мир диких фантазий. Мораль в упадке, мир развращен, и это развращение мы видим везде: и в литературе, и в несуразностях художников-модернистов.

Французский художник-модернист выставил свою картину на выставке изобразительного искусства в Нью-Йорке. Выставку посетило сто тысяч человек, и никто не заметил, что картина висела «вверх ногами». Только сын художника заметил эту оплошность и поставил картину как следует.

Миллионы людей не замечают того, что вся их жизнь «вверх ногами», потому что живут, не зная живого спасающего Бога и Его любви к человеку-грешнику.

ВСЕ ОПЛАЧЕНО

Сегодня прочитал в одной богословской статье о том, что Библия содержит тридцать одну тысячу Божиих обетований. И сразу возник вопрос: что же мы о них знаем?

Одно чудное Божье обетование, проверенное жизнью миллионов христиан, звучит в моей душе, как небесная мелодия: «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим. 8:32)

Невозможно, чтобы Бог, искупив душу человека от вечного осуждения, оставил его на произвол судьбы. Невозможно допустить, чтобы знаменитый художник, подарив мне дорогую картину, пожалел бы оберточной бумаги, чтобы завернуть ее.

Однажды, еще до революции, одной супружеской чете, проживавшей в России, родственники прислали из Америки билет на переезд к ним пароходом. Денег у них не было, но билет давал им право добраться до Америки, если они будут иметь по двадцать пять долларов в кармане для предъявления таможенному чиновнику. Кое-как собрали они пятьдесят долларов, насушили сухарей, обзавелись

сольдой, цибулькой, селедочкой и отправились в дальнюю дорогу. Плыли на пароходе первую неделю, не выходя на палубу. Питались сухарями и тем, что взяли в дорогу.

На полпути кто-то обратил внимание капитана на этих людей, что они не поднимаются в столовую, а жмутся в уголке, жуя свои жалкие запасы. Капитан объяснил им, что напрасно они томят себя голодом. В стоимость билета включено и трехразовое питание в день.

Не в таком ли положении находятся и многие христиане?

Вспомнился добрый пастырь в притче о пропавшей овце, и я представил себе, как он с радостью несет на своих плечах домой найденную овцу (Лк. 15).

Какое счастье иметь такого Спасителя и Господа, Который говорит: «Не покину тебя, не оставлю». И не только говорит, но и исполняет Свое обетование. Без этого сознания никакой радости спасения быть не может. Суета мира и соблазны греха заглушают ее. Вырваться из этого плена можно только через исповедание грехов и покаяние.

ДАЛЕКО И БЛИЗКО

Мне было лет пять-шесть. Однажды, взобравшись на высокий клен, я впервые засмотрелся на далекий горизонт, где, как мне казалось, земля сходилась с небом. Передо мной рисовался край земли. И это совсем недалеко, там, за холмом, за рощей, где отец косил траву, куда брал меня с собой.

Горизонт поразил меня своей загадочностью, близостью и таинственностью. Решение возникло внезапно. Я слез с дерева и решил пойти «на край земли», рассчитывая к вечеру возвратиться домой. Поглощенный своим стремлением достигнуть этой точки соединения неба и земли, я долго шел по проселочной дороге, петлявшей среди гречишных и картофельных полей. Миновал рощу, пересек луг, прошел через греблю (плотину), где неистово квакали лягушки, а горизонт нисколько не приблизился. Я почувствовал какой-то обман.

Поднявшись на пригорок, я увидел, что край земли стал

дальше, чем казалось раньше. От обиды хотелось плакать. К тому же болели и чесались ноги, изъеденные комарами. В кустарнике красными брызгами виднелась земляника, и я подкрепил свои силы душистыми ягодами. Вскоре послышался скрип повозки.

Присмотревшись, я узнал соседа. Он возвращался с мельницы, напевая грустную песню.

– Куда это ты направляешься? – спросил он.

Мне было стыдно рассказывать о своей глупой затее. Я молчал, вытирая кулаком слезы. Сосед понял, что тут что-то неладное и сказал:

– Садись вот тут, на тепленький мешок. Я тебя до дому подвезу. Пожалуй, ты версты три-четыре отмахал. А куда шел? Молчишь?

Сегодня я вспомнил эту глупую и курьезную затею. Теперь мне хорошо известно, что земля и небо не сходятся вместе, но мы идем навстречу небу, а оно открывается нам по мере нашего приближения к Господу.

Христос соединил небо с землей. И теперь небо от нас может быть далеко или близко, в зависимости от того, насколько близки мы к Господу.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ РАБСТВО

Насколько культ личности делал людей рабами, рассказал мне Борис Бережной.

Ленивый студент никак не хотел идти на экзамен по истории ВКП(б). Друзья уговаривали:

– Ну чего боишься? А вдруг вопросы попадутся легкие. На тройку вытянешь...

Студент пошел на экзамен, вытянул билет с двумя вопросами:

1. Роль В. И. Ленина в истории революционного движения.

2. Что вы знаете о Третьем Интернационале?

Студент повертел в руках карточку – ничего не знает. И вдруг начал:

– Ленин играл великую роль в истории революционного

движения России. Он родился в 1870 году, а умер в 1924-м. Встанем и почтим его память минутным молчанием.

Членам экзаменационной комиссии деваться некуда. Надо вставать. Попробуй не встать. Конечно, все встали.

– Второй вопрос: о Третьем Интернационале, – сказал студент.

Декан говорит председателю экзаменационной комиссии на ухо:

– Скорей ставь ему тройку, а то он сейчас предложит нам спеть «Интернационал», а я слов не знаю.

МУДРЫЙ СУДЬЯ

«Овцы за ним идут, потому что знают голос его», – так сказал Христос о тех, кого Он привел в Свое стадо (Ин. 10:4).

Читая сегодня десятую главу Евангелия от Иоанна, я вспомнил рассказ о мудром судье.

К судье привели человека, обвиняемого в краже овцы. Человек уверял, что овца его и что он не совершил никакой кражи.

Судья велел привести овцу. Он закрыл ее в соседнем помещении и сказал обвиняемому:

– Позови овцу.

Обвиняемый долго и тщетно звал овцу. Тогда судья сказал человеку, подавшему в суд, позвать овцу. И как только он подал свой голос, овца сразу отозвалась блеянием.

И сразу стало ясно, кто хозяин овцы.

Иногда тяжело бывает объяснить человеку ту или иную евангельскую истину. А он, едва научившийся читать по слогам, мнит себя богословом, но никак не может вместить простое слово Христа, понять дух Евангелия.

И тогда становятся еще понятнее слова Христа: «Овцы Мои слушают голос Мой».

Может ли у возрожденного христианина притупиться слух к голосу Духа Святого, к голосу Христа? Конечно, может. Грех – стена, отделяющая человека от Бога, но не Бога от человека, за которого Христос уплатил невообразимо великую цену, пролив кровь Свою. Вот почему Христос

не оставляет Свою потерянную овцу на съедение волкам, а ищет ее, «пока не найдет» (Лк. 15:4).

ГОВОРIT РИММА КАЗАКОВА

Впервые стихи Риммы Казаковой я прочитал в начале 60-х годов в журнале «Огонек», а позднее до меня дошел сборник ее стихотворений. Ее стихи полны глубоких чувств и мыслей, зовут к размышлению о жизни.

Сегодня, просматривая «Комсомольскую правду», я прочитал интервью с поэтессой, в котором она говорит: «Опыт — не товар, который можно купить в магазине. Иногда человек годами что-то в себе накапливает, чтобы научиться поступать справедливо, не огорчать других людей, не обижать кого-то. Заболоцкий писал: «Душа обязана трудиться и день, и ночь, и день, и ночь».

Недавно еду в такси. Рядом, в собственной машине — новенькой, ухоженной — едет женщина. Она молода и красива, но лицо очень злое. Едет и нервно курит. И я подумала: «Эта женщина несчастна, хотя все, видимо, у нее есть. Даже свой автомобиль. Но материальный достаток никогда не делал человека счастливым. Сама я всегда старалась жить по закону минимальных потребностей. У меня даже есть стихи:

Я к малому приучена,
Как зимний воробей.

Когда человеку многое дано, он начинает, что называется, не брать, а хапать. Сытость губит душу. Это уже проверено опытом миллионов людей».

Правильно рассуждала советская поэтесса. Теперь мы ее называем русской. Я понял, что хороший поэт, независимо от религиозных убеждений, будет всегда стараться быть хорошим человеком, и как жаль, что многие хорошие люди живут в стороне от Бога и потому остаются в гибельном состоянии.

РУКА ОТЦА

В Послании апостола Павла к ефесянам мне особенно запали в сердце стихи: «А Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем, Тому слава в Церкви во Христе Иисусе во все роды, от века до века. Аминь» (Еф. 3:20,21).

Словом «аминь» апостол особо подчеркивает щедрость Небесного Отца, дающего своим детям много больше, чем они просят.

Если бы Бог давал нам только то, что мы просим, мы были бы бедными во всех отношениях. К примеру, чистый лесной воздух, которым я дышу сегодня, я не просил у Бога; а я дышу им, не думая, что это дар Божий, как и вода, которую я пью из своего колодца.

Да, Бог, в Которого я верю, щедрый Бог, и рука Его не оскудела, чтобы давать нам Его дары.

Эту мысль ярко выразила Вера Кушнир в стихотворении «Отец и сын». Так как оно мне очень нравится, я приведу его полностью.

Был мальчишка шустер и услужлив на ять,
Сам, бывало, просился отцу помогать.
И отец его помощь не раз принимал,
Но учил его жить, поучал, наставлял.
Раз послал он его в сад крыжовник собирать.
И мальчишка с лукошком готов был бежать.
Но отец с полпути малыша возвратил,
И с приказом таким его в сад отпустил:
«Собирай, только в рот ничего не клади.
Все в лукошко клади, а с едой погоди.
А когда ты крыжовник ко мне принесешь,
То тогда и себе кое-что зачерпнешь».
И мальчишка под вечер пришел ко крыльцу,
Он лукошко с крыжовником подал отцу.
А отец, наклонясь, приласкал малыша,
И сказал с расстановкой ему, не спеша:
«Ну возьми же теперь горсть побольше, сынок,
Ты ее заслужил, потрудясь в солнцепек».

И сынок потянулся ладошкой своей,
А потом передумал: «Дай лучше твоей!»

Надо полагать, что отец, улыбнувшись, отсыпал сыну такую горсть ягод, что тот насытился и еще осталось.

Щедра рука Господа не только к Его детям, рожденным от Него по духу (Ин. 3:5), но и ко всем людям, как сказал Христос в Нагорной проповеди: «Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5:45).

НАЕДИНЕ С БОГОМ

Уезжая во Флориду, я желал только одного: отдохнуть от дел, телефонных звонков, посещений с бесконечными жалобами на неустройство жизни и набраться духовных сил.

В лихорадочном темпе нашей жизни отдых, хотя бы на одну-две недели, крайне необходим. Перемена обстановки действует на душу оздоравливающе.

Прогулки вдоль берега океана, купанье (если позволяет погода) дают возможность подумать и посмотреть на себя, на свою жизнь как бы со стороны, притихнуть перед незримым лицом Творца, перед Его величием, прислушаться к Его тихому голосу.

Вспомнил, как старец Зосима (у Достоевского) посылал Алешу Карамазова молиться на лоне природы: упасть на колени и со слезами целовать землю с молитвой к Богу. Вспомнил и прочитал для себя с детства запомнившиеся слова Лермонтова:

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит,
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Лермонтов выходил на дорогу один, а здесь, во Флориде, и дорог-то безлюдных нет. Штат наполнен отдыхающими и пенсионерами. Но благодарение Богу, что встретиться с Ним мы можем повсюду, закрыв двери сердца от мира.

Ничто не должно мешать таким пенсионерам, как я, встать раненько, до восхода солнца, и прогуляться, разговаривая с Господом обо всем, что Дух Святой будет напоминать.

Мне кажется, что нигде христианин не может получить столько духовной зарядки, как на кладбище и на берегу моря. Кладбище говорит нам о бренности нашей земной жизни и о бесполезности земных треволнений, а море дает нам пищу для размышлений. Тихое или грозное, оно всегда вдохновляет и вызывает много воспоминаний. Кто может безучастно смотреть на волны, когда они бьются берег, настойчиво и упорно, подмывая его каждым ударом?..

В этом для меня есть урок. Вот смотрю на дом, к которому подбираются волны, и думаю: как важно, определить правильное место для постройки дома. Лучшее место — не на песке, а на скале, как мы поем в песне:

Мой Бог — скала, сокрыт в Нем я,
Покров во время бури.
В покой Свой ввел Господь меня,
И не боюсь я бури.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Самоконтроль, самокритика и суд над самим собой — это как раз то, в чем я больше всего нуждаюсь. Самоконтроль в молитве — великое благо. Если после окончания молитвы я не чувствую в душе никакой радости — это красный сигнал. Остановись, дальше дороги нет. Проверь себя. Что-то закрывает от моего духовного взора лик Христа.

Сегодня прочитал у двух евангелистов о преображении Господа: «И когда молился, вид лица Его изменился» (Лк. 9:29). Евангелист Матфей дополняет: «...и (Иисус) преобразился пред ними» (Мф. 17:2). И я обратил внимание, что преобразование произошло во время молитвы, во время общения с Небесным Отцом.

Попутно вспомнил книгу Исход. Когда Моисей сходил с горы Синай, его лицо так сияло, что израильяне боялись подойти к нему.

Не должны ли и мы постоянно стремиться к идеалу пре-

ображения — к преобразению характера, мыслей, желаний и чувств?

Священное Писание говорит, что воля Божья — освящение наше, а это не что иное, как преобразование нашего характера и нашего отношения к ближнему.

Часто слово «освящение» понимается верующими превратно, когда верующие стремятся только к «внешнему омовению чаш», не затрагивая эгоистического, самодовольного характера и напускной самоправедности.

Я понял, что преобразование христианина — это процесс всей его жизни.

БОГ СОВЕРШИТ

Сегодня прочитал свидетельство одного христианина. Он отправился в трехдневное путешествие по морю, но в спешных приготовлениях к отъезду забыл распорядиться насчет одного очень важного дела. Озабоченный этим, он преклонил в каюте колени и просил Господа все устроить.

Он поднялся на палубу, но беспокойство его не покидало. Он снова спустился в каюту для молитвы, но опять в душе не было покоя. И тут его осенила мысль: «Выходит, что ты не веришь своему Небесному Отцу. Ведь если бы ты послал телеграмму своему другу, чтобы он устроил это дело, ты, пожалуй, так не беспокоился бы».

И христианин в третий раз спустился в каюту, упал на колени и начал просить у Бога прощения за свое неверие. Он опять поведал Богу о своей нужде и на этот раз успокоился. Теперь он был уверен, что Господь совершит все так, как должно.

И Бог совершил.

Читал я это свидетельство и узнавал себя. Вспомнил также и вопрос Христа к ученикам: «...где вера ваша?» (Лк. 8:25).

Соломон верно заметил: «Если ты в день бедствия оказался слабым, то бедна сила твоя» (Притч. 24:10).

Господи, помоги мне доверять Тебе и Твоему Слову во всякое время! Умножь мою веру, чтобы и сквозь тучи видеть Твое солнце.

ПРОЩАТЬ, КАК ПРОЩАЕТ БОГ

Мы много говорим и слышим о любви вообще и о любви к Богу. Первую, najważнейшую и наиглавнейшую, заповедь Божью все христиане знают наизусть. Для освежения памяти я приведу ее снова: «Господь Бог наш есть Бог единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею... Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Мк. 12:29-31).

Наша любовь к Богу испытывается прощением наших обидчиков.

Вы говорите: «Он такое мне сделал, что простить его я не могу». Значит, и вы не можете ожидать прощения от Бога.

Послушайте, что говорит Христос: «И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеет на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших» (Мк. 11:25-26). Этим сказано главное.

Добавить к этому нечего. Христос – наивысший авторитет. Значит, прощайте, не ожидая просьбы о прощении. Прощайте, «когда стоите на молитве», и не вспоминайте обиды, когда встанете с молитвы. Простил – значит похоронил, и притом навсегда.

Но вы все еще говорите: «Я, конечно, прощаю его (или ее), но никогда не забуду».

В таком случае, ваша молитва будет звучать так: «Прости мне, Господи, как я простил ему (или ей), но не забудь. И если я опять согрешу, то припомни и мои прежние грехи».

Бог так не прощает. Он изглаживает все наши, искупленные Христом, грехи на веки вечные и не вспоминает о них более.

Вы говорите: «Я простил его, но больше ничего общего с этим человеком я не хочу иметь». Выходит, что вы молитесь так: «Прости мне, Господи, грехи мои, как я прощаю другим, но больше не имей со мной никакого дела».

Вам это не нравится? Мне тоже не нравится. Таким про-

щением своих недругов человек сам себе подписывает приговор. И я боюсь, что большинство христиан еще не сняли свою подпись с этого приговора над самим собой.

КТО ПРАВ?

В немецком христианском журнале был напечатан рассказ о «конгрессе» земляных червей.

В тихом уголке сада собрались земляные черви. Они вели беседу о культивировании земли, так как по этой части имели большой опыт и солидные познания.

Случайно один червяк наткнулся на личинку, крепко прилепившуюся к стебельку какого-то растения. Личинка была очень уставшая, и черви посоветовали ей поесть немного земли, чтобы набраться сил, но личинка не приняла этот совет.

— Ах, какая ты глупая! Ты же умрешь с голоду, — сказали черви в один голос.

— Не думаю, — тихо ответила личинка. — Когда я так устану, что не смогу ползать, я превращусь в бабочку и буду летать в лучах солнца.

— Превращение? Летать? Солнечные лучи? Что это означает? Ты фантазируешь. Ты говоришь, как в бреде, — засуетились черви.

Отчасти они были правы. Личинка заметно слабела и, наконец, по мнению конгресса, умерла.

Прошло некоторое время, и вдруг что-то зашевелилось в скорлупе умершей личинки, и, к удивлению почтенного общества червей, из куколки выползла маленькая бабочка. Она посмотрела вокруг, а потом расправила чудесные, яркие крылышки, вспорхнула и полетела в золотых лучах солнца над слепыми головами земляных червей.

Объяснять мораль этой аллегории не нужно. Благоразумный читатель поймет, о ком идет речь.

БУДЬ САМИМ СОБОЙ

Один из моих братьев по вере рассказывал: «Пришел я в один дом. Хозяйка дома замысловато разделила свою кухню на две части. Она поставила посередине живую перегородку из ветвистого многолистного растения. Я любовался этим декоративным растением, но вдруг заметил, что не все листья смотрят в сторону окна. Некоторые не реагировали на свет вообще, не искали его, как обычно.

Оказывается, продаются отдельные искусственные ветки этого растения, которые можно прикрепить между живыми, чтобы сделать его более пышным.

На первый взгляд, я был обманут, но, приглядевшись, различил подделку».

Вот так отличают истинных христиан от поддельных. Истинный христианин тянется к свету, к Богу. А поддельный доволен своей праведностью, своей поддельной красотой, поддельными внешними красками. Поддельный христианин довольствуется обрядностью, показным благочестием, формой, не заботясь о содержании.

«Господи, — говорю я, — сохрани меня от такой подделки». Лучше быть слабеньким, хилым растением, но живым — быть самим собой.

А ЛЮБОВЬ ВСЕ ЖИВА...

«Ах ты, зимушка-зима, все дорожки замела», — вспоминаю я песенку, когда, бредясь, смотрю на себя в зеркало — уже не на седину, а на белый снег, покрывший мою голову.

— Беленький ты стал, — заметил мне друг, которого я не встречал десять лет.

У бывшего президента США, Рейгана, никогда не было седины. Нэнси, его жена, внимательно следила, чтобы у бывшего актера не засеребрился на висках седой волосок. Она забыла мудрое изречение: «Седину надо заслужить».

В репертуаре Людмилы Зыкиной есть такая песня:

Снег на ромашке, снег на рябине,

Снег на черемухе, снег на калине.

Снег на висках ветеранов войны,
Снег пережитого, снег седины.
Годы уходят, краснеют рябины,
Но никуда не уходят седины.

Трагичная нота, но только не для рожденных свыше христиан. Седина их не беспокоит, не огорчает. Они верят в вечного Бога, Который через апостола Павла сказал: «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2 Кор. 5:1). Бог откроет нам другую жизнь, где не только седины не будет, но не будет «воздыханий и слез», не будет скорбей, не будет болезней, где не нужны будут очки и искусственные зубы. Из сердца буквально рвутся слова:

Виски у многих сединой покрыты —
Приметный след больших и трудных лет.
А на лице все тот же знаменитый
Неугасимый христианский свет.

Все течет, все меняется. Неизменным остается только Бог и Его великая любовь. Это должно радовать каждого христианина. Познание этой любви — цель моей жизни. И хотя любовь Божья превосходит всякое познание, но в стремлении к этому познанию — движущая сила и наш духовный рост.

Полюбилась мне и другая песня.

Ветер листья сбивает, скрыта тьмой синева,
Летний день умирает, а любовь все жива.
А любовь почему-то не стареет ничуть,
А любовь днем и ночью освещает мой путь.
Вот уж солнце скупее, светит солнце едва,
Осень дождиком сеет, а любовь все жива.

Но так говорить и петь можно только о Божьей любви. Она действительно никогда не умирает. А цену человеческой любви мы уже знаем. Сегодня она пылает, а через год-два (а то и меньше) от нее остается только жалкий пепел.

Как мы, верующие, счастливы, имея такого Бога, любовь Которого объемлет нас днем и ночью и «не стареет ничуть».

ВЫХОД ЕСТЬ

Не случилось ли с вами такого, что вы, поверив указательному столбу, потом обнаруживали, что ехали в неправильном направлении. Со мной был однажды такой случай. Мальчишки-озорники повернули указатель с надписью на столбе в другую сторону. Выйти из этого положения помогла карта, которую я имел при себе.

Не бывает ли подобного и в духовной жизни? Особенно, когда мы ориентируемся на людей.

Мы имеем верный указатель — Слово Божье, вечное и неизменное. Мы имеем также и компас — Духа Святого, обещанного Богом каждому, рожденному свыше христианину, который «наставит на всякую истину».

Это значит, что надо только уметь «читать карту». Неправильное чтение карты может завести в такие дебри, из которых выбраться будет нелегко.

Господь сказал: «Исследуйте Писание» (Ин. 5:39). А исследовать Писание — это много больше, нежели только читать его.

Часто верующие жалуются на холодное духовное состояние церквей, на утрату первой любви. Духовное охлаждение христиан — один из признаков последнего времени — перед пришествием Господа.

Когда-то я читал об интересном эпизоде из жизни пилота пассажирского самолета. Зимой он пролетал над Новой Зеландией. Разразилась снежная буря. Крылья самолета обледенели, отяжелевший самолет стал снижаться. Пилот связался по радио с ближайшим аэродромом: «Что мне делать? Продолжать полет или снижаться?» Немедленно последовал ответ: «Не снижаться! Постарайтесь подняться на пятьдесят метров выше!»

Диспетчер был прав. С большим трудом пилот поднял самолет на пятьдесят метров, и сразу открылась другая атмосфера. Ударило солнце, и вскоре исчез ледяной покров с крыльев самолета. Полет окончился благополучно.

Это поучительный пример для нас, христиан. Наши возможности подниматься выше — в атмосферу духовного тепла и света — безграничны. Солнце Божьей любви светит и

греет днем и ночью. А к тому же Господь всегда рядом, чтобы поддержать нас, помочь нам в наших стремлениях быть ближе к Нему.

Сегодня перед вечерней молитвой обратил внимание на чудное Божье обещание, сказанное через пророка Исаию: «Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей» (Ис. 40:11). И еще: «И до старости вашей Я тот же буду, и до седины вашей Я же буду носить вас; Я создал и буду носить, поддерживать и охранять вас» (Ис. 46:4).

Нет никакого оправдания холодному равнодушию христианина. Вечное незакатное Солнце правды готово согреть нас при любой погоде, если мы повернемся к Нему лицом.

БОГ КРЕПКИЙ, ОТЕЦ ВЕЧНОСТИ

Мой сосед, иеговист, очень дружелюбен. Уезжая из дому на неделю-две, мы доверяем ему дом, поливку цветов и огорода. То ли по природе он так внимателен к людям, то ли так воспитали его лидеры культа.

Но он не забывает напоминать мне о том, что вера в Троицу едиnorodную и нераздельную – великое заблуждение. Иегова – один и ни с кем Свою славу не делит. Когда же я ему напомнил Божьи слова, сказанные о Христе через пророка Исаию, мой сосед растерялся и ничего не ответил. Вот эти слова: «Ибо Младенец родился нам – Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира» (Ис. 9:6).

Бернард Клервосский писал: «Стремиться умствованием своим постичь Троицу – дерзость, верить в Троицу – истинное благочестие, а молиться Ей – истинное богопочтение».

НЕКОТОРЫЕ ГОВОРЯТ...

На вопрос книжника: что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? — Христос ответил примером любви к ограбленному и израненному человеку.

Некоторые люди могут сказать: «Это нам не под силу — любить такой любовью, какой самарянин возлюбил ограбленного и израненного иноверца».

Верно. Нам самим это не под силу. Но когда любовь Божья изольется в сердце человека Духом Святым — Его любовь в нас может любить и прощать не только недругов, но даже и врагов. Мы знаем множество таких примеров.

Нельзя в волчьей шкуре и с волчьим оскалом войти в Царствие Божье. Таким людям врата Царства Божьего не откроются.

Некоторые говорят: горбатого могила исправит. А я скажу: могила никого не исправит. Если похоронили «волка», то в свое время и восстанет «волк» на суд Божий.

Без перемены греховной природы в Царство Божье не войдет ни один человек. Так гласит неизменный Божий закон. Бог через пророка Иеремию сказал: «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс — пятна свои? так и вы можете ли делать доброе, привыкнув делать злое?» (Иер.13:23).

ЛЬНЯНОЙ КРАЙ

Лен и картофель. Картофель и лен. Эти две культуры были богатством моего родного края, где я родился и провел свое детство.

Сколько труда вкладывалось в полоску льна, чтобы его посеять и вырастить, а потом вручную довести до тонкого белого полотна, из которого изготавливалась верхняя одежда, нижнее и постельное белье.

Вспоминаются мать и старшая сестра, усердно мнувшие мялкой лен в предбаннике, очищая волокно от костриги. Мялка — примитивное орудие: две дощечки, ребром уста-

новленные на ножках, между ними ходит било, а под ними — гора костриги.

Помню и примитивный ткацкий станок, занимавший четверть избы. Вытканый холст весною расстилали на лугу, чтобы его выбелило солнце.

А теперь? Много воды утекло с той поры. Покупаем в магазинах одежду из синтетических и химических волокон, нисколько не думая о том, сколько труда требовалось в былые времена, чтобы изготовить полотно на одну льняную рубашку!

Приобрел ли от этого что-нибудь полезное человек? Ничего!

Если посмотреть в корень, то станет ясно, что от внедрения научных технологий человечество больше потеряло, нежели приобрело.

В былые времена не было разговоров о безработице. Всем хватало работы, а это так важно для человека, которому сказал Бог через апостола Павла: «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10). А теперь безработица стала бичом многих технически развитых стран. Вместе с безработицей растет и преступность, а это значит, что нужно строить больше тюрем. В былые времена не было загрязнения воздуха и воды, да и всей окружающей среды, и не было болезней, вызванных этим феноменом.

Правда, жизнь в былые времена была тяжелее, но «жизнь тяжелее — сердце мягче». Было меньше самоубийств. А теперь утрачена романтика жизни, и, что страшнее всего, умножается безбожие, а с ним умножаются беды на все человечество.

Мой льняной и картофельный край, тихий, спокойный, красивый, умиротворяющий. Что случилось с тобою? Вчера дальняя родственница сказала мне по телефону: «Дедушка, мы на грани голода...»

О моем родном крае плачут сегодня старые березы, и эти слезы капаят на мое, израненное войной сердце, молящееся Господу о возрождении моей родины, моего льняного края, и доброго, гостеприимного народа.

ЧТО ВРЕДНЕЕ?

Мы сидим за столом, на котором есть все, кроме «птичьего молока», как говорили в моей деревне в доброе нэповское время.

Когда гости насытились и хозяйка, наконец, присела у стола, начался оживленный разговор. На другом конце стола кто-то похвально своему соседу:

— Подошел ко мне этот американец поздороваться, а от него разит табачком, как из курилки. А считает себя баптистом...

Тучный сосед, килограммов на сто, его поддерживает:

— А я запретил моей дочке приглашать в дом ее дружка. Тоже курит, а поет в церковном хоре.

Тучный сосед с двойным подбородком лениво протянул руку к тарелке, на которой лежали куски курятины. Он взял кусок покрупнее, умиленно оглядел его со всех сторон, и через мгновение в его руке осталась только косточка. Он небрежно бросил ее в свою тарелку, на которой уже лежала гора костей, дважды икнул, но тут же глотнул минеральной воды и принялся уплетать пирожное с таким аппетитом, будто он несколько дней не ел.

Мне хотелось сказать:

— Братья мои дорогие, Библия о курении не говорит в прямом смысле ни одного слова, хотя мы знаем, что это пагубная, отвратительная привычка. А вот послушайте, что сказал Христос об объедении: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством» (Лук. 21:34). Обратите внимание: «объедение» стоит впереди «пьянства». Выпил человек стакан пива — согрешил, а вот если он съел лишних полкурицы — это ничего, нормально.

Объедение осуждали также и апостолы, а о курении — ни слова, хотя мы хорошо знаем, что табак — наркотическое средство. Он оскверняет наше тело и вредит здоровью, и потому он так же вреден, как и объедение. Некто сказал, что люди, невоздержанные в пище, ножом и вилкой роют себе могилу.

БЕЗ ВЕРЫ И НАДЕЖДЫ

Вот он передо мною, этот старик, немощный, с трясущейся головой, прикрытой вязаной шапчонкой, из под которой торчат редкие седые волосы. Мы сидели на скамейке в огороде, который он сам возделал и в котором все посадил своими руками. Он с гордостью показывал мне свои грядки... Когда я спросил его, сколько же ему лет, Кирилл Трофимович ответил:

– Сколько лет? А вот угадайте.

– Наверное, восемьдесят стукнуло? – заметил я.

– Да, восемьдесят стукнуло и двенадцать брякнуло. Итого, мне девяносто два года, – ответил старик, и в его голосе прозвучала нотка гордости.

– Бог дал вам долгую жизнь. Можно сказать, сверхурочную.

– Как так, сверхурочную?! – возмутился Кирилл Трофимович.

– Библия говорит: «Дней лет наших семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет», – напомнил я старику.

– А при чем тут Бог? Я живу сам по себе.

– Все же, как вы относитесь к Богу? Верите в Бога?

– Я к Богу не имею никакого отношения, и Он ко мне.

Он не спас от мученической смерти правоверного царя Николая и его семью, отдал их в руки мерзавцев и злодеев, а мне тогда на что рассчитывать?

Я пробовал объяснить ему неисповедимые пути Божьи в жизни человека и всего народа, но старик стоял на своем:

– Куда смотрел Бог, когда Гитлер поголовно истреблял Его же народ – евреев, а Сталин миллионами уничтожал свой народ в лагерях и тюрьмах?

Немного помолчав, старик добавил:

– Так что о Боге мне не говорите. Нету в моем сердце для Него места.

Терпеливо выслушав Кирилла Трофимовича, я спросил:

– Вы боитесь смерти?

– Я боюсь не смерти, а жизни. Богадельни боюсь. Там отношение к старикам зверское. Вот если хватит меня кондрашка, пропал мой огород. Никому он не будет нужен. И

за мною присмотреть некому. Имею сына женатого, но с той поры, как я перестал давать ему деньги, для него отца уже нет. Правда, в прошлом году позвонил: «Как ты, папа, еще живой?» — «Да вот двигаюсь помаленьку...» — «Ну и хорошо. Двигайся дальше. А как домом распорядился?» — «Да никак! Если попаду в больницу, город заберет...» — «Это плохо. У тебя сын есть и внуки». — «А когда же вы меня последний раз проведали?» — спросил я сына. Он промолчал. На этом наш разговор и закончился. Так-то...

Простившись с Кириллом Трофимовичем, я долго думал о том, как может человек, одной ногой уже стоящий в могиле, так равнодушно говорить о смерти и о вечности. А может быть, он только бодрится, а у самого дрожат коленки в ожидании смерти без веры, без надежды, без любви?

При мысли об этом у меня там же родилось несколько строчек:

Облетели листья втихомолку —
Так лысеет престарелый вяз.
И пока оденет он обновку,
Будет спать, бесстыдно оголясь.
Говорят, что нету воскресенья,
Вот умрешь — и кончен шумный бал.
Будто нет ни Бога, ни спасенья,
Никогда Христос не воскресал...
Но я верю в радостную весть:
Иисус воистину воскрес.

ЛОГИКА ПОБЕДИЛА

Известный проповедник-баптист Г. И. Мазаев, простой, необразованный человек, был одарен мудростью от Бога. Однажды ему довелось быть на диспуте с православным миссионером, которому было поручено вести борьбу с сектантством.

Миссионер спросил Мазаева: «Почему баптисты не поклоняются кресту и не носят его на шее, не осеняют себя крестом?»

Слушатели напряженно ждали ответа. А Мазаев, подумав, ответил:

— Мы знаем из Библии, что в раю сатана соблазнил Еву есть плод запрещенного Богом дерева, а потом соблазнился и Адам, нарушив заповедь Божью. Этот первородный грех унаследовали от Адама все люди. Но Слово Божье говорит далее: «Как преступлением одного (Адама) всем человекам осуждение, так правдою одного (Христа) всем человекам оправдание к жизни» (Рим. 5:18). Христос взял грехи наши и вознес телом Своим на древо, т.е. на крест. Ранами Его мы исцелились. Но когда Иисуса Христа сняли со креста, грехи наши остались на древе или с Христом сошли со креста и грехи наши?

Каждый благоразумный человек скажет, что грехи остались на кресте, а Христос безгрешным был похоронен в гробу и безгрешным воскрес.

Где же остались грехи? Если грехи остались на кресте, как же я могу поклоняться кресту, к которому «был пригвожден мой грех»?

Миссионер ничего не ответил и перешел к другому вопросу.

Логика победила.

МЕШАЮТ ЛИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА?

Беседуя с людьми о необходимости примирения с Богом, чтобы пользоваться Его благословениями, я слышал от многих:

— Все это правда, но обстоятельства мешают подумать о душе. Семья, дети, поиски работы и бесконечные проблемы... Тут не до Библии!

Как обманывают себя эти люди!

Сегодня обратил внимание на слова апостола Павла, написанные им из темницы в Риме: «Обстоятельства мои послужили к большому успеху благовествования» (Флп. 1:12).

И я понял, что обстоятельства жизни могут мешать многому, но только не общению с Богом. Многие люди ссыла-

ются на неблагоприятные обстоятельства, чтобы только оправдать свое нежелание принять Божий дар спасения. Человек в таком случае лукавит перед Богом. Трудности содействуют тому, чтобы человек приблизился к Богу.

При всякого рода испытаниях, тяжелых утратах, горе и житейских невзгодах человек скорее открывает сердце Богу, нежели в благоприятных условиях жизни.

Я убедился, что все наши обстоятельства управляются и направляются Богом. Даже все наши встречи с людьми, ошибки, огорчения и утраты, несчастные случаи имеют значение и смысл в Божьем плане.

Вспомнились слова Божьи, сказанные через пророка Исаию: «Мой совет состоится, и все, что Мне угодно, Я сделаю» (Ис. 46:10).

ЗДРАВСТВУЙ, 71-й!

Вчера мне исполнилось семьдесят лет. Юбилейная дата. Она была отмечена молитвой на коленях перед Господом. Он дал мне эти годы. Дальнейшую жизнь считаю сверхурочной, жизнью «при большей крепости», если ее даст Господь.

Были телефонные звонки от детей: «Папа, поздравляю!» Юбилейный торт? Нет. Уговорил жену не делать. А вот 14 августа, в день моего духовного рождения, — это другое дело!

День сегодня был обычный, трудовой. Все же дополнил книгу стихотворением:

Ко дню рождения
Беспокоит слабость в теле,
Провода в ушах звенят.
Боже правый! Неужели
Отшагал я семьдесят?
На пути встречал помехи,
Шел под солнцем и дождем.
Дни рожденья — это вехи
На пути в небесный дом.
Сколько лет Господь назначил?

Мне о том не нужно знать.
И в удачах, неудачах
Он дарует благодать.
Пусть же стучают капли
На моем закате дня,
Это значит — ближе к цели,
К тем друзьям, что ждут меня.

Итак, я разменял восьмой десяток. «Еще немножко нам осталось» — поем мы в одной песне. Но это нисколько меня не удручает. Только бы пройти последние годы, не утратив любви к Спасителю. Впрочем, этого мало. Надо, чтобы свеча любви разгоралась ярче.

КАЛЕНДАРНЫЕ БАРЬЕРЫ

Сегодня с раннего утра земля озолотилась солнцем. Как оно радует людей после долгих дождей! Деревья, одетые в нежную, молодую зелень, в солнечных лучах блестят серебром.

Я приехал домой из церкви, где было пасхальное богослужение. Во мне все еще звучали гимны победы жизни над смертью. Из подъехавшего к дому автомобиля вышел убежденный сединами мужчина. Это был мой земляк, только что вернувшийся из России.

— Христос воскрес! — приветствовал я его, подавая руку.

Вместо «Воистину воскрес!» мой земляк протестующе начал скороговоркой:

— Нет, нет... У нас, у православных, Христос еще не воскрес. Наша Пасха будет через неделю.

— Ну и что же? Разве для вас Христос еще во гробе?

— Дело в том, — ответил земляк, — что у нас не принято до дня Пасхи приветствоваться словами «Христос воскрес».

Господи, как велика сила мертвой традиции и календарных барьеров!

ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ...

Недавно я беседовал с христианином, который верит, что все физические болезни и недомогания – признак нашего маловерия.

– Христос сказал: «...просите, и будет вам» (Ин. 15:7). Так ли это? – спросил мой собеседник.

Я ответил словом Господа, сказанным через апостола Иоанна: «...когда просим чего по воле Его (Божьей), Он слушает нас» (1 Ин. 5:14).

Апостол Павел страдал от физических недугов. Его соратник Епафродит был серьезно болен и при посещении апостола Павла в преторианской тюрьме, апостол его не исцелил. Второму соратнику, Тимофею, апостол пишет: «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тим. 5:23).

– Выходит, все эти великие мужи веры были маловерами? – спросил я.

Мой вопрос его не удивил, и он невозмутимо ответил:

– Да, выходит, что и они были маловерами в то время.

Я, в свою очередь, спросил его:

– Вы хотели бы состариться?

– Конечно, нет.

– Так в чем же дело? Просите Бога, и Он остановит процесс вашего старения.

– Нет, здесь действует закон природы...

– Вот в том-то и дело. Если я глотаю без разбора вредную для меня пищу, вызывающую боли в желудке, а потом прошу Бога от этих болей избавиться, исцелить недуг, то не искушаю ли я Бога?

Нельзя объяснить ту или иную библейскую истину, вырвав ее из контекста, без связи с другими местами Священного Писания, дающими нам полную картину этой истины. Библейские истины надо рассматривать в свете всей Библии.

Муж молился, чтобы его жена родила ребенка без боли. Жена при родах умерла. Муж забыл, что сказал Бог: «В болезни будешь рождать детей» (Быт. 3:16). Боли заложены

в плане Божьем. «В муках Я родил вас», — говорит Бог о Своих духовно возрожденных детях, искупленных жертвой Иисуса Христа.

НА РАССВЕТЕ

В окно молчаливо просачивается молочный свет раннего утра. Вот-вот заалет восток. Рождается новый, неповторимый день.

Я уже на ногах — старики встают с постели рано. Присел на ступеньках крылечка и думаю о великой премудрости Творца, разделившего ленту земного времени на тысячелетия, столетия, годы, месяцы, недели и дни. Постижение мудрости Законодателя бесконечно, так же, как и постижение Его любви к падшему человеку.

Каждый день — это дар Божьей благодати. Особенно для тех, кому, как и мне, стукнуло семьдесят.

Моисей, человек Божий, в своей молитве выразил учрежденный Богом закон: «Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь» (Пс. 89:10). Почему труд и болезнь — лучшая пора? По-разному люди отвечают на этот вопрос, но мне кажется, что в труде и болезни наше сердце охотнее открывается Богу.

Я пишу эти строки в доме брата по вере, Ивана Антоновича Косенко. Ему недавно исполнилось девяносто шесть лет, а он ходит без палочки и в прошлом году сам ремонтировал крышу своего дома. Я назвал его «сверхурочником».

Приветствуя его, я спросил:

— Ну как самочувствие, брат?

— По моим годам, — ответил он. — Пользы от меня уже никому нет, но если я хожу по земле живых, значит, Бог еще не закончил Свою работу надо мной.

— Какую работу?

— А приготовление к вечности — разве это не Божья работа? Ведь сказано: «Туда ничто нечистое не войдет».

И я понял, что он имел в виду.

В РУКАХ ИИСУСА

Ранняя весна. Солнце заливает ласковым светом крыши одноэтажных домиков маленького калифорнийского городка. Здесь нашли приют несколько сот семей – переселенцев из бывшего Советского Союза.

В воскресный день через открытые окна молитвенного дома доносится стройное, вдохновенное пение:

В руках я Иисуса, я у Его груди.

Навек покой Он дал мне

В Своей ко мне любви.

Никто меня не может

От Господа отнять.

С Ним на земле готов я

Трудиться и страдать.

Это пение напомнило мне слова апостола Павла, сказанные им не от себя, а по вдохновению Святого Духа: «...ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:38,39).

Эти слова дали мне тему для проповеди о нашем вечном искуплении кровью Иисуса Христа, о Его спасающей и охраняющей благодати.

Об этом нужно говорить, потому что многие христиане не верят тем словам, которые они только что пели, и не верят тому, что написал для нас апостол Павел. Они говорят: «Быть не может, чтобы сатана не мог вырвать из рук Христа искупленное Им чадо и втолкнуть его в ад на веки вечные». К чему тогда и петь: «Навек покой Он дал мне» или «Никто меня не может от Господа отнять».

Другие говорят: «Отнять-то от Господа спасенное Им чадо никто не может, а вот сам он уйти от Бога навсегда может».

Верно. Может. И Бог удерживать не будет. Сатана не спит. Он может увлечь христианина в сторону от пути Господнего. Но Бог знает, как поставить Своих искупленных детей на колени, если они уклоняются от Его пути. И Он

это делает. Бог знает, как дисциплинировать тех, кто принадлежит Ему, тех, кто был искуплен кровью Его единородного Сына.

Христос сказал: «Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей... и никто не может похитить их из руки Отца Моего. Я и Отец — одно» (Ин. 10:27-30).

Если допустить мысль, что сатана все же может вырвать из рук Христа и из рук Бога Отца спасенную Им душу, то тогда нужно признать, что сатана сильнее Бога. Но это было бы кошунством.

К сожалению, нет гарантии, что сама овца не может отбиться от стада. Опытный пастух-овцевод сказал однажды: «Если овца потерялась, значит, она ненормальная или больная. Не иначе».

Но даже и в таком случае пастух идет на поиски пропавшей овцы.

И как же долго ищет пастух пропавшую овцу? Ищет день-два, а потом, махнув рукой, забывает о ней? Пропала — значит пропала. У него есть еще девяносто девять овец.

О, нет! Библия говорит совсем иначе. Добрый Пастырь ищет пропавшую овцу, «пока не найдет ее. А найдя, возьмет ее на плечи свои с радостью и, придя домой, созовет друзей и соседей и скажет им: порадитесь со мною: я нашел мою пропавшую овцу» (Лк. 15:4-6).

И это сознание, эта вера, что наш Господь — не только наш Спаситель, но Добрый Пастырь наш, вливает в сердце рожденного свыше христианина великую радость и учит его быть очень осторожным, чтобы не уклониться от пути, по которому Господь ведет Свое стадо в Свои вечные обители. Он возвел эти обители Своими страданиями на Голгофе. Надо помнить, что уклонение от пути Господнего приносит великие страдания.

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ДОРОЖЕ?

«Утро красит нежным светом стены древнего Кремля». Так начиналась патриотическая песня Лебедева-Кумача о Москве. Кто поет эту песню сегодня, когда за кремлевскими стенами идут бурные дебаты о том, как вывести страну из ужасного хаоса, как избежать голода и гражданской войны? Стены Кремля стоят крепко, а страна развалилась на куски — без землетрясения.

В мире нет ничего постоянного, кроме Божьих обетованных верующим в Его Слово.

Чем порадует меня это утро? В новостях мира нет ничего утешительного. Мяутся народы, войны вспыхивают то в одном, то в другом месте. А на столе лежит моя любимая книга — Библия. Я открываю ее, и от слов ее сразу повеяло оживотворяющим духом: во Христе «мы имеем искупление кровью Его, прощение грехов, по богатству благодати Его» (Еф. 1:7).

Мягкий теплый свет пролился в мое сердце при чтении этих слов из Божьей книги. Сорок с лишним лет прошло с той поры, как открылись мне эти слова. Я знаю их наизусть, но при каждом повторном чтении рождается в сознании одна и та же мысль: «Что может быть дороже этой гарантии Всемогущего Бога? Бог гарантирует верующим в искупительную жертву Его едиnorodного Сына прощение грехов и усыновление. Мы — Его дети».

— Кто мне радость даст? — я в скорбях зывал.

Радость сердца мне Спаситель дал.

В Нем одном я нашел отрады свет,

Им дышу я, без Него мне счастья нет.

Так поют искупленные дети Божьи. Христос — источник нашего мира в беспокойном мире. В Нем — источник нашей радости, когда вокруг рушатся основания земного благополучия. Он каждый день обновляет нашу веру, надежду и любовь, без которой верующий не может иметь полноты радости.

Христос — Победитель над смертью и силами ада. Своим Духом Он дает нам силу отражать натиск сатаны в повседневной жизни и торжествовать победу.

Солнце красит нежным светом —
Это Ты, Господь, любя...
Вижу я по всем приметам:
Скоро встретим мы Тебя.

КТО ЭТИ ЛЮДИ?

Наконец приобрел десятитомник Сперджена. История назвала его королем проповедников Евангелия. Его книги — великое духовное сокровище.

Ах, как много теряет русское евангельское братство, не имея до сих пор этого десятитомника в переводе на русский язык... Хочется верить, что недалек тот день, когда молодые духовные силы окрепнут, объединятся и найдутся люди, которые сделают перевод проповедей Сперджена и донесут их до искателей правды.

В одной из проповедей Сперджен рассказал об удивительном сне, который принес ему великую радость и стал своего рода откровением.

Он наблюдал за колоннами людей, идущих к воротам Небесного Царства. Они пели торжественные гимны. Сперджен, стоя в стороне, спросил: «Кто вы?» Ему ответили: «Мы пророки».

— К сожалению, я не из них, — вздохнув, сказал Сперджен.

И вот приближается к воротам Царства Небесного вторая группа людей.

— Кто вы? — спросил Сперджен.

— Мы — апостолы, ученики Иисуса Христа.

— Как жаль, что я не апостол и мне с ними не по пути.

За ними следовали люди в белых одеждах. У ворот Царства Небесного их встретили ангелы с возгласами радости.

— Кто эти люди? — спросил Сперджен.

— Это — мученики.

Сперджен подумал и решил, что и с этой группой людей он не имеет права идти к воротам Царства Небесного.

Наконец он увидел огромное множество людей, шествующих с ликованием к воротам Царства Небесного. Он пригляделся и среди них узнал Марию Магдалину, Раав —

бывшую блудницу, Давида, Манассию, Савла Тарсянина; там же шел и благоразумный разбойник с Голгофы. Их приветствовали ангелы семикратным «аллилуйя».

— Кто же эти люди? — удивленно спросил Сперджен.

— Это спасенные Божьей благодатью, — ответили ему ангелы.

Сперджен возрадовался:

— С этими и я могу идти! — сказал он сам себе и присоединился к великому шествию спасенных.

Верю, что в этом множестве душ, спасенных благодатью Господней, есть и мое место. Оно куплено драгоценной кровью Христа, пролитой на Голгофе.

ЧИТАЯ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ...

Многие годы я регулярно выписываю из России несколько газет и журналов. С началом перестройки и гласности периодические издания также начали перестраиваться, да еще как!

«Литературная газета», например, отводит одну страницу для духовных, а точнее, христианских тем. На всех страницах все чаще и чаще упоминается слово «Бог»: «Дай, Боже», «Да поможет Бог», «Не дай Бог» и т.п.

Семьдесят лет имя Божье в газетах не упоминалось, разве что в беспощадных нападках на это имя демонических сил. А теперь оковы запретов разбиты, и имя Божье засияло на печатных страницах.

Не проявление ли это истинной природы нашей души? Очевидно, человек, кто бы он ни был, носит в душе своей идею о Боге. Это печать, которую положил великий Художник на душу человека при его сотворении, который почтил его, как венец творения. И хотя этот венец после грехопадения превратился в терновый, печать эта все еще просвечивает.

Но если имя Божье произносится без должного благоговения и почтения, а только по привычке, это несколько не приближает человека к Богу.

Вспомним заповедь Божью, данную через Моисея: «Не

произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20:7).

В журнале «Современник» (№ 9, 1991, с. 171) священник Дм. Дудко пишет: «Советское безбожие хуже, чем язычество, но и оно не смогло отвратить нас от Христа. Мы, пусть по инстинкту, но тянемся к Господу, и в то время, когда считающие себя просвещенными хотят уравнивать христианство с другими верованиями, мы говорим — нет! Русь должна быть христианской, православной, и другой она быть не может!»

Последние слова повергли меня в уныние: не возвращается ли ветер на круги свои?

В связи с этим высказыванием у меня возникло два вопроса:

1. Отец Дудко пишет: «Мы говорим...» Кто эти «мы»?
2. Почему православие не уберегло Россию от катастрофического крушения в 1917 году? Разве в России мало было церквей и священников?

И, подумав, я пришел к выводу: трагедия России как раз и заключается в этом порочном убеждении, что «Русь должна быть только православной и другой быть не может!»

Русь моя родная! После чтения твоих газет и журналов, христианам есть о чем молиться. Египетская тьма все еще висит над тобою.

ПО ПИСАНИЮ

- Доброе утро, брат. Как самочувствие сегодня?
- Слава Богу. Но вы приветствуете меня не по Писанию.
- А как же «по Писанию»?
- Приветствую вас, брат! — вот это по Писанию.
- Благодарю за поучение, — ответил я. — Представьте, что я сорок четыре года изучаю Священное Писание и об этом не знал. Достоверно известно, что в первохристианских церквях приветствовали друг друга словом «радуйтесь». Они жили под впечатлением воскресения Христа и, встречаясь друг с другом, выражали эту радость в привет-

ствии: «радуйтесь». Выходит, что они приветствовались не по Писанию?

— Выходит, так, — был ответ. — Читайте послания апостолов — как они начинались? «Приветствую вас...» и т. д.

Я не успокаивался. Мне хотелось выяснить этот вопрос до конца:

— А вот братья-пятидесятники приветствуют друг друга словами «слава Богу». Разве это плохо?

— Нет, это неплохо, но не по Писанию.

На этом наш диалог закончился. Все ясно. Есть люди, которые научились приветствовать «по Писанию». Осталось только научиться жить по Писанию.

Но я встретился также и с другим недопониманием.

У меня были репродукции с изображением христианина, молящегося за столом перед хлебом и тарелкой пищи. А на стене такие слова: «Господь — Пастырь мой». На лице молящегося — покой и молитвенное сосредоточие.

Желая порадовать переселенцев из России, я многим подарил такую репродукцию, чтобы они поместили ее в столовой. Но меня при этом смущало, что некоторые верующие, взглянув на картину, принимали ее неохотно, с каким-то смущением. Мне в голову не приходило, что вся причина в том, что христианин молился за столом сидя.

Потом мне довелось бывать в квартирах этих людей, и я обратил внимание, что у некоторых не было этой картины в столовой. Пустые стены. Чем не понравилась картина? Один брат по вере объяснил мне так:

— Этим людям было неудобно не принять от вас подарок, но повесить картину на стену они не могли потому, что считают молитву за столом в сидячем положении кощунством.

— Куда же они подевали эту картину? — спросил я.

— Выбросили, конечно, или сожгли.

ВЗИРАЙ НА НЕГО

Вам приходилось видеть по телевизору, как журналисты теснятся вокруг того или иного правителя, лезут на головы друг другу, суют ему в лицо микрофоны, боясь пропустить

хотя бы слово. А назавтра миллионы людей с нетерпением раскрывают газеты, чтобы узнать, что же лидер поведал миру, или, смотря на экран, внимают каждому слову вождя.

А Бог тихо, без шума напоминает нам о Своей книге, в которой записано все, в чем нуждается душа человека, все, что может вернуть человеку свободу и сделать его счастливым, дать ему хлеб вечной жизни. А люди в большинстве своем не проявляют к Слову Божьему никакого внимания.

О, как терпелив Господь наш с непокорным народом — Он до сей поры не отнял у нас Своего Слова. Наоборот, Он открывает двери, которые были долгое время закрыты. Библии рекой текут на мою родину, на духовно истощенную ниву. Господь говорит людям: «Исследуйте Писания». Но как читают сегодня люди Божественную книгу?

Вспомнились слова пророка Амоса, которым предстоит еще исполниться: «Вот наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слова Господня, и не найдут его» (Ам. 8:11,12).

О чем же говорит Божье Слово? «Он (Агнец Божий) понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (Ис. 53:12). «Христос понес на Себе грех многих». А почему же Он не понес грех всех? «Ибо сие есть кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26:28). За многих... А почему не за всех? Христос заранее знал, что, хотя благая весть дана всему миру, не все откроют Ему свое сердце, не все откликнутся на Его зов.

И еще вспомним пророческое слово ангела Господня: «Ибо Он (Иисус) спасет людей Своих от грехов их» (Мф. 1:21). Почему Христос спасет «людей Своих», а не всех людей? Кто они, эти Свои? Те, которых дал Ему (привлек) Отец. Христос сказал: «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец» (Ин. 6:44).

Когда я озираюсь вокруг, душу наполняет страх. Когда смотрю в себя, вижу свои слабости, свою греховность, но когда вслушаюсь в слова Божьи, все становится на свои места: в сердце водворяются мир и покой. Апостол Павел хорошо это знал и потому советовал взирать «на начальни-

ка и совершителя веры Иисуса» (Евр. 12:2). Он — начало веры нашей, и Он же — ее Совершитель. Без Него мы не имели бы ни веры, ни спасения.

Вспомнил стихотворение первых лет моего следования за Господом:

Все от Него, и все идет к Нему.
Душа поет небесным отголоском.
Придет пора — я ноги обниму
Того, Кто умер на кресте голгофском.

ЗНАЮ, В КОГО УВЕРОВАЛ

Когда мне случается разочаровываться в людях, которые поначалу очаровывали, я говорю себе: не забывай, что ты тоже не ангел и способен разочаровывать других людей. При этом я тут же вспоминаю слова апостола Павла: «...я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день» (2 Тим. 1:12).

«Он» — Иисус Христос. Никто из уверовавших в Него не разочаровался в Нем.

Слава Богу, что и я уверовал не в человека, не в церковную организацию, не в идеологию, а в живого спасающего Бога и в Его едиnorodного Сына Иисуса Христа. А Он — вчера, сегодня и вовеки Тот же. И Он силен сохранить залог мой — спасение моей души — до встречи с Ним в вечности. Начатое Им Он доведет до конца.

Поразительная уверенность звучит в словах апостола Павла: «...я знаю, в Кого уверовал». Трудности и мрачная темница его не пугали. Он торжествовал в вере при всех обстоятельствах. Его окрыляла радость веры в слова Христа: «Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей» (Ин. 10:28).

Из библейского словаря я выписал несколько текстов Священного Писания, которые говорят о том, что должен знать верующий, если он действительно принял от Бога новую духовную природу:

«...знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28);

«...я знаю, Искупитель мой жив» (Иов 19:25);
«...я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой (спасение) на оный день» (2 Тим. 1:12);
«...знаем, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2 Кор. 5:1);
«Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин. 3:2);
«Сие написал я вам, верующим во имя Сына Божия, дабы вы знали, что вы, веруя в Сына Божия, имеее жизнь вечную» (1 Ин. 5:13);
«...зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого агнца» (1 Пет. 1:18,19).

Счастлив тот, в чье сердце вписано это драгоценное знание.

Лучшего утешения в этой суетной и, бывает, несносной земной жизни я не знаю. Мне остается, склонив голову, сказать: благодарю Тебя, Отче, за незаслуженный дар Твой — вечное спасение.

БЕЗ ПЕРЕМЕН

Однажды в Австралии я встретил земляка преклонных лет. Он пригласил меня в дом, похвалился своим садом, а потом за чашкой чая начал свой рассказ.

— И я, брат, тосковал по родине, как и вы. Теперь эта тоска прошла. А бывало, лягу спать — сна нет. Родная хата перед глазами стоит. Там уже дети выросли, внуки... Вот, смотри, все они тут...»

Брат-старец подал мне конверт с фотоснимками. Дети есть дети: все выглядят счастливыми. У взрослых — скорбные лица, не видно улыбок.

— Так вот, тосковал я, тосковал и решил поехать, посмотреть на детей и внуков. Сталин нас разлучил, а теперь многие ездят. Накупил я много подарков, получил визу. В Сингапуре сел на советский самолет Аэрофлота, сдал багаж, а при себе

оставил ручную кладь — две сумки с подарками, которые были подороже. Самолет приземлился, сердце мое — не на месте. Вижу красивые постройки, высокие дома. Глотнул родного воздуха, возрадовался. И так мне захотелось поцеловать родную землю... Сойдя с самолета, положил свои сумки на землю, поднял очи к небу и говорю: «Господи, благодарю Тебя за эту милость: снова вижу землю-матушку родную. Как она изменилась!»

Оглянулся, а моих сумок уже нет. Утащили. Я туда-сюда — нет. Спрашиваю — никто ничего не знает. Заплакал я и сказал: «Да, узнаю тебя, земля-матушка. Все без перемен».

Хорошо, что в багаже было много вещей. Потрусили меня как следует, заплатил пошлину, а тут уже ожидали дети, так что вещи доставили до гостиницы благополучно.

— И с той поры тоска по родине прошла? — спросил я у старика.

— Тоска-то есть, но не такая, как раньше.

МОСТЫ И ЛЮДИ

*Мосты, мосты, как вы нужны нам,
Чтобы вокруг нам не кружить.*

*Как жаль: подвластные режимам,
Не могут люди мирно жить.*

Да, нам нужны особые мосты, ибо нас разделяют не только реки и моря, но и партийность, национальный фашизм, расовые предрассудки и многое другое.

Мосты делают преодолимыми непроходимые реки, овраги, обвалы и провалы. Трудно переоценить значение мостов в жизни человечества. Кто сжигал за собою мосты, тот изолировал себя от всего мира.

В духовном же смысле мосты еще важнее, ибо враждою и ненавистью полна вся земля.

Очень часто люди, причастные к политике, называют себя строителями мостов. Но что-то ненадежны эти мосты! Они часто разрушаются, рвутся добрые взаимоотношения между людьми, растут вражда и ненависть.

Как печально, когда две родственные нации, подстрека-

емые ослепленными национальными лидерами, настолько накаляются в своей ненависти, что готовы идти войной друг на друга. Еще печальнее, что эта межнациональная вражда и неприязнь проникают в среду номинальных верующих.

Очень часто вина того или иного правительства ложится черной тенью на всю нацию. К примеру, совсем недавно я беседовал со знакомым о голоде 1933 года на Украине.

— Вы, русские, сознательно заморили голодом семь миллионов украинцев, — гневно сказал мой собеседник.

Да, я — русский человек. В чем же моя вина или вина моих предков и современников, если моя мать, дядя и два двоюродных брата умерли в том же году от голода, а жили они на юге Брянской области? Должен ли я, русский, отвечать за политику правительства, тем более, если в высшем руководящем органе страны в то время из пятнадцати человек было только четверо русских? Мой собеседник не принимал никаких аргументов, а между тем он — проповедник Евангелия. Вот так нагнетается ненависть одной нации к другой. А Евангелие говорит, что во Христе «нет ни еллина, ни иудея... ни варвара, скифа... но все и во всем — Христос» (Кол. 3:11).

Как много надо света свыше для тех людей, которые ослеплены национальной и расовой неприязнью! Нужны мосты, но где они, кто может их построить?

В этот момент, когда я пишу эти строки, белые и негры в штате Джорджия (США) устраивают манифестацию друг против друга, машут кулаками, бросают камни. Три тысячи пятьсот солдат национальной гвардии прибыли для того, чтобы эта манифестация не превратилась в кровопролитие. Расовые инстинкты народа невозможно укротить дубинкой и оружием.

Величайшим строителем мостов между народами, семьями и отдельными людьми является Иисус Христос. Он — единственный Примиритель человека с Богом. Ради этого примирения Он отдал Себя на крестную смерть. «Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их» (2 Кор. 5:19). Другими словами, возможности для примирения человека с Богом открыты для всего мира.

Условия примирения очень просты — покаяние и принятие Христа в сердце. А когда это совершится, тогда восстанавливается мост не только между Богом и человеком, но и между людьми. Человек становится строителем мостов, а не их разрушителем.

Бог призывает всех христиан быть миротворцами. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9).

Истинные христиане всегда были, есть и будут строителями мостов, миротворцами, ибо мир Божий — их естество, принятое от Христа через рождение свыше.

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ

Когда-то в одной из комнатушек маленького домика, который построила филадельфийская церковь в баптистском центре в Ашфорде, мне довелось провести три дня и три ночи с евангелистом Иоанном Марком. (Это был съезд Евангельского союза.) Иоанн Марк рассказал мне несколько эпизодов, и я поделюсь ими с читателями.

СЛОВО БОЖИЕ ДЕЙСТВЕННО

Вызвал меня следователь на допрос. Привели меня из камеры к нему в кабинет, а он строгий такой, хмурый. Оглядел меня с ног до головы и говорит:

— Садись! Расскажи мне откровенно, почему ты думаешь, что есть Бог?

Я ему говорю:

— Гражданин следователь, я не думаю, а верю и знаю, что есть Бог.

— Ну вот и рассказывай мне, во что ты веришь и что ты знаешь...

Господь сразу вдохновил меня, и я вспомнил апостола Павла перед Агриппой. Я начал ему излагать все аргументы один за другим. Он не перебивает, слушает да стучит карандашом по столу. А я проповедую ему и вижу, как его задум-

чивое лицо начинает светлеть и глаза, кажется, как-то по-добрели.

Наверное, час, не меньше, свидетельствовал я ему о Христе, а потом он, посмотрев на часы, говорит мне:

– Ну ты устал, я отправлю тебя в камеру, а завтра вызову опять.

Вызывает он меня на другой день. Вижу, глаза его смотрят приветливей, налил мне стакан воды и говорит:

– Вот, вчера ты начал мне рассказывать о Божьем плане спасения. Продолжай, я хочу об этом слышать.

И опять говорил я ему о пророчествах, о том, как Бог спасает грешников через жертву Иисуса Христа.

Перед уходом он пожал мне руку и сказал:

– Спасибо, подсудимый Галустьянц. Я бы сегодня выпустил вас на свободу, да не в моей это власти. Но я сделаю все, что возможно, чтобы облегчить вашу участь. А вы молитесь обо мне, ибо я – грешник.

Меня смутило, что он стал обращаться ко мне, подсудимому, на «вы».

Больше он меня не вызывал. Через несколько дней меня осудили, дали три с половиной года трудовых лагерей, а я ожидал не меньше пяти. Вскоре я узнал, что этого следователя уволили с работы.

Я верю, что он обратился к Господу.

ГОД ЗА ГОДОМ, ДЕНЬ ЗА ДНЕМ...

Это было в исправительно-трудовом лагере, на холодном севере, где я отбывал свой срок наказания за проповедь Евангелия.

Я очень страдал, не имея связи с семьей. Работа тяжелая, в бараке ругань, скандалы, матерщина беспросветная. Это угнетало мою душу. О, как мне хотелось иметь кого-нибудь, кроме Господа, с кем бы я мог разделить мою тоску. Народу много, а верующих не встречал.

Однажды зимой привели нас с лесоповала – усталых, измученных, голодных. Похлебали баланду, приготовились ко сну. И вот я, вздохнув, сказал как бы сам себе: «Ну вот,

так и проходит наша жизнь... Год за годом, день за днем...»
И вдруг слышу голос с верхних нар:

«Мы к концу забот идем. Вот последний час пробьет, и Спаситель наш придет...»

И я тихо спросил:

— Брат?

— Ну, конечно, брат!

Радости нашей не было конца. Мы тут же слезно обнялись, поцеловались, помолились.

Это был тихий, уважительный человек. Он тоже страдал от одиночества. С той поры мы были неразлучны, вместе вечерами молились, ободряли друг друга.

Мне припомнился эпизод из Деяний апостолов, где рассказывается, как апостол Павел, будучи узником, на пути в Рим встретил братьев по вере и сразу «ободрился и воззвал к Богу».

Это только два эпизода из множества, о которых рассказал мне Иоанн Марк.

МОЕ ОРУЖИЕ

Когда-то, еще в первые дни моего следования за Господом, я писал в поэме «Небесный зов»:

Довольно бороться!

Для брата я — брат.

К Христу-Полководцу

Вернулся солдат.

Как же так — прекратить борьбу за жизнь, за справедливость, за лучшее будущее?

О, нет! Не это христианин имеет в виду, когда выходит на дорогу следования за Господом. Довольно бороться оружием физического уничтожения.

«К Христу-Полководцу вернулся солдат».

А Христос никогда не пользовался физической силой, силой уничтожения, силой принуждения. Христос — Бог любви. Его сила — любовь.

Хотя апостол Павел сравнивает христианина с воином

(1Тим.1:18), который вышел на поле брани, чтобы одержать победу над сатаной, но он писал также: «...ходя во плоти, не по плоти воинствуем» (2 Кор. 10:3).

С таким оружием христианин выступает против своего врага. И кто его враг?

Враг христианина – сатана, демонические силы лукавого. Оружие христианина – Слово Божье, принятое от Господа. Это то оружие, которым пользовался Христос и побеждал искушения и нападки лукавого. «Написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим», – сказал Он искусителю в пустыне.

И сатана отошел... Он не терпит слова Евангелия. Он боится Слова Божьего.

Слово Божье – могучее оружие в борьбе с сатаной. Слово Божье в сочетании с молитвой и смирением – сильнее атомной и водородной бомб. Враг отступает, правда, не навсегда, а только на время.

Вот почему апостол Павел писал верующим: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских» (Еф. 6:11). И далее: «Примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять» (Еф. 6:11-13).

В чем же состоит это оружие? Апостол далее объясняет: «Станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым можете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6:14-17).

Это оружие – совершенное, непобедимое, неистошимое. И сатана это прекрасно знает.

Врага нападки обнаружены –
Я падал, мучился, стenal.
Но Бог мне дал Свое оружие –
Неистошимый арсенал.

Каждому христианину необходимо оружие не только для обороны, но и для наступления. Христианин не должен все время сидеть в окопах. Мы призваны также и для наступа-

тельной войны. А для наступления требуется во много раз больше сил и вооружения, нежели для обороны.

Солдат, оставивший свое оружие, – уже не солдат, а дезертир. Из опыта прошлой войны я знаю много случаев, когда раненые солдаты истекали кровью, но не бросали свое оружие.

Для христианина утрата духовного оружия равносильна смерти. Утратить веру в Господа и Его Слово – значит идти добровольно в плен к жестокому врагу, отдаться на милость, которой у него нет. Утрата духовного оружия означает полную капитуляцию перед врагом и его союзниками.

Христианин должен не только иметь оружие, но и уметь им пользоваться. Слово Божье – меч обоюдоострый, но этим мечом при неумелом обращении можно обрезать. Вот почему Христос говорил: «Исследуйте Писания» (Ин. 5:39).

Обоюдоострое лезвие меча Господнего обращено одним острием к нашим помыслам, чтобы вскрывать их и обнажать наши желания сердечные, а второе острие меча направлено в сторону нашего врага, чтобы защищать нас от его нападков.

Вооружившись этим, верующий человек, даже самый слабый, может быть вполне уверен, что победа будет на его стороне.

Бог призывает христиан не для игры в солдатики, а для того, чтобы они стали испытанными воинами непобедимой армии детей Божьих.

Слава Богу, что в борьбе с предвечным нашим врагом мы не одиноки. Бог послал на землю Духа Святого, чтобы христианин, исполнившись Им, был неуязвим. Благодатное действие Духа Святого – наша сила.

Как во всякой войне, так и в духовной не избежать ранений. И если это происходит с христианином, он имеет чудесное обетование Господа: «Я... исцелю тебя от ран твоих» (Иер. 30:17).

Вспомнил одно из моих ранних стихотворений. Им и закончу размышление о моем «оружии».

Есть укрытие
Когда жизнь наизнанку –
И не жизнь, а мираж,
Вспоминаю землянку,

Или проще — блиндаж.
Потолок в три наката
Настилали три дня.
Ни снаряд, ни граната
Не пугали меня.
Но война отгремела,
Не стреляют сейчас.
Только враг то и дело
Нападает на нас.
И опять, как когда-то,
Горячо под огнем.
Для Христова солдата
Есть укрытие в Нем.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

— Почему я ношу длинные волосы? Да потому, что мне так нравится. Кроме того, я люблю подражать Христу, а Он носил длинные волосы...

Я пробую объяснить Стиву, длинноволосому американскому парню, что Христос не носил таких длинных волос, как носят женщины. Христос не был назореем. У Него были волосы, как и у других Его современников.

Стив не дает мне закончить. Его глаза поблескивают лукавым огоньком в «зарослях» небритого лица:

— А почему все художники рисуют Христа с длинными волосами?

— Мало ли что рисуют художники, — отвечаю я. — Художники изображают Христа в Гефсиманском саду в атласном, выглаженном хитоне, как можно красивее, а на самом деле в то время Он, «Муж страданий и скорбей», выглядел бесконечно усталым в Своем дорожном одеянии.

Стив не сдается. Он настаивает, что все апостолы носили длинные волосы и что он любит подражать им.

— Апостолы, как все мужчины Палестины, в те времена не носили брюк. Брюки в те времена были частью женской одежды, а не мужской. Почему же ты не отказываешься от брюк, не ходишь в хитоне? — спрашиваю я.

– Я снял бы штаны охотно, если бы не полиция... Тем более, что в Калифорнии тепло.

– Но апостолы не курили, а ты куришь. Это же непристойное, вредное занятие.

– Что Бог насадил – все хорошо, – парирует Стив.

– И марихуана?

– Конечно.

Так дьявол затуманил мозги миллионам молодых людей, сковал грехом их души, изматывает их тела и для этого нашел «оправдание» в Библии. Меня удивило, что Стив неплохо знает Библию.

Стив не интересуется работой. Когда я указал ему на слова апостола: «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10), он ответил, не задумываясь:

– Я у тебя хлеба не прошу. Бог питает нас по вере, как птиц небесных. Пищи у нас хватает, не голодаем. И одежды тоже. А дома нам не нужны. И у Христа не было своего дома. Кто сказал такие слова: «Не собирайте себе сокровищ на земле»? Христос? А мы – Его ученики.

Стив живет в коммунальном доме с группой парней и девушек и доволен жизнью.

* * *

Даниилу восемнадцать лет, но выглядит тридцатилетним. Его тонкие, бескровные руки дрожат, он не находит им места. Лицо бледное, болезненное. Ко мне привел его мой старший сын и на ухо сказал:

– Папа, побеседуй с Даниилом...

Даниил верит, что Библия – книга от Бога, но убежден, что никто не живет на земле так, как учил Христос. В беседе он задает вопрос за вопросом:

– Что делается в Бейруте и в Афганистане? Почему нашей страной управляют богачи? Разве у нас нет умных людей среди бедных? Почему Орал Робертс, евангелист, стал миллионером? Почему Билли Грэм ездит на «кадиллаке», а не на простом «форде»?

Его вопросам нет конца, и я терпеливо молчу, да и ответить-то на некоторые его вопросы трудно, а он, все более воодушевляясь, бросает мне слова, словно забивает гвозди:

— Христиане — такие же лицемеры, как и политики. Когда-то были христиане, да, были, я читал о них, а теперь их нет...

Я долго выслушивал его тирады, а в это время жена ставила на стол обед.

Даниил ел вяло и очень мало. Мы некоторое время молчали, а потом я, открыв Библию, предложил ему самому прочесть несколько стихов из Послания к римлянам: «Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою...» (Рим. 1:18).

Даниил прочитал всю главу и задумался:

— Все это правильно, но вот я — наркоман. Видели, как дрожала в моих руках вилка?

И, понижая голос почти до шепота, добавил:

— Мне уже не встать, а таких, как я, — тысячи, миллионы. Наркотики помогают нам оторваться на время от лицемерного мира. Я обречен. Я погиб и не жалею: ведь все мы в конце концов умрем...

Его голос дрожал, как струна, и он готов был заплакать. Когда же мы закончили обед благодарственной молитвой, Даниил вдруг оживился, подал мне дрожащую руку, слабо пожал мою и с каким-то особенным прояснением на лице решительно сказал:

— Молитесь обо мне. Может быть, еще не все потеряно, и я оживу.

К сожалению, с той поры я Даниила больше не встречал.

* * *

Как печально, что силы зла и тьмы, демонические силы, берут в плен самое лучшее, что есть на земле, — молодежь!

Нет нужды перечислять те пагубные явления, которые мы наблюдаем сегодня среди молодежи всех стран. Но кто в этом виноват? Эти лохматые головы, небритые лица, грязную бранию, снующую по улицам больших городов, породило старшее поколение, живущее в вопиющих противоречиях между практикой и теорией христианства.

Конфликт с молодежью обострился не только в сферах экономической и политической, но прежде всего — в духовной.

Молодежь всегда жила и стремится жить будущим, а старшее поколение сделало это будущее настолько мрачным и безысходным, что молодежь не только не желает принимать это будущее, но энергично протестует против него.

Не омерзительно ли бесконечно говорить о миролюбии, о любви и в то же время изготавливать страшное оружие, торговать им, посылать его в другие страны, чтобы этим оружием люди убивали друг друга?!

Правда, государственные мужи объясняют это «высокими интересами страны», но молодежь имеет право оспаривать эти аргументы. Фальшь и лицемерие фиговым листком не прикроешь.

И мы, христиане, тоже уже привыкли верить в одно, а видеть вокруг себя другое. Церковь, раздираемая собственными противоречиями, обремененная обрядами и традициями, забывает о главном — о проповеди Евангелия, о любви к погибающим людям.

Молодые люди хотят быть идеалистами, но они видят вокруг себя пустоту и потому уходят в другую крайность — в отречение от всего или, что еще хуже, ищут забвения в наркотиках.

Современная молодежь, оказавшись на поводу у сил зла и тьмы, научилась только критиковать и разрушать, но она не может создать ничего ценного, полезного без духовного просвещения светом Евангелия. Когда в США изгнали из школы общую молитву (общую для тех, кто желал молиться), Билли Грэм сказал: «В школах уничтожен последний плацдарм христианства».

Чего же после этого можно ожидать? Студенческая молодежь захвачена идеей революционных преобразований нашего общества. Но что такое общество, если не люди? Значит, революцию нужно начинать с духовных основ человека, а это без Бога невозможно.

Общество не может стать лучше, если люди не станут лучше. Перемена общества невозможна без перемены сердца человека, а сердечные помышления может изменить только Христос, если человек доверит Ему свою жизнь.

Будущее мира — это сегодняшняя бунтарская, беспокой-

ная молодежь. Но может ли старшее поколение научить ее жить правильно без согласия с волей Божией? До тех пор, пока старшее поколение не сделает крутой поворот к Богу, до тех пор, пока власть имущие не признают своего банкротства, молодежь будет оставаться на распутье или уходить в лагерь безбожия.

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Недавно приснился мне сон. Я сижу в тихой студенческой аудитории. Настороженные студенты – в молчаливом ожидании. Вдруг входит преподавательница литературы. Я удивлен. Узнаю мою старую учительницу Веру Александровну Воскресенскую, которая когда-то ставила мне пятерки. Меня охватило радостное настроение. Она вдруг объявляет:

– Сегодня экзамен. Я предлагаю вам написать сочинение на тему «Мой любимый писатель». Вторая тема – свободная, по вашему выбору. Время – один час.

Вера Александровна взглянула на меня и слегка улыбнулась. У меня хорошее рабочее настроение. Я стал думать, какую же тему избрать? Твердо решаю писать о Христе. Но как назвать сочинение, чтобы оно не было сразу же отвергнуто? Чей-то голос подсказал: бери тему «Хорошее настроение».

Я проснулся от телефонного звонка. Подошел к телефону, взял трубку, а там голос... (не признаюсь, чей), и мое хорошее настроение мгновенно испарилось. Но, слава Богу, ненадолго, до утренней молитвы.

И я понял, что хорошее настроение зависит от нас самих. Об этом я и решил написать несколько слов.

Не знаю, что и о чем писал бы я в экзаменационном сочинении, но о хорошем настроении я напишу то, что положит мне на сердце Господь Духом Святым.

Хорошее настроение... Кто не желал бы всегда пребывать в хорошем настроении? И возможно ли это вообще?

Добросовестные доктора, психиатры в один голос утверждают, что наше физическое состояние имеет прямую связь с нашим настроением.

Процесс выздоровления больных зависит во многом от психологического состояния больного, а проще — от его настроения. Пессимист скорее сдастся под натиском того или иного вируса. Это — аксиома. Но не всем известно, где, в чем или в ком источник хорошего настроения, как его поддерживать, чтобы оно не уходило от нас, как ясное солнышко с облачного неба.

В этом отношении мне помог Доктор, имя Которого — Иисус Христос. Мне явился небесный Врач сорок лет тому назад, 14 августа 1948 года, когда я был в самом угнетенном и мрачном настроении. Он влил мне в сердце чудесный эликсир жизни — вечной жизни, и угнетенное настроение сменил на радостное.

Но это вовсе не значит, что мой душевный настрой всегда остается на высоком уровне. Об этом я узнал вскоре после моего обращения к Господу как Спасителю моей души. Но Тот же небесный Врач дал мне рецепт лекарства, которое я могу получить в любой момент, чтобы, пользуясь им, вернуть себе хорошее настроение.

И сегодня я хочу поделиться этим лекарством с вами. Оно пригодится и вам, ибо и вы, я знаю, иногда теряете равновесие, унываете и не находите душе успокоения.

Во-первых, человеку, пребывающему хронически в плохом настроении, нужно посмотреть в корень и узнать причину этой болезни. Причиной может быть разрыв связи с Творцом, Жизнедавцем, а этот разрыв имеет прямую связь с грехом или грехами. Грех — это барьер между Богом и человеком. Он настолько высок и прочен, этот барьер, что разрушить его человек сам, своими силами, не может.

Если вы еще не пришли ко Христу, то восстановление живой связи с Богом возможно только одним путем — через уверование и принятие в сердце Иисуса Христа как личного Спасителя и Искупителя от власти греха и сатаны.

Сделав этот шаг, вы убедитесь, что вам будет легче обрести хорошее настроение, ибо мир с Богом, установленный посредством жертвы Иисуса Христа, открывает человеку двери в счастливую вечность. Что может быть радостнее?

Но земная жизнь христианина — это не прогулка по парку. На каждом шагу христианина подстерегает враг души,

из-под власти которого Христос ее освободил. Искуситель может испортить наше радостное настроение (и он это делает) в любой момент, если мы не бодрствуем в Божьем Слове. Искуситель может толкнуть нас на согрешение словом, мыслями, а бывает, и делом. И тогда – прощай хорошее настроение! Вот по этому признаку и узнаются дети Божьи, люди, спасенные Его благодатью. Согрешив, они не находят себе покоя. И здесь Господь идет им навстречу, дает целебное лекарство.

«Если исповедуем грехи наши, то Он (Господь), будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Ин. 1:9). Такое очищение через исповедание греха перед Господом возвращает чадо Божье к правильным взаимоотношениям с Богом, возвращает радость спасения, а следовательно, и хорошее настроение.

Если же после такого исповедания хорошее настроение не возвращается, значит, надо тщательно проверить себя: действительно ли вы все принесли к ногам Господа? Не остался ли в сердце уголок, занятый тем или иным грехом?

* * *

Ах, как часто верующие люди портят хорошее настроение себе и другим, «размениваясь по мелочам!» Самая незначительная деталь может испортить хорошее настроение тому человеку, который забывает о своем призвании: «называться и быть детьми Божиими» (1 Ин. 3:1-3).

Что помогает мне поддерживать хорошее настроение даже тогда, когда дьявол атакует мою душу? Первое – это сознание, что я не один, что Бог все видит и все знает, что Его помощь рядом, если я открою Ему сердце в молитве, положусь на Него во всем.

Нам часто портят хорошее настроение человеческая несправедливость, обиды и огорчения. И здесь надо сразу же подумать о том, что и я – тоже человек, а не ангел, и потому способен споткнуться и ненамеренно обидеть ближнего, испортить ему настроение.

Второе – сознание, что мы все – временные жители земли, что «и это пройдет...» и, может быть, завтра у моего гро-

ба кто-то откроет Библию и прочтет: «...блаженны ... умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр. 14:13).

Так стоит ли расстраиваться из-за того, что кто-то обозвал меня обидным словом или не ответил на мое приветствие? Ведь с этими людьми мы можем встретиться у ног Спасителя. Ведь и над ними, как и надо мной, Господь еще не закончил Свою работу.

Там, где торжествует любовь Христа, будет и хорошее настроение, которое поможет нам пройти земной путь, уповая на милосердие Божие.

Земная жизнь — сплошное трение,
В любой момент порвется нить...
Но Бог дает мне настроение
Его за все благодарить.

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ?..

Несколько лет я работал на фабрике с одним украинцем-западником, который своим настойчивым поиском правды Божьей был очень близок мне по духу. Во время обеденного перерыва он часто подсаживался к моему столу и начинал разговор, причем всегда одинаково:

— Матушка родная, люблю я свою Украину! Во сне снится. Поехал бы сегодня домой, если бы там не было колхозов.

— Зачем же сразу ехать в колхозы? Можно ведь и в городе жить.

— Город — это совсем не то, о чем я скучаю. Город — он и тут город...

Однажды он неожиданно спросил меня:

— Вот ты многим людям отвечаешь на вопросы. Так вот, скажи мне, где в Библии написано: «Скажи неправду во спасение»?

— Таких слов в Библии нет и быть не может, — ответил я, не задумываясь.

— А почему? Должны быть!

Мой собеседник — христианин, для которого закон Бо-

жий — это «альфа и омега». Он часто обличал христиан в нарушении Божьих законов. И я ему ответил:

— По закону Божьему, всякая ложь — грех. Ни о каких исключениях Библия не говорит.

Мой собеседник замолчал. Он глядел через окно огромной фабричной столовой, туда, где злобный, воющий ветер срывал и крутил желтые дубовые листья. Я тоже смотрел на мутное небо, по которому плыли, обгоняя одна другую, тяжелые рваные тучи.

— Вот ты говоришь — нет таких слов в Библии.

— Нет, — подтвердил я.

— А я вот вспомнил сейчас случай из моей жизни.

Я приготовился его слушать.

— Перед войной я жил с женой и дочуркой на окраине Ровно и сапожничал на дому. А кожу я покупал у одного еврея. И подружился с ним, как с братом. И тут вскоре началась война, пришли немцы. Однажды ночью прибежала к нам жена еврея с девочкой лет пяти. Обе дрожат и плачут. Упала женщина на колени, просит: «Спасите мою девочку. Укройте ее. Немцы всех евреев стоняют в бараки. Увозят куда-то. Видно, на смерть...»

Жена взглянула на меня, и я все понял.

— Оставляйте, — говорю. — Будем считать ее своей. В обиду не дадим.

Мать сказала, как звать девочку, обняла ее, поцеловала и убежала.

Девочка быстро прижилась в семье. Все понимала. Настоящее имя ее Сара, но мы звали ее Галей. Прятали ее как могли от соседей и все думали: что сказать людям, если правда откроется. Полгода прошло благополучно. Ну, думаем, слава Богу! Он — Хранитель. Но однажды ворвались в дом два немца. Мы успели спрятать Галю в кладовке. Немцы бегло оглядели нашу избу, а один строго посмотрел мне в глаза и спрашивает:

— Детей еврейских у вас нет?

— Нет, — говорю, — нет. Это вот вся моя семья, — показал на свою жену и дочурку.

Немцы еще раз осмотрели избу и ушли.

— Слава Тебе, Господи! Пронесло! — сказал я жене.

И мы оба упали на колени и благодарили Бога, что не дрогнул мой голос, когда говорил немцу: «Нет!» И Галя была спасена.

Потом мы переселились в Хелм. И представьте себе, перед концом войны, когда уже пришли русские, мать Гали нашлась...

— Ну, а теперь скажи мне, — продолжал далее мой собеседник, — согрешил я, сказав неправду, или нет? Ведь если бы я сказал правду, Сару увезли бы в Треблинку и сожгли в крематории.

Я молчал. Что я мог ответить?

— Ты не молчи, а скажи: согрешил я, сказав неправду, или нет?

— Я же не Бог, — начал было я.

— Я знаю, что ты такой же человек, как и я, но ты отвечаешь людям на вопросы, так ответь же и мне.

— Свою совесть спроси, — ответил я.

— Вот то-то и оно! А совесть мне сказала: «Нет, ты не согрешил, сказав неправду ради спасения жизни». Значит, в Библии где-то должно быть об этом написано.

— Я думаю так: по букве закона ты согрешил, а по духу закона — нет. На такие вопросы, как твой, Библия прямого ответа не дает.

— Вот то-то и оно! — заключил мой собеседник.

Позднее, размышляя над этим, я вспомнил еще один случай, о котором читал в какой-то газете.

Это было в театре. Перед началом спектакля, когда публичка уже заняла свои места, за кулисами возник пожар. Когда пламя охватило потолок над сценой, директор вышел к зрителям и, сохраняя самообладание, сказал:

— Уважаемые зрители, спектакль отменен. Внезапно заболел исполнитель главной роли.

Зрители спокойно выходили из театра, а за кулисами в это время бушевал пожар.

Если бы директор сказал народу правду, произошла бы паника, а у дверей — давка, и, конечно, могли бы погибнуть люди.

Перед тем, кто ответит мне на вопрос: как ответил бы Сам Господь — согрешил директор, сказав неправду, или

нет, — я низко склоню голову и скажу ему: «Благословен ты, человече, ибо Бог дал тебе знать больше, чем нам, простым смертным».

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Я вспоминаю крохотную уютную комнатку на окраине полуразрушенного Мюнхена, в Рамерсдорфе, квартиру русского сапожника, верующего человека, И. Я. Дюбы. Там Бог явил Свое чудо в моей жизни.

После первого посещения евангельского собрания мы вместе читали третью главу Евангелия от Иоанна, размышляя о ней, а когда склонили колени для молитвы, Бог открыл мне духовные очи и я увидел себя безнадежно погибшим грешником. Так впервые в жизни я воззвал к Богу о спасении во имя жертвы Христа.

И Бог совершил чудо. Он простил меня и принял в число Своих детей.

С той поры прошло ровно сорок лет!

Мог ли я тогда представить, что сорок лет спустя я буду с благодарностью Богу вспоминать этот благословенный час моего духовного рождения?! И притом в Калифорнии, в маленьком городке Аппельгейт, что в переводе на русский язык означает «яблочные ворота». И как раз сегодня церковь Дома Евангелия в Сан-Франциско пригласила меня поделиться словом Божиим и новыми стихами.

Сорок лет — срок немалый. И пора уже подводить итог земной жизни, но разумно ли будет подсчитывать то, что принадлежит Господу? То, что было сделано за эти годы во славу Господа, — сделано Им, Его благодатью. В этом нет никаких моих заслуг. Тем более, что все дела верующих пройдут через испытание, «ибо ... огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня» (1 Кор. 3:11-15).

Да, меня радует, что Господь дал мне идею начать издание христианской газеты «Наши дни». Восемь лет я был ее

редактором, одновременно работая на фабрике, чтобы содержать семью. Позднее Господь дал мне идею начать издание журнала «Вера и жизнь» при содействии миссии «Свет на Востоке». И вот предо мною восемь писем, полученных вчера из родных краев. Семидесятый номер журнала легально получен на родине. И на душе радостно. Но все это и многое другое совершал и совершает Господь, пользуясь Своими детьми. Это они содействовали и содействуют в осуществлении многих планов, чтобы исполнить заповедь Христа: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16:15).

Да, много воды убежало с той поры, с августа 1948 года. Жизнь не стоит на месте. Дорога земная приближается к концу. Вспоминая пройденный путь, могу сказать, что Господь был милостив ко мне. Он не только держал меня за руку, но и многократно прощал, когда я приносил к Его ногам мои согрешения. Ведь каждое согрешение христианина влечет за собой потерю контакта с Богом. Но Его содействующая благодать повергала меня снова и снова к Его ногам, и Он снова влек меня к Себе Своей любовью.

Спасение во Христе Иисусе — Божий дар и Его чудо, но таким же чудом является и то, что год за годом, день за днем Он совершает Им начатое дело спасения в каждом рожденном свыше верующем.

Как же после этого не благодарить Господа за Его верность?!

Итак, сорок лет позади. Сколько же впереди?

Ответ на это знает только Господь. Но сколько бы ни было, у меня одно желание: пройти весь путь до конца с Господом, имея спутниками веру, надежду и любовь.

Иногда меня спрашивают о планах на будущее. Нет их у меня. Я убедился, что наши планы не всегда совпадают с Божьими, потому самое лучшее — идти в те двери, которые открывает Господь, и делать то, к чему открыто сердце.

В заключение из сердца вырвалось несколько поэтических строк:

И хочется сказать: Господь, прости —

Не раз я спотыкался на пути.

Но Ты был Тот, Кто много раз прощал

И сердце кровью Агнца очищал.
Так сорок лет прошли, как сорок дней,
Ты стал мне ближе и еще родней.
И я прошу, как некогда просил:
Пошли мне больше пред закатом сил,
Чтоб каждый день, до смертного конца,
Я жил во свете Твоего Лица.

КТО УСЫПИЛ, ТОТ ПУСТЬ И БУДИТ

По Своей милости Господь не только даровал мне вечное искупление (Евр. 9:12), но дал и поручение — возвещать Его Евангелие другим людям. И вот сорок четыре года (подумать только, почти полстолетия!) в сердце живет это желание: рассказать другим, не знающим пути спасения, о любви Христа. Теперь, когда годы клонят к земле, я живу по древней пословице: зовут — иди, а бьют — беги. И когда та или иная церковь зовет меня поделиться словом Божиим, я с радостью это делаю.

Для проповедника нет ничего прискорбнее видеть перед собой «соглашающихся» слушателей, когда они начинают клевать носом. Это значит, что проповедник должен сказать «аминь» и предложить спеть песню.

Помню, один брат по вере рассказывал:

— Однажды в нашу церковь был приглашен проповедник для пробудительных собраний. К сожалению, его речь была монотонной, голос усыпляющим, могильным. К концу его проповеди кто-то не только уснул, но и громко всхрапнул.

Проповедник прервал свою речь и обратился к дьякону, сидевшему вблизи кафедры: «Пойдите, разбудите человека. Он уже захрапел...»

Дьякон громко ему ответил: «Вы его усыпили, Вы и будите!»

Думаю, что ответ был правильным.

Как приятно слушать тех проповедников, которые не только голосом, но сердцем провозглашают истину и пробуждают наши души от духовной спячки, поднимают их на новые вершины.

И я теперь скорблю, что мой старческий голос скорее усыпляет слушателей, нежели пробуждает. Всему свое время.

КОМУ МЫ ДОВЕРЯЕМ?

Почему мы пользуемся квитанциями и расписками? Потому что мы не доверяем людям. Нас часто обманывают.

Известный писатель приехал в Париж и снял в гостинице две комнаты, заплатив вперед за два месяца. Хозяин гостиницы спросил его:

– Вы желаете получить расписку?

– Нет, я думаю, расписка мне не нужна. Бог же это видел, – ответил писатель.

– Бог? – удивился хозяин гостиницы. – Вы еще верите в Бога?

– Конечно, верю. А вы не верите?

– Бог – это человеческие выдумки, – последовал ответ.

– В таком случае, пожалуй, лучше взять от вас расписку, – ответил писатель.

И он был прав.

ЗНАКОМАЯ СИТУАЦИЯ

Где-то я слышал такой рассказ.

Деловой и шустрый матрос должен был подняться на мачту парохода, но у ее вершины он сорвался и полетел вниз.

– Господи! Помоги мне! – взмолился матрос.

И... о, чудо! Ему удалось ухватиться за снасти. И это его спасло от смерти. Успокоившись, он сказал:

– Ну, Господи, теперь я уже сам как-нибудь справлюсь.

Как это характерно для нас, людей! Как тревога, так и до Бога. А минует тревога – не нужно Бога.

До определенного времени.

ОДНА СТРАНИЧКА ИЗ НОВОЙ ЖИЗНИ

Сегодня, рано утром, когда я прислушивался к глуховатому кугуканью филина, мне почему-то припомнился один немец, которому мне довелось сделать доброе дело.

В 1948 году я жил в Мюнхене, в полуразрушенном четырехэтажном доме, который я называл «огрызком войны». Напротив дома, в заброшенном густом парке, начинали желтеть листья.

На рассвете сентябрьского дня я часто слушал какое-то надоедливое, колдовское «ку-гу». Прошло много лет, а вот сегодня, слушая подобные звуки в моем городке Аппельгейте, память сработала моментально.

Это было месяц спустя после моего обращения к Господу. В ту пору я работал чернорабочим на восстановлении разрушенных войной домов. Вечером я возвращался с работы на велосипеде. На улице темнело. В нескольких кварталах от дома, на обочине дороги, я увидел портфель. Инстинктивно остановил велосипед и, не долго думая, поднял портфель, открыл простенький замочек. В портфеле оказались какие-то бумаги, ордера, шоферские права и солидная пачка новых немецких марок, которые только что вошли в оборот после финансовой реформы.

«Стой, Николай! Ты — христианин... — сказал мне внутренний голос. — Портфель надо сдать в полицию».

Но тут же мелькнула мысль: надо по документам найти хозяина этого портфеля и лично передать ему находку. И когда это его удивит, рассказать ему о Христе, Который меня недавно спас и сделал новым человеком.

Так как наши церковные собрания проводились в помещении немецкой церкви, у меня были евангельские брошюры на немецком языке. Мне захотелось во что бы то ни стало завтра найти этого немца и вручить ему портфель. Это будет сильное свидетельство: какой-то русский беженец возвратил документы и деньги, не взяв ни одной марки. А этот русский — христианин. Значит, Бог есть и Он делает чудеса...

Жена поддержала мой план.

Из документов я увидел, что этот немец — владелец

нескольких грузовиков. На него работают люди по контрактам. Жена сказала:

— Поезжай завтра рано утром. Может быть, через этого человека ты получишь работу (у меня были права шофера). Он оплатит твой потерянный рабочий день.

Немец жил на окраине города, в Рамерсдорфе, далеко от моей квартиры. Я поехал трамваем, километра три отшагал по каким-то улочкам, часто останавливал прохожих, расспрашивал, как найти нужную улицу. И вот я, наконец, у красивого большого дома с верандой и балконом.

На звонок вышла пожилая женщина. Она долго разглядывала меня через решетку, приоткрыв двери. Заметив в моих руках портфель, позвала:

— Курт, иди сюда! Кажется, твой портфель нашелся!..

И вот передо мной стоит типичный баварец, в вытертых кожаных коротких штанах, попыхивает сигарой и улыбается:

— Как я рад, как я рад!

Толстые пальцы нервно крутят сигару, он странно смотрит на меня, за его спиной стоит жена, оба рассеянно слушают мою исповедь на ломаном немецком языке о том, где и как я нашел портфель. Курт снова сунул в рот сигару, открыл портфель и еще раз посмотрел на меня. Увидев пачку денег, по-прежнему перевязанную шнурком, он благодарно кивнул.

— Сколько здесь денег? — спросил он меня.

— Не знаю. Я их не считал. Трамвайный билет я купил за свои деньги. Долго искал вас, — добавил я. — Я — христианин. Недавно Христос простил мои грехи, спас меня. А вас я прошу взять эти брошюры и прочитать их...

— Нет, нет, спасибо. Они мне не нужны.

— Мы — католики, — подала голос жена. — Я хожу на мессу три раза в неделю.

Я видел, что Курт не намерен впустить меня в дом, а мне так хотелось ему сказать, что всем нужен Христос, нужно спасение. Он переступал с ноги на ногу и, чтобы поскорее от меня избавиться, сказал:

— Напиши мне свое имя и адрес.

Я написал свое имя и адрес на брошюре, которая называлась «Я есмь дверь». Он взял ее, взглянул на адрес.

— Да, я вчера был в вашем районе у друга; немного подвыпили, а когда открывал дверь автомобиля, портфель, видимо, выпал на дорогу. Я уже заявил в полицию...

— До свидания, — закончил Курт и удостоил меня чести: подал свою пухлую руку.

— Я к тебе заеду как-нибудь.

Долго я ждал Курта, но так и не дождался.

Когда, вернувшись домой, я рассказал об этом жене, она сказала:

— Хорошо, что ты сказал ему о Христе. Когда-нибудь он вспомнит об этом.

От Курта я ушел без огорчения и обиды и не пожалел о том, что не взял несколько марок на дорожные расходы. Этот человек услышал из моих уст, что Христос жив и сегодня, что Он спасает грешников и дает им вечную жизнь.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

И. Н. Козлов, давний сотрудник миссии «Свет на Востоке», однажды рассказал мне поучительную историю о собаке, которую поместили в комнату с зеркальными стенками. Собака увидела, что оказалась в окружении «нескольких собак», и сразу взъерошилась, стала агрессивной. Оскалив зубы, она начала лаять, рычать и бросаться во все стороны, ибо видела со всех сторон таких же, как она, собак с оскаленными зубами. Собаку охватила паника и страх, она стала вертеться на одном месте, пока не упала замертво.

Собака, конечно, не знала, что она видела в зеркалах себя.

Исход мог быть иным, если бы собака, увидев в зеркале такую же тварь, вместо рычания и лая начала бы дружелюбно и приветливо вилять хвостом — я, мол, не враг, а друг.

Сбывается пословица: «Как аукнется, так и откликнется».

Слушая этот рассказ, я вспомнил беседу с одним верующим человеком, отсидевшим в лагерях срок за нарушение законодательства о религии.

Я спросил его:

— Как поживает брат И. П.?

— Не знаю. Он мне больше не брат. Я с ним не здороваюсь.

— Почему же?

— Потому что он — изменник. Он перешел в зарегистрированную церковь.

— А вы встречаетесь с ним?

— Иногда. Живем ведь в одном городе.

На кого такие люди гnevаются? На себя гnevаются. Они забыли слова Христа: «И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» (Мф. 5:47).

ВОЗЛЕ РУЧЬЯ

Невдалеке от моего дома через лесную чащу протекает горный ручей. Он снабжает водой половину жителей нашего городка Аппельгейт.

Ручей извивается змейкой, а вдоль него протоптана пешеходами стежка. Я люблю этот ручей и почти ежедневно перед заходом солнца совершаю вдоль него прогулку. На это уходит сорок пять минут. Я иду, а спутник-ручей молчаливо бежит рядом, и я слышу освежающий запах тающего в горах снега.

Сколько людей поит этот ручей, а вода не убывает. И это потому, что его питает источник. Он питает ручей.

«Не так ли должна протекать и моя жизнь?» — думал я про себя. Только бы не забывать черпать духовные силы из вечного и неиссякаемого Источника живой воды.

Этот ручеек не раз настраивал меня на поэтический лад. Вот и сегодня я записал в блокнот несколько четверостиший:

Бежит водичка талая,
А в ней сверкает жизнь.
Душа моя усталая,
Куда же ты спешишь?
К реке живой, нетающей,
Где чист ее поток.
Водицы освежающей

Хочу испить глоток.
Господь — река желанная,
К ней путь всегда открыт.
Меня небесной манною
Он кормит и поит.
Когда томлюся жаждою
И слышу боль в груди,
Ловлю я каплю каждую
Живительной воды.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Несколько слов о книге	3
------------------------------	---

Часть I

Так начиналась жизнь	7
Таинственный незнакомец	11
Памятные дни	15
Вхождение в мир	19
Добрая душа	24
Божий экзамен	30
День на передовой	36
Ад на земле	40
Это называлось жизнью	44
В январе 1943 года	52
Пути-дороги	60
Церковь и люди	67
Ищущий находит	73
Новый человек	82
Крещение	86

Часть II

Наедине с собой	98
Большой вопрос	98
Остановись, прохожий!	99
Мир	100
Два цента	101
Черное пятно	101
Из записной книжки	102
Люди... ..	105
Когда мы теряем... ..	106
Как люди губят самих себя... ..	107
Писатель или свидетель	108
Осень	110
Радость творчества	111
Забывчивость	113
Он умел думать	113

Вячеслав Долин	115
Красивое слово	117
Нужна ли Псалтирь мертвым?	118
Константин Паустовский	118
Жизнь — это творить	119
За вишнями	120
Сосна	122
Пионер евангельского движения	123
Пора понять	124
Примерный сын	125
Город, в котором я живу	127
Люди и факты	129
Россия на Филморе	130
Трагедия Глеба Успенского	131
Жизнь — путешествие	131
Больше, чем друг	134
Царь неба	135
Родное не забывается	135
Старые друзья	136
Ко благу	137
Что лучше?	138
Спасибо	139
Память не умирает	140
Дел много, а времени мало	141
Лицо — зеркало души	141
Всю жизнь и два часа	142
Сон и действительность	143
Любовь — это все	144
Закхей	145
Умнее взрослого	146
Пиковое положение	147
Немножко философии	147
Нужна свеча	148
Журавли летят...	149
Я был на родине	150
Дело веры	151
Кто счастлив?	153
О том, что не забывается	155
Лучший друг	156

Оратория Генделя	158
В канун Рождества	159
Свет неугасимый	160
Прочный фундамент	161
Тают снежинки	162
Ворона дает урок	162
Свет не без добрых людей	163
Готовь сани летом	165
Всем не угодишь	166
Деньги и люди	167
Великое приобретение	168
Эмиграция	171
О войнах	171
Так жили	172
Церковное неблагополучие	173
Там, где живет тишина	174
Вор молится... ..	178
Андрю Грик	178
Пятно на лице	180
Время крошит камень	181
Правда спасает	181
Он исцеляет	182
С крыши фабрики	183
Лешка-баптист	184
Мороз и солнце	186
Дождливые дни	188
Обновление – вечный закон	189
Март	190
Преддверие весны	191
Ручей	192
Кого больше?	193
Небесный садовник	194
Руки матери	195
Еще раз о погоде	196
В вестибюле больницы	197
Вода – мой учитель	198
Под проливным дождем	199
Перед сном	200
Друзья и недруги	201

О хлебе	202
Апрель	204
Искренняя молитва	205
Исповедь	205
Пример церковным лидерам	208
Как читаешь?	209
Всему свое время	210
На лоне природы	211
Земля и люди	213
Памятная тетрадь	214
Бывают и такие матери	215
Деревья-великаны	216
Религия на службе у бизнеса	218
Новые горизонты	218
В наши дни	219
Разговор о стихах	220
Папа, где ты?	221
Опасная философия	223
Бедная женщина	223
За городом	224
Береги душу... ..	228
Вечер	229
Соломинка	230
Волшебник	231
Божья лечебница	232
Под южным солнцем	235
Ближе к правде	238
Впереди — вечность	240
Моя березка	241
Живой винтик	242
Выбор	243
Городская осень	244
Бабушкины прогнозы	244
Счастье Иосифа Кацмана	245
Живая река	247
Взгляд в прошлое	248
Пока не поздно... ..	249
Говорит статистика	250
Миссионерское поле	251

В закромах памяти	252
Бывает и так.....	252
Руки мастера	253
Вдохновение	255
В другом освещении	255
Что больше?	256
Быть может, зарей.....	257
Человек – это его душа	258
Два лица	259
Писатели	259
Сложная комбинация	265
Такова жизнь	266
Синие дали	267
Нужна спичка	269
Охраняющая благодать	270
Он победил мир	272
Гнев и милость	273
Желание исполнилось	275
Вспомни и возблагодари	276
Ко благу	277
Он знает путь	278
О дружбе	280
Есть на свете и «безгрешные»	281
На земле нет ничего вечного	281
Кто создал все это?	281
Вопрос к каждому	282
Когда выпадает роса... ..	283
Он жив	284
Прощать нужно вовремя	285
Под маркой благотворительности	286
Похороны церкви	287
На своей грядке	288
Живи и помни	289
Размышления о поэзии	290
День прожит не напрасно	294
Христос сказал... ..	295
В ночном	296
Испытай на себе	297
Талант – на ветер	297

Два пути	299
Ненависть ослепляет	299
Юлия, ты была обманута	300
Экспериментатор	301
Пророчество исполнилось	302
Миритесь быстрее	304
О чем шепчут березы	305
Много исключений	305
Мудрая красавица	306
Наружность обманывает	307
Поставил на ноги... ..	308
Наконец-то понял!	309
Два дома	309
Соловьи	310
На берегу озера	311
«Не читал, но не верю...»	313
Рука Господа	314
Уму непостижимо	315
Лучшее утешение	316
Таков, как есть... ..	316
Прасковья с большой верой	318
Где причина?	320
Посмотри в зеркало	321
Наконец-то заговорили... ..	322
Большей частью на улице... ..	323
О личном	325
Посмотри на небо	327
Звоночек	328
Да будет свет!	330
Святое желание	332
Не хватило терпения	333
Вверх ногами	333
Все оплачено	334
Далеко и близко	335
Идеологическое рабство	336
Мудрый судья	337
Говорит Римма Казакова	338
Рука отца	339
Наедине с Богом	340

Преображение	341
Бог совершит	342
Прощать, как прощает Бог	343
Кто прав?	344
Будь самим собой	345
А любовь все жива... ..	345
Выход есть	347
Бог крепкий, Отец вечности	348
Некоторые говорят... ..	349
Льняной край	349
Что вреднее?	351
Без веры и надежды	352
Логика победила	353
Мешают ли обстоятельства?	354
Здравствуй, 71-й!	355
Календарные барьеры	356
Да будет воля Твоя... ..	357
На рассвете	358
В руках Иисуса	359
Что может быть дороже?	361
Кто эти люди?	362
Читая газеты и журналы... ..	363
По Писанию	364
Взирай на Него	365
Знаю, в Кого уверовал	367
Без перемен	368
Мосты и люди	369
Несколько эпизодов	371
Мое оружие	373
Две встречи	376
Хорошее настроение	380
Ложь во спасение?.. ..	383
Сорок лет спустя	386
Кто уснул, тот пусть и будит	388
Кому мы доверяем?	389
Знакомая ситуация	389
Одна страничка из новой жизни	390
Поучительный эксперимент	392
Возле ручья	393

РАЗГОВОР С ДУШОЙ

Мои годы (а сколько их?)
Летят на крыльях неземных.

Перед концом последних дней
Свожу я счет с душой моей.

Ей говорю: «Мой верный друг,
Всю жизнь работал я за двух.

Ты знаешь это, как и я,
Душа – помощница моя».

И тут же сразу мне в ответ
Душа промолвила: «О, нет!

Ни ты, ни я, никто другой –
Труд совершал Спаситель твой!

Пойми одно: и я, и ты,
И все мы легче пустоты».

Давно пора признать закон:
Мы – инструменты,
Мастер – Он.